

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

1

Я Н В А Р Ъ

О Г И З \* 1 9 3 7  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

## СОДЕРЖАНИЕ № 1

	<i>Стр.</i>
<b>А. Вышинский</b> — Сталинская Конституция и задачи органов Прокуратуры	1
<b>А. Вышинский</b> — О задачах отделов следственной прокуратуры	9
<b>М. Виногооров</b> — Как улучшить качество следствия	13
<b>М. Бронникова</b> — О применении исследования групп и типов крови в делах спорного отцовства	16
<b>А. Рахлин</b> — К вопросу специфика работы военного следователя	22
<b>В. Власов</b> — Государственный обвинитель на судебной трибуне	23
<b>В. Зайцев</b> — О городском и районном прокуроре	26
<b>В. Мыслов</b> — О некоторых вопросах организационной работы	30
<b>В. Покровский</b> — О некоторых нарушениях революционной законности в области налоговой политики	32
<b>В. Меньшагин</b> — Об извращениях при квалификации должностных преступлений	38
<b>Н. Сергеев</b> — Ошибка и проверка свидетельских показаний в делах о должностных преступлениях	42
<b>Б. Борисов</b> — Итоги I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры по гражданским делам	45
<b>Н. Лаговнер</b> — О прокурорских протестах по гражданским делам	46
<b>А. Штейнберг</b> — Об одновременном вынесении пеней и процентов за просрочку платежа	50
<b>С. Воиский</b> — Не пора ли ликвидировать Госарбитраж?	52
<b>М. Дубровский</b> — К вопросу о советской адвокатуре	56
<b>А. Цыпкин</b> — Советская адвокатура	58
<b>Д. Горвиц</b> — Роль взрослых в преступлениях несовершеннолетних	60
<b>И. Ростовский</b> — Больше внимания рассмотрению жалоб трудящихся	62
<b>Обмен опытом</b>	63
<b>Первое заседание Методсовета Прокуратуры Союза</b>	75
<b>На оперативном совещании при прокуроре Союза</b>	82
<b>Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза</b>	84
<b>По союзным республикам</b>	90
<b>Право, процесс, судоустройство в капиталистических странах</b>	95
<b>По криминалистическим журналам</b>	102
<b>Библиография</b>	104
<b>Письма в редакцию</b>	115
<b>По следам писем</b>	117
<b>Официальный отдел</b>	118
<b>Сводка важнейших постановлений</b>	120

# СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

ЯНВАРЬ  
1937 г.

1

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

А. ВЫШИНСКИЙ

## Сталинская Конституция и задачи органов прокуратуры<sup>1</sup>

Сталинская Конституция имеет исключительное всемирноисторическое значение.

Эта Конституция является результатом торжества пролетарской диктатуры, победоносно идущей под руководством партии Ленина—Сталина к коммунизму. Именно поэтому в новой Конституции с такой полнотой и величием отражены принципы подлинного демократизма, подлинной демократии, социалистической демократии, какой мир никогда еще не знал, — демократии, которая невозможна ни в одной капиталистической стране.

Победа пролетарской революции — это победа пролетарской диктатуры, это победа пролетарской демократии. Без победы пролетарской диктатуры не была бы возможна наша новая Конституция, выражающая собой величайшие исторические принципы, величайшие принципы победы идеи подлинного демократизма. Новая Конституция является прямым результатом торжества идеи пролетарской диктатуры, победы которой невозможно было бы получить бесклассовое социалистическое общество, которое теперь нашими усилиями в основном уже построено.

В своих лекциях еще в 1924 г. в Свердловском университете товарищ Сталин о диктатуре пролетариата говорил: «Диктатура пролетариата — это орудие пролетарской революции, ее важнейший опорный пункт, вызванный к жизни для того, чтобы, во-первых, побороть сопротивление свергнутых эксплуататоров и закрепить свои достижения, во-вторых, довести до конца пролетарскую революцию, довести революцию до полной победы социализма»<sup>2</sup>.

В этих знаменательных словах товарища Сталина по своему значению диктатура пролетариата

та для победы социализма, для самой возможности создания такой конституции, какой является наша великая сталинская Конституция.

12 лет назад товарищ Сталин указывал на то, что довести до конца социалистическую революцию можно, только опираясь на пролетарскую диктатуру; сегодня мы особенно чувствуем все величие, силу, мощь, крепость пролетарской диктатуры, результатом чего и является великая сталинская Конституция.

Говоря о новой Конституции, в своем историческом докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов товарищ Сталин подчеркнул, что эта Конституция построена на началах развернутого социалистического демократизма, что эта Конституция представляет собой исторический документ, трактующий о фактах победы социализма в СССР, о фактах победы в СССР развернутой до конца демократии.

Основная особенность новой Конституции заключается в ее высокоом демократическом содержании.

Говоря о государственном устройстве в СССР по новой Конституции, т. Молотов подчеркнул, что «Новая Конституция вносит здесь крупнейшие усовершенствования. Эти новые элементы в государственном устройстве идут по пути всестороннего развития социалистического демократизма и подлинного интернационализма в отношениях между народами Советского Союза. Опираясь полностью на победу социализма, как основу СССР, эти новые формы демократизма и интернационализма означают новую ступень в развитии того и другого».

Таким образом, наша новая Конституция является выражением торжества пролетарской демократии.

Буржуазные кретины не понимают ни содержания пролетарской диктатуры, ни содержания пролетарской демократии. Поэтому в своей критике нашей Конституции, критике, которую блестяще и уничтожающе высмеял товарищ Сталин в своем докладе, они пытаются найти противоречие между пролетарской диктатурой и пролетарской демократией.

В действительности никакого противоречия между пролетарской диктатурой и пролетар-

<sup>1</sup> Обращенная стенограмма доклада т. Вышинского А. Я. на объединенном собрании работников прокуратуры и милиции г. Москвы, проведенном в Московском комитете ВКП(б) по инициативе секретаря МК т. Н. С. Хрущева. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10,

ской демократией не существует, потому что пролетарская диктатура является высшей формой пролетарской демократии.

«Я должен признать, — говорил товарищ Сталин в своем замечательном докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов, — что проект новой Конституции действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, равно как сохраняет без изменения нынешнее руководящее положение Коммунистической партии СССР»<sup>1</sup>.

Этим самым товарищ Сталин окончательно разрушил всякие утверждения, которые исходят из враждебных нам кругов, о том, что будто бы новая Конституция ослабляет режим пролетарской диктатуры, что будто бы между пролетарской демократией и пролетарской диктатурой существует какое-либо противоречие.

126 статья Конституции прямо говорит о ведущей, руководящей роли в СССР, в социалистическом строительстве и в борьбе за социализм в нашей стране — нашей коммунистической партии большевиков, воспитанной Лениным и Сталиным, закаленной в жестоких боях за укрепление и развитие социалистического строя. Ст. 126 говорит о партии, которая не знает на своем историческом пути поражений, партии, которая победоносно идет под великим знаменем Маркса — Ленина — Сталина к окончательной победе коммунизма в нашей стране, давая пролетариям, трудящимся и угнетенным всех стран мира пример и образец великой преданности делу освобождения трудящихся масс, давая пример и образец умения бороться за дело освобождения трудящихся, — партии, всегда великой и всегда мудрой, как мудр и велик наш учитель — товарищ Сталин.

О единстве пролетарской диктатуры и пролетарской демократии, которое с такой полнотой выражается в новой Конституции, неоднократно говорил Ленин, на это неоднократно указывал в своих выступлениях товарищ Сталин.

Говоря об основной идее пролетарской диктатуры, товарищ Сталин указал, что Ленин «подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров)».

Новая сталинская Конституция представляет собой новый шаг вперед по пути осуществления принципа пролетарской, советской, социалистической демократии.

Понять значение этого шага и его неизбежность, его историческую закономерность, историческую обусловленность можно, только поняв подлинную сущность пролетарской диктатуры, именно как особой формы демократизма, как «высшего типа демократии при классовом обществе».

Между диктатурой пролетариата и пролетарской демократией не только нет какого-либо противоречия, но есть полное единство, взаимная обусловленность.

Вот почему на VIII съезде советов товарищ

Сталин подчеркнул, что демократия в СССР есть демократия для трудящихся, то есть демократия для всех. Поэтому сталинская конституция нашей страны — «единственная в мире до конца демократическая конституция. Это потому, что только при диктатуре пролетариата может быть осуществлено действительное участие народа в управлении государством.

Часто говорят о демократии (демократия — слово иностранное, в переводе с греческого на русский язык это означает — власть народа). Это слово нередко употребляют, говоря о различных формах государственной власти с участием представителей «народа».

Однако никогда в действительности в широком обществе, где господствовали эксплуататоры, народ — подлинный народ, рабочие, крестьяне, — участия в государственной власти не принимали.

В государстве древнегреческой демократии, откуда и пошло самое название «демократическое государство», власть была в руках, выражалась греческий историк Солон, граф «благородного» происхождения.

Знаменитый законодатель древней «демократической» Греции не стеснялся открыто говорить о том, что «никогда и ни в каком случае благородные и простые не будут поделаны равными участками земли».

Старик был не так глуп, как может казаться, потому что он знал, что во всех конституциях, трактующих о власти, главным вопросом является вопрос о собственности, частности, как это было в древней Греции, вопрос о частной собственности на землю. Солон прямо говорил, что никогда не будет такого положения, при котором «благородные и «простые» люди будут пользоваться равными участками земли.

Тов. Молотов в своей блестящей речи на VIII съезде советов сказал, что если бы разные демократы хотели, чтобы мы признали наличие в капиталистических странах демократии, они должны сделать то же, что и мы — отнять фабрики и заводы у капиталистов, отнять банки у банкиров, отнять железные дороги у железнодорожных акционерных обществ, отнять землю — у помещиков, монастыри и церкви — у духовенства и сделать все это на основе частной собственности. Тогда мы скажем: в капиталистических странах демократия существует. Потому что на самом деле демократия заключается именно в том, что народ имеет в своих руках землю, фабрики, заводы, средства производства, являющуюся основой организации всего общества. Благодаря тому, что в СССР народ является собственником всех средств производства, смогли организовать такое общество, которое по справедливости называется социалистическим обществом рабочих и крестьян. В капиталистическом обществе демократия существует для эксплуататорского меньшинства.

Буржуазная демократия, как указывал Ленин, это демократия «убогая, фальшивая, демократия в кавычках; демократия урезающая «край для богатых, ловушка для бедных эксплуатированных». Чтобы демократии возвращено ее действительное, подлинное содержание, ее нужно было очистить от искажений и искажений, от всех ее наслоений, которые исторически накопились постоянно извращая сущность демократии народоправства и самую идею демократии».

<sup>1</sup> И. В. Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936, стр. 74.

как идею народной власти. Нужно было отнять для этого власть у меньшинства, нужно было лишить это меньшинство господства, нужно было передать эту власть и ее основание — все средства и орудия производства — в руки рабочего класса. Это сделала наша Великая социалистическая революция 19 лет назад. Поэтому первая наша Конституция 1918 г. — Конституция РСФСР, несмотря на целый ряд ограничений для отдельных частей населения, какие в ней содержались, по справедливости являлась конституцией самой демократической в мире, такой конституцией, про которую по справедливости говорил Ленин, что она в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной конституции. Победоносная социалистическая революция, создавшая на 20-м году своего существования новую сталинскую Конституцию, утверждает еще более глубокий демократизм, социалистический демократизм. Чтобы построить, создать такую Конституцию, нужно было утвердить пролетарскую диктатуру, вырвав хищные клыки у буржуазии, обломив ее хищные зубы; нужно было победить врага, яростно и бесно спротивляющегося делу социализма. Каждый шаг в деле укрепления диктатуры пролетариата означал приближение к полному торжеству пролетарского демократизма.

Задача всемерного укрепления пролетарской диктатуры вызвала после захвата власти необходимость лишить эксплуататорское меньшинство всякой возможности влиять на политику, всякой возможности влиять на государственное управление, всякой возможности участвовать в управлении государством, а следовательно, пользоваться политическими правами. Нельзя было бороться с влиянием старых эксплуататорских классов и их агентуры без того, чтобы не лишить их в определенных исторических условиях политических прав во имя интересов рабочих и крестьян нашей страны, поднявших знамя восстания против помещиков и фабрикантов и победивших их в этом восстании.

Вот почему первая конституция нашей страны, Конституция РСФСР 1918 г., и первая конституция нашего Союза ССР — Конституция 1924 г., были конституциями, лишившими буржуазии права выбирать и быть избранными в советы, являющиеся основным органом пролетарской диктатуры. Эти конституции предоставляли рабочим некоторые преимущества и по сравнению с другими частями трудящегося населения.

Эти конституции тогда не говорили еще о равенстве так, как говорит наша Конституция 1936 г., ибо и в 1918 г. и в 1924 г., когда капиталистические классы не были еще целиком ликвидированы, когда их удельный вес во всем народном хозяйстве был еще относительно значителен, провозглашать и осуществлять политические равенства было невозможно, а значит, невозможно была и такая Конституция, как нынешняя.

Поэтому наши первые конституции лишили буржуазию, так называемых бывших людей, политических прав, оставляя их на положении граждан, если можно так выразиться, второго разряда.

И все же, несмотря на эти ограничения, конституции 1918 и 1924 гг. были самыми демократическими конституциями в мире, так как

породившая их пролетарская революция дала невиданное в мире развитие и расширение настоящей демократии, то есть участия народа, трудящихся, рабочих и крестьян в управлении государством, участия гигантской, подавляющей массы населения в управлении государством, участия, которое до тех пор считалось привилегией людей «благородного» происхождения.

Поэтому пролетарская демократия всегда выше буржуазной демократии, всегда представляет собой значительно более высокую ступень развития демократии. Буржуазная демократия прогрессивна, но лишь по сравнению с средневековьем. Она — отстала, реакционна по сравнению с социалистической демократией.

Всёобщее избирательное право, которое в буржуазных государствах также фальшиво, как фальшива сама буржуазная демократия, все же предоставляет рабочему классу некоторые лучшие возможности в деле организации борьбы за свое освобождение, чем это было тогда и там, где и когда не было буржуазной демократии. Поэтому буржуазная демократия, несмотря на свою фальшь, убожество, урезанность и лицемерие, представляет собой некоторый прогресс по сравнению с средневековьем. Но буржуазная демократия сама по себе является средневековьем по сравнению с нашей демократией, с демократией социалистической, с демократией, развернутой до конца, такой демократией, принципы которой с таким блеском выражены в нашей новой великой сталинской Конституции.

Действительная свобода трудящихся возможна лишь на основе уничтожения свободы эксплуататоров. Только после того, как уничтожены полностью сами эксплуататорские классы, — возможна постановка вопроса о политическом равенстве всех людей в социалистическом обществе. Благодаря торжеству пролетарской диктатуры, беспощадно сломавшей старые производственные отношения, опиравшиеся на частную собственность, и создавшей на месте этих старых производственных отношений новые, социалистические производственные отношения, опирающиеся на общественную, социалистическую собственность, обусловившие изменения и всего культурного, и всего политического облика нашей страны, именно благодаря этой победе пролетарской диктатуры мы пришли к новой Конституции, создаваемой гением великого Сталина.

Социалистический демократизм новой Конституции заключается в подлинном и неограниченном верховенстве народа, в подлинном народоправстве. Это впервые наблюдается в истории человечества. До Октябрьской революции об этом только могли мечтать и об этом, действительно, мечтали немногие лучшие люди человечества.

Таким мечтателем был живший в XVI в. в Англии ученый и государственный деятель, Томас Мор, написавший книгу под названием «Утопия». Характерно само название: «Утопия», — несуществующее место. С тех пор слово «утопия» употребляется, как слово парадоксальное, характеризующее то, что несбыточно, невозможно, что представляет собою фантазию, дерзкий взлет мысли мечтателя.

Томас Мор в своей «Утопии» нарисовал будущий идеальный общественный строй, такой, каким должен быть государственный строй, лишенный частной собственности, неравенства

и всех несправедливостей. Как Томас Мор представлял себе такое общество?

Он писал: «В этом обществе, прежде всего, обеспечится за каждой личностью и обществом полное удовлетворение всех нужд, а затем предоставится гражданам как можно больше свобод, дабы они могли иметь достаточно досуга для развития своих духовных сил, путем изучения науки и искусства». Вот цель этого идеального, замечательного государства. Вот в чем, — писал Мор, — «истинное счастье утопистов».

Мы еще не дошли до такого положения, когда можем сказать, что эта золотая мечта этого удивительного человека, жившего в XVI в., осуществилась полностью. Мы этого еще сказать не можем, но мы можем сказать, что мы уже сейчас построили общество, удовлетворяющее основные потребности его членов, гарантирующее каждому право на труд, на образование, на отдых, на обеспечение в старости и на случай болезни, что мы уже пришли к такому обществу, о котором когда-то лучшие люди человечества думали, как о несбыточной мечте. Мы можем сказать, что, несмотря на то, что мы имеем только первую стадию коммунизма — социалистическое общество, у нас обеспечено уже сейчас каждому человеку удовлетворение основных его нужд, теперь уже каждый из наших граждан имеет возможность развить все свои духовные силы. Именно поэтому мы видим сейчас у нас такой расцвет нашей социалистической науки и нашего социалистического искусства. Все это свидетельствует о том, что то, что 200—300 лет назад лучшим людям человечества казалось мечтой, несбыточной фантазией, нами уже сейчас под руководством нашей великой, нашей коммунистической партии большевиков во главе с нашим великим вождем и учителем товарищем Сталиным реально осуществлено.

Можно вспомнить и о другом замечательном человеке, жившем 100 лет спустя после Томаса Мора, о сыне Испании, народ которой показывает сейчас героические образцы борьбы против озверелого фашизма, — о Фоме Кампанелла, удивительном испанском мыслителе, написавшем замечательную книгу, названную им «Государство Солнца». В этой замечательной книге, характеризующая эксплуататорское общество, Кампанелла писал: «Сильные мира сего строят себе лестницы из человеческих тел и запирают в клетки души, как птиц; они пьют их кровь, питаются их мясом; и вид их страданий, страданий этих людей, души которых заперты в клетки, ласкает их взор, их стон и слезы для них — излюбленное зрелище. Из костей несчастных изготавливаются рукоятки для инструментов, которыми нас же пытаются, и когда все наши члены сведены судорогами, шпионы и лжесвидетели заставляют нас признаваться в таких вещах, о которых мы даже не слыхивали».

Этому обществу эксплуататоров, негодяев, мучителей и угнетателей Фома Кампанелла противопоставляет в своих мечтаниях другое общество, подлинно человеческое общество, озаренное лучами нового социалистического солнца. В этом обществе самые почетные обязанности — это обязанности каменщика, это обязанности пахаря, это обязанности кузнеца, строителя.

Кампанелла пишет: «В надлежащий момент все граждане, оставив в городе необходимую

стражу, в полном вооружении, с трубами, с барабанами и с знаменами отправляются пахать, сеять, жать или собирать плоды и виноград».

Вот о чем мечтали некогда лучшие люди человечества, о чем мечтал этот узник, проведший 26 лет в мрачных каменных гробницах испанской инквизиции. Если бы теперь он мог нас услышать, мы ему сказали бы: товарищ Кампанелла, погляди, как у нас с развернутыми знаменами и с песнями социалистического труда наши трудящиеся все вместе, как ты мечтал, идут пахать, сеять, жать и собирать плоды своего труда, эти плоды — нами созданные, нами сорванные и утоляющие нашу жажду.

И Кампанелла должен был бы ответить: да, товарищи из Советского союза, ваше государство — это действительно подлинное «Государство Солнца», взошедшего над измученной землей капиталистического ада, — государство социалистического солнца, о котором я мечтал. Вы эту мечту превратили в действительность, вы эту мечту превратили в подлинную жизнь. Слава вам, строителям нового государства, строителям социалистического общества — подлинного государства солнца.

Вслед за Мором и Кампанелла мрак вековой ночи, окутывающий капиталистический мир, прорезают мечты десятков и сотен лучших передовых людей человечества как Мелье Морелли, Фурье, Сен-Симон, Вейтлинг, Бабеф, Бланки, поднявшие свой голос в защиту труда, в защиту человека, в защиту человеческого достоинства, в защиту трудящихся, стонущих под ярмом капитализма, призвавшие как это сделал Бабеф и его «равные», как это сделали сто лет спустя парижские коммунары, к вооруженному восстанию против угнетателей, против врагов трудового народа.

Бабеф и его «Заговор равных», Парижская коммуна и 72 дня первой диктатуры пролетариата, явившейся прообразом диктатуры пролетариата в нашей стране, вот негаснущие маяки на великом пути борьбы, которым шли лучшие люди человечества, передовые борцы за дело трудящихся, за дело социализма, за дело коммунизма.

Сейчас мы превратили мечту в действительность.

Сталинская Конституция — это документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали веками и продолжают мечтать теперь миллионы честных людей в капиталистических странах, в СССР уже осуществлено, осуществлен социализм, построено новое социалистическое государство рабочих и крестьян, утвердившее подлинную свободу, подлинное политическое равенство, радостную и счастливую новую жизнь, подлинный социалистический демократизм...

В чем же именно выражается этот подлинно социалистический демократизм сталинской Конституции?

Во-первых, в подлинном равенстве народов. Ни одна конституция мира не знает ничего подобного. Совет Союза и Совет Национальностей являются выражением этого подлинного равенства. В ст. 123 Конституции говорится о равноправии граждан СССР независимо от их национальности и расы во всех областях государственной, культурной и общественно-политической жизни, что является непреложным законом. Ст. 123 — прямой удар по лицу

фашизма с его преступной средневековой, варварской расовой теорией. Наша Конституция не только провозглашает равенство народов, равноправие граждан, независимо от их национальности и расы, но и обеспечивает всем строем существующих в СССР общественных и политических отношений это равенство на деле. Наша Конституция не просто провозглашает это равноправие. Конституция говорит о том, что всякое, какое бы то ни было, прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан, в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, карается законом.

Наша Конституция в статье 123 во весь рост ставит перед работниками прокуратуры задачу громадной важности, ибо органы прокуратуры в первую очередь призваны бороться со всяким нарушением нашей Конституции. Ведь в первую очередь нас, прокуроров, спрашивают: «где вы были, когда совершались нарушения ст. 123 Конституции?».

Ст. 123 предъявляет к нам, работникам прокуратуры, ряд требований, выполнение которых совершенно обязательно.

Если в нашей сталинской Конституции сказано: «караются законом», мы должны реализовать это требование Конституции, мы должны бороться с нарушителями нашей Конституции, должны карать по закону тех, кто осмелится нарушить закон Конституции, выраженный в ст. 123.

«Караются законом» — это очень ответственное указание, ибо карать по закону нужно тех, кто виноват, карать нужно за вину, за преступление, карать виновных, а виновных найти и установить представляется иногда делом довольно трудным.

Для того чтобы Конституция действительно была нерушимой, — а это должно быть так, мы должны решительно бороться с любым посягательством на каждое требование, каждый принцип великой сталинской Конституции.

Другой принцип социалистического демократизма выражен в ст. 135. Ст. 135 также говорит о подлинном, настоящем народоправстве, говоря о всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве. В ст. 135 сказано: «Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав».

Через некоторое время будет издан избирательный закон. В нем будет очень подробно сказано о том, о чем принципиально говорит эта статья нашей Конституции. На основе этого закона нам придется составлять списки избирателей, рассылать повестки, приглашать избирателей к урнам. Придется играть большую роль в этом деле милиции и меньшую, но все же значительную роль и прокуратуре. Здесь возможным многочисленными, хотя очень часто мелкими, незначительными нарушениями избирательных прав граждан, являющиеся результатом бюрократического отношения к избирательному закону, результатом халатности отдельных должностных лиц. Сюда и должно

быть направлено внимание наших органов. Признанных стоять на страже интересов советского государства, нашей Конституции и отдельных граждан, на страже интересов правильной организации избирательной кампании, в борьбе с нарушениями избирательной системы, лишающими граждан фактической возможности воспользоваться провозглашенным нашей Конституцией избирательным правом.

Принцип полного равноправия и социалистического демократизма выражен ст. 136, говорящей о том, что: «выборы депутатов являются равными», что «каждый гражданин имеет один голос» и что «все граждане участвуют в выборах на равных основаниях».

В капиталистических странах нет ни всеобщего, ни равного, в полном и подлинном смысле этого слова, ни тайного избирательного права. В Соединенных штатах Америки конституцией провозглашено всеобщее избирательное право, но одновременно установлено для пользования этим правом ряд условий; например, знание английской грамоты. Кто ее не знает, тот не может участвовать в выборах. На деле это приводит к тому, что из двух с лишним миллионов негритянского населения в выборах участвует только 19 тыс. чел., так что на деле эта «всеобщность» избирательного права превратилась в прямое издевательство над правом. Кроме того создан ряд «технических» условий для участия в выборах. Каждый гражданин может выбирать, но для этого он должен внести залог в размере 2 долларов. И рабочий думает: «два доллара бросить для того, чтобы проголосовать за Рузвельта или кого другого, — это себе дороже стоит... Рузвельт, пожалуй, обойдется и без моего голоса».

Таким образом, в капиталистических странах принцип — одно, а техническое, так сказать, оформление этого принципа, реализация этого принципа — другое, съедающее принцип без остатка. Именно благодаря такому положению вещей, в одной африканской колонии, принадлежащей Англии, 5½ млн. негров никаким избирательным правом не пользуются. Домашние работницы не пользуются избирательным правом, косячники не пользуются избирательным правом, люди, живущие в меблированных комнатах, этим правом также не пользуются и т. д. и т. п.

В Швейцарии не имеют избирательного права женщины. Во Франции женщины тоже не имеют избирательного права, не имеют этого права солдаты, не имеют его моряки, не имеют избирательного права те, кто прожил в данной местности меньше шести месяцев перед выборами. Не имеют избирательного права и безработные.

Что же это за «всеобщее» избирательное право? Это избирательное право является «всеобщим» только по наименованию, а в действительности ничего всеобщего в этом избирательном праве нет.

Говорить об избирательном праве в странах, где царствует фашистский и полуфашистский режим, нечего. В этих странах «слава богу нет парламентов». Здесь нет ни избирательного, никакого-либо другого права.

В этих странах фашистское зверье дубьем и ружьем выбивает из сознания граждан последние остатки правовых представлений и правовых идей, как и всяких вообще идей. Но и

в так называемых демократических странах, как мы видели выше, об избирательном праве в законе провозглашается одно, а на деле имеет место совершенно другое.

Наша Конституция записывает то, что действительно осуществлено и что действительно на деле обеспечивается всей системой наших общественных и государственных отношений.

Товарищ Сталин сказал: «Конституционная Комиссия исходила из того, что Конституция не должна быть смешиваема с программой. Это значит, что между программой и Конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего еще нет и что должно быть еще добыто и завоевано в будущем, Конституция, наоборот, должна говорить о том, что уже есть, что уже добыто и завоевано теперь, в настоящем. Программа касается главным образом будущего, Конституция — настоящего».

Наша Конституция записала то, что имеет место в действительности, что существует. Но, если в Конституции записано то, что существует, то, с другой стороны, Конституция требует, чтобы то, что в ней записано, действительно существовало. т. е., чтобы никто не смел поколебать ни одно из ее положений, ее принципов, ее требований...

Наша Конституция говорит о праве на труд, о праве на образование, о праве на отдых и т. д. Она говорит не о голом праве, о праве вообще, не о таком «праве на труд», какое провозглашается в капиталистических странах, «хочешь — умирай с голода, хочешь работай, не хочешь — не работай; это — твое право...» Не о таком праве на отдых, когда приходится, как это мы видим в капиталистических странах, отдыхать все 24 часа в сутки и все дни в году. Не о голом праве на образование, как это устанавливается буржуазными конституциями; пожалуйста, поступайте в университеты, вам это не возбраняется, но... Тысячи «но», самых разнообразных «но» поднимаются против этого вашего «права» и от этого «права» ничего не остается, раз только дело идет о трудящемся человеке. Формально ты имеешь все права, а по существу не имеешь никаких прав, ты — бесправен. Вот как обстоит дело с правами в буржуазных конституциях этих «правовых» государств. И неудивительно. Эти конституции соответствуют тем отношениям, которые существуют в капиталистическом обществе, покоящемся на принципе «всяк за себя», на принципе частного собственника. В нашей стране совершенно наоборот. У нас нет частной собственности на средства производства и нет тех отношений, которые вытекают из этих принципов буржуазного государства. У нас господствуют социалистические отношения, которые позволяют миллионам трудящихся приобщиться к настоящей культуре, дают им широкое образование, дают им возможность действительно отдыхать, действительно трудиться, дают подлинное право на труд, гарантированный всем существом, всеми средствами всего нашего советского государства. Поэтому то право, которое мы провозглашаем, это право реальное, право подлинное, право не такое, которым ты можешь пользоваться лишь юридически, а такое право, которым ты можешь пользоваться фактически.

Вот почему так велика и наша ответственность в этом деле; охранять фактическое поль-

зование правами гражданина, конечно, труднее, сложнее и ответственнее, чем охранять его только формальные права...

На нас возлагается очень большая и серьезная задача стоять на страже внедрения в сознание людей всего величия, неизбежности и неприкосновенности прав, установленных нашей Конституцией. На нас возлагается необходимость энергично бороться и всеми законными средствами защищать неприкосновенность и неизбежность нашей новой сталинской Конституции.

Сталинская Конституция поднимает и роль закона, а значит и роль органов законности, какими является наша милиция, наша прокуратура, наш суд, на громадную высоту. Когда в редакционной комиссии обсуждали в последний час окончательную редакцию новой Конституции и дошли до ст. 125, которая говорит, что гарантируется свобода слова, свобода печати и т. д., то товарищ Сталин предложил вставить в эту статью одно слово: законом гарантируется свобода слова, свобода печати и т. д. Этим было подчеркнуто, что закону в наших условиях отводится большая роль и значит на органы охраны закона возлагается особая в наших условиях ответственность.

Первая обязанность наших работников — знать новую Конституцию. Особое значение для нас имеет ст. 130 Конституции: «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития». Эта статья должна быть написана над входными дверями всех учреждений юстиции и милиции.

Исполнять законы, блюсти дисциплину — это не так просто. В Перовском отделении милиции не особенно хорошо усвоили смысл ст. 130. Паспортист Рыжов полагал, что блюсти дисциплину — это значит брать за шиворот граждан и выставлять их за ворота. Исполнять закон — это дело не легкое. Мы должны не только сами исполнять закон, но и воспитывать в гражданах уважение к советскому закону, учить неуклонно исполнять советский закон.

Исполнять закон — это значит знать закон, понимать закон и уважать закон.

Конституция возлагает на нас, работников юстиции, ряд серьезнейших, в высшей степени ответственнейших обязанностей.

Особенно надо подчеркнуть задачи, вытекающие из ст. 131, указывающей на необходимость «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

Мы, в основном, научились укреплять и беречь общественную собственность, борясь с захватчиками ее как с врагами народа. Но надо сказать, что в нашей практике бывают случаи, когда мы вместо того, чтобы бить со всей беспощадностью по врагу, бьем мимо.

На нас лежит охрана интересов государства, укрепление общественной, социалистической собственности; потому что, как замеча-

тельно сказано в Конституции, общественная, социалистическая собственность является основой всего советского строя, источником богатства и могущества нашей родины, источником зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Без победы общественной, социалистической собственности мы не могли бы иметь такого могучего государства как наше; в этой победе — источник и залог зажиточной и культурной жизни всех трудящихся, залог неуклонного роста всенародного благосостояния.

Только на основе побед социализма мы могли добиться таких успехов в области подъема материального благополучия народных масс, культурного строительства нашей страны, превратившейся в передовую страну среди всех стран мира.

Все это возлагает на работников юстиции и милиции огромные обязанности борьбы с теми, кто стремится подорвать, нарушить наш советский правопорядок. Правда, надо сказать, что за последние годы в области борьбы с преступностью сделано не мало, мы добились в этой области больших успехов. На Чрезвычайном VIII съезде советов я привел ряд цифр, которые говорят о том, что в капиталистических странах преступность катастрофически растет. В таких странах, как Италия, Польша, Германия, Латвия, Америка и др., мы имеем большой рост имущественных и иных преступлений. Губернатор Нью-Йорка в 1935 г. заявил следующее: «Совершенно несомненно, что за последнее время произошло значительное увеличение организованных преступлений, преступники относятся к закону с пренебрежением, их наглость и цинизм представляют вызов к основам нашего демократического строя». Этот губернатор прав во всем, кроме одного: он не понимает, что это не случайное явление, а прямой результат господствующей в Америке, в частности в Нью-Йорке, частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком, порождающей безработицу, нищету и преступность.

По данным нашей статистики число осужденных в РСФСР в 1936 г. по сравнению с 1933 г. снизилось больше чем вдвое. Если мы примем число осужденных по закону 7 августа 1932 г. в первой половине 1935 г. за 100, то в первой половине 1936 г. число осужденных окажется уменьшившимся в РСФСР в три раза, в УССР — в 4 раза. То же и во всех остальных союзных республиках. Значительно снизилось также и подавляющее большинство иных преступлений.

Это означает, что, благодаря объединенным усилиям органов юстиции и милиции, мы со своей задачей борьбы с преступностью справляемся неплохо. Но этот успех стал возможным только на основе успехов строительства социализма в нашей стране, которые помогли укрепить социалистическую собственность, которые помогли стереть с лица земли всякого рода трюкские, бандитские, заговорщицкие группы, пытающиеся расшатать наш советский, социалистический строй.

В деле дальнейшей борьбы с преступностью новая Конституция открывает неисчислимые возможности, особенно благодаря тому, что она содействует росту гражданского самосознания, росту пролетарской социалистической дисциплины, чувству ответственности, укреплению чувства государственного долга, государ-

ственной ответственности. Она укрепляет и развивает чувство советского, социалистического патриотизма.

В борьбе с преступностью, которую мы ведем, нам помогают миллионные трудящиеся массы ловить преступников как внутри страны, так и на наших рубежах, ловить диверсантов, шпионов, пытающихся пробраться вглубь страны, чтобы творить свое подлое контрреволюционное дело. Новая Конституция еще больше поднимает чувство государственной ответственности работников юстиции, суда и прокуратуры, работников милиции, которым представляются громадные творческие возможности для того, чтобы поднять свою профессиональную работу по охране закона и советского строя на новую высоту.

В частности, особые задачи в деле охраны правил социалистического общежития стоят перед нашей милицией. Обида, оскорбленное чувство человеческого достоинства, поругание человека — ведь это явления, с которыми нашей милиции приходится сталкиваться в первую очередь потому что милиция — это орган, стоящий ближе всего к массам, который сталкивается больше всего с нуждами населения. И здесь каждое движение, каждое действие милиционера, или инспектора милиции, или начальника отделения, даже тон его голоса — это может либо содействовать укреплению престижа советской власти, укреплению советского государства, чувства достоинства, заражая этими образцовыми примерами всякого, которому приходится иметь дело с милицией, либо, наоборот, действовать отрицательно.

В своей замечательной поэме «Хорошо» Маяковский с гордостью говорит о нашей милиции: «Моя милиция, меня бережет, жестом правит, чтобы вправо шел». Эти слова «моя милиция, меня бережет» — это лозунг, под которым она должна строить свою работу, чтобы милиция была родной каждому трудящемуся нашей страны еще больше, чем сейчас, чтобы каждый мог с чувством гордости, признательности и любви к своей милиции, с чувством советского патриота сказать: «это моя милиция, она меня бережет».

Завоевать к себе такое отношение трудящихся, укрепить это, уже завоеванное отношение, — это громадная задача, это задача громадной культурной работы над собой.

Это надо сказать и о других органах советской власти; я подчеркнул задачи милиции потому, что чаще всего, непосредственно всего гражданин сталкивается с милицией, но то же надо сказать и о прокурорских органах.

Борьба с преступностью, борьба с преступниками, нарушителями закона, ставит во весь рост вопрос о следствии, о его качестве. Милиция и наши следователи ведут уголовные дела, которые передаются в суд, а суд судит живых людей. Надо помнить и знать, что предварительное следствие решает судьбу судебного дела и не только дела, оно решает судьбу и человека. От качества расследования зависит правильность или неправильность привлечения к ответственности людей, ущемление их прав, нанесение ущерба всему народному хозяйству и т. д. От качества расследования зависит и соблюдение величайшей осторожности и экономии в расходовании сил и времени

отдельных граждан, которые сталкиваются с нашей работой. Следствие играет громадную роль в судебной работе, и органы милиции и прокуратуры должны на эту сторону дела обратить серьезное внимание, чтобы не было неправильно привлеченных к ответственности, потому что каждый из них — это маленький человеческий мир, это нередко разбитая психика человека, ибо если человека притянули следственные органы, посадили его на скамью подсудимых, он бросил и семью и работу, он ни о чем больше не думает, как о том, как бы доказать свою правоту, а над ним висит угроза — лишения свободы или иной меры наказания.

Надо понимать, какой это удар, какая травма, какой ущерб не только для данного человека, не только для человека, забота о котором является нашей величайшей задачей, чего требует наша партия, наш учитель и вождь товарищ Сталин, но это ущерб для всего государства с точки зрения баланса сил и творческих возможностей нашей страны.

Новая Конституция требует от нас ясного представления о том, что органы милиции, органы прокуратуры — это не просто канцелярия, это учреждение, которое имеет дело с самым ценным материалом — с человеком. Если мы невнимательно относимся к тому или иному случаю, от этого зависит не только судьба данного человека, но и судьба его семьи, судьба его работы, которая поручена этому человеку.

Перед нами, особенно в свете новой Конституции, стоит задача по-настоящему усвоить требования нашей партии о бережном отношении к человеку. Это значит не преувеличивать тех явлений, которые привлекают наше внимание, уметь в них разбираться спокойно и вдумчиво. Мы выпускаем часто из своего поля зрения главное и основное. Один еврейский библейский мудрец говорил: «люди часто занимаются ловлей блох, а у них в это время через пальцы верблюды уходят». Это верно. Так бывает и с нами, когда мы не умеем отделять серьезное от несерьезного, большого от пустякового... Нужно серьезное отделять от несерьезного, важное — от незначительного, чтобы сосредоточивать свое внимание на действительно важном. Мы хорошо знаем, что наша работа протекает в негладких условиях. Враг около нас, враг среди нас и враг серьезный. Процесс в Кемерове, процесс московского бандитского троцкистско-зиновьевского центра, во главе с Каменевым, Зиновьевым, Смирновым и др., показал, до какой совершенно невероятнейшей гнусности докатились эти мерзавцы, которые переплели свою предательскую по отношению к социализму, к нашему государству деятельность, с прямым преда-

тельством, шпионажем, диверсиями, с прямой изменой нашей родине. Мы должны знать и помнить, что враг не останавливается ни перед чем. Они убили т. Кирова, они готовили и готовят каждый день покушения на лучших наших руководителей, они готовили покушение на нашего любимого вождя товарища Сталина, на его славных сподвижников тт. Молотова, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, на целый ряд людей, которые руководят нашей борьбой за социализм. На наши органы прокуратуры, милиции и суда возлагается самая серьезная задача: чтобы ни один волос не упал с головы наших вождей от подлых посягательств врагов, не знающих никаких границ в измене, не знающих никаких границ в выборе гнуснейших средств борьбы против социализма. Мы знаем, что наши классовые враги были биты и будут биты не раз и жестоко, но это ни в какой мере не останавливает и не может остановить их, потому что чем сильнее победы социализма, чем более широко и глубоко принципы социализма вырастают в нашу советскую землю, тем более безнадежным становится положение нашего врага и тем на большее преступление, на более коварное, гнусное преступление идет враг.

Вот почему мы должны еще больше заострить свою бдительность, мы должны еще более сознательно, решительно и беспощадно, мечом революционной законности и советского социалистического правопорядка бить врагов нашей страны, нашей партии, которые мешают дальнейшим успехам нашего победоносного социалистического строительства. Стирая с лица земли и разрушая осиные гнезда контрреволюционеров, троцкистов и зиновьевцев, фашистских агентов, шпионов и разведчиков, мы должны в то же самое время еще более последовательно, более настойчиво, еще более углубленно бороться за решение другой задачи — воспитания в массах населения чувства уважения к правилам социалистического общежития, чувства уважения к правилам социалистического труда, социалистической дисциплины.

Эти задачи ко многому обязывают. Они обязывают прежде всего к тому, чтобы мы крепко поработали над собой, над поднятием своей технической, политической, юридической квалификации. Эти задачи велики, но нам это нестрашно. Мы имеем за своими плечами известный опыт.

Мы работаем под непосредственным руководством Центрального комитета нашей великой коммунистической партии, под непосредственным руководством великого Сталина, организатора великих социалистических побед.

Мы знаем и верим, что задачи свои мы разрешим и разрешим так, как требуют наша партия и наше правительство.

## О задачах следователей<sup>1</sup>

Следственный аппарат имеет определенное назначение — борьбу с преступлениями. Это — задача в высшей степени сложная. Помимо того, что преступления многообразны, помимо всевозможных других трудностей, эта задача сложна, в частности, еще и потому, что преступник всегда старается быть умнее следователя и иногда, к сожалению, ему удается следователя обмануть. Поэтому следователю приходится быть на чеку, следить, чтобы обвиняемый не использовал его ошибок, его неумения распознать событие таким, каким оно было на самом деле.

Нельзя скрывать того, что следователь иной раз становится сам игрушкой в руках преступника. Чем преступник хитрее, чем он изворотливее, тем труднее следователю вести борьбу с преступлениями, а надо прямо сказать, что и хитрость и изворотливость у людей, которые совершают преступления, бывают очень часто немалые.

Это предъявляет особые требования к самому следователю. Не все это, к сожалению, понимают, и очень часто бывает так, что следователь считает свою задачу исполненной, если он кого-то предал суду. Он не столько заботится о том, чтобы предан суду был действительно виновный, как заботится о том, чтобы некто был предан суду. Он считает себя удовлетворенным, когда у него следствие заканчивается обвинительным заключением, и прокурор, который руководит следствием, считает тоже себя удовлетворенным тогда, когда он энное количество дел направляет в суд с обвинительным заключением, направляет в дальнейшее производство с заключением о предании людей суду. Нечего греха таить, в нашей системе нередко самое качество следовательской работы измеряется количеством дел, законченных обвинительным заключением. Некоторые не часто приходит в голову мысль: правильно ли данное дело закончено обвинительным заключением, а не прекращением дела; правильно ли данное дело завершилось обвинительным заключением, а не постановлением о доследовании. У нас велик процент дел, которые, не будучи рассмотренными по существу, возвращаются из суда на доследование или вовсе прекращаются. Количество дел, направляемых на доследование и возвращаемых из суда без рассмотрения, у нас более велико, чем это желательно. Процент дел по серьезным преступлениям, за которые угрожают суровые наказания, возвращаемых из суда по тем или иным основаниям, достигает примерно 45%. Некоторые товарищи не задумываются над тем, что это означает, не понимают, что этим наносится величайший ущерб всему нашему народному хозяйству и самому ценному элементу нашей социалистической страны, ценнейшему капиталу нашего социалистического государства — человеку. Очень много людей отвлекается без толку от работы из-за привлечения их к ответственности и очень часто вследствие заключения их под

стражу. Очень много теряется времени людьми, которых вызывают в качестве свидетелей, отрывая от работы. В некоторых случаях следователи увлекаются экспертизами: эксперт вызывается по пустякам, и нередко ценного специалиста таким образом отрывают от его полезных занятий.

В ряде случаев привлекают к ответственности по пустякам.

Вот пример из практики прокуратуры Сталинградского края. Приехал человек из города в деревню, привез двое брюк, 2 пачки спичек, рубашку и какую-то еще чепуху. Рубашку вез «дяде», как он говорит, она не подошла, и он ее продал за 12 руб., но рубашка стоила 10 руб. Этого оказалось достаточно, чтобы «продавца» осудили на 3 года лишения свободы... за спекуляцию.

Когда я вызвал представителей местной прокуратуры и побеседовал с ними, то оказалось, что они, особенно райпрокурор, не представляли себе, какая существует разница между ст.ст. 107 и 105 УК. Текст статьи у нас хорошо знают, а смысл статьи не всегда хорошо понимают. Закон о спекуляции, оказывается, понимают так, что если кто-нибудь купил вещь для себя, но потом раздумал или почему-нибудь решил, по нужде или каким-нибудь другим обстоятельствам, вещь продать, то это некоторые прокуроры и следователи рассматривают как спекуляцию и привлекают по ст. 107 УК, а суд, согласно санкции этой статьи, дает наказание не ниже 5 лет лишения свободы. Еще милостивы оказались суд и прокуратура в указанном мною случае, когда приговорили к 3 годам лишения свободы.

Я мог бы привести таких примеров немало.

Причина нередко заключается в том, что следователь идет по линии наименьшего сопротивления, заводит дело, пишет номер, штемпелует, и человека в результате приговаривают к стольким-то годам лишения свободы.

Бывает и сложнее. Приведу случай, когда осудили человека за убийство на много лет тюрьмы по делу, очень запутанному и до конца не распутанному. Была гулянка в деревенской избе. На гулянку пришел какой-то человек, который из озорства палкой разбил лампу. Гулянка разошлась. Хозяин лампы, узнав, что разбил ее Емельянов, взял кол из забора и стал дожидаться Емельянова, чтобы его побить. Два мальчика-свидетеля говорят: мы видели, как обвиняемый бил Емельянова. Емельянов от побоев умер.

Я внимательно изучил это дело. И что же? Достаточно прочитать протокол судебного заседания, чтобы увидеть, что дело решено неправильно. Все свидетели говорят: ночь была темной, кто бил — не видели... «Павлова (фамилия осужденного) я не видел». «Павлов сидел в избе»... «Павлов куда не выходил». Как можно было при таких показаниях признать Павлова виновным? В сущности, следователь и прокурор оказались здесь в плену ошибочной презумпции. Павлова обвиняли потому, главным образом, что он был вместе

<sup>1</sup> Стенограмма речи на 3 учебной конференции следователей 11 декабря 1936 г.

с Емельяновым и потому, что Емельянов закричал: «что ты, кум, делаешь». Так как Павлов был кумом, а других кумовьев у убитого, мол, не было, то и решили: Павлов убивал, Павлов и виноват. Создается такое впечатление, что если бы Емельянов воскликнул: «что ты, чорт, сделал», то обвинили бы чорта. Рассмотрев дело, я установил следующее. Во-первых, один из свидетелей, Егоров (мальчик, который сначала в материалах фигурирует как Егоров, а потом фигурирует как Александров), является племянником убитого. Потерпевший шел по улице вместе с каким-то своим родственником, который тоже оказался участником драки. Есть все основания думать, что драка была между этим родственником и убитым, а показание против третьего лица дает мальчик, племянник того родственника, который дрался с убитым. Короче говоря, есть много оснований полагать, что осудили не тех, кого надо, и во всяком случае один из осужденных в драке и вовсе не участвовал. Теперь в колхозе говорят: «зря Павлова осудили, но ничего не поделаешь, он уже сидит». На грех оказалось, что у этого осужденного есть уже одна судимость. Это последнее обстоятельство, очевидно, сыграло здесь решающую роль. Раз на деревне совершилось убийство и у подозреваемого имелась какая-то судимость, значит он и убил...

Таких фактов можно было бы привести множество. Чем это объясняется? Работники, как-будто не плохие, грамотные. Ответ один: не думают, делают впопыхах, делают так, чтобы как-нибудь сделать. Нет вдумчивого отношения к делу, которое является первым условием правильной работы следователя. Нужно задумываться над делом, обращать внимание не только на внешние обстоятельства. Нельзя поддаваться всякого рода так называемым версиям. Следователи наши очень любят «версии» и «презумпции». Они заворожены этими словами, как замоскворецкая купчиха словами «металл» и «жупел». Поменьше версий, а побольше фактов. Насчет фактов у многих следователей дело обстоит особенно плохо. //

Один следователь по делу о спекуляции написал: «ввиду того, что установлены случаи покупки и продажи по повышенным ценам...». Я попросил его найти в материалах дела больше одного случая продажи. Он не мог этого сделать, а пишет в заключении во множественном числе: «установлены случаи покупки и продажи по повышенным ценам». Случай же был один. Ведь такое обращение с материалами дела смахивает немного на подделку документа, это смахивает на фальсификацию следствия.

Следователь отлично понимает, что если написать так, как было в действительности, тогда его обвинительные выводы могут отпасть. Поэтому он не останавливается перед тем, чтобы один случай продажи превратить в несколько случаев, один раз превышения цены превратить в случаи продажи по повышенным ценам вообще.

Это уже прямая недобросовестность. Но это может быть и от непонимания, от недостаточной культуры, от недостаточно ясного представления о том, что такое продажа и что такое перепродажа. Тут мы упираемся в некоторый недостаток культуры, которым кое-какие наши следователи отличаются еще и до сих пор.

Здесь может идти речь и о некоторой невражливости, небрежности, нечуткости или нечутком отношении к людям. Чуткое отношение к людям обязывает к тому, чтобы в следственном документе показать факт как он есть, без преувеличения или преуменьшения, без всяких прикрас и без всяких приправ. Это дело очень серьезное. Оно требует большой добросовестности и большой культуры. «Ежели вы скажете, что человек признал себя виновным в предьявленном ему обвинении, а само обвинение сформулируете несоответственно тому, в чем он себя признал виновным, то это исключит возможность относиться к составленному вами документу с доверием, которое необходимо вообще и в особенности к судебному прокурорскому документу. Большая культура и большая осторожность, внимательность и умение отображать в документах действительность так, как она есть, избегая обвинительного уклона, способность быть всесторонним и объективным — вот первая обязанность следователя и его большое достоинство.»

Некоторые думают, что объективность — это что-то вроде буржуазного предрассудка, аполитичности, надклассовости; что требование быть объективным — это значит «отрешись от классовой борьбы, от классовой политики». Это неверно. Объективность, как мы ее понимаем, не противоречит нашим интересам и задачам в классовой борьбе. Наоборот, объективность помогает правильно отображать действительность. Она, правильно нас ориентируя, помогает одерживать победы. Правильно было бы сказать: следователю в работе нужно иметь горячее сердце, помноженное на холодный расчет.

Поэтому мы должны потребовать от следователя, чтобы он, работая со всей политической страстностью, был объективным. Что это означает? Раньше всего то, что он должен добросовестно обращаться с фактами. Если следователь поступает фактами, если он немножко кое о чем умалчивает, иногда кое-что прикрасивает или, как говорят, «натягивает» (а мастеров «натяжек» среди вас, простите, немало), — это уже ставит под сомнение достоинство следственного материала.

Я знаю, товарищи, следователей, которые считают для себя недопустимым, если обвиняемый не сознается. Следователю очень хочется, чтобы обвиняемый сознался, и он пишет так, чтобы как можно крепче завуалировать показания обвиняемого, для чего иногда он стремится подобрать двусмысленные слова, искусственно расщепить сказанное на части и зафиксировать в протоколе только ту часть, которая подтверждает обвинение, которая нужна для обвинения. На суде обвиняемый отрицает свое показание. Мы знаем, что бывают отказы от показаний недобросовестные, жульнические, но наши методы и примеры иной раз помогают жулику. Следователи избегают собственноручных записей показаний обвиняемого. А между тем «уходить» от показаний, написанных собственноручно, в словах и выражениях, которые даны самим подсудимым, подсудимому будет гораздо труднее, чем если бы он подписал не только каждую страницу допроса, но и каждую фразу, написанную не его рукой, а рукой следователя.

Закон сам предусматривает возможность для обвиняемого собственноручно изложить свои показания. У меня есть некоторый опыт след-

ственной и судебной работы и, исходя из своего опыта, я должен сказать, что для судебного процесса ничего нет опаснее частного признания, сдобренного всякого рода искусственными обстоятельствами, их сопровождающими. Например, обвиняемый хотел сам писать, ему не дали, записал следователь. Может быть получилось одно и то же, а может быть получилось и не одно и то же. Я лично предпочитаю лучше иметь полупризнание, записанное собственноручно обвиняемым, чем полное признание, записанное следователем. Когда следователь сидит у себя в кресле, а обвиняемый дает показания, следователь иногда может рассчитывать, что обвиняемый «проговорится», следователь во время «подхватит» и запишет то, что ему кажется необходимым. Но недопустимость этого приема без труда обнаруживается на суде, когда каждое следственное движение проходит под контролем общественности, гласности, так, как этого требует глава девятая новой Конституции, говорящая о нашем правосудии. Здесь все вещи становятся иными, все обстоятельства начинают говорить своим собственным языком, а не тем языком, которым угодно было записать в протоколе товарищу следователю. И тогда наступает противоречие между тем языком, которым говорит протокол следствия, и тем языком, которым говорят обстоятельства дела. Следователи часто не думают, что их работа будет проверена в иной обстановке, в обстановке иногда очень высокого уровня требований, которые предъявляет наш советский гласный судебный процесс.

Мы, и в этом одна из величайших заслуг Великой пролетарской революции, разгромили старый чиновничий аппарат и на его месте создали, говоря словами Ленина, «подлинный народный суд», который, несмотря на свои недостатки, является действительно подлинным народным судом. Но мы не можем остановиться на том уровне, на который подняли мы государственный аппарат и, в частности, судебную систему в широком смысле этого слова, потому что сейчас эпоха великой сталинской Конституции, потому что мы завершаем построение в нашей стране социализма. Мы начинаем писать уже новую страницу истории — страницу истории коммунистического общества. И вы думаете, что требования, которые предъявляются в этих условиях к прокурору и следователю, будут такие, как раньше? Вы думаете, что наши промахи будут кто-нибудь терпеть? Бюрократам в нашей системе нет места. Лежебокам и бездельникам у нас нет места. До сих пор иногда бывало такое положение, что если человека некуда было пристроить, его посылали в органы юстиции, если в органах юстиции нельзя было человека пристроить, его посылали в следователи. В результате следователи составляют такие акты, что делается за этих следователей стыдно. Вот пример: 15 сентября 1936 г. один нарследователь составил такой документ: «При этом направляется труп женщины не установленной личности. Прошу произвести вскрытие на предмет установления беременности и других признаков насильственной смерти» и т. д. и т. д. Очевидно, по мнению этого следователя, беременность является одним из признаков насильственной смерти. Вот дальше протокол осмотра трупа. «13 октября 1936 г. народный следователь Середино-Будского района Западной

области Трибунов (запомните эту фамилию) и другие выбили на место обнаруженного трупа (слово «труп» он везде пишет через два «п»), в присутствии понятого произвели осмотр, причем установили («у» с большой буквы). Между железнодорожной линией Москва—Киев («киев» — с маленькой буквы) и проселочным трактом г. Середино-Буда. В лесу на расстоянии от железнодорожной линии 1½ км. в западную сторону и от проселочного тракта 1 км. в восточную сторону разезда Горожанко Зап. ж. д. 1 км. около орехового куста лежит женщина не установленной личности прикрывши жакетом и головным платком, около трупа в южную сторону лежат клочки из газеты напечатанном на украинском языке. Около трупа имеются признаки малозаметных на топтанных человеческих следов. При осмотре вокруг трупа ничего не обнаружено. Осмотр трупа: труп женщины не установленной личности на вид лет 22—23. Лежит головой на северо-восток ногами на юго-запад лицом в низ к земли, спиной в верх. — Ноги в прямом вытенутом виде конечности ног в завивку (нога на ногу). Левая рука согнута под голову. Правая рука лежит в сторону согнутая (как согнута — следователь не пишет). В обеих кистей руки имеется сжатая земля и трава, при наступлении смерти хваталась за землю (почему при наступлении смерти, а не во время борьбы). На обеих руках имеются ссадины (царапины). Волосы растрепанные черные, а в висках женский гребешок и две приколочки. Труп прикрыт женским жакетом суконной коричневой цвета с хорином черным старым воротником на, старой изношенной подкладке, голова прикрыта шерстяным вязаным платком, под головой и вязанной стального цвета грибы свежая, в кармане жакета 2 носовых белых платка и жолуди свежие... «На ногах желтые старые туфли на высоких каблуках, черные шелковые чулки, одета в шерстяной джемпер желтого цвета. Затем одет бюст-галстух (вероятно бюст-галтер), нателное белье: рубашка бумажного цвета и, наконец, панталоны белой материи. На шею имеется ссадина с кроводтеками. Затем платок вязанный, обмотанный вокруг шеи, сзади завязан крепко на 2 узла. На груди имеются синие пятна, как видно старые, не предусмотренные. Имеется золотая коронка на зубе, глаза закрывши, рот открывши. Труп для исследования направлен в больницу». (Подписи) Следователь такой-то, понятой такой-то.

Вы скажете: это — редкий случай, это какой-то уникум из кунсткамеры. Конечно, такие документы не часто попадают. Но достаточно одного такого документа, чтобы мы забились тревогу. Таких документов не должно у нас быть ни одного. Следственный аппарат — это аппарат остро политический. Подписка в следственной работе выражается не только в том, что у следователя находятся дела о контрреволюционных и государственных преступлениях. Следствие имеет политическое значение потому, что, когда следователь промахивается и когда следователь ошибается, это на руку нашему врагу. Когда следователь зря «тащит» людей, когда он неправильно ведет следствие, неправильно составляет обвинительное заключение, неправильно допускает направление дела в суд, потом возвращает дело на дознание, то здесь во всем этом выражается громаднейший политический значення факт, по-

тому что государство в высшей степени заинтересовано в том (и об этом говорит наша великая сталинская Конституция), чтобы права и свобода граждан и интересы нашего социалистического государства были защищены в максимальной степени от всякого ущерба. Если правильно говорил Кетле и за ним другие статистики, что преступление есть налог, который платит общество, то для того, чтобы уменьшить этот налог, одним из могущественнейших средств в руках государства является следовательский аппарат. Если этот аппарат правильно работает, это содействует укреплению авторитета государства и укреплению правопорядка в государстве, это содействует укреплению правосознания потому, что каждый знает, что он защищен и беззаконие не будет оставлено безнаказанным. В силу этого человек лучше работает и полнее ощущает радость жизни, которая наполняет все наше советское социалистическое государство рабочих и крестьян.

Многие не понимают того исключительного значения, которое принадлежит правильно проведенной следствию и правильно организованной борьбе с нарушением законов и всякого рода преступлениями. Многие этого не понимают вследствие недостатка культуры и политического воспитания. Устранить этот недостаток помогают такие конференции, как настоящая конференция.

Но нужно, чтобы и сами следователи поняли то, что было понятно умным русским людям два века назад. Один русский старейший бытописатель XVIII в. Иван Посошков написал книгу, изданную в 1724 г.: «О скудости и богатстве». Это — замечательная книга. В этой книге Посошков говорит о классовом характере, о социальной природе судебно-следственного аппарата, и высказывает мысль о том, какое имеет значение правильная работа юстиции для государства. Он пишет: «Все правители дворянского чина своей братии знатным норовят, а власть имут и дерзновение над самыми маломочными людьми, а нарочитом дворянам не смеют и слова воспретительного нареци, но как кому угодно, так и творят»... Видите, как он описывает дворянский дореформенный суд и дворянскую юстицию, которая «новорит своей братии»... «Древней российских людей, обычай был, еже во приказах иметь челобитчиков множество, и так бывало их много, что иногда никоими делы до судьи худо сильному не моги; к тому же посажают колодников множество, а решения им не чинят». Это Посошков говорит о содержании под стражей сверх сроков, установленных законом, и дальше добавляет: «и тем они российское царство бесчестят».

Этой мудрой мыслью подчеркивается, что для политического авторитета, для политического достоинства всякого государства суд имеет громадное значение. Если это так было в представлении лучших людей того времени, отдаленного от нашей эпохи двумя столетиями, то эта «честь и бесчестие» во много, много раз важнее для нашего советского государства. Ведь наше государство оформилось и окрепло как социалистическое государство рабочих и крестьян, государство, которое всю свою задачу видит в том, чтобы обеспечить каждому человеку, каждому гражданину нашей великой страны максимум радости, счастья, благополучия и возможности творческого

участия в социалистическом строительстве, возможности творческого расцвета всех его духовных и физических сил. Ясно, что в этих условиях какое громадное бесчестие нашему советскому государству приносит любой недостаток в работе органов юстиции, и в частности и в первую очередь — в работе следственных органов. Надо помнить, что вы являетесь, так сказать, «первоисточником» привлечения людей к ответственности, что качество вашей работы является основным условием качества работы суда, что на совести вашей лежит: будут ли правильно привлечены люди к ответственности и будут ли они правильно судимы судом. Огромная ответственность за «честь государства» и за «бесчестие», которое мы можем нанести нашими ошибками и недочетами нашему государству, ляжет в первую очередь на прокуратуру в целом и на следственный аппарат, в частности и в особенности.

Очень часто думают, что суд плохо судит, что он ошибается, что он не использовал всего, что мог бы использовать для вынесения правильного решения. Но часто это неправильно. При всех тех недостатках, которые имеются еще в работе суда, не нужно забывать, что лимитирует работу суда — следствие, что, как правило, — как общее и совершенно непоколебимое правило, — от состояния следствия зависит работа суда, зависит работа всей системы органов юстиции. Если это так, то перед следовательским аппаратом стоит очень большая и ответственная задача, главная трудность в отношении которой заключается в том, что время нам не дает и не даст никаких отсрочек.

Может быть некоторые думают, что все это только слова о больших требованиях и больших задачах, что можно будет по-старинке, по трафарету вести работу, на обложках использованных бумаг, на старых обоях, корявым почерком. Мы должны таких товарищей жестоко разочаровать. Время не ждет, время не дает никакой отсрочки, требования будут к нам предъявлять самые жесткие, потому что не может мириться сознание советского гражданина с таким положением, когда игнорируют его основные и священнейшие права, подтвержденные и закрепленные за ним великой сталинской Конституцией.

Сталинская Конституция — не просто новый закон. Сталинская Конституция это есть итог наших побед и завоеваний. В речи товарища Сталина вы слышали его оценку Конституции как обвинительного акта против фашизма, как регистрации в законодательном порядке того, что нами завоевано, а завоевано нами социалистическое государство, опирающееся на социалистическую систему, в основе которой лежит общественная социалистическая собственность. Завоевано нами освобождение трудящихся от угнетения, от эксплуатации, безработицы и нищеты. Завоевано нами новое советское достоинство советского гражданина, обладающего всеми правами человека, до которых далеко самому демократическому буржуазному обществу. Это вошло в сознание наших граждан, и они готовы своей грудью своей жизнью отстаивать эти завоевания и никому не позволят над ними издеваться, или посягать на их неприкосновенность — на неприкосновенность личности, неприкосновен-

ность жилища, тайну переписки, гласность в суде, свободу слова, печати, собраний и т. д., осуществляемые в актерах социалистического строительства. Все это не просто лозунги, это все — жизнь, которую рабочий класс и все трудящиеся нашей страны завоевали своей кровью.

Товарищ Сталин, кончая свой замечательный доклад, сказал, что приятно и радостно знать, что кровь эта пролита была не даром. В этих словах заключается для нас требование обеспечить эту радость и не смять ее, не омрачать ее всякими ошибками, подрывающими завоевания, записанные в Конституции, права советских граждан.

Надо перестроить свою работу по-настоящему, надо бороться за укрепление сознания величайшей ответственности, которая возлагается на наши органы, и в частности, и в первую очередь, я это подчеркиваю и на следственные органы, потому что это важнейший, ответственнейший участок нашей системы. Нужно над собой работать, нужно понимать,

что в наше время только тот оказывается выполнившим свой долг, кто работает над собой вообще, кроме того, что он работает над конкретным делом. Только тот может сказать о себе, что он солдат, честно стоящий на посту великого фронта социализма и социалистического права, кто на каждом шагу старается усовершенствовать свои знания, технику своей работы, свою политическую и юридическую квалификацию.

Вот почему мы, проводя учебные конференции для следователей, хотим помочь вам в решении этих задач, будучи твердо уверены в том, что вы поймете и сумеете это свое понимание претворить в живую действительность, в свою повседневную практику, что эти конференции дадут толчок нашей дальнейшей работе над собой, явятся началом громадной творческой работы. Творчески работать должен каждый следователь, черпая свои силы в творческой силе советского народа, которая характеризует новую эпоху и которая нашла свое выражение в великой сталинской Конституции.

М. ВИНОГРАДОВ

## Как я улучшил качество следствия<sup>1</sup>

Рано утром 24 июля на лесной тропинке в городском бору под Калугой был обнаружен связанным с тряпкой во рту гр. Ерохин, работавший кассиром санатория и расположенного в том же бору. Обнаружившие Ерохина лица ничего добиться от него не смогли. Ерохин не отвечал на вопросы. Говорить Ерохин стал только часа в 3 дня. И вот что он рассказал: часов в 11 вечера он вышел из конторы санатория и направился домой в город. Путь его лежал лесом. Отойдя метров 200 от санатория, не почувствовав ни удара, ни толчка, он потерял сознание. Снулся он часа в 4 утра, увидел себя связанным и с тряпкой во рту, лежащим метрах в 10 от тропинки, по которой шел. Карманы его брюк были вывернуты, почему он решил, что у него похищены ключи от несгораемого ящика. Чтобы скорее привлечь к себе внимание проходящей публики, Ерохин перекатился на тропинку и вновь потерял сознание и очнулся уже в больнице, как указано выше, в 3 часа дня.

При проверке кассы санатория оказалось, что денежный ящик открыт, в нижнем отделении его лежали ключи, в ящике не хватало около 7000 руб. денег.

На место выезжали представители уголовного розыска, но ни осмотра места обнаружения Ерохина, ни конторы санатория они не произвели: денежный ящик, правда, они осмотрели, не забыли тщательно осмотреть и одежду Ерохина, на которой, кстати, не оказалось никаких следов загрязнения.

Телесных повреждений у Ерохина серьезного характера обнаружено не было; было несколько поверхностных ссадин на темной области головы. Никаких повреждений черепа,

или других каких-либо изменений не зафиксировано.

Уголовный розыск вначале стал искать грабителей и, не находя их, при наличии некоторых данных, повел дело в сторону обвинения Ерохина в симуляции ограбления с целью сокрытия хищения денег.

Дело для дальнейшего следствия было передано мне. Даже беглый анализ картины события со всеми предшествовавшими и сопутствующими моментами говорил о симуляции. Но возник ряд вопросов, результаты выяснения коих версию о симуляции значительно подкрепили бы. Хотя и с опозданием, но был произведен осмотр места обнаружения Ерохина; он показал, что место песчаное и травянистое, покрытое опавшими иглами хвойного леса. По словам Ерохина он должен был перекачиваться на расстоянии 10 метров, да еще по местности, имеющей подъем к тропинке, и при этом он не загрязнил костюма и обуви. Кроме того надо иметь в виду, что Ерохин был связан одной веревкой по рукам и ногам, причем руки были скручены назад, а во рту была тряпка.

На руках никаких повреждений или ссадин тоже не оказалось.

Второе, что требовалось точно установить, — действительно ли Ерохин был длительное время без сознания; ведь по его словам выходило, что он находился без сознания 15—17 часов, с одним коротким светлым промежутком, во время которого он ориентировался в положении и произвел сознательные действия (перекатился). На этот вопрос материалы дела ответа не давали, а ответ должен был быть и точный и достаточно авторитетный. Я обратился тогда в областную судебную-медицинскую экспертизу, где комиссия в составе ряда специалистов, в том числе д-ра Семеновского П. С., дала четкое и категорическое заключение.

<sup>1</sup> Статья поступила на конкурс, объявленный редакцией совместно с издательством.

На основании клинической картины длительная потеря сознания исключается. А описанные выше повреждения, имевшиеся у Ерохина, легкого характера, нанесены, очевидно, его же рукой. Тряпка в рот была введена не глубоко. Иначе Ерохин не мог бы дышать. Но связан Ерохин был с помощью постороннего лица; вот этот последний момент при подтверждении факта симуляции налагал на следователя серьезную обязанность найти сообщника.

Итак, мы получили доказательство, что на Ерохина никто не нападал, а нападение было симулировано.

Требовалось проверить положение с конторой и т. д. Оказалось, во-первых, что из конторы Ерохин ушел последний и он же и передал лично сам ключи уборщице Самариной. Последняя проверила замки и запоры на окнах и они были в порядке, в порядке они оказались и утром 24 июля.

Больше того, сторож Павлов, охранявший контору, неотлучно находился на посту и при возникновении кого-либо в контору отрицал. Это показание получило подкрепление и в заявлении свидетеля Кавокина, живущего в квартире, смежной с конторой, отделенной от нее звукопроницаемой стеной, о том, что он ночью никакого шума в конторе не слышал. Звукопроницаемость была проверена специальным обследованием. Это, так сказать, прямые доказательства симуляции ограбления. Но были и другие данные. Установлено, что Ерохин вел широкий образ жизни, на значительные суммы закупал вина и закуски, пытался накапливать в кассе наличные деньги и систематически уклонялся от производства у него ревизии.

Характерно, что 23 июля Ерохина категорически предупредили, чтобы в течение 2 дней он подготовился к ревизии.

Симуляция ограбления была доказана и можно бы было о Ерохине закончить следствие, но у него должны были быть сообщники, а раз они не установлены, нельзя было считать дело оконченным.

Материалы дела, собранные уголовным розыском, давали туманные намеки на какое-то преступление, совершенное женой Ерохина, Косяковой, работавшей тоже кассиром в Райпромкомбинате. И, кроме того, было видно, что Ерохин давал деньги жене, а жена — ему, помогая скрывать свою растрату.

Справка в уголовном розыске подтвердила наличие такого дела, и оно было истребовано для ознакомления.

Дело оказалось тоже любопытным.

8 июля в отделение банка, в Калуге, явился человек и предъявил чек на 11 тыс. рублей на зарплату, чек был выдан Райпромкомбинатом. Деньги выданы не были по случайной случайности; получатель не предъявил поручения на перечисление соцстраху. Человек ушел, а спустя полчаса, в банк было сообщено, что в комбинате похищен бланк чека, подписанный распорядителями кредитов.

Уголовный розыск установил, что хищение бланка чека было организовано Косяковой, знавшей порядки в комбинате и, в частности, такую «предусмотрительность», как заблаговременное подписание чеков распорядителями кредитов. Бланк чека был похищен в ночь на 8/VII. Помогал в хищении Агеев, он же и пытался получить деньги в банке, так как Косякову хорошо знают там и ей получать день-

ги нельзя было, а Агеев оказался ее хорошим знакомым, с февраля нигде не работающим. Совершение этого преступления Косяковой и Агеевым было достаточно доказано и Уголовный розыск даже написал обвинительное заключение, но и тут нельзя было останавливаться на обвинении двоих, был здесь и третий человек и именно Ерохин; это мнение надо было подкрепить уликами, доказательствами. Дополнительным расследованием участие Ерохина в этом преступлении было доказано.

Цель этого преступления — добыть деньги, но преступный замысел не удался. Деньги вообще нужны, а тут еще растраты и у Косяковой и у Ерохина; наступает день ревизии.

Ерохин и нашел выход из положения, да еще такой, осуществление которого дает и сокрытие растраты и дополнительное хищение денег. Выход этот — симулирование ограбления.

Этот замысел был осуществлен часов около 11 вечера 23 июля. Один Ерохин привести его в исполнение без посторонней помощи не мог. В материалах же дела имелись показания гр. Логунова, который, идя тропинкой, где был найден Ерохин, в это же время, т. е. в 11 часов вечера, видел двоих — мужчину и женщину, которые при его к ним приближении свернули в сторону. Логунов был вызван вторично и передпрошен более детально, с возможно обстоятельным описанием личностей, и поскольку связь троих — Агеева, Косяковой и Ерохина — была установлена, возник вопрос — не с помощью ли Агеева и Косяковой Ерохин симулировал ограбление.

Изобличение Агеева и Косяковой в соучастии с Ерохиным представляло, ввиду значительности промежутка времени, прошедшего с момента совершения факта, большие трудности.

Важно было установить — где были Агеев и Косякова в вечер 23 июля. Агеев точно объяснить не мог, но указал, что возможно был в парке с своей знакомой. Допрошенная знакомая Агеева предположение его не подтвердила. Косякова заявила, что вечером 23 июля она была в обществе Константиновых. Мало было надежды на удачу допроса Константиновой для проверки показаний Косяковой: ведь речь шла о вечере 23 июля, а допрос производился не на другой день. Но опасения оказались напрасны, удалось точно установить, с подкреплением побочными данными, что Косякова в обществе Константиновых была не 23 июля, а 22 июля. Допрос же Логунова говорил и о сходстве тех лиц, которых он видел в лесу, с Агеевым и Косяковой. Логунову были предъявлены в разное время все трое; о Ерохине он сказал, что никакого сходства с тем мужчиной, которого он видел, Ерохин не имеет, Агеева и Косякову Логунов опознал.

Совокупность всех данных, анализ доказательств, правильное построение следствия привели к изобличению группы в составе трех лиц в совершении двух преступлений, имевших одну и ту же цель.

В заключение следует остановиться на поведении обвиняемых; сперва все они категорически отрицали вину, но позднее, в связи с предъявленными им уликами, признали свою виновность. Первым признал себя виновным Агеев; за ним Косякова, и только после прочтения показаний Косяковой Ерохину он признал свою вину.

Я очень подробно остановился на деле Агеева, Ерохина и Косяковой, но я хотел на примере его показать — как в результате анализа всех данных по делу, обстановки и т. д. была определена правильная перспектива, которая и обеспечила раскрытие двух самостоятельных преступлений, совершенных одними и теми же лицами. По делу были применены научные методы расследования.

Что мне позволило так построить следствие? Во-первых, систематическое изучение тактики и техники расследования.

Во-вторых, постоянный анализ своей работы по результатам следствия; это давало возможность видеть и свои ошибки и вскрывать методы, применяемые преступниками.

Работа следователя чрезвычайно ответственна, и требования к качеству его работы, вполне понятны, высоки. Обеспечить высокое качество работы можно лишь при условии овладения техникой своего дела. Не надо скрывать того факта, что на известном промежутке времени — по линии следствия широко пропагандировалось, а затем и применялось на практике упрощенство.

Вредность этой практики очевидна. Внимания к следователю не было. Качество следствия снизилось. И только приветствовать надо поворот, имеющийся теперь к вопросам следствия и следователю, и мероприятия, направленные к повышению качества следствия.

Как же я лично строю свою работу?

Прежде всего укажу на элементарную истину, которую некоторые прокуроры забывают; это — не приступать к следствию без тщательного изучения материалов, без составления плана, без определения круга вопросов, подлежащих выяснению. Это первое условие объективного и полного расследования, но оно забывается.

Второе — определять последовательность следственных действий (кого, в какую очередь допросить, что истребовать, разрешить вопрос об эксперте, там, где это требуется и т. д.).

Третье — непрерывность следствия, обеспечивающая быстроту и оперативность.

Четвертое — привлечение общественности. Это, конечно, не исчерпывающие, но главные условия для обеспечения быстрого производства следствия, при хорошем качестве.

Чего же я добился в борьбе за качество следствия? За 9 месяцев 1936 года я имею оконченных дел 99, из них 93 с обвинительным заключением, прекращено 3 дела; остальные 3 дела или переданы по подследственности, или приостановлены.

Со сроками следствия дело так обстоит: до 10 дней — 72 дела, до 30 дней — 24 дела и свыше месяца следствие велось по 3 делам. Эти результаты — результаты плана и оперативности.

Из 99 дел, законченных следствием, 54 дела относятся к следовательской подследственности да и среди остальных дел были дела сложные.

За этот период я обратно получил только 2 дела. Успехи эти достигнуты в значительной степени в результате внимания и помощи как со стороны прокурора района г. Шелковникова, так и со стороны Областной прокуратуры, методбюро которой работает, я бы сказал, прекрасно.

Моя задача — еще больше повысить квалификацию, еще лучше овладеть техникой и достойно справляться с стоящими перед следственным аппаратом задачами.

Не может следователь считать свою задачу выполненной лишь проведением следствия по делу; следователь обязан на основе дела вскрыть причины, способствовавшие наступлению преступного факта и принять меры профилактического характера. Поэтому я позволю себе, хотя бы кратко, но осветить и эту сторону работы следователя; ведь она тесно связана со следствием.

Я вел дело о самоубийстве студентки механического техникума Ш. Самоубийство было на бытовой почве.

В процессе следствия я поинтересовался вообще бытом студентов техникума и установил, что там было чрезмерное увлечение танцами, вечеринками, были элементы распущенности.

Политико-воспитательная работа хромала на обе ноги. Да и как мог обеспечить руководство молодежью такой, с позволения сказать, «руководитель», в лице секретаря коллектива ВЛКСМ, который на следствии договорился до того, что стал отстаивать теорию... о врожденных преступниках.

По материалам дела был дан сигнал политотделу Зап. жел. дорог (техникум системы НКПС) РК ВЛКСМ, и по этому сигналу были приняты организационные и политические решения; само же дело было разобрано показательным процессом в техникуме, так как и обвиняемый был студент этого же техникума.

Можно указать и такой факт, когда мое постановление сигнализирующего порядка, посланное республиканской организации, было последней размножено и с особым письмом разослано областным (краевым) отделениям для проверки — нет ли у них дефектов, отмеченных в постановлении.

К каждому делу надо относиться с любовью. с душой: только тогда можно добиться эффективности и высокого качества работы. Я следственное дело люблю, мне чуждо формальное отношение к нему. Но свою работу и ее результаты я всегда рассматриваю с той точки зрения, что если дело провел хорошо, это не значит, что все освоил: сегодня это хорошо, а завтра уже будет плохо, надо совершенствоваться, надо повышать знания, надо поднимать качество работы.

## О применении исследования групп и типов крови в делах спорного отцовства<sup>1</sup>

В следственную практику все более внедряются научные методы расследования преступлений. Судебная медицина — помощник органов расследования — использует все новейшие достижения в области медицины и биологии для раскрытия преступлений и выявления действительных виновников их.

Одним из таких достижений последнего времени является учение о группах и типах крови, захватившее умы широких кругов работников различных медицинских дисциплин, в том числе и судебно-медицинских экспертов.

В 1900—1910 гг. Ландштейнером, Декастелло, Стюрли, Янским, Моссом и др. было установлено, что в красных кровяных тельцах (эритроцитах) людей существуют два особые свойства (агглютиногены), которые передаются по наследству и не изменяются в течение всей жизни. Эти свойства обозначаются латинскими буквами А и В. У некоторых людей указанных свойств не имеется вовсе — О, у других есть только свойство А, у третьих — В, у четвертых — А и В вместе. Таким образом, все люди делятся на четыре группы. Соответственно описанным свойствам эритроцитов в сыворотке человеческой крови содержатся свойства (агглютинины), обозначаемые греческими буквами α (альфа) и β (бета).

Дунгерном выяснено правило, что в кровяной сыворотке имеются агглютинины только против чужой крови. Агглютининов против своих собственных эритроцитов не содержится.

Отсюда группы крови получают следующие выражения:

- Оα — 1 группа по Янскому или 4 по Моссу
- Аα — 2 »
- Вβ — 3 »
- АВα — 4 » по Янскому или 1 по Моссу.

(В 1907—1908 гг. Янский и в 1910 г. независимо от него Мосс ввели цифровые обозначения групп крови, причем эти классификации отличаются друг от друга лишь тем, что группа I Янского называется Моссом 4-й и 4 группа Янского — 1-й группой Мосса).

Установлено, что когда приходят в соприкосновение однозначные свойства сыворотки и красных кровяных телец (А и α; В и β), то последние собираются в кучки и склеиваются.

В 1927 г. Ландштейнер и Левин (Америка) открыли в эритроцитах людей еще два новые свойства, которые существуют независимо от свойств А и В и обозначаются латинскими буквами М и N. По этим свойствам кровь людей делится на три типа: М, N и MN. Типы крови устанавливаются также по склеиванию красных кровяных телец, только сыворотка употребляется другая.

Кроме вышеописанных в крови найдены еще свойства P, G, H, S, которые до настоящего времени не вполне изучены, и потому их ис-

следование широко не применяется на практике. В дальнейшем, конечно, станет известным еще большее количество индивидуальных свойств крови.

Таким образом, учение о кровяных типах и группах обладает большими перспективами.

Оно ставит перед судебно-медицинской экспертизой все более и более сложные и глубокие вопросы, разрешение которых приобретает значительный удельный вес в раскрытии преступлений.

Так, например, при исследовании крови, обнаруженной на вещественных доказательствах, органы расследования уже не удовлетворяются видовым ее определением, т. е. установлением, кому она принадлежит: человеку или животному.

Они почти во всех случаях требуют проведения так называемой «индивидуальной диагностики крови», т. е. выяснения принадлежности ее определенному лицу.

Для разрешения этого вопроса судебная медицина имеет в настоящее время один путь: установление групповой и типовой специфичности крови.

С другой стороны, учение о кровяных группах проникло в широкие массы населения. В Государственный научно-исследовательский институт судебной медицины обращаются десятки людей, стремящихся выяснить свое отцовство, поступают десятки писем от лиц, заинтересованных в алиментных процессах.

Таковы настойчивые запросы жизни.

Вопрос о применении группового исследования крови в судебной медицине в 1929 г. был внесен в ученый медицинский совет НКЗдрава бывшим главным судебно-медицинским экспертом Республики профессором Яковом Леонтьевичем Лейбовичем.

Секция экспериментальной и теоретической медицины ученого медицинского совета 28 октября 1929 г. вынесла следующее постановление:

«1) Реакцию изо-гемо-агглютинации Ландштейнера считать допустимой в судебно-медицинской практике.

2) В настоящее время, впредь до ознакомления всех судебно-медицинских работников с реакцией Ландштейнера, ограничить ее применение в каждом отдельном случае с разрешения краевых или областных органов здравоохранения.

3) Ограничить применение указанной реакции лишь делами об исключении (а не установлении) отцовства.

4) Применение реакции в уголовных делах (индивидуальную диагностику крови) считать пока преждевременным, требующим дальнейшего усовершенствования техники».

Таким образом исследование групп крови в уголовных делах с целью так называемой «индивидуальной диагностики крови» считалось недопустимым.

В отношении гражданских дел (алиментных) мы имеем со стороны ученого медицинского

<sup>1</sup> В порядке обсуждения. — Редакция.

вета разрешение провести пробу Ландштейнера с целью исключения отцовства в судебно-медицинских лабораториях, обеспеченных квалифицированными кадрами, с санкции краевого (областного) здравотдела.

Наркомюст по последнему вопросу издал следующие циркуляры:

I. О введении в судебную практику реакции изо-гемо-агглютинации

(Цирк. НКЗ и НКЮ № 127 от 5/VI 1925 г.)

Ввиду чрезвычайного распространения в настоящее время судебных дел об отыскании отцовства в связи с истребованием алиментов, к судебно-медицинской экспертизе со стороны населения и юридических органов предъявляются требования на определения отцовства путем исследования крови.

НКЗ и НКЮ, основываясь на заключении ученого медицинского совета, разъясняют:

1. Применение реакции изо-гемо-агглютинации в настоящее время может дать при определении отцовства положительные указания только в незначительном числе случаев, притом лишь наряду с другими данными индивидуального исследования и при производстве его компетентным лицом в научной лабораторной обстановке, причем необходимо присутствие исследуемых — отца, матери и ребенка.

2. Ввиду указанного значения реакции изо-гемо-агглютинации, введение ее в судебную практику при настоящем ее положении в качестве обязательного метода исследования, результаты которого могли бы служить судебным доказательством, является преждевременным. Поэтому НКЗ и НКЮ считают необходимым предложить органам здравоохранения не выдавать на основании указанной пробы каких-либо официальных свидетельств, а органам юстиции — не пользоваться таковыми в качестве судебных доказательств.

II. О недопустимости применения медицинской экспертизы в качестве доказательства при разрешении дел об установлении отцовства

Поступающие в НКЮ сведения указывают, что некоторые судебные органы прибегают при рассмотрении дел об установлении отцовства к медицинской экспертизе, предлагая экспертам давать заключения об отцовстве на основании внешнего сходства, наследственных примет, антропологических измерений и пр.

Ввиду того что все способы установления отцовства путем медицинской экспертизы в настоящее время еще не дают возможности приходиться к сколько-нибудь бесспорным выводам, НКЮ в дополнение к циркуляру НКЮ и НКЗдрава № 127 1925 г. о запрещении использования в качестве судебного доказательства при разрешении дел об отцовстве исследований крови предлагает при разрешении означенных дел от судебно-медицинской экспертизы, как судебного доказательства, во всех без исключения случаях воздерживаться.

Народный комиссар юстиции

**Курский**

Член коллегии НКЮ

**Бранденбургский**

20 февраля 1926 г.

(Опубликовано в журнале «Еженедельник советской юстиции» № 9, 1926 г.).

III. О применении циркуляра № 34 1926 года. О судебно-медицинской экспертизе при разрешении вопроса об установлении отцовства

Ввиду того что циркуляр № 34 1926 г. вызвал запросы с мест о том, исключается ли безусловно судебно-медицинская экспертиза при разрешении вопроса об установлении отцовства, НКЮ разъясняет, что означенный циркуляр имел в виду указать, что данные судебно-медицинской экспертизы сами по себе не могут служить доказательством для установления факта отцовства.

Если же в распоряжении суда имеется ряд других доказательств, которые могут послужить основанием к установлению факта отцовства, то суд в этих случаях не лишен возможности прибегнуть дополнительно к судебно-медицинской экспертизе, которая в связи со всеми остальными доказательствами может быть использована при разрешении судом дел об отцовстве.

Народный комиссар юстиции

**Курский**

Член коллегии НКЮ

**Бранденбургский**

28 апреля 1926 года.

(Опубликовано в журнале «Еженедельник советской юстиции» № 19 1926 г.).

IV. Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР по алиментным делам в 1929 г. вынесла следующее постановление:

**«Экспертиза крови и сходства».**

Суд, стремясь построить решение на более устойчивых и определенных основаниях, чем свидетельские показания, прибегает к установлению отцовства путем экспертизы сходства или крови. Нужно, однако, сказать, что суды иногда слишком переоценивают значение этого вида доказательств. Как экспертиза сходства, так и в особенности экспертиза крови не имеют бесспорного научного основания. Не имея самостоятельного значения, эти виды экспертизы могут иметь подсобное значение только в том случае, если выводы экспертизы подтверждаются другими установленными судом данными. Вообще к экспертизе в делах об отцовстве следует прибегать лишь в тех случаях, когда это действительно вынуждается крайней необходимостью и когда в данном районе имеется эксперт достаточно высокой квалификации. Наконец, надо еще отметить, что нельзя придавать доказательственное значение факту внешнего сходства ответчика с ребенком, установленному самим судом без экспертизы.

Председатель Гражданской кассационной коллегии Верховного суда

**Ф. М. Нахимсон**

(Опубликовано в журнале «Судебная практика» № 14 от 6/VIII 1929 г.).

28 февраля 1930 г. президиум Верховного суда РСФСР, заслушав доклад т. Стучка (вопрос был внесен профессором Я. Л. Лейбовичем) «О возможности отказа в признании от-

цовства, вследствие отрицательной реакции изо-гемо-агглютинации (исследование крови у родителей и ребенка)», постановил: «сообщить НКЗдраву, что президиум Верховного суда не считает возможным изменить существующие циркуляры в отношении применения экспертизы исследования крови при решении дел об алиментях и установлении отцовства».

Таким образом, исследование групп крови с целью исключения отцовства было отодвинуто на 2-й план, и первенство предоставлено свидетельским показаниям. Объективное доказательство в смысле силы и значимости ставилось ниже доказательство субъективного.

За 5 лет, протекавшие с 1929 г., произошел огромный сдвиг в вопросе групповой специфичности крови, тканей и выделений человеческого организма.

Остановилось лишь на тех достижениях в этой области, которые имеют непосредственное отношение к вопросам спорного отцовства.

1. Стали известными работы целого ряда авторов о подгруппах 2 и 4 групп крови —  $A_1$  и  $A_2$ ;  $A_1B$  и  $A_2B$ .

Первые наблюдения в этом направлении (Дунгерн и Гиршфельд, Кок и Клейн, Гезри и Гэк) говорили о качественной разнице двух подгрупп. Латтес и Каваццутти, Мино, Гомсен, различие подгрупп А сводили к количественной стороне в смысле силы антигенных и абсорбционных свойств ( $A$  сильное и  $A$  слабое). В настоящее время вернулись к качественному толкованию, которое представляется в двух видах:

1. По гипотезе Ландштейнера две подгруппы содержат одно и то же свойство А, кроме которого они имеют добавочные агглютиногены  $A_1$  и  $A_2$ .

2. Обе подгруппы содержат качественно различные агглютиногены —  $A_1$  и  $A_2$ , которые реагируют с двумя агглютинидами анти — А, содержащимися в сыворотках групп О и В и также качественно различными.

По новейшей схеме Фриденрейха существует агглютинин  $a_1$ , который сильно реагирует с  $A_1$  и слабо с  $A_2$ , и агглютинин  $a_2$ , специфичный для  $A_2$ . В исключительных сыворотках содержится еще агглютинин  $a_3$ , реагирующий при низкой температуре с  $A_2$ .

Фриденрейхом и Ворсе, Дунгерном и Гиршфельдом, Ландштейнером и др. разработана методика определения описанных подгрупп, позволяющая детализировать и углублять исследование групповой специфичности крови.

2. До нас дошли работы Ландштейнера и Левина (1927 г.) об открытии в эритроцитах человека новых агглютинабельных типов М и N, существование которых вдвое повышает возможность исключения отцовства. Установлены методы их выявления и правила исследования (Шифф, Винер и Вейсберг, Томсен и Клаузен, Латтес, Блаурок, Майзер, Кроме, Николетти, Ишидзу).

3. Огромным фактическим материалом окончательно подтверждена теория наследования групповых свойств А и В.

В течение последних лет зарубежная судебно-медицинская литература пестрит сообщениями казуистического материала в отношении использования исследований групп и типов крови в делах о спорном отцовстве. Весьма интересны следующие из них:

Вейдеман (Рига, Латвия) сообщает случай из своей практики.

В марте 1932 года, один рижский гражданин Л. Н. подал в суд заявление о том, что одна из родильных домов в Риге, где рождалась от бремени его жена, его сын был подменен другим мальчиком, а именно неким А. П. Истец подробно излагает поступление его жены в родильный дом, роды, описывает родившегося мальчика, вполне здорового, хорошо развивавшегося, как мог установить отец, видевший его каждый день. На 4 дня он при посещении сразу заявил персоналу, что принесенный ему ребенок не его сын, жена его также подтвердила, что принесенный ей для кормления утром того же дня ребенок по казался ей чужим; это мнение еще подкрепилось внезапными судорогами ребенка, бывшими до тех пор совершенно здоровым. Однако в силу твердого заявления руководящего персонала, что перепутать детей при имеющейся в учреждении организации нельзя, родители успокоились.

Со временем выяснилось, что ребенок Р. Н. является умственно дефективным. До 3-летнего возраста у него наблюдались постоянные эпилептические припадки; одно это явление могло вызвать подозрение в принадлежности ребенка к данной семье. Через несколько лет отец ребенка выяснил в разговоре, что в том же родильном доме одновременно с мальчиком Р. Н. родился другой мальчик, который из-за болезненного состояния был подменен другим. На основе этих сведений отец стал наводить справки и выяснил, что в один день с его ребенком в родильном доме действительно родился другой мальчик А. П., в семью которого он и отправился. При свидании он выяснил, что мальчик А. П. чрезвычайно похож на его годовалую дочь, тогда как старший сын семьи Г семнадцатилетний П. П., очень похож на сына Р. Н. Из истории болезни и родов обеих матерей в родильном доме он на основе многочисленных подправок и подчисток также вывел заключение, что дети были подменены то есть, что его сыном является не Р. Н., а А. П., подмененный сознательно в родильном доме. В связи с изложенным истец обратился в суд с просьбой вернуть ему его сына и привлечь виновных в подмене к ответственности.

Уроловное дело, однако, очень скоро было приостановлено, так как суд не усмотрел в материалах доказательств преднамеренной подмены детей. После этого истец возбудил гражданское дело, прошедшее через несколько инстанций и закончившееся присуждением ему ребенка А. П.

Процесс тянулся свыше двух лет, в течение которых было произведено несколько экспертиз. Ниже приводятся наиболее интересные данные. Прежде всего, необходимо отметить, что все члены обеих семейств никаких отклонений от нормы не проявляли; один лишь 6-летний Р. Н. представлял собой кретина с деформированной головой, с нарушением образования зубов; далее было установлено, что в 6 годам он не научился ни ходить, ни говорить. Невропатологи высказались за то, что состояние ребенка является результатом родовой травмы и отказались дать заключение происхождения ребенка от одной или другой пары родителей. Дактилоскопические и антропометрические исследования никаких инте

ных результатов не дали. Несколько более пригодные для разрешения вопроса принадлежности ребенка результаты дали изучение строения лица членов обоих семейств, при котором выяснилось, что по чертам лица и общему комплексу ребенок Р. Н. гораздо больше подходит в семью П., а ребенок А. П. — в семью Н. Однако решающим доказательством явилось исследование групп крови, проведенное автором по макроскопическому методу Шиффа и микроскопическому Латтеса-Доминичиса. Ниже приводится таблица результатов определения групп крови.

Семья Н.	Семья П.
Отец Л. 31 г. В	Отец Х. 51 г. В
Мать Ф. 33 л. А	Мать М. 46 лет О
Ребенок Р. 6 л. О	Ребенок Р. 18 л. О
Ребенок I г. О	Ребенок П. 17 л. О
	Ребенок А. 8 л. В
	Ребенок А. 6 л. АВ

Из таблицы следует: 1) что А. П. не может происходить от родителей Х. и М. П.; 2) что М. П. не может быть матерью ребенка А. П.; 3) что ребенок А. П. может происходить от родителей Л. и Ф. Н. и, наконец, 4) что ребенок Р. Н. может происходить от обеих пар родителей.

На основе результатов определения групп крови в совокупности со сходством и другими факторами, например, с показаниями свидетелей, что в данном родильном доме часто имеют место замены детей, суд присудил ребенка А. П. родителям Л. и Ф. Н.

Лагуна (Польша) пришлось разрешить следующий случай по поводу алиментного процесса: мать двух родившихся в 1925 г. близнецов подала заявление в суд, указывая, как на отца, на гражданина, с которым она имела сношение два раза — в мае и сентябре 1924 года. Ответчик признал лишь одно сношение весной 1924 года, не позднее апреля месяца. В мае 1930 года было произведено исследование крови заинтересованных лиц в институте в Познани по методу Шиффа. Свойства эритроцитов определялись с помощью сывороток различных происхождений.

Кровь матери, предполагаемого отца и одного из близнецов принадлежала к группе А, второго близнеца — к группе АВ. Таким образом, результат оказался в несоответствии с законом наследования, согласно которому у родителей А могут быть дети или тоже А или О. Всякий отклоняющийся от схемы наследования подобный случай допускает две возможности: или оба близнеца происходят от одного отца, но не от ответчика, или каждый близнец является ребенком другого отца при условии быстро последовавших друг за другом сношений с разными лицами.

В Государственный научно-исследовательский институт судебной медицины НКЗдрава от органов расследования происходит непрерывно увеличивающийся приток вещественных доказательств для разрешения «индивидуальной диагностики крови» в уголовных делах. Мы выполняем эти задания и во многих случаях успешно.

Таким образом, практически решение ученого медицинского совета 1929 г. о недопустимости применения исследований групп крови в

уголовных делах в настоящее время жизнью уже не оправдывается.

И в этом вопросе взаимоотношения между судебно-медицинской экспертизой и органами расследования вполне ясны.

Иначе обстоит дело с исследованием групп крови в алиментных процессах, ибо народные суды, руководствуясь вышеприведенными постановлениями НКЮста и Верховного суда, в огромном большинстве случаев отказывают заинтересованным лицам в производстве исследований.

В случаях спорного отцовства кровь берется у ребенка, матери и предполагаемого отца (или отцов) с соблюдением специальных правил. Если все заинтересованные в экспертизе находятся в Москве, взятие крови производится в лаборатории исследования вещественных доказательств Государственного научно-исследовательского института судебной медицины. В случаях проживания где-либо на периферии, кровь берется местным судебно-медицинским экспертом или врачом ближайшей больницы (амбулатории) и пересылается в институт.

В последнем определяются группы и типы крови матери, ребенка и предполагаемого отца (отцов), причем следует отметить, что техника исследования здесь гораздо проще, чем при экспертизе пятен крови.

Выводы об отцовстве делаются на основании существующих правил наследования групповых и типовых свойств. В отношении наследования групповых факторов было предложено несколько теорий. Однако огромный фактический материал, накопившийся к настоящему времени, подтвердил лишь одну из них, а именно теорию геттингенского математика Бернштейна, которой теперь и руководствуются (у нас и за границей) при разрешении вопросов спорного отцовства.

Не вдаваясь в сущность самой теории, приводим в таблице только окончательные ее выводы.

Группы крови родителей	Группы крови детей	
	Могущих произойти от этого брака	Не могущих произойти от этого брака
О × О	О	А, В, АВ
О × А	О, А	В, АВ
О × В	О, В	А, АВ
О × АВ	А, В	О, АВ
А × А	О, А	В, АВ
В × В	О, В	А, АВ
А × В	О, А, В, АВ	—
А × АВ	А, В, АВ	О
В × АВ	А, В, АВ	О
АВ × АВ	А, В, АВ	О

Допустим, при исследовании установлено, что мать имеет I группу крови — О<sub>аβ</sub>, отец гр-н Х — вторую — А<sub>β</sub>, ребенок — первую группу О<sub>аβ</sub>.

Сообразуясь с правилами наследования групповых свойств, заключаем, что в данном браке может родиться ребенок с группой крови О<sub>аβ</sub>. Поэтому исключить отцовство гр-на Х не представляется возможным. Категорически утверждать, что именно гр. Х является отцом этого ребенка, также нельзя, так как любой человек с группой крови О<sub>аβ</sub>, А<sub>β</sub> и В<sub>α</sub> может быть его отцом. Поэтому в подобных случаях экспертиза крови мало помогает суду.

Но возьмем другой пример: отец гр-н У относится к группе  $O_{\alpha\beta}$  (первой), мать —  $A_{\beta}$  (второй), а ребенок —  $B_{\alpha}$  (третьей). Здесь исключается отцовство гр-на У и можно определенно сказать, что не он, а кто-то другой является отцом данного ребенка.

В настоящее время там, где не помогают группы крови, существенную поддержку оказывают факторы М и N.

Латтес в своей работе «Кровяные группы в судебной медицине» приводит таблицу, объединяющую исследования наследственности этих свойств, проведенные самим автором, Левиным, Шиффом, Винером и Вейсбергом, Томсоном и Клаузенем, Блауроком, Майзером, Кроме, Николети, Ишдзу.

В работах перечисленных авторов изучено наследование типов крови в отношении очень большого количества семейств, что составляет базу для применения факторов М и N в судебной медицине.

Майзер указывает, что наследственность свойств М и N сейчас настолько прочно установлена, что может считаться естественным законом М и N и наследуются следующим образом:

Типы крови родителей	Типы крови детей	
	Могущих произойти от этого брака	Не могущих произойти от этого брака
$M \times M$	M	N, MN
$N \times N$	N	M, MN
$M \times MN$	M, MN	N
$N \times MN$	N, MN	M
$MN \times MN$	M, N, MN	—
$M \times N$	MN	M, N

Так например, если мать относится к типу М, ребенок — к типу N, а предполагаемый отец к типу MN, то можно совершенно определенно сказать, что он не является отцом этого ребенка.

Открытие подгрупп второй и четвертой групп крови еще более расширяет перспективы.

Установлены следующие правила наследования свойств  $A_1$  и  $A_2$ ,  $A_1B$  и  $A_2B$ :

1)  $A_1$  не может появиться у детей, если оно не существует у одного из родителей: в то время как  $A_2$  может иметь место в любом браке с родителем  $A_1$ .

2) Комбинации:  $A_1B \times O$ ;  $A_1B \times B$  и  $A_1B \times A_1B$  исключают возможность ребенка  $A_2$ .

3) Комбинация  $A_2 \times A_1B$  дает место исключительно детям  $A_1$  и  $A_2B$  (сверх того, естественно, детям В).

4) В браках, где родители не относятся к подгруппе  $A_2$  и имеется ребенок  $A_2$ , остальные дети не могут быть О; без сомнения, в этом случае родитель должен иметь кровь типа  $A_1A_2$ , который исключает возможность ребенка О.

Мысль авторов идет все дальше, и уже есть попытки еще более уточнить диагностику вопроса спорного отцовства путем использования количественных различий в склеивании эритроцитов (агглютинации).

Так, Москов на основании своих многочисленных исследований пришел к выводу, что дети наследуют от своих родителей не только принадлежность к группе, но и агглютинационную способность наследованных факторов.

Наследование чувствительности свойств А, В, М и N позволяет исключать отцовство тех лиц, которые по принадлежности к группе крови могли бы быть родителями данного ребенка. Исключение происходит в том случае, если унаследованный ребенком агглютиноген отличается в смысле чувствительности от такого же агглютиногена предполагаемого отца. Исключение возможно также произвести с большой долей вероятности при нескольких возможных по своей групповой принадлежности отцах, так как в этом случае следует признать отцом того, чей агглютиноген по чувствительности совпадает с унаследованным ребенком агглютиногеном.

В отношении процента возможности исключения отцовства приводим теоретические и практические выводы различных авторов:

Шифф и Уарин считают, что при четырех группах возможность исключения ложного отца колеблется от одного на шесть, до одного на девять.

Латтес указывает, что открытие агглютиногенов М и N доводит эту возможность до 1 на 3.

Витебский и Винер дают такие же цифры. По требованиям суда и прокуратуры научно-исследовательский институт судебной медицины провел 25 экспертиз, не считая исследований, прошедших в порядке научной разработки вопроса, из них 23 по алиментным делам и 2 по поводу замены ребенка.

При этом необходимо отметить, что в начале нашей работы мы использовали только свойства А и В, в настоящее же время кроме них еще М и N. Подгруппы 2 группы и титры агглютинации нами не учитывались.

Позволим себе изложить экспертизы с положительными результатами:

1. Гр-н Г. подал заявление прокурору г. К. с просьбой пересмотреть решение народного суда «по делу непризнания фактического мужа его бывшей юридической жены Ш. отцом ее ребенка». В своем заявлении Г. категорически утверждал, что названный Ш. является действительным отцом ребенка его бывшей жены, что он сам записан отцом этого ребенка только как юридический муж и что он по целому ряду объективных и субъективных причин не мог быть отцом ребенка. Заявление Г. было подтверждено свидетельскими показаниями.

При исследовании крови всех трех заинтересованных лиц обнаружено: кровь гражданина Г. относится к группе  $A_{\beta}$  (второй). Кровь гр-ки Ш. — тоже к группе  $A_{\beta}$  (второй). Кровь ребенка — к группе  $B_{\alpha}$  (третьей).

На основании этого отцовство гр-на Г. было исключено.

2. Гр. Максимова предъявила иск к гр. Митусову на содержание ребенка. Максимова, по ее словам, имела половую связь с Митусовым в начале июля 1934 г. Ребенок Вера родилась 31 марта 1935 г. Были двойни. Вторая девочка умерла. Митусов вдовец, имеющий троих детей, половую связь с Максимовой отрицает. Указывает, что в 1931 г. жил в одной квартире с Максимовой, которая состояла домашней работницей у соседки. В 1933—1934 гг. проживал в том же доме, что и Максимова. Встречались случайно как жильцы одного дома. Митусов обращает внимание народного суда на то, что Максимова жила в одной комнате с гр. Дементьевым, у которого снимала угол. Дементьевым,

ев и Максимова половую связь отрицают. Дементьев женат, имеет двоих детей.

Митусов — служащий военного завода, Дементьев — штукатур.

При исследовании крови всех четверых установлено:

Кровь Максимова	относится к группе	Aβ
Кровь Дементьева	„ „ „	Oαβ,
„ Митусова	„ „ „	Oαβ,
„ ребенка Веры	„ „ „	Aβ.

Таким образом мать и ребенок имеют одну и ту же группу крови — вторую (Aβ). В подобных случаях отцом может являться человек с любой группой крови. Кроме того, оба предполагаемых отца относятся к одной и той же группе — первой (Oαβ).

Само собой разумеется, никаких выводов об отцовстве по исследованию групп крови в данном случае делать не представлялось возможным.

Тогда мы обратились к исследованию типов крови.

Оказалось, что кровь гр. Максимова относится к типу	MN,
„ Митусова	„ M,
„ Дементьева	„ MN,
ребенка Веры	„ N.

Согласно правилам наследования типов крови в браке, где один из родителей относится по крови к типу MN (Максимова), а другой — к типу M (Митусов) не может родиться ребенок типа N.

Следовательно Митусов не является отцом ребенка Веры.

В браках, где оба родителя имеют тип крови MN (Максимова и Дементьев), может родиться ребенок типа N. Поэтому исключить отцовство Дементьева не представляется возможным.

3. В 1936 г. семья Поповых подняла вопрос о подмене ребенка. По мнению Поповых их ребенок находится у Фоминых, а они воспитывают мальчика, принадлежащего последним. Гр. Попова указывает, что 8 июня 1934 года, когда они вместе с гр. Фоминой родили детей в родильном доме г. Белева, произошла замена, вследствие небрежности обслуживающего персонала. Первый раз ей принесли кормить ребенка действительно собственного, во второй раз — чужого, в третий — ребенка Фоминых. Несмотря на неоднократные заявления врачу, каких-либо мероприятий не было проведено. Возврат Владимира Фомина и Николая Попова — 1 год 11 месяцев.

Семья Фоминых не согласилась добровольно отдать своего единственного ребенка, и дело было передано в суд.

При исследовании крови всех шести заинтересованных лиц оказалось:

Кровь гр. Фомина	относится к группе	Aβ (второй)
„ Фоминой	„ „ „	Oαβ (первой по Янскому)
„ ребенка Фомина Владимира	„ „ „	Aβ (второй)

Согласно правилам наследования групповых факторов у родителей с группами крови Aβ с группой Aβ (второй).

Таким образом ребенок Владимир мог происходить от Фоминых.

Кровь гр. Попова	относится к группе	ABo (4 по Янскому)
„ Поповой	„ „ „	Oαβ (1 по Янскому)
„ ребенка Николая Попова	„ „ „	Aβ (второй)

У родителей с группами крови ABo (отец) и Oαβ (мать) может родиться ребенок с группой Aβ (второй).

Таким образом ребенок Николай мог происходить от Поповых.

Ввиду того, что дети Владимир и Николай имеют одинаковую группу крови — Aβ (вторую) и могли происходить из обоих семейств, вопрос о замене детей с помощью исследования групповой специфичности крови не был разрешен.

Тогда мы провели определение типов крови.

Было установлено, что кровь гр. Фомина относится к типу MN.

„ „	MN,	„ Фоминой
„ „	„	кровь ребенка Владимира
„ „	M.	

Согласно правилам наследования типовых свойств крови у родителей с типами MN может родиться ребенок, относящийся к типу крови M.

Таким образом и по типам крови ребенок Владимир мог происходить от Фоминых.

Кровь гр. Попова	относится к типу	N,
„ Поповой	„ „ „	MN,
„ ребенка Николая Попова	„ „ „	MN.

В браке, где один из родителей относится по крови к типу N (отец), а другой — MN, (мать) может родиться ребенок с типом крови MN.

Следовательно ребенок Николай по типам крови мог происходить от Поповых.

У родителей же с типами крови N (Попов) и MN, (Попова) ребенок с типом M (Владимир Фомин) родиться не может.

Таким образом, было установлено, что ребенок Владимир Фомин не принадлежит к семье Поповых и претензии на него со стороны Поповых являются совершенно несостоятельными.

Считая, что необходимо повысить удельный вес исследования групп и типов крови в гражданских и уголовных судебных процессах, мы 22 апреля 1935 года подняли этот вопрос перед ученым медицинским советом НКЗдрава.

В заседании расширенного бюро ученого медицинского совета было постановлено:

«Поставить перед НКЮстом РСФСР вопрос относительно принципиального пересмотра существующих циркулярных распоряжений НКЮ, фактически сводивших до сих пор на-нет возможность применения исследования групп крови в судебно-медицинской практике.

Считать желательным более широкое привлечение судебно-медицинской экспертизы как лабораторной, так и акушерско-гинекологической при разрешении алиментных дел по требованию любой из сторон или самого суда.

До настоящего времени изменений циркуляров НКЮста не последовало, и лишь единичные случаи спорного отцовства обеспечиваются судебно-медицинской экспертизой.

Это положение является совершенно недопустимым и требует скорейшего разрешения.

## К вопросу о специфике работы военного следователя

Молодые следователи, поступающие на работу в Военную прокуратуру, обычно с трудом усваивают особенности следственной работы в условиях РККА. Это явление понятно. Могучий, сложный, своеобразный организм РККА, в системе которой находится военный следователь, накладывает особый отпечаток на всю его деятельность, начиная с руководства органами дознания, кончая деталями производства любого следственного дела.

Особая система отношений, особый порядок воинской службы, специфичность уголовных дел — все это требует от военного следователя безукоризненного знания службы, быта, воинских уставов, а также элементарного знания военного дела (тактики, инженерного дела, артиллерии, авиации и т. п.) в объеме, достаточном для ориентировки в любом, специфически армейском преступлении. Трудность заключается в том, что вопрос об особенностях следственной работы в РККА не нашел почти никакого отражения в юридической литературе. Это одна из наименее разработанных и вместе с тем одна из наиболее серьезных методических проблем. Вновь организованный при Правовой академии военно-юридический факультет еще не подошел, насколько мы знаем, к ее обсуждению. Мы считаем поэтому полезным наметить основные контуры этой проблемы хотя бы в короткой журнальной статье.

Специфика следственной работы в РККА определяется, прежде всего, особой ролью, которую прокуратура выполняет в Красной армии. Будучи строго централизованным аппаратом, неразрывно связанным с общепрокурорской системой, подчиняясь только прокурору Союза ССР, независимая от местного командования, военная прокуратура является вместе с тем одной из составных частей армейского политического аппарата. Так же, как и командование и политический аппарат РККА, военная прокуратура ведет борьбу за непрерывное повышение дисциплины, политико-морального состояния и боевой готовности РККА. Но в отличие от командования и политорганов военная прокуратура осуществляет эти задачи исключительно прокурорскими методами работы: организацией борьбы с преступностью, преследованием и предупреждением преступлений.

Круг работы военного следователя, как и военного прокурора, определяется прежде всего задачей укрепления РККА. Вся его деятельность строго подчинена выполнению этой задачи. Это накладывает на него ряд особых обязанностей.

Произведя расследование любого преступления, совершенного в РККА, военный следователь не ограничивается раскрытием преступления и разоблачением преступника. Он идет дальше. Он ставит перед собой вопрос: как это преступление могло совершиться в РККА, каковы его причины?

Мы знаем, что в отличие от армий капиталистических стран, ни в самой Красной армии,

ни в условиях ее комплектования и развития не заложено никаких органических пороков, которые могли бы неизбежно вызывать преступность. Мы знаем также огромную силу ведущейся в РККА партийно-воспитательной работы. Если при этих условиях мы сталкиваемся в Красной армии с тем или иным преступлением, то мы обязаны поставить перед собою вопрос: почему оно было допущено, не кроются ли некоторые корни его в недостатках того или иного звена армейского аппарата, какого именно звена, не было ли благоприятствовавшей преступлению обстановки? Ответ на эти вопросы может дать иной раз командованию и политорганам ценный материал для устранения установленных расследованием недостатков, т. е. для дальнейшего укрепления боевого могущества РККА.

Совершенно особенным, специфическим, свойственным только организации вооруженных сил, является самый характер воинской преступности; таковы, например, преступления мирного и военного времени: неисполнение приказаний и, особенно, наиболее опасная его групповая форма (ст. 2 Положения о воинских преступлениях), оскорбление подчиненного или начальника (ст.ст. 5 и 6), дезертирство (ст. 7), членовредительство и симуляция болезни (ст. 12), нарушение уставных правил караульной и внутренней службы (ст.ст. 15 и 16), а также преступления, которые могут быть совершены только в боевой обстановке: сдача неприятелю (ст. 20), самовольное отступление начальника от отданных ему для боя распоряжений (ст. 21), самовольное оставление поля боя (ст. 22) и т. д. Методика расследования этих преступлений (особенно в условиях боевой обстановки) в литературе еще совершенно не разработана. Сжатые методические установки Главной военной прокуратуры дают только самую общую ориентировку военному следователю. Теперь уже назрела необходимость выпуска специального пособия типа учебника. За 14 лет существования военной прокуратуры накопился опыт расследования специфически армейских дел. Надо его обобщить.

В условиях армии специфично, однако, не только расследование воинских преступлений. Расследование и общеуголовных преступлений, если они совершаются в РККА, имеет ряд особенностей, с которыми военный следователь обязан считаться. Доступ в военный городок или на территорию военного общежития, например, открыт только для лиц, имеющих особые пропуска. Выход из этой территории тоже регулируется специальными правилами. Если на территории военного городка произошло, скажем, хищение какого-нибудь имущества, то расследование этого преступления требует ясного представления об обязанностях и порядке смены часовых и дневальных, в частности — вооруженного дневального у ворот, условий и порядка охраны и хранения данного вида имущества, правил, регулирующих отпуск людей за ворота и вынос имущества, требует элементарного знания служебного

положения и круга ведения начальников и подчиненных, ответственных за имущество и т. д. Это расследование, с другой стороны, осложняется тем, что в ряде случаев, особенно в небольших, отдаленных от культурных центров гарнизонов, где нет уголовного розыска, следователю и дознавателю приходится выполнять, а, стало быть, и знать самые разнообразные розыскные действия. Именно военному следователю, больше, чем любому другому следственному работнику, необходимо крепко овладеть научными приемами и методами розыска. Во всяком случае, расследование общеуголовных преступлений в условиях РККА представляет деятельность, существенно отличающуюся от деятельности территориального следователя.

Надо также учесть, что в боевой обстановке, на маневрах, на отрядных учениях боевые части и тылы войсковых соединений следуют по определенной, твердо установленной командованием системе. Следователь, не знающий системы организации марша и отдыха, не знает своего места, не попадет в необходимый момент в нужное место, а если и попадет, то, не зная своеобразных условий походной обстановки, не сумеет приспособить своей работы к движению части и может эту работу провалить.

Особо следует остановиться на сложившейся в армии системе отношений между людьми. Суровая революционная дисциплина РККА, основанная на ясном осознании командирами и бойцами своего революционного долга перед родиной, пронизывает весь порядок, весь строй армейской жизни. Одна из основных задач воинской дисциплины это — всемерное укрепление авторитета и ведущей роли командира, ибо командир ведет свою часть в бой. Этим требованием определяются и особые задачи военного следователя.

Отношения свои с командованием военный следователь строит таким образом, чтобы не только не уронить авторитета командного со-

става, но и всячески его укреплять и поддерживать. Военный следователь руководит органами дознания — дознавательной работой командира и комиссара полка. В этой работе следователь избегает дергания командира, опеки над ним, способствует воспитанию в нем волевых качеств, в то же время твердо добиваясь выполнения требования закона и помня, что указания его по производству дознания обязательны для командира.

Военный следователь может, по закону, вызвать любого командира и бойца воинской части на допрос. Разумеется, что этот вызов делается только через командира части. Дни и часы вызова выбираются с таким расчетом, чтобы не помешать боевой подготовке.

Следуя правилу об укреплении авторитета командира, военный следователь с величайшей осторожностью продумывает, назначает и проводит очную ставку между командиром и рядовым бойцом.

Можно привести десятки других примеров, характеризующих поведение военного следователя в отношениях с командованием. В журнальной статье всего не перечислить. Сделаем только еще одно замечание: речь идет о методах подготовки кадров военных следователей военного времени (следователи запаса). Мы думаем, что программа этой подготовки должна быть основана, главным образом, на изучении специфики работы в РККА. Это, понятно, ибо кадры военных следователей запаса комплектуются из контингента территориальных следователей, знающих следственную работу, но не знающих или мало знающих обстановку работы в Красной армии.

Мы, разумеется, ни в какой мере не исчерпали проблемы специфики работы военного следователя, методики его работы в РККА. Она требует обсуждения и разработки. Мы ограничились только постановкой этой проблемы. Мы надеемся, что обсуждение ее найдет свое место на страницах «Социалистической законности».

В. ВЛАСОВ

## Государственный обвинитель на судебной трибуне<sup>1</sup>

Судебное следствие закончено. Детально, шаг за шагом на судебном заседании исследовались обстоятельства конкретного дела, устанавливались факты, опровергались предположения, вырисовывалась картина имевшего место события и определялись отношения к данному событию привлеченных по делу лиц. Наступает ответственный период судебного процесса, когда подводятся итоги, делаются выводы и даются предложения. Внимание участников процесса, аудитории и суда привлекается к судебной трибуне, предоставляемой в первую очередь представителю государственного обвинения.

Мне много раз приходилось занимать эту трибуну. И каждый раз я переживал чувство особой приподнятости от сознания ответственности за каждую свою мысль, за каждое произнесенное с этой трибуны слово.

<sup>1</sup> Статья поступила в порядке конкурса, объявленного редакцией совместно с издат-вом.

Судебная трибуна чрезвычайно ответственное место. Если каждая трибуна требует от выступающего конкретности, четкости определений и ясности предложений, то судебная трибуна повышает эти требования до максимума. От выступающего на судебной трибуне требуется реальный анализ всех обстоятельств дела, четкость и убедительность приводимых аргументов, отчетливая политическая и юридическая квалификация события, определение места и ответственности каждого из участников дела.

Впервые мне пришлось выступать на судебной трибуне по делу, по которому привлекалось 13 обвиняемых. Выступал я совместно с опытным прокурором т. К. Я только что окончил Институт советского права, теоретически ясно представлял себе свои задачи, неоднократно присутствовал на ответственных процессах, и мне казалось, что я вполне овладел техникой этого дела. Я тщательно готовился к процессу и к своему выступлению, «на-зу-

бок» изучил дело, активно участвовал в процессе, составил себе подробный конспект речи. Я выступал первым и говорил 1 час 10 минут. После меня выступал прокурор т. К., который за 40 мин. сказал больше меня. Здесь, на практике, я увидел свои недостатки. Они заключались в том, что у меня не было образности, вследствие чего я был многословен и вместе с тем не так доходчив. Мне было указано также на чрезмерную монотонность голоса, усыпляюще действовавшего на аудиторию.

Не следует думать, что эта, так сказать, формальная сторона выступлений играет последнюю роль. Вялая, монотонная, сухая речь — скучна и не доходчива.

Каким путем я стал вырабатывать в себе необходимые качества для выступления с судебной трибуны? По совету одного своего знакомого я ежедневно прочитываю вслух передовую «Правды». Какое удовольствие получаешь от этого чтения! Четкие, сжатые, образные выражения, подкрепленные короткими но выразительными цитатами, простота языка, в то же время высокая культура и ясность — эти данные передовых статей «Правды», кроме их мобилизующего политического значения, являются неоценимым пособием к изучению построения образной речи.

Я считаю, что одним из основных качеств, которыми должен обладать каждый, кому приходится выступать с судебной трибуны, — это хорошее знание русского языка, сжатость, умение использовать образность, выразительная дикция и соответствующая интонация.

Совсем не плохо, когда государственный обвинитель, находясь на судебной трибуне, будет являться не только проводником революционной законности, но и проводником культуры речи.

Это, так сказать, «формальная» сторона. Но я ее считаю существенной для каждого выступающего с судебной трибуны. Я тут же хочу оговориться, чтобы меня не поняли превратно, я не имею вовсе в виду погоню за внешними эффектами, которые нетерпимы на трибуне советского суда. Но максимальное оживление речи — залог неослабного внимания к ней и наилучшей доходчивости.

Я знаю случаи, когда товарищи знакомятся с делом, по которому им предстоит выступать, только в процессе судебного следствия. Они считают «роскошью» предварительную наметку основных положений, составляющих «канву» речи. В результате этого с судебной трибуны приходится слышать в одном случае общие фразы, в которых тонет существо дела, и в другом — вместо итогового вывода — пересказ, иногда с искажениями того, что было на судебном заседании.

Одним из основных условий содержательного и по форме и по существу выступления с судебной трибуны является тщательное изучение этого дела еще до судебного следствия и активное участие в процессе судебного следствия. Я лично практикую выборки из более актуальных документов дела и обязательно обеспечиваю себя копией обвинительного заключения. В ходе судебного следствия я тщательно фиксирую у себя важнейшие моменты, выявляющиеся на суде, не полагаясь на одну только память. Таким образом к концу процесса у меня собирается полноценный и всесторонний материал. Еще в процессе подготовки к слушанию дела я составляю себе канву,

основу речи, дополняемую фактическими материалами судебного следствия.

Вполне естественно, что для того, чтобы получить в процессе судебного следствия необходимый материал, нужно и к самому судебному следствию серьезно готовиться, чтобы знать кому и какие вопросы задавать, как и в какой последовательности эти вопросы ставить.

Свою речь я строю из четырех основных частей. Первая часть — политическая оценка существа дела; вторая — изложение установленных по делу фактов и их анализ; третья — характеристика обвиняемых и, наконец, четвертая часть — квалификация преступлений, совершенных каждым из обвиняемых, и требования государственного обвинителя.

У нас почти нет литературы по вопросу о речах с судебной трибуны. Техника этого дела совершенно не разработана и ждет своего мастера.

Практическими пособиями в этой области являются исключительно помещаемые в печати судебные отчеты по наиболее серьезным делам, в которых приводятся речи тт. Вышинского, Рогинского, Сегала. Пособия эти большой ценности, так как дают обильный материал к построению обвинительных речей.

Особенно богата, содержательна и ценна как пособие для практических работников речь т. Вышинского на процессе Семенчука и Старцева. Эта речь богата в смысле изучения приемов тончайшего анализа косвенных улик, составивших в данном случае как бы звенья цепи, умело сомкнутой в круг, из которого для обвиняемых не было выхода... Блестящий анализ косвенных улик в данном деле соединяется с глубочайшей по своему содержанию политической оценкой существа дела. Попутно в этой же речи т. Вышинский приводит обширный материал по вопросу о косвенных уликах и их доказательственной ценности, в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Эта речь должна явиться настольным пособием каждого, кому приходится выступать с судебной трибуны. Я не говорю уже о других, еще более ответственных, ярких по своему содержанию и по совершенству отделки, по исключительной убедительности, выступлениях т. Вышинского.

Государственный обвинитель — прокурор является представителем государственной власти, призванной наблюдать за точным исполнением законов.

Всякое нарушение требований закона есть не простое нарушение написанных статей и параграфов, а есть выступление против воли трудящихся масс, его руководящего авангарда рабочего класса и его партии, направленной к закреплению позиций социализма и к дальнейшему продвижению вперед — к коммунизму. Вскрыть политическую сущность рассматриваемого судом преступления, дать этому преступлению правильную политическую характеристику, наглядно и убедительно объяснить на основе материалов дела наносимый преступлением вред интересам социализма — такова основная задача государственного обвинителя.

Для этого выступающий на судебной трибуне прокурор должен повседневно работать над собой, тщательно изучать труды классиков марксизма, особенно отлично знать труды вождей партии и рабочего класса товарищей Ленина и Сталина. Изучение трудов товарищей

Ленина и Сталина, являясь базой для правильного политического анализа событий, есть в то же время школа, дающая непревзойденные образцы простоты языка и глубины мысли, краткости изложения и предельной ясности вопроса. Речи товарища Сталина являются классическими образцами насыщенности содержания, железной несокрушимой логики, плановости и в то же время исключительного использования художественной литературы, сравнений и эпитетов. Вот у кого слово является действительно могущественнейшим оружием, которое оголяет врага, срывает с него все фиговые листки и показывает его обнаженную мерзость — метко поражает убийственным сравнением и логикой фактов.

Государственный обвинитель на суде является не только стороной в процессе. Рассматривать его роль на суде исключительно с этой стороны было бы не совсем правильно. Государственный обвинитель на суде является в первую очередь представителем интересов государства, осуществляющим, как это и записано в стalinской Конституции СССР, «надзор за точным исполнением законов как учреждений, так и отдельными должностными лицами и гражданами СССР». Поэтому знание законов СССР является первым и необходимым условием для выступления с судебной трибуны. Отлично знать законы, относящиеся к материальной стороне рассматриваемого дела, касается ли это уголовного преступления или вопросов гражданских правоотношений; не менее отлично знать и не допускать отступлений от установленного законом процессуального порядка рассмотрения дел — вот основная обязанность прокурора.

Одним из основных и центральных пунктов речи государственного обвинителя является анализ доказательств и аргументация улик против обвиняемого.

Ст. 319 действующего УПК обязывает суд основывать свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, но основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Ст. 112 стalinской Конституции Союза ССР устанавливает, что судьи независимы и подчиняются только закону.

Эти положения должны определять и содержание в данной части речи государственного обвинителя.

Прокурор должен кратко, сжато, четко и убедительно проанализировать все данные дела, рассмотренные в судебном заседании, чтобы восстановить реальную картину имевшего место события и отношения к нему обвиняемых, бюкующую резкостью неопровержимых фактов. Он должен помочь суду разрешить первый и основной вопрос, возникающий при постановке приговора: «имело ли место деяние, приписываемое подсудимому, совершил ли именно он данное деяние» (ст. 320 действующего УПК).

В целом ряде случаев этот основной вопрос — самый трудный вопрос.

Для того чтобы суметь правильно осветить его, выступающий с судебной трибуны государственный обвинитель должен отлично знать учение о доказательствах.

Зачастую прокурорам приходится выступать по делам, либо целиком построенным на кос-

венных доказательствах, либо по делам, где косвенные доказательства играют исключительную роль.

Судебные органы неохотно принимают к своему производству дела, построенные на косвенных доказательствах. В частности подготовительное заседание судебно-уголовной коллегии Московского областного суда от 8/IX 1936 г. прекратило дело по обвинению ряда лиц, привлеченных к ответственности по ст. 59<sup>3</sup> УК, на основании целого комплекса косвенных улик только потому, что не приняло отдельные доказательства, вне связи их с другими уликами. Потребовался протест со ссылкой на известное место в речи т. Вышинского на процессе Семенчука и Старцева, где он сказал: «наличие в деле лишь косвенных улик создает громадные процессуальные трудности, но они неизбежны, с ними необходимо считаться, их нужно преодолеть», чтобы дело все же было принято к производству.

Вполне понятно, что такие дела должны ставиться на судебное разбирательство только при условии собирания в процессе предварительного следствия исчерпывающего материала и такого наличия косвенных улик, которые в своей логической связи окружают обвиняемых глухой стеной. Но когда такая цепь улик собрана — нет оснований отказываться от рассмотрения дела в суде.

Задачей государственного обвинителя по такому делу является: в процессе судебного следствия всесторонняя проверка имеющихся по делу доказательств, а на судебной трибуне их тщательный анализ и построение логически обоснованных выводов.

Мне недавно пришлось выступать по делу о симуляции хищения из склада. Симуляция была «оформлена» так убедительно, что только тщательное расследование следственных органов, основанное на целом ряде косвенных, но в своей совокупности убедительных доказательств — вполне изобличало симуляцию хищения заведующим складом. Последний упорно отрицал свою причастность к данному хищению. В конце концов под влиянием доказательств, против которых ему нечего было возражать, он вынужден был сознаться, что в данный день у него действительно кражи из склада не было, одновременно заявив при этом, что кража у него была совершена много ранее и симулировал он кражу с целью избавиться себя от ответственности за образовавшийся в результате этой кражи недостаток имущества. Однако и приводимые им обстоятельства этой якобы кражи опровергались данными дела. Тщательное изучение дела, проверка доказательств в процессе судебного следствия и их анализ в речи с судебной трибуны дали возможность сомкнуть цепь улик, убедительно свидетельствующих о симуляции кражи в обоих случаях. Осужденный по этому делу заведующий складом откасался от кассации приговора. Убежденной оказалась и аудитория, приветствовавшая приговор.

Нельзя сказать, что дела, основанные на прямых уликах, вплоть до признания обвиняемого, не требуют тщательного анализа этих «прямых» доказательств.

Одним из важнейших моментов процесса является установление мотива преступления. Ведь хорошо известно, что в большинстве случаев, даже признаваясь в совершении преступления, преступник тщательно скрывает истинные мо-

тивы преступления, которые руководили им в момент совершения преступления. Зачастую признающийся в совершении того или иного преступления дает показания, рисуящие его жертвой обстоятельств. На самом же деле он таким путем пытается скрыть истинные мотивы преступления и других участников его.

Перед прокурором в таких случаях стоит задача вскрыть сущность совершенного преступления, вскрыть действительную роль обвиняемого в совершенном им преступлении с момента подготовки, его поиски сообщников и орудий преступления и раскрыть попытки замести следы совершенного преступления, либо переложить ответственность на других лиц.

Государственный обвинитель должен дать ясный и убедительный ответ на вопрос: содержит ли данное деяние состав преступления и какое?

Судьи оценивают доказательства, как уже было сказано выше, по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. По вопросу об этом внутреннем убеждении в последнее время на страницах юридических журналов была оживленная дискуссия. Я лично целиком присоединяюсь к выводам т. Вышинского и считаю, что обстоятельная и содержательная по убедительности доводов речь государственного обвинителя с судебной трибуны может быть ценным пособием при оформлении совершенно объективного, основанного на трезвом анализе совокупности обстоятельств дела внутреннего судебного убеждения.

При анализе доказательств нельзя обходить отдельные обстоятельства, вскрытые в процессе следствия на том только основании, что они вносят диссонанс в стройную систему, созданную обвинителем. Эти моменты нужно объяснять, учитывая, что защитник может сделать их центральным пунктом своей речи. Прокурор Союза ССР т. Вышинский часто прибегает к этому приему, заявляя, например: «я считаю неправильным предположение, которое, как мне кажется, будет выдвигать защита...» и далее тут же опровергает его (Соцзаконодательство № 6, 1936 г. стр. 21).

Чрезвычайно существенный момент в речи государственного обвинителя — это характеристика обвиняемых. Преступление совершено конкретными лицами, и нужно показать, что представляют собою эти лица, каков политический, общественный и моральный их облик. Прокурор должен вскрыть причины, которые привели этих лиц к выступлению против законной советской власти. Личная ли корыстная заинтересованность, сознательная ли враждебность социалистическому строю, пережитки ли наследия прошлого, наплевательское ли отношение к обязанностям гражданина СССР, про-

возглашенным в сталинской Конституции, пренебрежение ли к элементарным правилам поведения и т. д. Выяснение этих обстоятельств наряду с показом действительного облика подсудимого поможет суду «бороться со всем тем, что мешает социалистическому строительству, воспитывать новую дисциплину труда, честное отношение к общественному долгу, уважение к правилам социалистического общежития» (из ст. 130 сталинской Конституции).

Очень важная и ответственная часть выступления государственного обвинителя с судебной трибуны — это юридическая квалификация преступления, совершенного каждым из подсудимых, и конкретные предложения государственного обвинителя по вопросу о мерах наказания. Все предшествовавшее этому моменту выступление уже дает необходимый материал. Остается кратко резюмировать, сослаться на соответствующий закон, предусматривающий это преступление, доказав, что именно данная статья уголовного кодекса квалифицирует данное преступное действие. Иногда возникает необходимость анализировать эту статью, чтобы показать, что именно эта статья, а не какая-либо другая, предусматривает данное преступление. Для этого требуется отличное знание Уголовного кодекса и вкладываемого в каждую его статью содержания.

Предложения государственного обвинителя о мере наказания должны исходить из совокупности доказанных преступных деяний, совершенных подсудимым, из оценки установленных на суде мотивов преступления, из учета распространенности данного вида преступлений и его особой опасности для интересов социалистического строительства в данный момент и из личности обвиняемого. Эти предложения должны быть обоснованы, иначе они не будут убедительными.

Речь государственного обвинителя закончена. Судебная трибуна представляется защитнику. Государственный обвинитель должен с неослабным вниманием прослушать речь защитника.

О роли защиты в суде в последнее время достаточно и авторитетно сказано. Права обвиняемого на защиту установлены ст. 111 сталинской Конституции Советского союза.

И государственный обвинитель, внимательно прослушав речь защитника и обнаружив в ней искажение материалов дела и т. д., должен в реплике всем этим высказываниям дать отпор, не выходя, разумеется, из рамок культуры.

Судебная трибуна — чрезвычайно ответственное место. Каждое слово, произносимое с этой трибуны, должно быть продумано, обосновано и целенаправленно.

Чтобы это было так, — нам нужно учиться, учиться и учиться.

## В ЗАЙЦЕВ

# О городском и районном прокуроре

В новой великой сталинской Конституции СССР суд и прокуратура занимают целую главу. Это говорит за то, что в социалистическом устройстве и управлении нашего государства суду и прокуратуре Конституцией отводится особое место.

В статье 113 новой сталинской Конституции предусматривается, что «Высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР воз-

лагается на Прокурора СССР». Этот высший надзор за соблюдением советских социалистических законов прокурор Союза будет осуществлять через республиканские, краевые, областные и районные прокуратуры.

Следовательно, на территории республики, края, области и района соответствующий прокурор осуществляет надзор за соблюдением социалистической законности аналогично прокурору Союза, с той только разницей, что у нижестоящих прокуроров меньше масштаб прокурорского надзора.

Выделение прокуратуры из состава НКЮ в самостоятельный орган несомненно поднимает вес и авторитет прокуратуры, создает более стройную и четкую централизованную организацию прокуратуры сверху донизу.

Для выполнения столь ответственной и почетной задачи, возлагаемой новой Конституцией СССР на органы прокуратуры, как осуществление надзора за точным исполнением наших социалистических законов учреждениями, должностными лицами и всеми гражданами нашей социалистической родины, для органов прокуратуры должны быть созданы соответствующие условия.

Нужно сказать, что эти условия для органов прокуратуры были созданы и раньше. Достаточно вернуться и вспомнить замечательный документ, написанный собственноручно т. Лениным еще в 1922 году при организации советской прокуратуры на имя товарища Сталина «О двойном подчинении и законности», и мы будем иметь ясное и четкое представление о том, что прокуратура есть орган централизованный, работники прокуратуры назначаются, сменяются и перемещаются только вышестоящей прокуратурой, а следовательно подчиняются только вышестоящему прокурору, а не местным органам власти, что служит гарантией от нездоровых влияний на работу органов прокуратуры. Указание о прокуратуре как о централизованном органе твердо и неуклонно проводилось партией и правительством на протяжении всего периода существования советской прокуратуры. С принятием новой сталинской Конституции СССР возможности для работы прокуроров стали еще большими.

Согласно ст. 114 новой Конституции прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на 7 лет. Такого продолжительного срока назначения или выборов новая Конституция СССР не предусматривает ни для одного центрального или местного органа власти. Уже одно это говорит о величайшем значении, которое партией и правительством придается советской прокуратуре, что неизмеримо поднимает авторитет прокуратуры.

«Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет». — Это предусмотрено ст. 115 новой Конституции, а ст. 116 Конституции предусматривает: «Районные прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет».

Вот законченная, стройная централизованная система организации органов советской прокуратуры. А если еще сюда прибавить ст. 117 Конституции, которая гласит: «Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняются только Прокурору СССР», то бу-

дет еще более понятно, какое важное место занимают органы прокуратуры в системе советского государственного устройства, когда вся централизованная система органов прокуратуры через прокурора Союза непосредственно подчинена Верховному совету и никаким другим органам.

В соответствии с тем местом, которое занимает прокуратура в системе советских органов, к органам прокуратуры предъявляются и очень большие требования. Органам прокуратуры новой Конституцией предоставляются большие права, но вместе с тем Конституция на них возлагает большие обязанности и тем самым требует от прокуратуры огромной ответственности за выполнение возложенных на нее задач.

В своей знаменитой речи 4 марта 1935 года на выпуске академиков Красной армии товарищ Сталин сказал: «Кадры решают все», кадры людей, овладевших техникой. Эти слова товарища Сталина полностью применимы к работникам прокуратуры и суда. В промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте мы имеем небывалые в истории человечества успехи потому, что у нас выросли новые кадры, выросли работники, овладевшие техникой, благодаря чему выросло стахановское движение в стране, выросли люди, которые выжимают из техники все, что возможно выжать, и при помощи овладения техникой продолжают двигаться вперед по пути новых завоеваний. Работникам прокуратуры и суда приходится выполнять свою работу без применения машинной техники. Однако без общих, политических и юридических знаний выполнять те грандиозные задачи, которые возлагаются на работников юстиции, невозможно.

Тов. Калинин в 1934 году в своем выступлении на юбилейном вечере Верховного суда СССР сказал: «Народный судья, районный прокурор, народный следователь — важнейшие звенья в борьбе партии за преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей»<sup>1</sup>.

«От прокурора зависит направление каждого дела. Наш районный прокурор работает в довольно-таки сложной, трудной обстановке. Мы требуем и вправе требовать от прокурора, чтобы ни один невиновный не был привлечен к суду. Мы требуем от него такой постановки и такого обоснования обвинения, которые действительно помогли бы судье разобраться в деле. Мы требуем от прокурора такой постановки работы, такой организации борьбы за социалистическую законность, при которых каждый рабочий, каждый колхозник, каждое советское учреждение были бы гарантированы от бюрократических извращений, при которых каждый был бы уверен, что его законные права и интересы охраняются, что на страже этих интересов стоит специально поставленный Советской властью прокурор».

Чтобы выполнить предъявленные в настоящий период требования к судье, прокурору и следователю, нужно, чтобы они были политически и юридически образованными людьми. Вот почему т. Калинин в той же речи по-

<sup>1</sup> Сборник «10 лет Верховного суда Союза ССР». «Сов. законодательство», 1934, стр. 185 и 8.

ставил требование, ...«что судья должен обладать знаниями хотя бы в пределах Коммунистического университета; это должен быть человек, который своим личным поведением, своим отношением к работе заслужил доверие и авторитет, человек, который имеет большой общественно-политический опыт, умеет разбираться в людях, и я еще должен к этому прибавить — культурный человек».

Тов. Каганович на одном из совещаний прокурорско-судебных работников города Москвы и Московской области в 1935 году поставил требование перед работниками прокуратуры и суда, чтобы все они в ближайшее время имели среднее и высшее образование. Товарищ Сталин в своей знаменитой речи на I всесоюзном совещании стахановцев поставил задачу поднятия «уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда». И эти требования в первую очередь мы должны предъявить к самим себе, т. е. ко всем работникам прокуратуры и суда. Такие требования особенно становятся необходимыми, когда согласно сталинской Конституции СССР предстоит назначение краевых, областных и районных прокуроров и прокуроров АССР сроком на 5 лет, выборы нарсудей на 3 года, а членов край(обл)судов — сроком на 5 лет.

По указанию прокурора СССР т. Вышинского, Прокуратура РСФСР уже приступила к проведению подготовительной работы к назначению районных прокуроров. Подготовительная работа райпрокуроров должна быть проведена в течение ближайших трех месяцев. Работа эта большая и очень ответственная. Поэтому Прокуратура Союза и РСФСР в каждый край, область и АССР командирует своих представителей сроком на один месяц, на обязанности которых возлагается проведение этой подготовительной работы.

Выезжающие на места представители центральной прокуратуры на основе имеющихся материалов в краевых прокуратурах и прокуратурах АССР, характеризующих работу того или другого городского прокурора, на основе аттестационного материала, и других сведений, которые ими будут собраны, должны всесторонне изучить работников прокуратуры, проверить и дать оценку их работе. Однако основным условием для изучения работы городских прокуроров, для проверки их работы должно быть личное ознакомление выезжающих представителей центральной прокуратуры с работой городских прокуроров, путем выезда в районы и в города, проверка их работы на месте, беседы с ними, беседы с руководителями районных и городских партийно-советских органов и т. д. В необходимых случаях можно вызывать районных прокуроров в краевую, областную прокуратуру и проводить личные беседы с ними на основе имеющихся материалов о их работе в край(обл)прокуратурах, знакомиться с их работой.

Такую громадную работу провести одному представителю центральной прокуратуры будет не под силу. Поэтому в эту работу должны быть включены краевые, областные прокуроры, которые лучше знают работу городских и районных прокуроров, которые повседневно сталкиваются с их работой, руководят ею. Чтобы успешно выполнить эту работу в течение месячного срока, необходимо будет командировать в районы 5—6 работников из ап-

парата краевых (областных) прокуратур и прокуратуры АССР.

При проведении этой работы необходимо установить теснейшую связь с крайкомами, обкомами и райкомами партии, необходимо добиться их помощи в изучении прокурорских работников. Но нужна не только в этом помощь со стороны парторганов. Основное — это, чтобы с помощью местных парторганов добиться прилива новых кадров прокуратуры. Для этого представитель центральной прокуратуры совместно с крайевыми (областными) прокурорами должны поставить перед крайкомами и обкомами партии в первую очередь вопрос о возвращении на прокурорскую работу бывших судебно-прокурорских работников, а когда этого будет недостаточно, добиться посылки на работу в прокуратуру партийцев, которые могут быть назначены городскими и районными прокурорами. С укомплектованием состава прокурорских работников дело обстоит в настоящее время не совсем благополучно. По отдельным краям, областям и АССР некомплект составляет 15—20% всего состава.

После проверки личного состава и назначения городских и районных прокуроров прокурором Республики неизбежно получится отсев, и неуккомплектованность прокурорского состава еще больше увеличится. Ожидать пополнения прокурорских работников от Прокуратуры Республики не приходится, так как и там тоже нет никаких резервов. Вот почему теперь, в период подготовки к назначению районных прокуроров должны быть выдвинуты люди на работу районных прокуроров на месте.

Назначение городских прокуроров, согласно ст. 116 новой Конституции, будет производиться прокурором Республики, с утверждением прокурора СССР. Поэтому изучение и проверка прокурорских работников на местах должна быть обязательно документирована. О порядке документации в период подготовительной работы Прокуратурой РСФСР уже разосланы соответствующие указания, разосланы материалы для заполнения, дано указание, как нужно их заполнять. По всей республике вводится единообразный порядок учета прокурорско-следственных работников. На каждого прокурора и следователя заводится личное дело как в Прокуратуре Республики, а также в прокуратурах краев, областей и АССР. Личное дело должно состоять из следующих документов: а) личного листка по учету кадров, заполняемого собственноручно прокурорско-следственными работниками; б) автобиографии, в) двух фотокарточек, г) копии приказа о назначении работника и д) аттестации-характеристики, составленной по установленной форме.

Кроме того для облегчения оперативной работы в прокуратурах краев, областей и АССР на каждого работника заводится за одним номером с личным делом должностная и алфавитная карточка.

Нужно навести надлежащий порядок в учетном хозяйстве прокурорско-следственных работников, а это легче всего будет сделать в подготовительный период к назначению райпрокуроров. Поскольку выезжающим на места представителям Центральной прокуратуры придется все время сталкиваться с учетными материалами, то следует подойти к этому делу вплотную и проверить, как налажен этот учет и если этот учет еще не налажен, потребовать

от помощника прокурора по кадрам наладить его немедленно.

Самый главный из вышеперечисленных документов — это аттестация-характеристика, которая должна составляться краевыми (областными) прокурорами и прокурорами АССР совместно с представителями Центральной прокуратуры. Схема этой аттестации-характеристики на месяц разослана, но тут не в схеме дело. Дело в том, чтобы все характеристики городских и районных прокуроров составлялись не на основе личных впечатлений того или другого работника, а на основе объективных показателей его работы, со ссылкой на документы, которые подтверждают как положительные, а также и отрицательные стороны в работе прокурора.

У нас уже имеется в прошлом опыт проведения аттестационной работы прокурорско-следственных работников. Однако, нужно прямо сказать, что этот опыт по абсолютному большинству краев, областей и АССР дал неудовлетворительные результаты. Недостатки прошлой аттестационной работы заключались, во-первых, в том, что эта работа, вместе установленного приказом, прокурора СССР крайнего срока, тянулась по некоторым краям и областям по 3—4—5 месяцев; во-вторых — в том, что многие прокуроры краев, областей и АССР недооценили значение этой важной работы, отнеслись к этой работе формально, зачастую составляли аттестации на работников не на основе объективных показателей, которые выписками из документов, характеризующих работу прокурора или следователя, а на основании личных впечатлений того или другого работника; в-третьих — в том, что эта аттестационная работа проводилась кабинетно, в большинстве случаев без выезда и проверки работы аттестуемого, аттестации не были объявлены аттестуемым работникам.

Чтобы не быть голословным, что это именно было так, приведем только несколько выдержек из аттестаций.

Вот аттестация одного из следователей Крымской прокуратуры.

«... в органах юстиции работает с 1918 года. Как следователь опытен и может быть оставлен на работе. Председатель Комиссии прокурор республики — Манатов». Что дает такая аттестация? Она ничего не дает, кроме показательства несерьезного подхода со стороны т. Манатова к проведению аттестования своих работников.

Прокурором Омской области т. Раппорт представлена аттестация одного райпрокурора следующего содержания:

«В органах юстиции работает с 1928 г. (нар. судья), член областного суда, районный прокурор с 1934 года). Работу выполняет удовлетворительно, политически развит, подлежит отчислению как служивший в белой армии. Пока можно оставить на работе, установив особый контроль». Интересно было бы узнать какой «особый контроль» установил прокурор Омской области за этим работником.

Прокурор Кара-Калпакской АССР т. Нуржанов представил аттестацию на народного следователя Н. Н. В этой характеристике говорится: «политически малограмотен, но классно выдержан». Вы думаете, что Нуржанов собирается послать аттестуемого на учебу или сдать с работы за малограмотность? Ошибаетесь — решение т. Нуржанова другое: «Подлежит выдвижению на работу райпрокурора».

Прокурор Ойротской автономной области т. Гольберг представил аттестацию на прокурора одного аймака: «... Обкомом ВКП(б) т. Н. Н. за систематическую пьянку дискредитацию прокуратуры с работы снят... У т. Н. Н. основной недостаток — это пьянка, при отсутствии этого вполне работать участковым прокурором может. Подлежит оставлению на работе следователя при условии, если т. Н. Н. в дальнейшем не будет повторять пьянство; при этом условии может быть после испытания переведен обратно на работу прокурором участка; при повторении же в дальнейшем пьянки безусловно будет исключен из партии и снят с работы в органах юстиции». Такая аттестация пожалуй больше всего аттестует самого облпрокурора — т. Гольберга.

Или вот аттестация, представленная прокурором Хакасской автономной области т. Жаровым: «... прокурорскую работу знает, настойчив, но неповоротлив, требует постоянного подталкивания, недисциплинированный, без инициативы, авторитетом в Хакасской автономной области не пользуется. Как сын кулака подлежит немедленной замене с переводом из Хакасской области в другой район края». Как видно, по мнению т. Жарова, сын кулака, да еще, как он пишет в аттестации, неоднократно исключавшийся из партии, при переводе в другой район должен пользоваться авторитетом, поэтому он его и рекомендует перевести из Хакасской области.

Таких, с позволения сказать, аттестаций можно было бы процитировать не один десяток и не только по названным выше областям. Они имеются и по другим краям, областям и АССР, но и этих достаточно, чтобы сказать, как не надо проводить аттестование работников.

В характеристике городского и районного прокурора должно обязательно быть отражено, насколько правильно прокурор может организовать свою работу, в частности: прием посетителей, выезды в колхозы и на предприятия; практикуется ли им прием и разрешение жалоб на месте, правильно ли поставлен им учет и контроль и проверка исполнения. Для работы горрайпрокурора имеет значение и внешний вид помещения, оборудование камеры и т. д. Однако основная работа городского и районного прокурора — это надзор за точным исполнением законов учреждениями, организациями, отдельными должностными лицами, а также гражданами и борьба с преступлениями на территории района или города, где работает прокурор.

Оценка работы должна производиться главным образом по основным ее объектам, а именно: руководство следствием, судебный надзор, общий надзор, рассмотрение жалоб и работа с общественностью. Тут нельзя отделяться общими фразами: эта оценка должна быть конкретизирована и работа должна быть оценена главным образом с качественной стороны, а это можно увидеть только по результатам работы аттестуемого, систематически изучая эту работу.

Городской и районный прокуроры — политические деятели. Они должны уметь делать политические выводы из своей работы, уметь поставить принципиальные вопросы перед местными руководящими органами, перед вышестоящими органами прокуратуры вплоть до прокурора СССР.

Именно на основе умения правильно разбираться в политических вопросах, умения своевременно поставить эти вопросы там, где это нужно, и добиться их правильного разрешения и должна базироваться общественно-политическая часть характеристики работника.

В интересах объективности на одном из совещаний прокурорских работников прокурор СССР т. Вышинский, касаясь аттестации прокурорско-следственных работников, совершенно правильно дал указание, чтобы аттестации и характеристики были объявлены аттестуемым работникам, и это указание т. Вышинского нужно выполнять при проведении подготовительной работы к назначению прокурорских работников.

После изучения работы прокурора, после представления на него характеристики, должна быть дана оценка его работы и высказано мнение прокурора края, области и АССР и

представителя центральной прокуратуры. Если же работник не соответствует должности прокурора, следует ли его продвигать на высшую должность или переместить на низшую должность, или этого работника следует освободить от прокурорской работы.

Проведение подготовительной работы к назначению прокуроров и назначение их является большой политической кампанией, которая касается всей массы прокурорских работников. Поэтому к этому делу нужно отнестись со всей серьезностью, как к большому политическому делу, и провести эту работу нужно умело. В результате проведения этой работы нужно добиться того, чтобы вся масса прокурорских работников РСФСР еще больше была бы мобилизована на борьбу за социалистическую законность, за проведение в жизнь великой сталинской Конституции СССР.

**В. МЫСЛОВ**

## О некоторых вопросах организационной работы

*(Заметки районного прокурора)*

Важнейшие задачи, поставленные партией и товарищем Сталиным перед органами прокуратуры, требуют, особенно в связи с утверждением сталинской Конституции, улучшения работы всех звеньев прокуратуры.

Работая несколько лет городским прокурором, я хочу высказать несколько соображений, на которые меня натолкнула практика.

Помимо ряда мероприятий по изучению, пересмотру, подбору кадров и т. п. мы полагаем, что основное заключается в широкой переподготовке районных прокуроров и следователей и организации учебы, совмещающей ее с работой. Ведь до сего времени в областях при подходе в юридические школы для переподготовки руководствовались в значительной степени соображением о том, можно ли отпустить партийного товарища из района. Неплохо работающие районные прокуроры годами были лишены возможности попасть на переподготовку. «Нельзя оголять район» — излюбленный довод многих работников в ответ на просьбу об учебе. Добровольность учебы дома и выбора ее форм привела к тому, что многие товарищи не учились.

Нужно сказать, что заочные отделения правовых институтов да и вышестоящие прокуроры не прилагали особых усилий к тому, чтобы переубедить этих товарищей и организовать их учебу.

Ценнейшее мероприятие Прокуратуры Союза — обязательная сдача юрминимума — было обесценено отчасти отсутствием учебников во многих местах, скоропалительным прохождением юрминимума и в отдельных случаях недостаточно организованной сдачей юрминимума.

Вышестоящие органы прокуратуры, как правило, до введения юрминимума не уделяли внимания вопросам подготовки и переподготовки кадров, считая это дело посторонним. Характерно, что автора этой статьи за все время работы, никто не спросил, занимается ли он где-нибудь, как учится, что читает.

Несмотря на общий политический и культурный рост наших кадров, он все же не может нас удовлетворить в связи с возросшими требованиями. Грустным анекдотом звучат такие факты, когда следователь областного центра на другой день после сдачи юрминимума «на хорошо» в частной беседе настаивает на том, что по новой Конституции будут функционировать съезды Советов, когда работники прокуратуры крупного городского центра не знает разницы между кассационным и надзорным производством; когда другой товарищ, услышав разговор о Шекспире, заявляет, что кажется он «проходил» в 1933 г. по закону от 7 августа. Эти прорывы мы имеем потому, что гениальные указания товарища Сталина о работе с кадрами, их воспитании не были реализованы организационно в достаточной степени.

Для того чтобы решительно двинуть вперед дело кадров, нам кажется, во-первых, необходимо организовать учебу без отрыва от работы и переподготовку прокурорских работников. Нам представляется возможным и своевременным (учтя опыт других ведомств) ввести обязательную для всех работников прокуратуры, не имеющих законченного высшего образования, подготовку, выделив для этого, кроме свободного времени, дополнительно один день в шестидневку. Надо одновременно обеспечить возможность каждому из товарищей работать в системе заочного правового обучения, предъявляя это требование как обязательное.

Пора приступить к разработке и созданию юридического пособия для прокурорской периферии по образцу «юрминимума», в котором чрезвычайно сжато освещается ряд вопросов и были допущены, по нашему мнению, ошибки. Так, например, отсутствие хотя бы краткого объяснения социально-экономических корней оппортунизма в главе III учебника «Юрминимум» и даже объяснение причин оппортунизма «непониманием» (см. ч. I, стр. 15—16 «Юрминимума») вызвало законное недоумение работников при изучении книги.

Новое пособие, не превращаясь в «Энциклопедию юридических наук», должно быть капитальным трудом, излагающим достаточно полно основы уголовного права, уголовной политики, процесса и гражданского права и процесса равно, как и обязанностей прокурора по общему надзору. Потребность в таком издании весьма ощутима.

Нам кажется, что пора поставить обязательным условием также овладение художественной литературой, хотя бы в объеме программы средней школы. При выросшей сети домов культуры, клубов, библиотек и изменению объема работы (в сельских районах особенно) это никакими трудностей не представляет.

В каждой районной прокуратуре должна быть организована библиотечка, в которой кроме полного комплекта кодексов должна быть основная правовая литература. Каталог этой литературы должен вестись и храниться у секретаря прокуратуры, чтоб библиотека не разбазаривалась.

Следовало бы также, по нашему мнению, в каждой областной (краевой) прокуратуре организовать юридическую библиотеку и консультационный пункт, включив в штаты областных прокуратур библиотекаря-консультанта. Одесская областная прокуратура это сделала, но к сожалению, библиотека и консультант помощью работникам сельских районов еще не занимаются. Во-вторых, нам кажется, вопрос переподготовки следует поставить совершенно по-иному, обеспечить посылку на переподготовку не менее 25% районных прокуроров ежегодно, взамен вредной, неправильной тенденции на местах переподготавливать «не огуля района».

Основные формы переподготовки, по нашему мнению, должны быть две. Краткосрочные курсы-конференции сроком 5—10 дней в областных центрах (или «кустах» районов) с постановкой на них лекций или докладов и 3—6-месячные курсы переподготовки. Курсы-конференции, по нашему мнению, необходимо практиковать 2—3 раза в год, взамен водолейских общих совещаний, где отдается дань обща — достижениям и недостаткам. Это не устраняет конечно целесообразности созыва совещаний в тех случаях, когда они действительно необходимы. Затем нам представляется целесообразным перенесение курсов переподготовки, поскольку это возможно, в республиканские и краевые центры, что значительно повысило бы качество самой переподготовки.

Юридические школы очень часто не дают необходимой подготовки. Выпускник Одесской школы т. Г., направленный на работу в городскую прокуратуру, обнаружил незнание основ законодательства о гражданском праве и процессе, этот товарищ не имеет представления об уставе сельхозартели. Поэтому целесообразно было бы реорганизовать юридические школы, удлинить в них срок обучения хотя бы до 2 лет и установить продолжительную стажировку выпускников.

Третье — необходимо, несмотря на трудности, связанные с лимитированием отпуска бумаги и т. п., решительно расширить издание и тиражи, выпускаемых издательством «Советское законодательство» кодексов и учебников по правовым дисциплинам. Попробуйте найти в книжных магазинах Николаева, Одессы действующие УК, УПК, ГК, ГПК, об этом нечего мечтать. За «Юрминимумом» обращались в

Московские, Ленинградские, Харьковские, Киевские книготоргующие организации, просили помощи у сектора науки НКЮ УССР, но даже слабого утешения не получили. После тщательных розысков в области было обнаружено 2 экз. «Криминалистики», 3 экз. «Курса уголовного процесса» Вышинского и Ундревича. Хочется расти, учиться, а учебников нет. Могут ли их заменить хорошие речи о необходимости учебы, о правовом образовании.

Необходимо отметить, что журнал «Социалистическая законность» является для нас незаменимым помощником. Из него мы черпаем информацию, знакомимся с новыми проблемами, задачами, суммированным опытом практической работы по краям, республикам. Очередного номера журнала мы ждем с нетерпением. Наше пожелание, чтобы журнал выходил более регулярно.

Кстати, на Украине в книжных магазинах предлагают полный комплект действующих кодексов РСФСР. Мы предлагаем в целях снабжения районной прокурорской периферии учебниками и кодексами ввести, как обязательное правило, приобретение их всеми районными прокуратурами Союза, поставив перед издательством вопрос о централизованной рассылке всем районным прокуратурам наложенным платежом новых изданий, рекомендованных к рассылке Прокуратурой Союза.

Четвертое — всю ответственность за обязательное обучение, заочное обучение и переподготовку кадров прокуратуры надо возложить на областных и краевых прокуроров. Это главное. Руководящие органы прокуратуры должны организовать учебу, помогать в ней, систематически проверять и контролировать ее ход. Республиканские и союзная прокуратуры периодически должны заслушивать доклады о состоянии кадров и работе с ними.

Кроме указанных выше мероприятий нам кажется целесообразным для улучшения подготовки кадров шире практиковать созыв совещаний отличников в республиканских прокуратурах и Прокуратуре Союза.

И всеобщее совещание вынесло очень хорошее решение о том, чтобы низовых работников обязательно периодически командировать в центр на 1—3 месяца для повышения их квалификации. К сожалению, этот пункт забыт. Между тем такие командировки значительно помогли бы районным прокурорам.

Трудно вспомнить приказ республиканской или союзной прокуратуры о товарищах, показавших хорошие образцы работы, зато в практике работы многих звеньев прокуратуры дисциплинарные взыскания отличались чрезмерным изобилием. Нам кажется, что поощрения работников за хорошие образцы в работе должны стать системой по образцу некоторых наркоматов, как Наркомтяжпром и др. Это не исключает строжайшей дисциплины, предполагающая образцовую дисциплинированность работника, как один из элементов отличничества. Ведь небольшое поощрение, хотя бы извещенное в приказе, действует ободряюще на работника, усиливает желание работать отлично, быть передовым. Пора иметь образцовые прокуратуры, мы их имеем и будем иметь значительно больше. Уместно вспомнить слова т. Кагановича Л. М. на XVII съезде ВКП(б). «Когда говорят, что нет у нас людей — это неправильно, люди есть и талантливые люди,

надо уметь их выдвинуть, поднять, поставить на надлежащее место».

О техническом аппарате прокуратуры у нас вспоминают редко, а ведь от его организованности, слаженности, четкости в работе зависит очень многое. Необходимо проводить также курсы-конференции техработников, ввести обязательную сдачу техминимума. Наконец вместе с ЦК Союза работников суда и прокуратуры необходимо поставить вопрос о подтягивании зарплаты техаппарата к уровню техработников других ведомств.

В заключение мы хотим сделать несколько замечаний о социалистическом соревновании в наших органах. Социалистическое соревнование, так мощно развернувшееся во всех отраслях социалистического строительства, в наших органах развито очень слабо. В наших органах существует недооценка социалистического соревнования, как могучего рычага социалистического строительства. В соревновании имеет место выдвижение явно неправильных лозунгов «ни одного оправданного», вместо «ни одного неправильно преданного суду», желание одним махом ликвидировать все недостатки путем походов, штурмов и т. п. В других случаях выполнение принятых обязательств никто не проверял, не контролировал.

Опыт Одесской областной прокуратуры, развернувшей соревнование в 1935—1936 гг. между районами, показывает, каких ощутительных результатов можно добиться при организации соревнования.

Мы полагаем, что социалистическое соревнование на лучшую работу, на лучшую прокуратуру может и должно быть организовано не только между районами и городскими прокуратурами, но и между областными и краевыми прокуратурами. Все дело в организации соревнования. Соревнованием должны руководить

вышестоящие прокуроры; они, как правило, должны быть арбитрами соревнования. Ход соревнования нужно проверять, освещать его в бюллетенях, организовывать взаимопроверку принятых обязательств, подтягивать отсталых. Обязательства, принимаемые участниками соревнования должны быть конкретными, без общих фраз и должны поднимать работу на высшую ступень. Само соревнование должно проводиться без излишней шумихи, треска, не превращая его в парад, показное. Ведь оно требует длительной, серьезной и настойчивой работы.

Мы предлагаем объявить на 1937 г. социалистическое соревнование имени сталинской Конституции на лучшую работу всех органов прокуратуры во всех краях, областях, республиках, районах.

В своих заметках мы не стремились «объять необъятное», охватив все организационные вопросы прокурорской работы, не открывали новых «Америк». Мы сделали ряд замечаний и предложений по тем вопросам организационной работы, которые больше всего являются предметом обсуждения периферийных работников прокуратуры.

Величайший документ в истории человечества — сталинская Конституция — воодушевляет нас на новые победы, решительное улучшение нашей работы, повышение революционной бдительности, разгром всех врагов народа, охрану советского закона, улучшение всей организационной работы прокуратуры; приведение ее в соответствие с важнейшими политическими задачами прокуратуры поможет работникам прокуратуры — партийным и непартийным большевикам усилить свою работу, отдав все силы для выполнения почетных и ответственных задач, которые поставили перед нами партия и наш великий Сталин.

## В. ПOKPOBCKИЙ

# О некоторых нарушениях революционной законности в области налоговой политики

Прокуратура Союза, как правило, принимает жалобы на постановления налоговых органов только в том случае, когда они утверждены всеми вышестоящими административными инстанциями до Наркомфина Союза включительно. Поэтому до сведения Прокуратуры Союза доходят только такие искривления и перегибы в налоговой политике, которые не были своевременно исправлены наркомфинами союзных республик и Наркомфином СССР.

Однако на основании проверки даже тех сравнительно немногих налоговых дел, которые были по жалобам налогоплательщиков затребованы Прокуратурой Союза, можно сделать вывод, что в реальном проведении налоговой политики далеко не все благополучно, что налоговыми органами зачастую допускаются грубейшие нарушения революционной законности, которые исправляются только после вмешательства Прокуратуры СССР.

Свыше 90% поступивших в Прокуратуру СССР жалоб на налоговые органы было подано кустарями, отнесенными к 3 категории

налогоплательщиков, которая предусматривает обложение нетрудовых элементов (торговцев, лиц, эксплуатирующих чужой труд и т. п.). Отсюда следует заключить, что нарушения и перегибы в налоговой политике допускались главным образом в отношении кустарей, несмотря на то, что целым рядом правительственных постановлений было предложено проявлять особую осмотрительность и осторожность при обложении налогами этой группы населения.

Между тем целый ряд опротестованных Прокуратурой Союза постановлений налоговых органов свидетельствует о том, что при разрешении некоторых налоговых дел не только не было проявлено такой осмотрительности и осторожности, но и были допущены в отношении кустарей грубейшие нарушения революционной законности. Последствия таких перегибов были в большинстве случаев весьма серьезны: с одной стороны, они влекли за собой разорение налогоплательщиков, вынужденных прекратить свое кустарное производство.

а с другой стороны — лишение их избирательных прав, выселение из занимаемых помещений и другие последствия, сопряженные с отнесением их к нетрудовым категориям населения.

Из числа выявленных Прокуратурой Союза нарушений революционной законности, допущенных налоговыми органами, следует отметить следующие:

Основанием к обложению служили не находившиеся в распоряжении налоговой инспекции твердые данные о характере подлежащего обложению предприятия или промысла, а предположения, не получавшие при проверке налогового дела подтверждения в собранных материалах.

Так например, Ухтомское райфо Московской области привлекло к обложению подоходным налогом за 1935 г. как кустарей, работающих на дому по починке примусов, граждан Прокофьевых — отца и двух сыновей — по норме доходности, установленной для этого вида промысла (7000 рублей для каждого из них в отдельности). Основанием к такому обложению послужило то обстоятельство, что один из сыновей Прокофьева при обследовании налоговым инспектором мастерской по починке примусов, содержащейся в поселке Малаховке третьим сыном Прокофьева, находился в этой мастерской. Из этого факта налоговый инспектор пришел к выводу, что не только этот сын Прокофьева, но и живущие совместно с ним его отец и второй брат также занимаются починкой примусов. При проверке дела выяснилось, что починкой примусов занимается только один Прокофьев, который имеет регистрационное удостоверение, а другие его два брата и отец — сезонные рабочие, чинили водопровод в малаховской школе и вносили налоги из получаемого заработка. При обложении Прокофьевых налоговыми органами, как это ни странно, не задали себе вполне естественного вопроса, могла ли работа четырех человек в одной мастерской по ремонту примусов в условиях сельской местности себя оправдать и хватило ли бы в Малаховке примусов, чтобы от починки их мастерская Прокофьевых могла получить за год 28000 руб. дохода.

При таком же полном отсутствии в налоговом деле конкретных данных, которые могли бы служить основанием к обложению налогами по третьей расписанию, кустари переводились из второй категории налогоплательщиков в третью, подвергаясь не только всем последствиям, вытекающим из отнесения их к нетрудовым категориям населения, но и зачастую уголовному преследованию за обман налоговых органов.

Характерно в этом отношении дело кустаря Шустермана, выбравшего патент на починку старой одежды и продажу ее и обложенного Дзержинским райфо г. Москвы промналогом в процентном отношении к обороту и подоходным налогом по 3 категории. Основанием к такому обложению послужило предположение налогового инспектора о том, что Шустерман занимается скупкой поношенных вещей и их перепродает без всякой переделки.

Проверкой его налогового дела выяснилось, что это предположение налогового инспектора было основано на протоколе задержания Шустермана 13 марта 1935 г. на Ярославском рынке с двумя старыми пальто, одно из которых было мало ношеное и не требовало

ремонта. После того, как налоговой комиссией этот протокол был признан недостаточным для отнесения Шустермана к числу торговцев, и налоговому инспектору было предложено вернуть Шустерману отобранный патент и более детально изучить его промысел, налоговый инспектор, без какого бы то ни было обследования, составил 28 апреля 1935 г. второй протокол на Шустермана. Основанием к этому протоколу явилось то обстоятельство, что Шустерман, находясь на Ярославском рынке, подошел к гражданину, продававшему мало ношеное пальто и стал спрашивать о его стоимости. Этот, сам по себе не имеющий ни какого значения факт, послужил, между тем, не только основанием к отнесению Шустермана к плательщикам налогов 3 категории, но и к возбуждению против него уголовного преследования за мошенничество, выразившееся в сокрытии от налогового обложения доходов, полученных от торговли.

В других случаях факты, на которых было основано обложение кустарей по 3 расписанию, не только не подтвердились при проверке их органами прокурорского надзора, но и выявились явно недобросовестные действия налоговой инспекции при составлении протоколов обследований кустарных промыслов, допросов свидетелей и т. п. актов.

Киевским райфо кустарь Ратнер был отнесен к 3 категории налогоплательщиков, ввиду того что налоговый инспектор при обследовании его кустарного производства по выработке синьки обнаружил у него два склада и установил применение им наемной рабочей силы. В подтверждение этих фактов в налоговом деле приведены были показания жены Ратнера и гр. Ланцмана. Между тем, произведенным по поручению Прокуратуры Союза прокурором г. Киева расследованием было установлено, что Ратнер для своего кустарного промысла пользовался лишь частью одного склада и наемной рабочей силы вовсе не имел. Жена Ратнера и гр. Линцман при допросе их в Киевской городской прокуратуре объяснили, что, давая показания в июне 1934 г. налоговому инспектору Петровского района г. Киева, они не ознакомились с содержанием составленного последним на украинском языке протокола, так как не знали украинского языка, и что их показания изложены налоговым инспектором в протоколе неправильно.

Примером того, насколько безответственно в некоторых случаях налоговые органы относились к проверке жалоб налогоплательщиков, может служить дело гр. Роскошенко, который Днепропетровским горфо был обложен налогами по 3 расписанию по доходам от огорода, обрабатываемого им при помощи наемной рабочей силы. По предложению Наркомфина СССР, Днепропетровским горфо была произведена дополнительная проверка факта применения Роскошенко при обработке огорода наемной рабочей силы, после чего постановление об отнесении Роскошенко к 3 категории было Наркомфином СССР утверждено. Последний в своем постановлении по делу Роскошенко сослался на то, что опросом 14 января 1936 г. ряда граждан того поселка, где жил Роскошенко, установлен факт систематического использования гр. Роскошенко в 1933—1934 гг. наемной рабочей силы и что поэтому жалоба гр. Роскошенко, утверждавшего, что применение им при обработке огорода наемного труда

носило единичный и случайный характер, не подтвердилась. Так как в жалобе, поданной в Прокуратуру Союза, гр. Роскошенко продолжал отрицать применение им при обработке огорода наемного труда и ссылался на грубейшие нарушения революционной законности при производстве Днепропетровским горфо дополнительной проверки по его делу, то Прокуратура Союза предложила Днепропетровской прокуратуре произвести расследование по жалобе Роскошенко. Расследованием этим было установлено, что Днепропетровский горфинотдел для дополнительной проверки налогового обложения гр. Роскошенко командировал в поселок им. Карла Маркса своего работника т. Садыко. Последний, прибыв в поселок, обратился к парторгу Трускевичу с поручением «подыскать» ему двух свидетелей, которые могли бы подтвердить факт применения гр-ном Роскошенко наемного труда. Одним из этих «подысканных» Трускевичем свидетелей был б. председатель местного сельсовета Мищенко, который в 1935 г. был осужден за дискредитирование власти, пьянство и присвоение описанного за налоговые недонимки имущества и находился с Роскошенко во враждебных отношениях. Второй свидетель — Слобаков даже не был опрошен Садыко. Его вызвал Трускевич, который, объяснив причину вызова, сам составил протокол его показания, записав в нем, что Слобаков неоднократно видел работающих в огороде Роскошенко посторонних лиц. При опросе Слобакова в Днепропетровской прокуратуре, он показал, что никогда в огороде Роскошенко наемных рабочих не видел и от показания, записанного Трускевичем, отказался.

Отнесение кустарей к третьей категории налогоплательщиков иногда налоговыми органами основывалось даже на таких фактах, наличие которых было отвергнуто вступившим в законную силу судебным решением.

Кустарь по производству восточных сладостей Куцураис был обложен налогами по 3 категории, ввиду поступивших в Одесский облфинотдел сведений о том, что Куцураис занимается не только производством и продажей кондитерских изделий своего производства, но и покупкой их у других лиц с целью перепродажи. При проверке налогового дела Куцураиса выяснилось, что сведения эти основаны на заявлении конкурента Куцураиса — владельца кондитерской мастерской Фрунзюло, который за ложный донос налоговым органам о покупке у него Куцураисом кондитерских изделий был осужден народным судом 4 уч. г. Одессы. Тем не менее и после приговора как Одесский облфинотдел, так Наркомфин УССР и Наркомфин СССР отказались отменить обложение Куцураиса по 3 расписанию. Только после вмешательства Прокуратуры Союза это обложение было отменено.

Кустарь — портной Макаров был Новосибирским горфинотделом отнесен к 3 категории налогоплательщиков ввиду применения им наемного труда в лице гр. Смышляева, несмотря на то что народный суд г. Новосибирска, рассматривая 7 декабря 1935 г. предъявленный Смышляевым к Макарову иск за сверхурочную работу, пришел к выводу, что Смышляев был совладельцем мастерской Макарова, а не наемным рабочим, и на этом основании в иске Смышляеву отказал. После вмешательства Прокуратуры Союза Наркомфин СССР предложил

Новосибирскому крайовому финуправлению обложить как Макарова, так и Смышляева по доходам, полученным их портняжной мастерской, по 2 расписанию.

Размер полученного кустарем за окладной период дохода определялся налоговыми органами не всегда на основании твердых документальных данных, а основывался на произвольных расчетах налогового инспектора. Такого рода расчеты, как это было установлено при проверке дела кустика Сорокина, служил основанием для переобложения кустарей за прошлое время, несмотря на то, что инструкцией Наркомфина Союза по применению обложения о подоходном налоге разрешено производить переобложение только за один предшествующий год и то лишь при наличии документальных данных о размерах полученного дохода.

Доходность кустика Сорокина, занимавшегося производством свинцовых пломб, исчислялась первоначально Дзержинским райфо по твердым ставкам, установленным для этого вида промысла Мосфинотделом (12 т. руб. в 1934 г. и 16 т. руб. в 1935 г.). После того, как в райфо поступили в марте 1935 г. из двух государственных магазинов сведения о том, что Сорокиным в 1934 г. было поставлено пломб на 98 527 р. 50 к., налоговые органы исчислили полученный им чистый доход в сумме 50 355 руб., причем при составлении расчета исходили не из установленного этими сообщениями оборота Сорокина в 98 527 р. 50 к., а из оборота в 170 000 руб. в год. Такой оборот был выведен на основании произвольно принятых налоговым инспектором показателем — емкости котла, в котором Сорокин плавил свинец, стоимости сырья, процент отходов и пр. При составлении расчета показатели эти несколько раз изменялись: в одном случае стоимость сырья принималась в 4 руб. за кг, а угар (отходы) в размере 16,6%, в другом случае стоимость сырья определялась в 2 р. 81 к. за кг, а угар в размере 28%. Исходя из установленного по таким расчетам дохода Сорокина в сумме 50 955 р., Дзержинское райфо не только обложило его налогами за 1935 г., но и переобложило за 1934 г., одновременно возбудив против него уголовное преследование за сокрытие действительных доходов. Так как переобложение Сорокина за прошлый год могло быть основано только на документальных данных, то, по протесту Прокуратуры Союза, Наркомфин СССР предложил Дзержинскому райфо обложить Сорокина за 1934 г. исходя из оборота в 98 527 р. 50 к., установленного справками магазинов госторговли о количестве поставленных им свинцовых пломб. Равным образом, по протесту Прокуратуры Союза, был отменен и приговор народного суда, которым Сорокин по возбужденному против него налоговыми органами делу был осужден по ч. 2 ст. 169 УК к двум годам лишения свободы.

Среди поступающих в Прокуратуру Союза жалоб особого внимания заслуживали жалобы кустарей, отнесенных по признакам применения ими наемного труда к 3 категории, в то время как пользование этими кустарями наемными рабочими носило случайный, временный характер, было вызвано необходимостью и допускалось в пределах, разрешенных законом. После вмешательства Прокуратуры Союза эти кустари облагались по 2 расписанию.

Кустарь-одиночка Горшкова, занимавшаяся изготовлением игрушек, на основании ее собственного заявления налоговому инспектору о том, что во время болезни она вынуждена была часть работы по изготовлению игрушек (их окраску) поручить другому лицу, была Ленинградским облфинотделом обложена по 3 расписанию, с одновременным возбуждением против нее уголовного преследования за сокрытие от налоговых органов пользования наемным трудом.

Несмотря на то что народным судом возбужденное против Горшковой дело было производством на основании примечания к ст. 6 УК прекращено, так как дача гр. Горшковой работы на сторону имела место один раз на незначительную сумму (4 рубля), налоговые органы, до вмешательства в это дело Прокуратуры Союза, отказывались отменить свое постановление об отнесении Горшковой к 3 категории.

Кустарь Чивенков Андреевским райфо г. Ростов на Дону был отнесен к 3 категории налогоплательщиков, ввиду применения им в его производстве по выработке клея наемных рабочих и ввиду пользования им фирмой «Слон», которой он якобы вводил в заблуждение заказчиков, полагавших, что они имеют дело с государственным предприятием. Проверкой налогового дела Чивенкова было установлено, что в 1934 г. у него работал родственник и притом не больше двух часов в день, а в 1935 г. в свободное от занятий время — ученик школы десятилетки Жиленко. В силу примечания к § 19 Положения о подоходном налоге, некооперированные кустари относятся ко 2 категории налогоплательщиков, если работают с одним наемным рабочим и если применение наемного труда вызывается условиями производства. И в налоговом деле Чивенкова имелись две компетентные экспертизы, пришедшие к единогласному выводу о необходимости применения в производстве Чивенкова наемного труда. Чивенков — изобретатель универсального клея склеивающего кожу, резину, дерево и фарфор — получил на свое изобретение заявленное свидетельство. По предложению Кожсиндиката, он организовал кустарное производство изобретенного им клея, имеющего большое значение для промышленности. Необходимое сырье Чивенков получал с фабрик Кожсиндиката, которому сдавал всю свою продукцию. При таких условиях вывод налоговых органов о том, что Чивенков, присвоив своему производству марку «Слон», вводил заказчиков в заблуждение, явно необоснован.

В налоговой практике встречается искривления другого порядка.

Наркомфин СССР неоднократно давал своим органам совершенно правильные разъяснения о том, что нельзя облагать налогами доходы, полученные от спекулятивной деятельности, так как такого рода обложение явилось бы в известной степени легализацией преступных действий, — спекуляции. Между тем, вопреки указанному разъяснению, наблюдались случаи обложения налоговыми органами доходов, полученных как от спекуляции, так и от другого рода преступлений, причем такого рода обложения утверждались всеми налоговыми инстанциями, не исключая и Наркомфина СССР. Гр. Попов был обложен Шахтинским райфо налогами по доходам, полученным от спекуляции сахаром; завхоз Тульского металлообра-

батывающего техникума Макарищев был обложен Тульским горфо по третьему расписанию по дополнительным доходам, полученным им от рстовщичества.

При проверке налоговых дел Прокуратурой Союза в ряде случаев устанавливается, что налоговые органы, меняя свою политику в отношении того или иного кустарного промысла, совершенно неправильно придавали своим распоряжениям в отношении этих промыслов обратную силу и незаконно на этом основании преоблажали кустарей за прошлое время.

Характерным примером таких незаконных действий налоговых органов может служить дело кустаря Голубовича, который в течение ряда лет занимался в Москве кустарным производством порошка для чистки бот, выбирая патент 1 разряда и уплачивая подоходный налог и культсбор по 2 расписанию. 4 января 1935 г. налоговый инспектор Дзержинского района г. Москвы объявил гр. Голубовичу, что производство его не может считаться кустарным, так как в таковом отсутствуют трудовые процессы, и что поэтому доходность его по этому производству будет облагаться не по 2, а по 3 категории. Ввиду такого предупреждения, гр. Голубович в тот же день прекратил производство порошка для чистки бот и сдал в райфинотдел патент. Через 2½ месяца после сдачи патента — в марте 1935 года гр. Голубович получил из Дзержинского райфо извещение о переобложении его за 1934 г. налогами по 3 расписанию, в связи с чем с него дополнительно взыскивалось 9.797 рублей подоходного налога и культсбора. Установив при проверке налогового дела Голубовича, что на протяжении 1927—1934 гг. налоговые инспектора неоднократно обследовали промысел Голубовича и за все время кустарный характер этого промысла не вызывал у них никаких сомнений, что на этом основании он облагался по 2 расписанию, и что в 1935 г. характер производства Голубовича по сравнению с предыдущими годами, не изменился, Прокуратура Союза опротестовала переобложение Голубовича за 1934 г. Одновременно по протесту Прокуратуры Союза, президиум Московского городского суда отменил приговор народного суда 11 уч. Дзержинского района г. Москвы от 10 февраля 1936 г., которым Голубович за обман государства, выразившийся в уплате налогов по 2-му расписанию вместо 3-го был по ч. 2 ст. 169 УК осужден к лишению свободы на 2 года и дело о нем, за отсутствием состава преступления, производством прекращено.

К числу таких же грубых извращений налоговой политики должен быть отнесен практикуемый налоговыми органами пересмотр старых налоговых дел, окончательно разрешенных несколько лет тому назад, с привлечением к обложению совершенно новых лиц.

Примером может служить налоговое дело гр. Френкина. С мая 1925 года по 4 октябрь 1927 года гр. Френкин Борис был владельцем оптовой фруктовой торговли в г. Ленинграде. Закрыв торговое предприятие в октябре 1927 года, Френкин Борис причитающихся с него налогов в сумме 11394 р. 44 к. не уплатил. За злостный неплатеж налогов Френкин Борис был Ленинградским горфинотделом привлечен к уголовной ответственности. При производстве по этому поводу Ленинградским уголовным розыском дознания было установлено, что хо-

ти Борису Френкину в его торговле помогал двоюродный брат Френкин Григорий, который, проживая в то время на юге, занимался заготовкой фруктов для торговли Бориса Френкина, однако он доходов от этой торговли не получал и единоличным владельцем таковой являлся Френкин Борис. По материалам указанного дознания Борис Френкин был предан суду по ст. 61 УК. В заседании особой камеры народного суда по налоговым делам г. Ленинграда от 27 декабря 1928 года на основании предъявленных Борисом Френкиным документов было установлено, что часть числящейся за ним недоимки Борис Френкин погасил и долг его налоговым органам составлял 6016 рублей. Признав, что Борис Френкин злостно уклоняется от платежа недоимки, налоговая камера по ч. 1 ст. 61 УК приговорила его к штрафу в размере неуплаченного налога, то есть 6016 руб., с заменой, в случае несостоятельности, одним годом исправительно-трудовых работ. Приговор этот вступил в законную силу и был приведен в исполнение. Через шесть с лишним лет после этого — в 1935 году Ленинградский горфинотдел стал производить расследование по поводу характера участия в торговле Бориса Френкина его двоюродного брата Григория Френкина, работающего инженером на одной из ленинградских фабрик, имеющего большой производственный стаж, и пришел к выводу, что последний в 1925—1927 гг. был совладельцем этой торговли. На этом основании Григорию Френкину было предъявлено требование об уплате недоимки по этой торговле, которая вопреки тому, что размер ее был налогово камерой установлен в 6016 руб., была исчислена в сумме 11941 р. 95 к., а также пени в размере 4551 р. 28 к. По протесту Прокуратуры Союза, указавшей, что через восемь лет после ликвидации торговли и уничтожения книг и других документов нельзя проверять факты, касающиеся этой торговли, а тем более признавать обстоятельства, отвергнутые судебным приговором, Наркомфин СССР отменил взыскание с Григория Френкина недоимки по торговле его брата.

К числу таких же недопустимых действий налоговых органов должно быть отнесено практикуемое ими отнесение к третьей категории налогоплательщиков по основаниям, не предусмотренным Положением о подоходном налоге.

Кустарь Сулла, занимавшийся в г. Одессе производством сладостей без применения наемного труда, был за 1933 г. и первый квартал 1934 г. дополнительно обложен налогами по 3 расписанию на том основании, что в письмах, адресуемых заказчиком, ставил штамп: «Кустарное производство сладостей Сулла». В пользу такого рода штампов налоговые органы УССР усмотрели со стороны Суллы обман организаций, покупающих у него продукцию, которые якобы вводились этим штампом в заблуждение, полагая, что имеют дело с организацией обобщественного сектора.

Ввиду того, что в действующем законодательстве не содержится запрещения кустарям пользоваться штампом с обозначением их фамилий и производства, и что если бы даже было установлено незаконное пользование гр. Суллой неприسوенным ему фирменным знаком с целью обмана заказчиков, то в таком случае это обстоятельство могло бы служить

основанием к привлечению Суллы к уголовной ответственности, а не к обложению его по 3 расписанию, Прокуратура Союза опротестовала постановление налоговых органов по делу кустика Суллы.

Прокуратурой Союза также было установлено, что налоговые органы начисляли пени за несвоевременный платеж налогов в случаях, когда никакой в действительности задолженности за плательщиком не числилось. При этом пени начислялись в размерах, во много раз превышающих основной налог. Взыскание пени, во много раз превышающей налоговые обложения, в большинстве случаев являлось совершенно нереальным и сводилось по существу, как это видно из нижеследующих примеров, к бюрократической переписке.

Бюро жалоб Наркомфина СССР постановлением от 20 декабря 1935 г. оставило без последствий жалобу гр. Бризгайловой на неправомерное взыскание с нее Ульяновским горфопени в сумме 12645 руб. за неуплату в срок недоимки по налогам за 1929 год.

Прокуратура Союза, ознакомившись с налоговым делом, установила, что Бризгайлова с 1927 года живя в г. Ульяновске, имела торговый патент. В июне 1929 г. торговлю гр. Бризгайлова ликвидировала и патент возвратила в местный финотдел. Никаких материалов в деле, указывающих на то, чтобы после сдачи патента у гр. Бризгайловой остались какие-либо налоговые недоимки по этой торговле, нет. В августе 1929 г. гр. Бризгайлова выбрала в Ульяновском горфо патент 1 разряда на сезонную торговлю картофелем и яблоками. Торговля эта продолжалась до конца сентября 1929 г. Оборот по этой торговле был налоговыми органами установлен в 14 тыс. рублей, и с этой суммы с Бризгайловой были начислены налоги. За неуплату последних в декабре 1929 г. был описан дом Бризгайловой, находящийся в г. Ульяновске. Так как торговля на этот дом не состоялась, дом Бризгайловой был передан горкоммунальному. По заявлению гр. Бризгайловой, дом был оценен в 4½ тыс. руб. Таким образом, с нее было перебрано около 3 тыс. руб., так как налоговая недоимка по торговле яблоками и картофелем выразилась в сумме 1500 руб. В 1935 г., когда гр. Бризгайлова переехала в г. Куйбышев и когда, в связи с отменой неправильно начисленного на нее налога по новому обложению, надо было возвращать неправильно изъятую у нее в г. Куйбышеве имущество, Ульяновский горфинотдел предъявил к гр. Бризгайловой требование об уплате 12645 руб. пени за несвоевременный взнос начисленного на нее по г. Ульяновску налога и обратил взыскание на имущество, описанное Куйбышевским горфинотделом и подлежащее возврату гр. Бризгайловой. Ввиду того, что требование об уплате пени за недоимку являлось совершенно незаконным, Прокуратура Союза опротестовала постановление налоговых органов по этому делу.

25 июня 1934 г. райфинотдел Московского района г. Ленинграда вынес постановление принятия от гр. Куршина числящейся за ним недоимки, возникшей в связи с обложением его налогами по торговле за 1926—1927 гг., освобождением его от уплаты пени по этой недоимке. Чтобы облегчить Куршину, который после ликвидации торговли поступил на ра

году в государственную торговую сеть, возможность уплаты недоимки, ему было разрешено реализовать самостоятельно описанное у него имущество. Куршин требование налоговых органов выполнил и всю числящуюся за ним недоимку в сумме 5312 руб. внес в том же 1934 году. 16 декабря 1935 г., т. е. через 1 1/2 года после того, как Куршин закончил свои расчеты с райфинотделом, последний, пересмотрев свое постановление от 25 июня 1934 г., предложил Куршину внести пеню за 1927—1935 гг. в сумме 126 000 руб. Отмену своего первоначального постановления о сложении пени райфинотдел мотивировал тем, что Куршин якобы произвел погашение недоимки в 1934 году не путем реализации имущества, а за счет имевшихся у него накоплений от б. торговли. Между тем указанная мотивировка, при проверке налогового дела Куршина, не подтвердилась. Из находящихся в деле материалов было установлено, что в 1934 г. до уплаты недоимки, у него имущества было на 4000 руб., а в 1935 г., после уплаты недоимки, осталось на 1100 руб. Ввиду этого и учитывая, что гр. Куршин как до 1925 г., так после прекращения торговли в 1927 г., все время работал по найму, и что взыскание пени в размере 126 000 руб. за налоговую недоимку в 5000 руб. к тому же полностью погашенную, нереально, Прокуратура Союза опротестовала постановление налоговых органов о взыскании с гр. Куршина пени.

Наконец к числу существенных, выявленных Прокуратурой Союза при проверке налоговых дел нарушений, должны быть отнесены незаконные отказы в возврате неправильно изъятого имущества.

Несмотря на признание высшими инстанциями неправильности налогового обложения и отмену его, налоговые органы зачастую отказывались возвратить налогоплательщику изъятое у него за неплатеж отмененного обложения имущество под предлогом пропуска установленного ст. 40 Положения о взыскании налогов годичного срока для возбуждения соответствующих ходатайств. Между тем, как это устанавливается из следующих примеров, ссылка на пропуск срока не находила подтверждения в материалах налогового дела.

Бюро жалоб Наркомфина СССР 28 февраля 1935 г. отказало гр-ке Луганской в возврате изъятого у нее 6 июня 1930 г. в г. Краснодаре дома за неуплату мужем подоходного налога, ссылаясь на то, что хотя обложение гр-на Луганского подоходным налогом и было в августе 1930 г. отменено, однако, гр-ка Луганская в течение годичного срока не обратилась с ходатайством о возврате изъятого у нее и переданного Коммухозу дома, а потому и утратила право на возвращение его. При проверке Прокуратурой Союза затребованных из Краснодарского горфо налоговых дел гр. Луганских выяснилось, что постановление Кубанской окружной налоговой комиссии от 2 августа 1930 г. об отмене обложения гр. Луганского подоходным налогом ни ему, ни его жене не объявлялось. Находя, что при этом условии ссылка Бюро жалоб Наркомфина СССР на пропуск Луганской установленной ст. 40 Положения о взыскании налогов срока неправильна, Прокуратура Союза опротестовала постановление налоговых органов по делу гр. Луганской и предложила возвратить ей

неправильно изятый дом или стоимость такового по страховой оценке.

Бюро жалоб НКФ СССР 3 июня 1936 г. отказало гр. Барминой в ее ходатайстве о возврате переплаты в сумме 2500 руб., образовавшейся в связи с перерасчетом налогов за 1933 г. ее мужа Романова, умершего в сентябре 1933 г. Свой отказ Бюро жалоб мотивировало пропуском гр-кой Барминой установленного Положением о взыскании налогов годичного срока для подачи заявлений о возврате переплаты. Постановление это, по протесту Прокуратуры Союза, было отменено Наркомфином СССР, который предложил Мособлфинотделу возвратить гр-ке Барминой переплату ее мужем в сумме 2500 руб., так как последний при своей жизни не только в срок подал соответствующее заявление, но даже получил часть причитающейся возврату переплаты. Таким образом, вопрос о возврате гр. Романову переплаты был налоговыми органами разрешен еще при его жизни, а в настоящее время речь идет не о возврате переплаты, а о выдаче принадлежащих гр. Романову сумм его законной наследнице гр. Барминой. Поэтому в данном случае должна быть применена не специальная давность, предусмотренная Положением о взыскании налогов, а общегражданская давность, которая гр-кой Барминой не была пропущена.

Необходимо также отметить то упорство, с которым налоговые органы отстаивали свои явно незаконные постановления по обложению кустарей по 3 расписанию, прибегая, в целях оправдания незаконных действий, к изменению по нескольку раз мотивировки своего решения. Характерным примером такого рода произвольных действий может служить дело кустаря Розенберга.

Одесский горфинотдел переобложил последнего за 1934 г. налогами по 3 расписанию, мотивировав это тем обстоятельством, что Розенберг в феврале 1934 года при реализации в г. Челябинске своей продукции — книжек с папиросной бумагой — пользовался наемным трудом вояжера. Наркомфин УССР это постановление отменил, указав, что пользование Розенбергом услугами вояжера не находит подтверждения в материалах налогового дела. В октябре 1934 г. Одесский горфинотдел вновь переобложил Розенберга налогами по 3 расписанию, сославшись на этот раз на то, что последний в январе 1934 г. продавал свою продукцию Кунгурскому отделению Свердловского промторга через вояжера. Несмотря на то, что Розенбергом была представлена справка от Кунгурского промторга о том, что при продаже последнему продукции у него вояжера не было, Наркомфин УССР утвердил обложение Розенберга по 3 расписанию, указав в своем постановлении, что Розенберг незаконно присвоил своему производству фирменное наименование «Согласие». По жалобе Розенберга, его налоговое дело было пересмотрено Наркомфином СССР, который пришел к выводу, что Розенберг правильно отнесен к 3 категории налогоплательщиков, но уже по совершенно новому основанию, а именно сославшись на то, что Розенберг при обследовании 1 июля 1934 г. его промысла показал, что он в день может выработать 50 пачек папиросной бумаги, по 30 книжек в каждой пачке, что таким образом работа Розенберга состояла лишь в резке бумаги фабрично-заводского производства и склеивании книжек, то есть в

незначительной доделке или переделке товаров чужого производства, а потому его промысел должен быть отнесен к 3 расписанию.

Принимая во внимание, что налоговые органы трижды меняли мотивы обложения гр. Розенберга по 3 категории, что факт пользования им трудом вояжера не находит подтверждения в материалах налогового дела, что незаконное присвоение Розенбергом фирменного знака, если бы таковое было доказано, могло бы влечь за собой привлечение его к уголовной ответственности, а не отнесение к 3 категории налогоплательщиков, что, наконец, мотивировка Наркомфина СССР не могла служить основанием для переобложения Розенберга за прошлое время, так как тем же самым промыслом он занимался непрерывно с 1931 года и при неоднократных обследованиях его промысла никогда налоговые органы не возбуждали вопроса о нетрудовом характере его производства и беспрепятственно выдавали ему патент на кустарный промысел, Прокуратура Союза опротестовала отнесение Розенберга к 3 категории налогоплательщиков.

Отмеченные искривления в налоговой прак-

тике говорят о необходимости усилить внимание органов прокурорского надзора на местах к этому вопросу.

Прокуроры обязаны уделять самое серьезное внимание жалобам на действия налоговых органов, проверяя закономерность этих действий и неуклонно добиваясь отмены тех из них, которые сопряжены с нарушением революционной законности.

Органы прокуратуры должны, однако, помнить, что их задачей является не только борьба с неправильным обложением трудящихся кустарей, лиц свободных профессий, но энергичная борьба со всякого рода попытками уклониться от налогового обложения недобросовестных людей.

Органы прокуратуры должны всемерно содействовать органам налоговой инспекции в борьбе со всякими попытками остатков враждебных советскому государству элементов нарушить советский закон и уклониться от своих обязанностей перед советским государством, не говоря уже о прямой обязанности органов прокуратуры беспощадно громить всяких спекулянтов, больших и малых.

## В. МЕНЬШАГИН

# Об извращениях при квалификации должностных преступлений

Советская власть и партия неустанно работают над укреплением революционной законности, повседневно совершенствуя ее как систему мер по охране социалистического строя. Одной из важнейших задач в борьбе за революционную законность является точное и неуклонное соблюдение советского уголовного закона, и, в частности, статей особенной части уголовного кодекса. Правильная квалификация тех или иных преступлений является одним из важнейших условий правильности осуществления нашей судебной политики, имеющей дело с живыми людьми, обязанной считаться с живыми интересами трудящихся, с интересами всего пролетарского государства.

Неправильная квалификация преступлений прежде всего дезориентирует органы юстиции, заставляя направлять их усиленное внимание не в ту сторону, в которую следовало. Так, очень часто, особенно в период проводившихся у нас так называемых ударных кампаний по борьбе с хулиганством, следственные и судебные органы, увлекаясь применениями ст. 74 УК, квалифицировали по этой статье такие опасные преступления, как убийство, тяжкие телесные повреждения и даже бандитские нападения, и тем самым ослабляли свое внимание в борьбе с наиболее опасными преступлениями против личности.

Неправильная квалификация преступлений приводит к целому ряду извращений судебными органами нашей политики в области наказания. Искусственно квалифицируя те или иные преступные действия по статьям о наиболее опасных преступлениях, суды совершенно необоснованно, как правило, в этих слу-

чаях повышают наказание и, наоборот, незаконно применяя статьи УК о менее опасных преступлениях, понижают наказание. Достаточно сослаться здесь на практику применения закона от 7 августа 1932 г., которая дала немало извращений в этой области. Наконец, неправильная квалификация преступлений приводит к ложному представлению о состоянии преступности, поскольку уголовная статистика не отражает в таких случаях действительного движения тех или иных преступлений.

Казалось бы, то огромное значение, которое имеет правильная квалификация преступлений, должно быть очень хорошо известно всем работникам юстиции. К сожалению, это не так. «Немало, — как правильно отмечает передовая «Известий» от 8 октября 1936 г., — еще людей, сидящих за судейским столом, меряющих одинаковую мерю, подгоняя под трафарет свои протоколы, различные по своему характеру нарушения революционной законности, правил социалистического общежития и норм поведения».

В практике работы следственных и судебных органов за последние годы особенно часты и многочисленны случаи неправильной квалификации по должностным преступлениям. Здесь целый ряд самых разнообразных должностных преступлений совершенно необоснованно квалифицируется по статье 109 УК, т. е. как злоупотребление властью. Типичные растраты, взятки, обычная должностная халатность, служебные подлоги и т. п. — все эти преступления сплошь и рядом квалифицируются по всеобъемлющей статье 109 УК. Значительная часть дел с такой неправильной квалифика-

цией в кассационном ли порядке или же в порядке прокурорского надзора корректируется, определенная же их часть так и остается с незаконной квалификацией. При столь распространенном злоупотреблении ст. 109 УК становится понятным, почему по данным уголовной статистики четвертая часть, и даже большая, осужденных по должностным преступлениям приходится на осужденных по ст. 109 УК. Огромное число этих лиц в действительности совершили преступления, предусмотренные ст.ст. 111, 116, 117, 120 и другими УК; в силу же неправильной квалификации их действий судебными органами они попадают в число осужденных по ст. 109 УК. Совершенно искусственно, таким образом, снижается в показателях преступности число растрат, взяток, халатности и других должностных преступлений. Злоупотребление ст. 109 УК в судебной практике стало настолько общеизвестным, что всякий оперирующий с цифрами по должностным преступлениям всегда оговаривает неточность статистических данных, относящихся к различным видам должностных преступлений, имея при этом в виду главным образом квалификацию случаев растраты, взяток и халатности по ст. 109 УК<sup>1</sup>.

Характерно, что неправильная квалификация должностных преступлений и, в частности, незаконное и без всяких оснований применение ст. 109 УК одинаково широко практикуется как органами расследования, так и судебными органами, причем очень часто и судами краевого и областного масштаба. Проиллюстрируем это несколькими, наиболее яркими примерами.

В обвинительном заключении, составленном Сасовским районным отделением милиции (1936 г.), по ст. 109 УК квалифицируются действия бывшего председателя сельсовета Степанова, выразившиеся в присвоении Степановым 268 руб. казенных денег, полученных Степановым от граждан деревни «Демушки» в уплату страховых взносов. Обвинительное заключение без изменения квалификации санкционируется райпрокурором.

Народным следователем Сокольнического района г. Москвы по ст. 109 УК квалифицируются действия обвиняемого Николаева, заключающиеся в том, что Николаев, будучи судебным исполнителем, присвоил 2065 руб. казенных денег, собранных им по исполнительным листам с ответчиков. Обвинительное заключение по делу Николаева без изменения квалификации санкционируется прокурором.

Народный суд 1 участка г. Фрунзе приговаривает граждан Боровикова и Гриценко: первого по ст. 109 УК, а второго по ст.ст. 109 и 111 УК за то, что Боровиков, будучи должностным лицом, присваивает 1061 руб., а Гриценко растрчивает 450 руб. казенных денег. КК главного суда Киргизской АССР приговор оставляет в силе, соглашаясь с квалификацией преступлений Боровикова и Гриценко по указанным выше статьям.

Все эти примеры, — а их можно было бы привести большое количество, — показывают, что типичная должностная растрата квалифицируется по ст. 109 УК. Наиболее часто встречающиеся случаи растрат, неправильно квали-

фицируемые по ст. 109 УК, можно разбить на три основные категории. Первая — это растраты, сопровождающиеся подлогами, učinяемыми должностными лицами с целью сокрытия растраты. Здесь обычно вместо квалификации по совокупности по ст.ст. 116 и 120 УК, как двух самостоятельных преступлений, — присвоение или растрата должностным лицом казенных денег и совершение должностного подлога — применяется все та же ст. 109 УК, чем в значительной части сглазывается своеобразие совершаемых должностных преступлений. Вторая категория — это присвоения и растраты, где предметом присвоения являются государственные деньги, поступившие в учреждение от различных взносов, платежей лиц и тут же присваиваемые должностным лицом. В этих случаях ошибочность квалификации проистекает от неумения ограничить обращение в свою собственность должностным лицом имущества, полученного им в результате злоупотребления властью (что было бы правильно квалифицировать по ст. 109 УК), от присвоения или растраты должностным лицом имущества, находящегося в его владении на законном основании, т. е. от типичной должностной растраты, присвоения — ст. 116 УК. И, наконец, третья категория — это растраты, где предметом посяательства являлись значительные денежные суммы. Вместо требуемого по закону в таких случаях применения ч. 2 ст. 116 УК — здесь нередко в настоящее время опять-таки фигурирует ст. 109 УК.

Однако злоупотребление ст. 109 УК не менее характерно и по делам о должностной халатности и бездействии власти. Вот несколько типичных примеров.

Сасовским районным отделением милиции по ст. 109 УК квалифицируется такое преступление обвиняемого Кузина: обвиняемый Кузин, работая мельником колхоза «Маяк труда» и имея у себя на хранении квитанционные книжки по сдаче гарцевого сбора, держал их у себя на квартире в незапертом ящике стола. В результате небрежного хранения квитанционные книжки были похищены. О краже книжек Кузин не поставил своевременно в известность правление колхоза, что создало возможность хищения различными лицами продуктов с мельницы. Районным прокурором обвинительное заключение утверждается по ст. 109 УК.

Народным судом Старорусского района по ст. 109 УК осужден Михеев за то, что, работая кладовщиком колхоза «Большевик», он халатно относился к своим служебным обязанностям и, в частности, небрежно производил выдачу и прием зерновых культур, вследствие чего в кладовой оказался недостаток одних зерновых культур (пшеницы, ржаной муки) и излишек других (ржи, овса, гороха и др.). Отсутствие учета принимаемых и выдаваемых зерновых культур создало возможность хищения их из кладовой колхоза.

Ивлев и Леонович (Назаровский район Красноярского края) были привлечены и осуждены по ст. 109 УК за то, что первый, работая председателем колхоза, а второй бригадиром, допустили недоброкачественную уборку урожая, вследствие чего часть урожая погибла. Никаких корыстных моментов в их действиях не было. Как видим, во всех этих случаях типичная должностная халатность совершенно необоснованно квалифицируется по ст. 109

<sup>1</sup> См. напр. Шляпошников. Преступность и депрессия в СССР, Проблемы уголовной политики, вып. I, стр. 88—89.

УК. Объясняется это, однако, не только недостаточной юридической подготовкой работников следственных и судебных органов и неумением, как следствие этого, отграничить ст. 111 УК от ст. 109 УК. Практика неправильной квалификации должностных преступлений и, в частности, должностной халатности в значительной мере обусловливается и тем сугубо легкомысленным отношением к закону и, в частности, к Уголовному кодексу, которое проявляют в особенности отдельные работники милиции. К таким работникам больше, чем к другим, следует отнести бичующие слова товарища Сталина о людях, «которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков»... Вот образчик такого сугубо легкомысленного отношения к советским законам.

По делу Новикова, преступление которого заключалось в присвоении им 1809 р. 04 к. казенных денег, 34-е отделение милиции в первый раз применяет ст.ст. 111 и 116 УК. Во второй же раз, несмотря на то, что следствие ничего нового не дало в смысле состава преступления, то же 34-е отделение милиции квалифицирует это же преступление по ст. 109 УК. И быть может еще показательнее то обстоятельство, что народный суд и в первый, и во второй раз соглашается с квалификацией, даваемой милицией. И это не случайное явление со стороны суда. Такой просмотр судами совершенно необоснованного и неправильного применения органами расследования ст. 109 УК является результатом явно не удовлетворительной работы подготовительных заседаний суда. Будучи призванными контролировать обвинительные заключения, распорядительные заседания суда вместо весьма тщательной и внимательной проверки материалов и в частности проверки обоснованности применения тех или иных статей Особенной части УК сводят свою роль к формальной, механической штамповке обвинительных заключений. Очень редки случаи, когда распорядительные заседания обращают свое внимание на неправильное применение ст. 109 УК. Суды таким образом нарушают элементарное правило, указанное п. «б» ст. 236 УПК, а также постановление президиума Верховного суда РСФСР от 16 января 1935 г. о необходимости рассмотрения судами в подготовительных заседаниях вопросов правильности квалификации преступлений. Часто подготовительные заседания суда пропускают дела с незаконным применением ст. 109 УК при участии прокурора и без протеста со стороны последнего; но о прокурорах и о прокурорском надзоре речь будет ниже. В практике имеют место случаи, когда подготовительные заседания, «вникая» в суть обвинительного заключения, начинают исправлять ошибки, связанные с необоснованным применением ст. 109 УК, но часто сами исправления свидетельствуют о весьма слабой подготовке самих судей.

Некто Колчев обвиняется в том (Грязнинское отделение милиции), что, работая в должности электротехника на строительстве Грязнинского спиртзавода и будучи направленным в Ленинград для закупки оборудования для завода, произвел растрату 12 785 руб. из находившихся в его распоряжении казенных денег. Районным отделением милиции преступление Колчева было совершенно правильно квалифицировано по ч. 1 ст. 116 УК. Народный суд в своем

подготовительном заседании вынес следующее определение:

«Ввиду того, что обвиняемый Колчев совершил растрату 12 785 руб. и вместе с тем представил Грязнинскому спиртзаводу фиктивные счета, предать обвиняемого Колчева по ст. 116 ч. 2 и по ст. 109 УК». Если еще можно допустить здесь присоединение к ст. 116 ст. 120 УК о подлоге, поскольку Колчев представил фиктивные счета, то уже ст. 109 УК тут совсем не у места. Так исправил суд обвинительное заключение, представленное милицией.

Злоупотребление ст. 109 УК со стороны следственных и судебных органов идет не только по линии подмены этой всеобъемлющей статьей квалификации растрат, халатности, а и по линии совершенно искусственного присоединения ст. 109 в качестве «дополнительной» при квалификации отдельных должностных преступлений. Повидимому, там, где органы расследования и суды приходят к выводу, что без ст. 116 или ст. 111 УК обойтись при квалификации совершенно невозможно, они все же находят место для ст. 109 УК, присоединяя ее к ст. 116 и ст. 111 УК.

Новгородским районным отделением милиции в обвинительном заключении по делу Крылова по ч. 1 ст.ст. 109 и 116 УК квалифицируются следующие действия обвиняемого: Крылов, работая заведующим лавкой в системе орсса Новгородского леспромхоза, присвоил деньги, принадлежащие орссу, в сумме 1675 руб. и, чтобы скрыть следы преступления, сослался на кражу из магазина. Прокурором обвинительное заключение утверждается без изменения квалификации.

В обвинительном заключении следователь Ногинского района по делу Грузнова квалифицирует по ст.ст. 109 и 116 УК такое преступление Грузнова: Грузнов, работая буфетчиком и кассиром сектора общественного питания Глуховского комбината, занимаясь систематическим присвоением вырученных буфетом от продажи продуктов денег. В течение 2½ месяцев Грузнов присвоил казенных денег на общую сумму в 8097 р. 96 к., после чего скрылся.

Приговором народного суда Новгородского района от 16 января 1936 г. по ст.ст. 109, 111, 116 УК квалифицируются следующие действия осужденного Александра: Александров, будучи заведующим молочно-товарной фермой колхоза «Перелом» и пользуясь своим служебным положением, систематически присваивал деньги от продажи молока. Будучи снятым с работы в качестве заведующего фермой и назначенный бригадиром на той же ферме, Александров халатно относился к порученным ему обязанностям, вследствие чего была допущена порча льняного семени, картофеля и сена — всего на общую сумму в 2250 рублей.

Как видим, во всех приведенных случаях ст. 109 УК присоединена при квалификации преступлений совершенно необоснованно и незаконно. В первых двух случаях налицо имеется типичная растрата, т. е. ст. 116 УК, в третьем — халатность и растрата — ст. 111 и ст. 116 УК. Несмотря на это, во всех этих делах фигурирует все та же неизменная ст. 109 УК.

Невольно возникает вопрос, что же делают прокуроры, призванные наблюдать за правильным применением закона? Как они борются за устойчивость, твердость и непреложность советского закона? К сожалению следует кон-

статировать, что работа местных прокуроров в этом отношении далеко не на должной высоте. Подавляющее большинство дел с неправильным и необоснованным применением ст. 109 УК санкционируется прокурором без каких-либо изменений в части квалификации. Тов. Вышинский указывал, что «нужно преодолеть традицию, до сих пор к сожалению широко распространенную в среде прокурорских и судебных работников, в силу которой на утверждение обвинительного заключения смотрят как на пустую форму». Несмотря на это предупреждение, обращенное ко всем прокурорам, дела по должностным преступлениям с очевидностью показывают, что до сего времени санкции прокурора на обвинительном заключении носят бумажно-формальный характер и ни в коей мере не гарантируют правильности предъявленных обвинений. И это следует сказать не только про районных прокуроров, но и прокуроров краевого и областного масштаба.

Вот для иллюстрации пример такого формального утверждения прокурором обвинительного заключения по той же ст. 109 УК.

Народным следователем Валдайского района по делу Николаева по ст. 109 и ч. 1 ст. 116 УК квалифицируются следующие действия обвиняемого: Николаев, состоя председателем колхоза «Надежда», растратил на пьянство и на другие свои личные нужды 771 р. 25 к. колхозных денег. Помимо этого Николаев проявил преступную халатность к своим служебным обязанностям, выразившуюся в том, что заключенный колхозом договор по сдаче государству льноволокна не был выполнен в срок, а часть льна, оставленная без прополки, сгнила на корню. Помимо этого Николаев плохо руководил работой по уборке урожая, в результате чего оказались неубранными с поля клевер, вика, рожь и картофель. Своим халатным отношением Николаев причинил колхозу ущерб на 6650 руб. Описанные преступления Николаева дают совершенно бесспорно два состава преступлений: растраты — ст. 116 УК и должностной халатности — ст. 111 УК. Однако народный следователь, как мы видим, квалифицирует эти преступления по ст. ст. 116 и 109 УК. И эта незаконная квалификация утверждается старшим помощником ленинградского областного прокурора.

Не менее легкомысленное отношение к квалификации должностных преступлений проявляют некоторые прокуроры и при рассмотрении дел в порядке надзора. Весьма показательным в этом отношении является заключение, данное по делу Кокосникова старшим помощником ленинградского областного прокурора<sup>1</sup>, в котором он указывает: «хотя деяние Ризо следовало бы квалифицировать не по ст. 109 УК, а по ст. 111 УК, однако, это обстоятельство не должно влечь отмену приговора, так как назначенное Ризо наказание (2 года лишения свободы) не превышает санкции ст. 111 УК». И так рассуждают, к сожалению, многие прокуроры, не понимая, что и для обвиняемых и для советского государства далеко не безразлично, по ст. ст. 109 УК или по ст. 111 УК квалифицировано совершенное преступление.

Неправильная квалификация преступлений неизменно приводит и к извращению нашей

политики в области наказания. Это полностью относится и к судебной практике по должностным преступлениям.

Искусственно квалифицируя те или иные должностные преступления по ст. 109 УК или же совершенно незаконно присоединяя при квалификации эту же статью к другим статьям раздела о должностных преступлениях, суды назначают значительно большие сроки наказания и, в частности, лишения свободы, чем это предусмотрено за фактически совершенные преступления. Пользуясь тем, что по ст. 109 УК можно назначить лишение свободы до 10 лет включительно, чего нельзя сделать ни по ст. 111 УК, ни по ч. 1 ст. 116 УК, ни по ст. 120 УК, ни по другим отдельным должностным преступлениям, суды, применяя вместо этих статей ту же статью 109 УК, приговаривают подсудимых к длительным срокам лишения свободы. Нужно при этом прямо сказать, что со стороны отдельных работников следования и суда неправильная квалификация по ст. 109 УК применяется иногда вполне сознательно, чтобы усилить наказание. Многие из таких работников юстиции считают, что наказание по ст. 111 УК «слишком незначительно — всего лишь до 3 лет лишения свободы», а потому и обращаются к ст. 109 УК за помощью.

Вот несколько примеров.

Народный суд 7 участка Кировского района г. Москвы 17 февраля 1935 г. приговаривает по ст. 109 УК Соколова к 5 годам лишения свободы и Матюшина к 3 годам лишения свободы. Приговор утверждается Московским городским судом. Президиум Московского городского суда отклоняет протест московского городского прокурора, требовавшего перекалфикации действий обвиняемых по ст. 111 УК. И лишь по протесту Прокуратуры Союза судебная коллегия Верховного суда Союза перекалфицировала действия Соколова и Матюшина по ст. 111 УК и назначила наказание каждому по 1 году исправительно-трудовых работ. Весь материал дела с определенностью свидетельствует о том, что действия Соколова и Матюшина представляли собой типичную должностную халатность, в результате которой, правда, учреждению был нанесен ущерб в 3810 р. 72 к. Суд же квалифицировал эти действия по ст. 109 УК и приговорил обвиняемых к весьма суровым наказаниям. И лишь вмешательство прокурора Союза предотвратило исполнение этого совершенно незаконного приговора. Но характерно, какая разница в наказании: при квалификации действий обвиняемых по ст. 109 УК — 5 лет и 3 года лишения свободы, по исправлении приговора — 1 год исправительно-трудовых работ.

Великолукским народным судом 2 октября 1935 г. приговорен обвиняемый Толли по ст. 109 УК к 8 годам лишения свободы. Соответствующими инстанциями приговор в отношении Толли был утвержден без изменения квалификации и назначенного наказания. И лишь по протесту Прокуратуры Союза президиум Калининского областного суда перекалфицировал действия Толли по ст. 111 УК, уменьшив наказание с 8 лет лишения свободы до 1 года лишения свободы. Из материала дела совершенно очевидно, что действия Толли представляют обычную должностную халатность: Толли, работая в качестве заведующего райвнуотгором, вследствие небрежного отношения к своим служебным обязанностям допу-

<sup>1</sup> Создано, № 11, 1935 г. «О квалифи-кации», статья Березовской.

стил неравномерное снабжение торговых точек хлебом, значительный брак в хлебе и организационные недостатки в общей торговле хлебом. Какая резкая разница между наказанием, которое было назначено судом — 8 лет и наказанием, которое должно было быть назначено — 1 год лишения свободы!

Этих примеров, как нам кажется, вполне достаточно, чтобы показать, к чему приводит незаконная квалификация отдельных должностных преступлений по всеобъемлющей ст. 109 УК и как это отзывается на судьбе обвиняемых и осужденных. А сколько подобно приведенным выше, необдуманных и необоснованных приговоров осталось без изменения? Выводы напрашиваются сами собой. Пора, раз и навсегда, решительно покончить со столь широко распространенным среди работников следствия и суда злоупотреблением статьей 109 УК, с подменой этой статьей других статей по должностным преступлениям и в первую очередь, ст.ст. 111, 116 УК, с незаконным присоединением все той же ст. 109 УК, как дополнительной, при квалификации должностной халатности, растрат, подлогов и т. д.

**Н. СЕРГЕЕВ**

## Оценка и проверка свидетельских показаний в делах о должностных преступлениях

Изучение дел о должностных преступлениях с точки зрения собирания доказательств и выяснение роли отдельных видов доказательств показывают, что свидетельские показания в количественном отношении являются преобладающими. Установление факта преступления, а равно тех обстоятельств, которые сопровождают преступление, не обходится без допроса свидетелей.

Однако свидетельские показания в делах о должностных преступлениях не являются важнейшим доказательственным материалом, их ценность уступает таким видам доказательств, как документы, акты ревизий, заключение экспертов; поэтому эта последняя группа доказательств является для данной категории дел главнейшим видом доказательств.

Кроме того сама ценность свидетельских показаний зависит от целого ряда причин и в первую очередь от того, насколько умело подойдет следователь к оценке и проверке свидетельских показаний, правильно ли наметит круг свидетелей.

Учитывая значительный удельный вес должностных преступлений и то, что субъектом преступления являются должностные лица советского аппарата и колхозов, каждый следователь должен помнить, что от правильного собирания доказательств, в частности свидетельских показаний, зависит правильность квалификации преступления, обоснованность предания суду. Критический подход к собранным свидетельским показаниям, проверка показаний путем сопоставления с такими материалами дела, которые известны из других источников, — например заключение экспертизы, наличие подложных документов, сравнение одних показаний с другими, а также выяснение социального лица свидетеля, его взаимо-

Необходимо, в первую очередь, заставить судебно-прокурорские органы более тщательно и добросовестно обосновывать обвинение по тем или иным статьям о должностных преступлениях. Прокуроры должны осуществлять серьезный контроль за обвинительными заключениями (по должностным преступлениям), поступающими из органов милиции и от народных следователей. Подготовительные заседания суда должны обратить особое внимание на правильность применения тех или иных статей УК по должностным преступлениям. Наконец, кассационные инстанции должны исправлять все без исключения приговоры с не правильной квалификацией по должностным преступлениям, чтобы ориентировать суды первой инстанции в правильном применении статей УК по должностным преступлениям. Помимо этого необходимо обратить внимание на повышение юридической подготовки работников следственных и судебных органов и, в частности, работников милиции, проявляющих сплошь и рядом незнание самых элементарных основ нашего Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов.

отношения с обвиняемым, умение обнаружить заведомо ложные показания — все это обеспечит полноту и объективность следствия.

Хотя свидетельские показания и не являются главнейшим видом доказательств по делам о должностных преступлениях, но нельзя делать из этого вывод, что роль свидетельских показаний сводится на-нет.

Изучение дел по ст. 116 УК показывает, что главным видом доказательств является акт ревизии, устанавливающий недостачу, причины которой еще неизвестны. Является ли она следствием халатности или растраты — это больше всего выясняется свидетельскими показаниями; поэтому от правильной оценки и проверки свидетельских показаний зависит успех дела.

Попробуем эти общие замечания проанализировать на изученных конкретных делах и показать, какой результат получается в том случае, когда следователь умеет оценивать и проверять свидетельские показания, и каков результат, если следователь этого не делает.

20 октября 1935 года в уголовный розыск Гдовского района поступил акт ревизии о недостаче 5649 р. 66 к. у зав. магазином № 37 Григорьева. Следственные действия начались с допроса в качестве свидетеля Григорьева, который недостачу признал, но сослался на то, что его зав. магазином № 36 Петров обманывал, отпуская товар без веса, ибо весов в магазине № 36 у Петрова не было.

Дальше следует допрос 7 свидетелей, которые подтверждали лишь пьянство Григорьева.

Эта часть следственных действий по делу свидетельствует о том, что лицо, ведущее следствие, не сумело правильно наметить круг свидетелей, ибо допрашивались случайные свидетели.

В данном деле, как и в любом деле о растрате, необходимо установить круг лиц, близко знакомых с обвиняемым; их-то и можно использовать для получения доказательственного материала об образе жизни обвиняемого.

При этом надо помнить, что подчас показания этих свидетелей нуждаются в тщательной проверке, а умение следователя правильно оценить свидетельские показания имеет решающее значение для дела. Это положение мы ниже подтвердим особым примером.

Народный следователь Федорова, правильно наметив круг свидетелей, доказала, что недостача у Григорьева является результатом растраты средств.

Свидетели подтвердили, что Григорьев систематически пьянствовал, приносил вино и закуски из магазина, пропивал в вечер 30—50 руб. Кроме того Григорьев брал из магазина польту, костюм, макенгош и другие вещи, не внося денег, а равно давал в долг из кассы деньги Филиппову.

Имея столь важные показания, следователь занялся их проверкой.

Установив показаниями свидетеля Прохорова, что Григорьев приобрел ряд вещей, следователь произвел обыск в квартире Григорьева. Обыск дал положительные результаты: здесь были найдены вещи, о которых говорил Прохоров.

Показания свидетеля завмага Петрова о том, что он Григорьеву отпускал товар по весу и что ссылка Григорьева на отсутствие весов не соответствует действительности, были проверены путем осмотра магазина № 36.

Это же обстоятельство было проверено путем сравнения показаний Петрова с показаниями лиц, доставляющих товар, которые подтвердили, что товар отпускался по весу.

Аналогичным способом были проверены показания о даче денег в долг Филиппову, который подтвердил это и заявил, что долг возвращен.

Собранный по делу материал заставил обвиняемого Григорьева признать растрату.

Примером отсутствия проверки свидетельских показаний является дело народного следователя Псковского района Климович по обвинению председателя сельсовета Орлова в растрате 1447 руб., счетовода Кондратьева в растрате 539 руб. и кассира Маркеловой в растрате 1995 руб.

Орлов обвинялся в том, что, работая председателем сельсовета и получая от граждан различные платежи по частным распискам, в кассу сельсовета денег не сдавал. В числе показаний имелись показания свидетельницы Федоровой о том, что она собрала с граждан 198 руб. за штрафы, деньги передала Орлову без расписки. Свидетельница Минина подтвердила, что у нее были взяты Орловым 200 руб., и предъявила его квитанцию на эту сумму, что Орлов продал ее имущество — за что не знает, а также не знает, оприходованы ли деньги.

В данном случае эти показания могли быть проверены путем сопоставления их с такими обстоятельствами дела, которые могут быть известны из других источников; например, путем осмотра документов и кассовой книги по вопросу оприходования денег.

Показания Федоровой могли быть проверены путем сравнения с другими показаниями, вы-

яснения, при ком передавались деньги, и допросом этих лиц, а равно допросом лиц, которые платили деньги Федоровой.

Располагая свидетельскими показаниями о жизни Орлова не по средствам, в частности, имея показания двух свидетелей о покупке Орловым коровы за 1200 руб. в совхозе «Большевичка» следователь не проверил, была ли действительно им куплена корова и за какую сумму.

Показания этих свидетелей могли быть проверены путем осмотра документов в совхозе.

Это дело показывает, что, приняв отдельные показания за точно установленный факт и не проверив этих показаний указанными выше способами, следователь представил суду неполноценный материал.

Мы знаем, что всякое свидетельское показание должно быть проверено. Тщательность проверки свидетельских показаний должна зависеть от того, насколько важно данное показание, и чем важнее для дела показание, тем тщательнее оно должно проверяться.

Правильность этого положения попробуем подтвердить примером из следственной практики.

16 декабря 1935 года народному следователю Гдовского района поступил материал о том, что у зав. буфетом Бубновой за 2½ месяца образовалась недостача в 962 р. 56 к. В процессе ревизии документально установить растрату не представилось возможным. Следователю предстояло разрешить вопрос о причинах недостачи: является ли она результатом халатности или результатом присвоения.

Показания восьми свидетелей по делу являются очень интересными с точки зрения их оценки и проверки.

Свидетель Васильев — зав. столовой, из которой отпускались продукты в буфет, утверждал что Бубнова присвоила деньги и растратила, о чем ему говорил повар Ульянов.

Аналогичные показания дал председатель горпо Гершенбейн, который в своих показаниях утверждал о покупке Бубновой «ряда вещей», но что именно она купила — он не указал.

Наряду с этими показаниями имелись показания соседей по квартире, которые утверждали, что Бубнова жила очень скромно, ничего не по средствам не покупала.

Однако следователь при наличии противоречивости показаний не проверил их и не отнесся критически к показаниям Васильева, заинтересованного в исходе дела. Допросом Гершенбейна не установили, что за вещи купила Бубнова.

Такие показания Васильева и Гершенбейна, которые прямо указывают на растрату, нуждались в тщательной проверке.

Только на суде были проверены и оценены свидетельские показания, и Бубнова по ст. 116 УК была оправдана.

Вот к каким результатам может привести невыполнение указанных выше положений.

Анализ изученных дел показывает, что свидетельские показания, как один из видов доказательств, представляют собой материал, нуждающийся в тщательной проверке, ибо даже вполне добросовестный свидетель может осуждать дело недостаточно полно. А если еще учесть особенность свидетельских показаний в должностных преступлениях по делам о халатном отношении к служебным обязанностям,

станет ясно, насколько важна тщательная проверка свидетельских показаний.

Помимо проверки свидетельских показаний чрезвычайно важно следователю уметь произвести правильную оценку свидетельских показаний.

Оценка свидетельских показаний в делах о должностных преступлениях имеет свою особенность. Эта особенность заключается в том, что подчас свидетель является крайне заинтересованным в исходе дела.

При изучении дел о должностных преступлениях в колхозах, в особенности по ст. 111 УК, связанных с нерадивым отношением к хозяйству, нами установлено, что, как правило, следствие начинается с допроса в качестве свидетелей председателя правления колхоза, бригадиров. Объективность в их показаниях часто сомнительна, и здесь требуется от следователя большое умение установить, в какой мере эти показания уклоняются от истины. В процессе следствия многие из этих свидетелей превращаются в обвиняемых. Поэтому их первоначальные показания будут часто направлены на неправильное освещение отдельных фактов.

Указанное выше положение попробуем проследить по делу народного следователя Гдовского района Федоровой по обвинению в растрате 964 руб. зав. ларьком Евстафьевой.

В качестве свидетеля по данному делу подошла соседка по квартире Малова, которая подтвердила, что Евстафьева к работе относится халатно, но ведет скромный образ жизни, ничего из дорогих вещей не приобретала. Эти показания Маловой были даны исключительно с целью опровергнуть растрату Евстафьевой, доказать ее халатность, так как Евстафьева дала 200 руб. в момент ревизии ларька Маловой, которая этими деньгами покрыла имевшуюся у нее недостачу.

Заинтересованность свидетельницы в данном деле была установлена путем проверки и оценки показаний ее, а равно выяснением взаимоотношений Евстафьевой и Маловой. Ложные показания были даны по указанным выше мотивам, а умелое собирание доказательств и оценка показаний свидетеля позволили опровергнуть показания свидетельницы о халатности, так как сопоставление показаний Маловой с бесспорно установленными фактами по делу показало неправильность утверждения Маловой, что недостача является результатом халатности.

В данном примере мы устанавливаем положение, когда оценка показаний свидетеля была произведена на основе оценки личности свидетеля и оценки существа показаний.

Это же положение подтверждается еще более ярким примером по делу обвиняемого Курешева по ст. 111 УК.

На основании акта от 7 октября 1935 года о порче сена на площади 13 га и порче зерновых с площади 0,40 га, следствием чего был убыток для колхоза в сумме 2869 руб. милицией Стругоокрасненского района, было возбуждено уголовное преследование против бригадира колхоза «Гаврилова гора» Курешева по ст. 111 УК.

Кроме акта от 7 октября дополнительным доказательством «халатности» явились показания председателя правления колхоза о том, что Курешев халатно относился к работе, не выполнял распоряжений об уборке сена и зерновых.

Аналогичные показания дал инспектор по качеству Никифоров, который также подтвердил, что Курешев не выполнял неоднократных распоряжений председателя правления об уборке сена и зерна, следствием чего имела место порча урожая и был причинен убыток колхозу в 2869 руб.

Следствие по данному делу показывает, что никакой оценки показаний свидетелей произведено не было, круг свидетелей ограничился допросом одного колхозника, кроме указанных выше двух лиц. Как председатель колхоза, так и инспектор по качеству были заинтересованы в привлечении бригадира, ибо в противном случае им пришлось бы отвечать за порчу урожая.

При расследовании дела вопрос об оценке личности свидетелей и их показаний поставлен не был. Не было установлено, откуда известно инспектору по качеству, что председатель правления неоднократно давал распоряжения об уборке, а бригадир их не выполнял. Лишь на суде было выяснено, что это ему известно со слов председателя колхоза.

Лишь на суде при вызове дополнительных свидетелей было установлено, что причина порчи сена и зерна заключается в расшатанности трудовой дисциплины в колхозе, в массовых невыходах на работу и принятии мер со стороны правления к соблюдению устава сельскохозяйственной артели, в силу чего Курешев был оправдан.

На основе приведенных выше дел можно сделать вывод, что оценка свидетельских показаний основывается на оценке личности свидетеля, с одной стороны, и на оценке существа его показаний, с другой стороны.

Только сочетание этих двух моментов оценки свидетельских показаний дает полноценный материал.

Оценка личности свидетеля заключается в выяснении его социального лица по образу жизни, общественному поведению, взаимоотношениям с обвиняемым и в установлении отсутствия его заинтересованности в исходе дела.

Второй момент оценки свидетельских показаний заключается в проверке указанными выше способами соответствия данных свидетельских показаний другим материалам дела.

Однако изучение ряда дел показывает, что следственные работники не придают должного значения оценке свидетельских показаний.

Примером этого может служить дело народного следователя Средкинского района Герасимова по обвинению Сазонова в растрате 702 руб. В качестве одного из доказательств в деле фигурируют показания свидетеля Евстафьева, на основании которых следователь винит в вину Сазонову присвоение 40 руб. Текст этих показаний заслуживает того, чтобы привести его с сохранением всех орфографических ошибок следователя: «По договоренности мною с колхозом «Ленинец» оподводе которая нам требовалась по ехать в район. Колхоз нам лошадь. В августе 1935 г. за сумму 40 руб. на двоих 20 руб. мною с Сазоновым расчитавши каковы он был ранее должен мне пораспискам на сумму 20 р. которые я считаю за себя в расчет остальная сумма 20 руб. ремдовский с/с с меня удержал которые еще не выплачены в чем может с/с подтвердить» подпись нар. след. Герасимов.

Эта безграмотная запись показаний говорит сама за себя. Нужно удивляться, как т. Герасимов на основании такого bestолкового показания счел возможным сделать вывод о виновности Сазонова.

В настоящей статье на основе изучения 48 уголовных дел мы хотели показать, какое зна-

чение имеет оценка и проверка свидетельских показаний в делах о должностных преступлениях, какой получается результат при соблюдении правил в отношении проверки и оценки показаний и каков при несоблюдении этого.

Мы хотели предохранить следователей от ошибок, подобных описанным в этой статье.

Б. БОРИСОВ

## Итоги I всесоюзного совещания работников суда и прокуратуры по гражданским делам<sup>1</sup>

В течение последних двух лет руководящими органами суда и прокуратуры принимались энергичные меры по поднятию и укреплению гражданско-правового участка судебной работы. Исключительное внимание к этим делам в настоящее время объясняется как количеством гражданских дел суда, так и их содержанием. Не меньше двух третей дел, рассматриваемых судами Союза, составляют дела гражданские. По содержанию своему они направлены в основном на защиту общественной социалистической собственности, на охрану личных и материально-правовых интересов трудящихся. Политическое значение этой категории дел особенно выросло в связи с принятой на VIII чрезвычайном съезде советов сталинской Конституцией, поставившей перед нами во весь рост проблемы заботы об основе советского государства — общественной социалистической собственности и об охране личной собственности трудящихся — строителей социализма.

Между тем, несмотря на такое важное значение указанной категории дел и на те организационные мероприятия, которые были приняты в последнее время (создание гражданских коллегий в судах и гражданских отделов в системе прокуратуры) для обеспечения должного внимания к этим делам, гражданский участок судебно-прокурорской работы продолжает и по сей день оставаться в неудовлетворительном состоянии. Для того чтобы форсировать дальнейшие мероприятия в этом направлении и добиться резкого перелома в работе по гражданским делам, было созвано 25 декабря 1936 года Первое всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам. Интересно попутно отметить, что подобное совещание, посвященное исключительно вопросам гражданского права и процесса, созывается впервые. На нем были заслушаны четыре доклада: 1) о работе суда по гражданским делам, 2) о работе прокуратуры по гражданским делам, 3) об исполнении судебных решений и 4) о практике применения закона от 27 июня 1936 г. по гражданским алиментным делам. В работе совещания принимали участие помимо товарищей, непосредственно занятых на этой работе, и научных сотрудников сектора гражданского права Института судебной политики, также персонально прокурор Союза ССР т. А. Я. Вышинский, зам. прокурора Союза т. Г. М. Леплевский, народный комиссар юстиции Союза ССР т. Н. В. Кры-

ленко. В своих выступлениях они отмечали всю политическую важность этой категории дел в связи со сталинской Конституцией и указывали пути дальнейшего подъема и укрепления этого участка судебно-прокурорской работы. В основном совещание прошло под знаком борьбы за соблюдение процессуальных норм в работе суда и прокуратуры. И это вполне естественно, поскольку основными причинами большого процента отмен и измененных решений судов первой инстанции являются нарушения процессуального порядка.

В основном предложения по сделанным докладам сводятся к следующему:

### 1) По линии суда:

а) обеспечить точное соблюдение процессуальных норм и требований судебной демократии при рассмотрении дел в суде первой инстанции (обязательный вызов сторон, внимательное отношение к вопросу об аккуратном вручении повесток, допущение свидетелей и третьих лиц, грамотное ведение протоколов, культурное ведение судебного заседания и т. п.);

б) обеспечить руководящую роль гражданских коллегий в отношении народных судов (вынесение квалифицированных определений, обобщение судебной практики, производство периодических обследований судебных органов на местах);

в) обеспечить точное соблюдение норм материального права при рассмотрении гражданских дел (о личной собственности, о наследовании, о праве на жилище, о взыскании алиментов, об авторском праве и т. д.).

### 2) По линии прокуратуры:

а) принять реальные меры к обеспечению участия прокуратуры в суде и первой инстанции и в кассационной инстанции по делам, в коих затрагиваются существенные интересы государства и трудящихся, в полном соответствии с требованиями действующего ГПК и циркуляром прокурора Союза от 7 апреля 1936 года;

б) обеспечить более строгий отбор дел для принесения протестов в порядке надзора, исходя из критериев, предусмотренных ст. 254 ГПК РСФСР и соответствующими статьями других союзных республик;

в) добиться решительного повышения качества приносимых протестов;

г) устранить из своей работы все те функции, которые составляют компетенцию суда, а не прокуратуры (наблюдение и оперативное руководство судебными исполнителями, разбор

<sup>1</sup> Подробный отчет о совещании будет помещен в следующем номере.

отдельных дел вместо направления их в суд и т. д.);

д) обеспечить строжайшую дисциплину в деле выполнения отдельных поручений, даваемых вышестоящими звеньями прокурорской системы, и перестроить работу по жалобам в полном соответствии с постановлениями 3 пленума Комиссии советского контроля и циркуляром прокурора Союза.

3) По вопросу об исполнении судебных решений:

а) установить активное наблюдение суда за действиями судебных исполнителей;

б) разгрузить судебных исполнителей от излишних функций, сосредоточив их работу главным образом на обслуживании трудящихся, а по линии обобществленного хозяйства — колхозов, с передачей всех остальных взысканий по делам обобществленного хозяйства Госбанку;

в) принять меры к проверке личного состава

судебных исполнителей и их срочной переподготовки.

4) По вопросу об итогах применения закона от 27 июня 1936 г. о взыскании алиментов:

а) точно соблюдать закон о порядке размера взыскания алиментных платежей с ответчиков;

б) обеспечить более внимательный и квалифицированный разбор дел об установлении отцовства, полностью отказавшись на практике от рассмотрения этих дел в отсутствие ответчиков;

в) обсудить вопрос о пересмотре старых циркуляров, запрещавших прибегать, при установлении отцовства, к экспертизе крови;

г) обеспечить обязательное участие прокурора в делах об истребовании детей.

Подробный отчет об этом исключительно интересном совещании, длившемся четыре дня и поставившем ряд злободневных и политически важных вопросов гражданского права и процесса, будет дан в следующем номере нашего журнала.

## Н. ЛАГОВИЕР

# О прокурорских протестах по гражданским делам<sup>1</sup>

Опротестование неправильных решений и определений по гражданским делам является, точнее, должно являться столь же существенной частью работы советской прокуратуры в области гражданского процесса, какой опротестование неправильных приговоров является в области уголовного процесса.

Если необходимо со всей настойчивостью добиваться своевременного исправления ошибок, нарушений советского закона, нарушений интересов государства и законных прав отдельных граждан, наблюдающихся при разрешении судами уголовных дел, то бесспорна также необходимость и обязательность для прокурора повседневно вести борьбу с искажениями, извращениями судебной политики по делам гражданским, столь же бесспорна обязательность добиваться своевременного исправления неправильных решений и определений, нарушающих интересы социалистического строительства или законные права отдельных трудящихся. Если практика судов по делам уголовным еще пока, к сожалению, дает весьма многочисленные и весьма существенные поводы для прокурорских протестов, то вряд ли есть нужда доказывать, что не менее (если не более) многочисленные и существенные поводы для эффективного прокурорского вмешательства дает судебная практика по делам гражданским. Не секрет, что качество разрешения гражданских дел во многих случаях еще продолжает оставаться неудовлетворительным, что, в частности, с соблюдением основных процессуальных требований в области гражданского протеста пока в ряде случаев обстоит даже менее благополучно, чем в процессе уголовном. Повседневные сигналы нашей печати, многочисленные постановления главных, краевых и областных судов по надзорным гражданским

делам, отмечающие подчас грубейшие нарушения в решениях народных судов, указания Верховного Суда СССР и высших судов отдельных союзных республик достаточно красноречиво подтверждают сказанное выше о неудовлетворительном в ряде случаев качестве судебной практики по гражданским делам. Следовательно, поводов, фактов в судебной практике по гражданским делам, требующих активного прокурорского вмешательства в форме принесения протеста, пока много.

И, наконец, так же, как это отмечалось в отношении протестов прокуратуры по уголовным делам, значение правильных протестов прокуроров по гражданским делам не исчерпывается только тем, что исправляются ошибки народных судов и кассационных инстанций по конкретным делам. Нельзя кроме того забывать и то большое профилактическое значение которое имеют правильные, обоснованные прокурорские протесты в смысле предупреждения ошибок в дальнейшей судебной практике того или иного суда. Само собой разумеется, что наряду с этими общими моментами, характеризующими громадное значение прокурорского протеста как по уголовным, так и по гражданским делам, есть и некоторые специфические моменты этой прокурорской работы, специфические для гражданского процесса, вытекающие из ряда особенностей гражданского процесса, на которых мы останавливаемся ниже. Но эти специфические моменты, во всяком случае, ни в какой мере не умаляют указанного выше значения протестов по гражданским делам и не могут служить оправданием (а наоборот в некоторых отношениях даже усугубляют отрицательное значение) тех недочетов, которые еще продолжают иметь место в работе отдельных прокуроров по опротестованию неправильных решений и определений по гражданским делам, наряду с большой полез-

<sup>1</sup> В порядке обсуждения. — Редакция.

ной и несомненно усилившейся за последнее время работой прокуратуры в этом направлении.

Вот несколько, отнюдь не самых ярких, нарочито подобранных, а, так сказать, заурядных конкретных примеров и фактов, иллюстрирующих то значение, которое имеют правильные прокурорские протесты по различным категориям гражданских дел.

30 марта 1936 г. президиум Западного областного суда рассмотрел протест прокурора по гражданскому делу нарусуда Темкинского района по иску МТС к колхозу «Красный городок» Медвединского сельсовета на сумму около 7 тысяч рублей. Иск был судом удовлетворен. Между тем сущность дела заключалась в том, что Темкинская МТС обязалась по договору произвести в колхозе сельхозработы с натуроплатой на сумму, указанную в иске. Нарсуд, удовлетворивший иск, и определение кассационной коллегии и областного суда от 8 января 1936 г., в основном оставившее решение суда в силе, находились в противоречии с § 15 договора МТС с колхозом и с примерным договором, утвержденным СНК СССР 17 февраля 1934 г., согласно которым взыскание натуроплаты должно производиться не в судебном, а в бесспорном порядке. Протест прокурора обратил внимание на эти серьезные нарушения закона и результатом его явилось не только то, что президиум областного суда, согласившись с протестом, решение народного суда и определение ГКК по данному делу отменил и самое дело прекратил, но и то, что, благодаря протесту, такие нарушения в дальнейшей практике народного суда и кассационной коллегии уже не наблюдались.

Или вот другой пример: 7 марта 1936 г. народный суд Центрального района Ленинграда отказал гр-ке Касс в иске о зарплате к Ликвидному обществу друзей зеленых насаждений, а ГКК областного суда это решение оставила в силе. В дело вмешался прокурор, который обратил внимание на то, что истица обращалась в суд о взыскании бесспорно следуемых ей сумм только потому, что выплатить этих денег ей никто не отказывал. Поэтому тот мотив решения народного суда, что истица пропустила срок исковой давности, является необоснованным. Далее прокурор обратил внимание на то, что выплата денег истице задерживалась исключительно из-за отсутствия денег, обратил внимание на ходатайство со стороны областного комитета союза рабочих городских предприятий. В результате протеста прокурора, президиум Ленинградского областного суда 10 мая 1936 г. решение народного суда и определение ГКК областного суда отменил.

Известно, с какой особой чуткостью и внимательностью должно подходить к защите интересов и прав матери и ребенка по алиментным делам, в частности по делам о признании отцовства. Но это, конечно, не устраняет обязанности народного суда в каждом конкретном деле тщательно и всесторонне проверять взаимоотношения сторон и все обстоятельства дела. Не такой путь избрал народный суд 147 участка Шиловского р-на, Московской области, который 30 января 1936 г. удовлетворил иск гр-ки Савкиной к гр. Солонину о признании отцовства, не дав себе труда помочь истице в собирании необходимых и вполне доступных по данному делу доказательств; не про-

явил никакой инициативы в собирании таких доказательств, не вызвал свидетелей для выяснения взаимоотношений сторон, а основал свое решение исключительно на заявлении истицы о том, что «вся деревня говорила» и что «рожденный ребенок похож на отца». (Попутно заметим, что ко дню рассмотрения дела в суде ребенку было всего 36 дней). Между тем из объяснений истицы видно было, что необходимо было вызвать целый ряд свидетелей. Прокурор совершенно правильно в своем протесте обратил внимание на неправильность такого подхода суда к разрешению дела и в результате постановлением президиума Московского областного суда от 22 апреля 1936 г. определение кассационной коллегии и решение народного суда были отменены и дело это было передано на новое рассмотрение.

Работа прокуроров по опротестованию неправильных решений и определений по гражданским делам пока еще не заняла как по своим количественным, так и качественным показателям того места во всей прокурорской работе, какое возможно и необходимо в настоящих условиях.

В количественном отношении эта работа во многих районах продолжает оставаться явно недостаточной. Так же как по уголовным делам, так и в отношении гражданских дел ряд постановлений главных, краевых и областных судов, с одной стороны, отмечают наличие грубейших извращений в судебной практике отдельных судов по гражданским делам, а, с другой стороны, соответствующие районные прокуроры ничем не реагируют на эти извращения. По отдельным участкам судов мы имеем громадный процент отмены решений, с одной стороны, и совершенное отсутствие прокурорских протестов — или ничтожное их количество — с другой. В частности, это уже было нами отмечено по алиментным делам, но это наблюдается и по другим категориям гражданских дел. Так, например, президиум Сталинградского краевого суда 19 марта 1936 г., изучив практику применения закона от 19 июня 1935 г. о подсудности имущественных споров колхозов и колхозников, отметив целый ряд серьезных недостатков в работе судов, обратил внимание краевого прокурора на отсутствие со стороны прокуратуры надзора по этим делам.

Задача количественного развертывания работы по опротестованию неправильных решений и определений требует своего срочного разрешения.

Несвоевременность принесения целого ряда протестов по гражданским делам — другой серьезный недостаток, значительно снижающий эффективность прокурорских протестов, а иногда сводящий ее к нулю. В отличие от УПК, в ГПК установлены определенные сроки для опротестования краевыми районными прокурорами неправильных решений судов. Так, согласно ст. 254-г ГПК срок принесения протеста в порядке надзора по гражданским делам неограничен только для Народного комиссариата юстиции, председатели Верхсуда РСФСР, прокурора республики (и само собой разумеется для прокурора СССР и председателя Верхсуда СССР). Но для краевых и районных прокуроров этот срок ограничен 3 месяцами со дня вступления решения в законную силу.

Еще более ограничительный срок устанавливает примечание к ст. 254-г ГПК РСФСР для

опротестования прокуратурой решений народных судов по производственным и трудовым делам (со дня вынесения соответствующего решения).

Между тем мы имеем значительное количество постановлений президиумов главных, краевых и областных судов об оставлении без рассмотрения прокурорских протестов в виду того, что последние принесены по истечении указанных сроков, причем ближайшее ознакомление показывает, что речь идет о такого рода запаздывании, которое отнюдь не обусловлено какими-либо уважительными причинами. Дело или жалоба поступили к прокурору своевременно, но беда в том, что или их удружились рассмотреть несвоевременно, или же (и такие случаи бывают) хотя и рассмотрели, но не удосужились дать соответствующее «движение». С таким отношением к соблюдению установленных ГПК сроков для опротестования необходима решительная борьба. В этой же связи нужно отметить совершенно недостаточное использование кассационной формы опротестования. Во всех тех случаях, когда прокурор участвует в суде первой инстанции (в порядке ст. 2 или 12 ГПК) и когда, по мнению прокурора, вынесено неправильное решение, следует считать обязательным принесение протеста не в порядке надзора, а в порядке кассационном. Это должно быть признано обязательным и в тех случаях, когда прокурор хотя и не участвовал в суде первой инстанции, но тем или иным путем в пределах срока кассационного обжалования узнал о существенных искажениях судебной политики по тому или иному делу. Следует подчеркнуть необходимость большого использования кассационного опротестования потому, что на практике этой формой пренебрегают, и преобладающее место занимают протесты в порядке надзора. Преимущество же кассационного опротестования очевидно, поскольку оно дает возможность добиться более своевременного исправления неправильных решений.

Следующее элементарное требование, которому должен удовлетворять каждый протест прокурора по гражданскому делу, заключается в строгой обоснованности протеста как с точки зрения существа и фактических обстоятельств дела, так и соответствие протеста формальным требованиям закона, а вместе с тем, и в целесообразности принесения, в том или ином случае, протеста. Твердо борясь за соблюдение революционной законности судами при разрешении гражданских дел, нужно в то же время иметь в виду, что не по поводу всякого допущенного судом нарушения допустимо принесение протеста с требованием отмены или изменения решений. Прокурор — не буквоед, который приносит протест по поводу мелких нарушений, не повлиявших на правильность решений. Это вовсе не значит, что прокурор должен поощрять и такого рода нарушения. Но борьба с ними должна вестись иными методами и средствами, чем путем принесения протеста. Ст. 254-б ГПК РСФСР не случайно указывает, что дело вносится на рассмотрение в порядке надзора при обнаружении «особо существенного нарушения действующего закона, или явного нарушения интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс», а примечание ст. 254-г не случайно подчеркивает, что опротестование прокуратурой реше-

ний народных судов по производственным и трудовым делам в порядке надзора допускается «лишь в совершенно исключительных случаях». Во всяком случае для опротестования решений необходимы поводы, которые закон считает достаточными для отмены решений.

Между тем часть прокурорских протестов по гражданским делам, как доказывают материалы судов, определенно не удовлетворяют только что указанным элементарным требованиям. Некоторые протесты приносятся буквально зря и, разумеется, если имеют какое-либо значение, то лишь отрицательное, так как влекут излишнюю затяжку дел, излишнюю трату времени прокуратуры и суда. Так, например, прокуратура Мордовской АССР недавно опротестовала решение народного суда Саранского р-на по иску Мамошкина к конторе Сортсемявошь о восстановлении на работе. Суд иск удовлетворил, а кассационная коллегия совершенно правильно решение отменила, так как по делу было бесспорно установлено систематическое пьянство и систематические невыходы на работу истца. Прокурор на определение кассационной коллегии принес ни на чем не обоснованный протест, который президиумом главного суда был отклонен. Ясно, что протеста в данном случае вносить не следовало. Или другой пример. Народный суд Клиновского р-на Западной области отказал в иске гр-ке Рытик об исключении из описи дома. Из документальных доказательств, находящихся в деле, было совершенно ясно, что этот дом всецело принадлежал осужденному за крупную растрату, ничем не было доказано, что истица вложила какие-либо средства на постройку этого дома. Тем не менее прокурор наше возможным принести протест, который был отклонен президиумом Западного областного суда 30 марта 1936 г.

По делу народного суда Сорновского р-на по иску завода к гр. Образцову о выселении в протесте прокурора указывалось, будто бы народный суд в иске отказал, а кассационная коллегия будто бы решение суда оставила в силе, между тем как в действительности народный суд иск удовлетворил, а кассационная коллегия дело прекратила. Таким образом в протесте по данному делу были просто искажены фактические данные. То же в протесте Воронежской прокуратуры по делу Тарабина в протесте указывалось, будто истец был членом фабзавкома, что не соответствовало действительности (протест был отклонен 22 апреля 1936 г. президиумом Воронежского облсуда).

Причины принесения подобных недоброкачественных протестов (как это отчасти ясно из приведенных примеров) кроются или в невнимательном ознакомлении с материалами дела, или в столь же невнимательном изучении относящихся к делу законов или ведомственных распоряжений, а в некоторых случаях протесты отражают политическую недооценку того или иного дела.

Некоторые суды отмечают в своих постановлениях, что протесты прокуроров зачастую не содержат абсолютно никаких указаний на допущенные судами нарушения закона, не содержат ссылок на законы. Так, например, президиум Дагестанского главного суда в постановлении от 29 апреля 1936 г. просит прокурора ДАССР дать указания прокурорам, чтобы пос-

едние при подаче протестов обязательно ссылались на допущенные судами нарушения закона. Совершенно очевидно, что указанные выше причины недоброкачества отдельных протестов устранить можно и должно.

Поднять как по количественным, так и по качественным показателям работу по опротестованию неправильных решений и определений по гражданским делам на ту высоту, которая соответствует большому значению этой работы — такова задача, разрешение которой никак не должно откладываться в долгий ящик. Во многом разрешение ее зависит от самих районных прокуроров, от степени дей-

ствительного поворота их к надзору за разрешением гражданских дел. Не в малой мере, разумеется, разрешение указанной задачи зависит от краевых и областных прокуратур, от качества руководства и инструктажа ими районных прокуроров.

Решительно разоблачая всяческие бюрократические извращения в работе по опротестованию решений и определений по гражданским делам, решительно борясь с недооценкой этой работы, нужно вместе с тем поощрять образцовую работу, популяризировать ее на страницах нашей печати.

## Об одновременном взыскании пени и процентов за просрочку платежа<sup>1</sup>

Практика суда и арбитража по вопросу о пени и процентах за просрочку платежа чрезвычайно разнообразна. При просрочке платежа иногда сверх договорной пени присуждаются также узаконенные 5% годовых на просроченную сумму (со дня просрочки), иногда присуждают только договорную пеню и отказывают в присуждении процентов; иногда присуждают договорную пеню со дня просрочки и сверх сего проценты, но лишь со дня предъявления иска и т. д.

Взыскание процентов сверх договорной пени аргументируют часто тем, что «проценты составляют как бы естественную принадлежность основного долга» и ссылаются на ст. 121 ГК РСФСР<sup>2</sup>.

Однако вряд ли можно признать правильными эти соображения.

Экономический эффект от процентов сводится к увеличению размера капитала. Если с этой точки зрения считать проценты принадлежностью капитала, то естественно принадлежностью можно бы считать проценты лишь тогда, когда обращение денег из процентов и использование капитала в целях для получения процентов составляют в хозяйственном обороте самодовлеющее повседневное явление. Такое именно положение и существует в капиталистических странах, где проценты действительно являются принадлежностью капитала. Буржуазные юристы так именно и смотрели на денежный капитал и проценты. У Победоносцева мы читаем: «В денежном займе условие о вознаграждении по свойству предмета даже предполагается, так как пользование деньгами всегда имеет на денежном рынке известную ценность, выражаемую процентом. Следовательно, когда нет прямого выражения дарственной воли, естественно предположить, что недаром уступлено одним лицом другому это пользование капиталом в течении определенного времени» (т. III, стр. 334). Аналогичные мысли развивает и проф. Шершеневич<sup>3</sup>, но эта классическая буржуазная концепция не имеет корней ни в нашем ГК, ни тем более в позднейшем нашем гражданском законодательстве, регулирующем отношения внутри социалистического хозяйства. Ст. 212 ГК исходит, например, из обратного принципа, презумируя безмездность пользования денежным капиталом. Лишь прямое указание в договоре способно опровергнуть презумпцию безмездности займа. Таким образом по ГК проценты никоим образом не могут быть названы естественной принадлежностью капитала. Больше того у нас теперь обращение денег из процентов в сделках между хозорганами прямо запрещено кредитной реформой, ликвидировавшей коммерческий кредит. Следовательно, в настоящее вре-

мя является полным анахронизмом взгляд на проценты, как на естественную принадлежность капитала.

Несостоятельна также ссылка на ст. 121 ГК. Из сопоставления ч. 3, ст. 121 со ст. 141 ГК явствует, что ст. 121 предусматривает законную неустойку за просрочку платежа, которая (неустойка) ничего общего не имеет ни с нормализацией порядка обращения денег из процентов, ни с квалификацией процентов как естественной принадлежности капитала.

Более того, ст. 121 на вопрос о возможности одновременного взыскания договорной пени и процентов за просрочку платежа дает отрицательный ответ, а именно: договорная пеня, превышающая 6% годовых, исключает взыскание процентов. С другой стороны, если договорная пеня ниже 6%, то взыскиваются узаконенные, а не договорные проценты, т. е. фактически к договорной пени взыскивается с должника разница до 6% и при том независимо от размера реального убытка, фактически понесенного потерпевшим кредитором.

Итак, ст. 121 ГК не подтверждает мнение о допустимости одновременного взыскания полностью и договорной пени и узаконенных процентов.

Решение вопроса о совместном взыскании пени и процентов по действующему хозяйственному законодательству находится в неразрывной связи с вопросом о координировании взыскания пени и убытков.

Не только директивами центральных ведомств, но и инструкцией главарбитра СНК СССР о претензиях по качеству проводится общий принцип, что наряду с договорными пенями, неустойками и штрафами могут подлежать взысканию лишь реальные убытки и то в сумме, не покрытой штрафными санкциями.

Но что такое реальный убыток?

Позднейшие нормы под реальным убытком понимают только положительный ущерб в имуществе хозоргана, но не упущенную выгоду. В подтверждение такого именно более узкого понятия убытка можно сослаться на ст. 26 Положения НКТП от 21/XII 1933 г. о порядке заключения договоров на 1934 г. и на аналогичные статьи директив о порядке заключения договоров на 1935 и 1936 гг. Требование о возмещении реально понесенных (прямых) убытков должно быть по директивам НКТП основано на оперативных отчетно-бухгалтерских данных, а не на плановых расчетах. Но в отчетно-бухгалтерских данных отражается только положительный имущественный ущерб, только фактическая убыль из наличного имущества хозоргана, т. е. убыль, проходящая по счету прибылей и убытков. Напротив, плановым расчетом может предусматриваться и ожидаемое поступление, ожидаемое увеличение наличного имущества. Однако неоправдавшееся ожидание никакого отражения в бухгалтерском отчете не имеет. При просрочке покупателем платежа поставщик несет реальный убыток.

<sup>1</sup> В порядке обсуждения.

<sup>2</sup> См. журн. «Арбитраж» № 1936 г., статью Б. М., стр. 22.

<sup>3</sup> Учебник русского гражданского права, стр. 486.

если поставщику по вине неисправного плательщика приходится подкрепить свой расчетный счет банковской ссудой. Проценты, уплачиваемые поставщиком банку за ссуду, составляют реальный убыток, отражаемый в оперативных отчетно-бухгалтерских данных. Но если поставщик при составлении финансового плана предусмотрел ожидаемое им поступление от банка процентов на кредитовое сальдо по расчетному счету, и это ожидание не оправдалось в известной части по случаю позднего получения платежа от неисправного покупателя, то утрата поставщиком этих ожидавшихся им процентов не отразится в отчетно-бухгалтерских данных, и, следовательно, не составит того реального убытка, который может подлежать взысканию, сверх договорных санкций.

Такое отступление от принципов ст. 117 вполне целесообразно.

Против расширенного применения ст. 118 ГК высказался Верховный суд РСФСР еще в 1925 г., резонно указав на опасность увлечения взысканием «упущенных выгод» в директивном письме ГКК от 1927 г. И в самом деле, в условиях социалистического хозяйства нет надобности в сохранении расширенного понятия убытка. Основной закон о договорах от 19/XII 1933 г. и последующие директивы обязывают хозорганы заключать письменные договоры и обеспечивать их пенями и неустойками.

Так как эти пени и неустойки имеют одновременно своей задачей стимулировать реальное исполнение договоров и обеспечить исправному контрагенту возмещение возможного ущерба от нарушения договора, то каждая сторона при заключении договора обязана настаивать на такой санкции, которая способна покрыть и возможный реальный убыток, и возможную утрату выгоды, предусмотренные финпланом. Взыскание таких санкций, во-первых, упрощает судебный арбитражный процесс и, во-вторых, возмещает интерес исправной стороны, исчисленный ею при заключении договора по реальным, а не ажютажным условиям оборота.

Итак, вопрос о совместном взыскании пени и убытков решается по ныне действующему законодательству следующим образом: 1) за просрочку платежа по общему правилу взыскиваются только договорные пени и неустойка; 2) если кредитор докажет бухгалтерско-отчетными данными, что реальный его убыток превышает договорную санкцию за просрочку платежа, то он может взыскать убыток в сумме, не покрытой договорной санкцией, и 3) если договором не предусмотрена санкция за просрочку платежа, то поставщик может требовать только возмещения реального убытка по бухгалтерско-отчетным материалам.

Это решение вопроса о координировании взыскания пени и убытков полностью применимо и к решению вопроса об одновременном взыскании пени и процентов за просрочку платежа: требование кредитора о взыскании его пользу процентов, сверх договорной пени, может подлежать удовлетворению полностью, поскольку договорная пеня не покрывает реального убытка.

Следовательно, действующее хозяйственное законодательство также не допускает совмест-

ного взыскания полностью договорной пени и узаконенных процентов.

Однако решение вопроса о совместном взыскании пени и процентов по позднейшим нормам не совпадает с ст. 121 ГК. Выше было отмечено, что узаконенные проценты, предусмотримые ст. 121 ГК, представляют собою законную неустойку за просрочку денежного обязательства. По общему смыслу ст.ст. 141 и 142 неустойка имеет у нас оценочный характер, как предварительное определение размера предполагаемого убытка, и по этой именно причине вне особых случаев не допускается одновременное взыскание неустойки и убытков, во избежание двойного взыскания убытков за нарушение одного и того же условия договора. Очевидно, что и неустойка по ст. 121 ГК имеет тот же оценочный характер. В данном случае узаконенные проценты являются только одним из способов исчисления предполагаемого убытка от просрочки исполнения одного из видов обязательств.

Отсюда ясно, что различие между позднейшими нормами и ст. 121 ГК сводится к тому, что первое допускает взыскание процентов сверх договорной пени тогда, когда договорная пеня ниже реального убытка, а ст. 121 ГК допускает взыскание процентов сверх договорной пени тогда, когда договорная пеня ниже предполагаемого минимального убытка, определяемого законом минимально в 6% годовых.

Нельзя не признать, что позднейшие нормы стоят на более правильном пути, отдавая преимущественное значение доказанному реальному убытку против абстрактной цифры 6%, позаимствованной из капиталистического оборота.

В отношении координирования взыскания неустойки и убытков имеется также существенное расхождение между позднейшими нормами и ст.ст. 141 и 142 ГК.

Ст. 141 исходит из презумпции равенства неустойки убытку, и поэтому вне особых случаев совместное взыскание неустойки и убытков не должно иметь места. Однако ст. 142 предоставляет должнику право опровергнуть презумпцию, из которой исходит ст. 141, и доказывать, что неустойка значительно превышает убыток, и в этом случае суд может снизить размер неустойки. Позднейшие нормы также исходят из презумпции равенства неустойки убытку. Но право опровержения этой презумпции предоставлено не должнику, а кредитору. Только кредитор может доказывать, что неустойка ниже реального убытка, и тогда арбитраж присуждает разницу между неустойкой и реальным убытком.

В отношении неисправного должника договорная неустойка является штрафом за нарушение договора или просрочку исполнения. Этот штраф налагается не в защиту интересов кредитора, а в обеспечение выполнения плана социалистического хозяйства. Поэтому должник вовсе не может защищаться тем, что кредитор фактически мало пострадал. Напротив, если не весь реальный убыток исправного кредитора покрывается неустойкой и если не давать ему права довызывать непокрытую часть убытка, то исправный кредитор в конечном итоге понесет ущерб по вине должника. С точки зрения хозрасчета необходимо дать кредитору возможность дополнить реальный

убыток и выравнять свой баланс за счет несправного контрагента.

Итак, ст. 142 ГК должна бы иметь обратную следующую редакцию: «Если подлежащая уплате неустойка чрезвычайно мала по сравнению с реальными убытками кредитора, суд вправе, по просьбе кредитора, повысить неустойку до полного покрытия убытка кредитора».

Резюмируя все сказанное по вопросу о совместном взыскании неустойки и процентов за просрочку платежа, можно прийти к выводу, что последняя часть ст. 121 ГК является не только ошибочной по случаю подмены ею реального убытка абстрактными шестью процентами, но что вообще вся законная неустойка по ст. 121 представляется лишней.

Непонятно, прежде всего, почему ст. 121 ГК из всех случаев просрочки исполнения обязательств выделила, взяла под особое покровительство и обеспечила законной неустойкой только просрочку денежного обязательства.

Неужели просрочка в поставке продукции, в доставке транспортных средств и в оказании

услуг имеет меньшее хозяйственное значение, чем просрочка платежа? Более последовательно и хозяйственно целесообразно поступать НКТП, когда в случаях заключения небольших сделок путем обмена письмами без указания размера санкций предписывает взыскивать пени за просрочку всякого исполнения, а не одного только исполнения платежа.

Кроме того, поскольку законом от 19/ХІІ 1933 г. и последующими директивами предписывается дифференцировать санкции в зависимости от характера обязательства, степени его выполнения, кратности его нарушения и т. д., постольку вообще нежелательна всякая законная неустойка с твердой ставкой, как, например, 6% с просроченного платежа.

Гораздо целесообразнее понуждать хозорганы заключать доброкачественные договоры и включать в них дифференцированные санкции с различными ставками пени и неустойки.

Итак, ст.ст. 117, 121, 141 и 142 явно устарели для социалистического хозяйства и нуждаются в коренном законодательном изменении.

## С. ВОНСКИЙ

# Не пора ли ликвидировать Госарбитраж?<sup>1</sup>

В статье «Арбитраж на перепутьи» (журнал «Социалистическая законность» 1936 г. № 6), т. Бещер приходит к совершенно правильному заключению о необходимости ликвидировать ведомственный арбитраж. Но нужно поставить вопрос гораздо шире: не пора ли ликвидировать и Госарбитраж, функционирующий уже свыше 5 лет.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 4/ІІІ 1931 г. «Об упразднении арбитражных комиссий» (Собр. зак. СССР — 1931 г. № 135) были ликвидированы арбитражные комиссии по рассмотрению имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями и кооперативными организациями, а дела, подлежащие разрешению упраздненными комиссиями, переданы общим судебным учреждениям; с тем, чтобы суды приглашали в свой состав народных заседателей из числа работников хозорганов.

Через два месяца новое постановление ЦИК и СНК СССР от 3/IV 1931 г. «Положение о Госарбитраже» (Собр. зак. СССР 1931 г. № 203) изъяло из ведения общих судебных учреждений почти все имущественные споры между хозорганами обобщественного сектора. Дела эти были переданы госарбитражу.

Но какие были основания к замене суда госарбитражем — к изъятию указанных споров из ведения общих судебных учреждений и к передаче их госарбитражу?

А основания для такого крупного шага должны были бы быть вполне серьезные.

Рассмотрим возможные основания к замене суда госарбитражем, поскольку их можно вывести из содержания положения о госарбитражах.

Положение о госарбитраже предъявляет к госарбитражу такие требования: укрепить договорную и плановую дисциплину и хозрасчет, повысить материальную ответственность хозорганов и руководствоваться при разрешении споров законами и законными распоряжениями органов власти и общими началами экономической политики СССР.

Может быть, исполнение этих требований непосильно для суда и госарбитраж более приспособлен к их исполнению? Может быть, именно по этой причине понадобилась замена суда госарбитражем?

Все перечисленные требования спаяны одной общей идеей: госарбитраж обязан соблюдать строжайшую законность, он ни в каком случае не должен освобождать хозорганы от обязательств или ответственности и не имеет права амнистировать их за невыполнение или за ненадлежащее выполнение договоров. Общественные начала экономической политики СССР претворяются в законы и руководствоваться этими началами — это значит точно применять законы, являющиеся их воплощением. Планы являются для хозорганов обязательными, а укрепление плановой дисциплины — одной из важнейших задач хозорганов. Укреплять договорную дисциплину — это значит требовать строгого исполнения хозорганами принятых ими на себя обязательств — требовать законности. Наконец, соблюдение хозрасчета немислимо без точного выполнения хозорганами принятых ими на себя обязательств по договорам, без материальной ответственности за невыполнение или ненадлежащее выполнение договоров — вообще без соблюдения строгой законности.

Все эти требования не содержат в себе ничего специфически арбитражного; они вообще

<sup>1</sup> В порядке обсуждения. — Ред.

не имеют никакого отношения к посредничеству арбитра между сторонами. Во исполнение этих требований арбитр не должен допускать таких соглашений между сторонами, которые направлены к обходу законов, к амнистированию стороны, к нарушению хозрасчета и т. д. Взамен таких соглашений арбитр обязан выносить свои решения, которые отвечали бы строжайшей законности. Ясно, что требование соблюдения революционной законности не могло явиться основанием для замены суда госарбитражем. Требование соблюдения строжайшей законности является обычным требованием, предъявляемым к суду, и суд выполняет это требование.

Но не вызвана ли замена суда госарбитражем тем особым методом разрешения споров, который рекомендуется госарбитражу ст. 6 Положения о госарбитраже?

По ст. 6 споры разрешаются арбитром совместно с ответственными представителями спорящих хозорганов (руководителями хозорганов, их заместителями, членами правления) по одному от каждой стороны; а в случаях разногласия между ответственными представителями сторон и в случаях неявки ответственных представителей одной или обеих сторон вопрос разрешается арбитром.

В чем же заключается этот особый метод разбора дел? По справедливому указанию т. Шкундина, в статье его «Об арбитражном процессе» (Журнал «Советское государство» 1936 г. № 3) этот метод является методом арбитражирования, при котором арбитр склоняет стороны к хозрасчетному соглашению, и спор разрешается путем хозрасчетного соглашения, достигаемого под руководством и в соответствии с указаниями арбитра. Тов. Шкундин считает этот метод большим достоинством арбитражного процесса.

Такой способ разрешения дел можно действительно назвать арбитражным, так как арбитр фактически выступает в качестве посредника между спорящими сторонами. И если бы практика показала, что требование ст. 6 осуществимо, что этот метод может быть проведен в жизнь, то этим можно было бы оправдать замену суда госарбитражем.

По ст. 6 такие хозрасчетные соглашения требуют личного участия в делах руководителей хозорганов. Только они могут согласиться на те или иные хозрасчетные соглашения, предлагаемые арбитром. Но 5-летняя практика показала, что метод арбитражирования с ответственными руководителями хозорганов оказался неосуществимым в жизни; метод этот не привился и никогда не применялся.

Руководители спорящих сторон и их заместители, как правило, не являются в госарбитраж для участия в разрешении споров путем арбитражирования. Если разбор дела происходит в городе, где проживает руководитель или его заместитель, то он все же должен оторваться на несколько часов по каждому делу от своей прямой обязанности руководить всей деятельностью хозоргана для участия в процессе арбитражирования (с риском не застать там ответственного представителя другой стороны); кроме того он должен употребить не мало времени на изучение всех материалов дела. А чаще всего дела разбираются в другом городе и нужно по каждому делу выезжать к месту его разбора и тратить на это каждый раз не меньше 2—3

дней. Ни руководитель хозоргана, ни заместитель его не могут позволить себе тратить так много времени на ведение нередко многочисленных спорных дел хозоргана. Поэтому к разбору дел являются обыкновенно юрисконсулты, бухгалтера и т. д., которых закон не признает ответственными представителями хозорганов, метод арбитражирования с их участием не допускается, и решения выносятся не в виде хозрасчетных соглашений, а в виде единоличных решений арбитров.

В результате мы наблюдаем, что процент дел с совместной явкой ответственных представителей обеих сторон сводится к такому мизерному количеству (вероятно, не более 1%). что его и не следует принимать в расчет.

Мало того, всякий практик, знакомый со способом ведения дел в госарбитраже, знает, что даже в тех редких случаях, когда ответственные представители обеих сторон совместно являются к разбору дел, арбитр, как правило, тоже не занимается арбитражированием — склонением их к хозрасчетному соглашению, а выслушивает их объяснения и единолично решает дело.

Ошибка т. Шкундина заключается в том, что он предполагает, что метод разрешения споров, указанный в ст. 6, проводится в жизнь, а в действительности этот метод никогда не проводился, не проводится и не может быть проведен в жизнь.

Ясно, что если метод арбитражирования по тем или другим причинам не может быть проведен в жизнь, то отпадает надобность в замене суда арбитражем. Если из госарбитража вынуть его душу — арбитражирование, то для чего нужен такой госарбитраж?

Но, может быть, замена суда госарбитражем вызвана желанием поручить разбор дел опытным хозяйственникам, назначаемым в арбитраж?

Естественно, что орган, разрешающий споры хозорганов, должен быть знаком с их хозяйственной деятельностью. Но указанный закон от 4/III 1931 г. о ликвидации арбитражных комиссий установил прекрасный способ для облегчения суду разрешения споров между хозорганами, а именно: приглашение в состав суда народных заседателей из числа работников хозорганов. Этот способ имеет такие преимущества: дела разрешаются не единолично, а коллегиально. Кроме того можно всегда приглашать к участию в делах в качестве народных заседателей одного из числа работников хозорганов — покупателей или заказчиков, а другого — из числа работников хозорганов поставщиков или производителей. Вне сомнения, что такой коллегиальный состав суда будет выносить более квалифицированные решения, чем один арбитр. Поэтому и с точки зрения персонального подбора лиц для разрешения дел суд также имеет преимущество перед госарбитражем.

Если разрешение споров поручено будет суду в тех же крупных центрах, где теперь функционирует госарбитраж (в зависимости от участия в деле хозорганов общесоюзного, республиканского, краевого и областного значения и от цены исков) и если в каждом крупном центре разрешение споров между хозорганами будет сосредоточено в одном судебном органе, то подбор народных заседателей из числа квалифицированных кадровиков-хозяйственников будет значительно облегчен.

Можно, далее, организовать суд для разрешения споров между хозорганами в виде особых сессий суда, куда работники хозорганов включаются не в качестве народных заседателей, а в качестве постоянных членов суда. Таким способом организованы были особые сессии суда по трудовым делам, куда вместо народных заседателей были включены постоянные члены суда из числа лиц, знакомых с вопросами труда.

Не вызвана ли, наконец, замена суда госарбитражем тем, что ему поручены некоторые акты, имеющие характер управления: сигнализация вышестоящим органам о серьезных нарушениях договорной и плановой дисциплины и об иных недочетах в деятельности хозорганов, контроль над исполнением решений госарбитража и разрешение преддоговорных споров? Этого мнения придерживается тов. Шкундин.

Но если на суде выясняются какие-либо недопущенные или преступные действия хозорганов или их сотрудников, могущие нанести ущерб государству или влекущие за собой дезорганизацию в деятельности государственных или общественных органов, то советский суд обязан неукоснительно доводить об этом до сведения органов прокуратуры или вышестоящих органов. Это его безусловная обязанность. Для этого не нужно заменять суд госарбитражем.

Контроль над исполнением решений может быть поручен суду или хозорганам, или выше их стоящим органам.

Что же касается преддоговорных споров, то они сводятся к спорам о том, обязан ли данный хозорган заключить предлагаемый ему договор и на каких условиях должен быть заключен договор.

Так как у нас народное хозяйство плановое, то указанные споры могут быть разрешены на основании действующих планов. Эти планы указывают каждому хозоргану и объекты его работ, и объем этих работ. Таким образом преддоговорные споры могут быть, а потому и должны быть разрешаемы на основании этих планов. Эти споры ничем не отличаются от других споров, возникающих между хозорганами, и споры эти должны разрешаться теми же судебными органами, которые разрешают другие споры. Для разрешения этих споров не было надобности заменять суд госарбитражем.

В течение истекших 5 лет госарбитраж издал «Правила рассмотрения и разрешения имущественных споров госарбитражем» («Бюллетень Госарбитража» № 18, 1934 г.) и целый ряд приказов и распоряжений, которыми он постепенно совершенствовал арбитражный процесс. Достаточно присмотреться к результатам этого творчества, чтобы убедиться в том, что замена суда Госарбитражем отрицательно повлияла на качество процесса, а значит, и на качество выносимых госарбитражем решений.

В № 15 журнала «Арбитраж» за 1936 г. помещена заметка автора этих строк «Об арбитражном процессе». В этой заметке указаны некоторые отрицательные стороны процесса госарбитража, серьезно нарушающие процессуальные права сторон и вкратце сводящиеся к следующему:

1. Ответчик, посылая арбитражу письменное возражение против иска с приложением до-

кументов, не обязан посылать истцу копии возражения и приложений.

2. Сторона имеет право представлять арбитражу во время разбора дела новые документы, могущие ухудшить положение «противника», не будучи обязанной заблаговременно посылать «противнику» копии этих документов, а обязанность арбитра отложить в таком случае слушание дела по требованию «противника» не предусмотрена правилами.

3. Сторона, подавая жалобу главному арбитра в порядке надзора, не обязана посылать «противнику» копии жалобы и приложений; в подаче жалобы никто не оповещает «противника», а главный арбитра рассматривает такие жалобы «по общему правилу без вызова сторон», и противник бывает неожиданно ошарашен полной или частичной отменой обжалованного решения.

4. Если местный арбитра разрешил дело, под судебное Госарбитражу при СНК СССР, а недовольная решением сторона подает жалобу в порядке надзора на имя Госарбитража при СНК СССР, то местный арбитра отсылает Госарбитражу при СНК СССР только жалобу; приложить к жалобе подлинное производство с документами ему разрешается только в исключительных случаях, когда по его личному мнению для рассмотрения поданной жалобы необходимо будет ознакомление с подлинным делом.

5. Главарбитры не мотивируют своих решений об оставлении без последствий жалоб, поданных в порядке надзора, а ограничиваются подписями: «решение утверждаю».

Редакция журнала «Арбитраж» сопровождает заметку припиской, что автор заметки не учел широко применяемой в арбитражной практике предварительной подготовки дел госарбитражем, окончательности решения и возможности отмены их лишь в порядке надзора.

Но тяжущиеся почему-то не замечают особой предварительной подготовки дел арбитражем; она не лучше, чем в общих судебных учреждениях.

Непонятно также, почему из окончательности решений госарбитража нужно сделать вывод, что жалобщик не должен посылать «противнику» копии жалобы и приложений и что предстоящий пересмотр решения должен оставаться тайной для противника. Решения народных судов тоже окончательны и могут быть обжалованы только в кассационном порядке по тем самым мотивам, по которым допускается подача жалоб в порядке надзора на решения арбитра. Тем не менее кассаторы посылают противникам копии жалоб; о дне слушания дел по жалобам вывешиваются списки дел; дела слушаются в открытых судебных заседаниях; явившиеся стороны выслушиваются, а решения кассационной инстанции мотивируются.

Можно указать еще на ряд серьезных нарушений прав сторон процессуальными правилами госарбитража. Так, например, по ст. 12 Положения о госарбитраже надзор за деятельностью Госарбитража при СНК СССР возлагается на СНК СССР, а процессуальные правила Госарбитража не упоминают даже о возможности подачи сторонами жалоб в СНК СССР. Далее, правила игнорируют право прокуратуры опротестовать решения арбитража в

случае обнаруженного в этих решениях нарушения революционной законности.

Таким образом правила как бы изъяли госарбитраж из-под надзора СНК СССР и прокуратуры о чем только можно пожалеть.

Вряд ли можно причислить к достоинствам арбитражного процесса: 1) несоставление протоколов заседаний, вследствие чего стороны лишены возможности просить о занесении в протокол фактов, имеющих серьезное значение для дела или нарушающих права сторон и 2) отсутствие правил о свидетельских показаниях, вследствие чего процесс базируется только на письменных (формальных) доказательствах.

Какова природа госарбитража?

Выше мы видели, что фактически он не является арбитражным судом, склоняющим стороны к хозрасчетным соглашениям. Не является он и третейским судом, который разрешает обыкновенно споры по принципу: «грех пополам» и является свободным от применения законов. Госарбитраж является обыкновенным судом, обязанным разрешать споры хозорганов по всей строгости законов, но обладающим рядом особенностей.

Особенности Госарбитража состоят в том: 1) что он является не коллегиальным, а единоличным судом, 2) что он сам составляет для себя процессуальные правила и 3) что он свободен от контроля такого компетентного судебного учреждения как Верховный суд и вообще фактически свободен от какого-либо надзора.

Все эти особенности вместе и каждая в отдельности внесли в арбитражный процесс ряд ненормальностей и лишили спорящие хозорганы массы необходимых процессуальных прав и гарантий, что не может не отразиться на правильности решений.

Бесспорно, что коллегиальный суд является высшим типом суда в сравнении с единоличным судом. Если бы народные суды действовали единолично, если бы кассационная инстанция заменена была единоличным областным судьей, а Верховный суд был бы заменен единоличным главным судьей, то результаты получились бы весьма плачевные. Но несмотря на то, что коллегиальные суды стоят выше единоличных, у нас произошло странное недоразумение: для разрешения дел частных лиц учрежден коллегиальный суд и процессуальные права сторон вполне обеспечены, а для разрешения весьма серьезных дел госорганов обобщественного сектора учрежден единоличный суд, называемый без всякого основания арбитражем, и процессуальные права спорящих хозорганов очень слабо ограждены. В оправдание такого ненормального положения нельзя сослаться на то, что хозорганы обобщественного сектора являются отдельными, тесно сплоченными между собой частями одного целого социалистического государства и что эти части одной целевой системы не должны так отгораживаться в своих расчетах друг от друга, как отгораживаются друг от друга частные лица. Принцип хозрасчета является основным фактором деятельности хозорганов, он требует от хозорганов плановой договорной дисциплины, он налагает строгую ответственность за невыполнение договоров в целом или в части. Это ни в какой мере не означает какого-либо «отгораживания» хозор-

ганов друг от друга, но это сочетает требования законности с требованиями хозрасчета.

В речи от 4/II 1931 г. на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности товарищ Сталин особо подчеркнул важность этого принципа для промышленности, обратил внимание на то, что без соблюдения хозрасчета немисливо внутрипромышленное накопление, и сказал: «Итак, внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутрипромышленное накопление — такова задача». Ясно, что этот принцип относится не только к хозорганам промышленности, но и ко всем другим хозорганам.

Хотя хозорганы составляют все вместе одно целое, они все же обязаны в своих расчетах между собою действовать как отдельные единицы. Иначе хозрасчет будет сорван, возникнут бесхозяйственность, безответственность, взаимное амнистирование и все прочие предести работы без хозрасчета. Хозрасчетная обособленность отдельных хозорганов должна быть доведена до того, чтобы хозорганы рассчитывались между собой не только с не меньшей, но с большей, чем частные лица точностью. Такие хозрасчетные отношения нужно внедрить не только между хозорганами разных ведомств, разных хозобъединений и разных кооперативных систем, но даже между хозорганами одного и того же ведомства или хозобъединения и одной и той же кооперативной системы — словом между всеми хозорганами обобщественного сектора.

Имущественные споры всех хозорганов должны быть переданы в ведение коллегиального суда, лишеного права составлять для себя процессуальные кодексы. А госарбитраж и ведомственный арбитраж должны быть ликвидированы.

До чего доводит единоличный суд со своим правом устанавливать для себя процессуальные правила, видно из разъяснения его о том, что если главарбитр разрешил дело (конечно единолично), и на это решение подана жалоба в порядке надзора, то жалобу эту разрешает тот же главарбитр, который может собственноручно начертать стереотипную немотивированную резолюцию: «решение утверждаю». Легко себе представить, с каким доверием к солидности этой резолюции относится жалобщик. Трудно согласиться с мнением редакции журнала «Арбитраж» о том, что в вопросах ограждения процессуальных прав хозорганов, нужно интересоваться в первую очередь мнением работников системы арбитража, а не мнением хозорганов.

Правда, арбитражные порядки связаны с очень большими удобствами для работников арбитража.

Так нужно готовиться к делу. Но на этот случай у арбитра имеется референт, который докладывает дело, и арбитр может готовиться к делу только тогда, когда он этого желает.

Нужно вынести решение. Так как нет ни народных заседателей, ни членов суда, то арбитру не приходится убеждать их в правильности своего взгляда.

Подается жалоба в порядке надзора; нужно бы для разрешения жалобы выслушать стороны, а это как-никак является обузой; но дело заслушивается без вызова и без заслушивания сторон.

Нужно бы мотивировать решение по поданной жалобе. Не угодно ли писать мотивы по каждой жалобе?! И на этот случай имеется большое удобство: решение по жалобе выносится без всякой мотивировки. Подается жалоба в Госарбитраж при СНК по делу, ему подсудному, но разрешенному местным арбитражем. Не угодно ли изучить материалы по подлинным, иногда толстейшим производствам?! Но практикуемая неписьма подлин-

ных производств освобождает госарбитраж от такой утомительной работы и т. д.

Все это может быть удобно для арбитров, но полезно ли это для разрешения дел? В этом следует усомниться...

Первая пятилетка деятельности госарбитража уже истекла. Вряд ли нужна еще одна пятилетка, чтобы решить вопрос, не пора ли ликвидировать госарбитраж...

**М. ДУБРОВСКИЙ**

## К вопросу о советской адвокатуре<sup>1</sup>

Статья 111 проекта сталинской Конституции, обеспечивающая право на защиту в суде, создание Народного комиссариата юстиции Союза ССР, включение в него отдела, специально занимающегося вопросами советской адвокатуры и организации юридической помощи населению, — все это ставит новые задачи перед советской защитой, все это заставляет внимательно пересмотреть законы, регулирующие дальнейшую ее работу.

Перед Народным комиссариатом юстиции Союза несомненно возникнет вопрос о необходимости пересмотра ныне действующего положения о советской защите. В связи с этим пишущему эти строки представляется крайне важным остановиться на ряде узловых вопросов, касающихся адвокатуры, и попытаться дать ответ на эти вопросы.

Прежде всего следует определить, как нужно называть нашу советскую адвокатуру — адвокатурой или коллегией защитников; как нужно называть людей, занимающихся адвокатурой — адвокатами или тремя буквами «ЧКЗ»?

Мы прежде всего хотим напомнить читателю, что в 1922 г. в один день с опубликованием Положения о советской прокуратуре, было также опубликовано «Положение о советской адвокатуре». Нам представляется, что название это было отнюдь не случайно, и что вошедшие затем в быт и в закон название «Коллегия защитников» и «Чеказе» в значительно меньшей степени соответствуют той мысли, которую законодатель желал провести в вопросе об организации юридической помощи населению.

«Защитник» обязательно предполагает защиту, между тем, наш закон это понятие знает только в уголовном суде. Юридическая же помощь населению оказывается не только в уголовном суде и, главным образом, не в уголовном суде. Рост гражданских дел, юридическая помощь населению советом, дела административные, жилищные и пр. и пр. — все это понятием защиты охвачено быть не может, и потому люди, объединяющиеся в системе Наркомюста, для оказания юридической помощи населению и для юридического обслуживания государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций неправильно, на наш взгляд, называются защитниками.

Слово «адвокат» значительно шире, охватывает гораздо больший круг понятий, и, кроме того, является словом международным, что также следует учесть.

Поэтому в споре о названии пишущий эти строки является решительным сторонником названия «адвокатура» и «адвокат».

Я не говорю уже о том, что вошедшее в быт, а также и в судебные документы (приговоры, решения и пр.) неуклюжее слово «Чеказе» вообще ничего не выражает.

Вопрос о личном составе адвокатуры и о юридической помощи населению имеет совершенно исключительную важность.

Кто, как и каким способом будет оказывать эту помощь — далеко не безразлично как для населения, так и для судебных органов. Итак, — кто?

Всем судебным и прокурорским работникам хорошо известно, что ныне действующие коллегии защитников достаточно засорены людьми, которые никак не отвечают высокому призванию человека, обязанного помогать суду и обслуживать юридической помощью население, так или иначе нуждающихся в этой помощи. Засоренность эта имеет ряд причин. Среди них очень серьезной является тот недостаток внимания к работе коллегий защитников, к их личному составу, который несомненно проявляют до последнего времени и местные советы и органы юстиции. Нечего греха таить — был такой период, когда отдельные руководители судов и прокуратуры считали, что наиболее подходящим местом для неудавшихся, неспособных и не слишком грамотных судей, прокуроров и следователей является коллегия защитников.

В результате этого, по меньшей мере, ненормального положения мы имеем сплошь и рядом членов коллегии защитников неграмотных не только юридически, но и вообще неграмотных. Люди эти не только не помогают судебным органам и гражданам, имевшим несчастье к ним обратиться, но основательно дискредитируют советскую защиту.

Не имея юридического образования, провалившиеся на практической судебной или прокурорской работе люди эти почему-то считают себя вправе предлагать гражданам свою «юридическую» помощь.

Мы имеем также людей, имеющих дореволюционное высшее юридическое образование, с гордостью называющих себя «старыми адвокатами», которым представляется, что пра-

<sup>1</sup> В порядке обсуждения. — Ред.

новой науки в Советском союзе не существует, что вся «премудрость» закончилась для нашей страны в 1917 г. и которые, поэтому, крайне пренебрежительно относятся к советскому праву, к советскому закону.

Разумеется, и эта категория «Чеказе» ни в какой мере не может претендовать на звание настоящих советских адвокатов.

Необходимо, чтобы в дальнейшем наша адвокатура комплектовалась бы крепкими квалифицированными советскими юристами.

При выработке нового положения о советской адвокатуре необходимо поставить вопрос так, чтобы прием в адвокатуру был качественно весьма строго ограничен.

По нашему мнению, в адвокатуру можно принимать только:

а) людей с законченным высшим юридическим образованием;

б) людей с законченным средним юридическим образованием при условии сдачи ими соответствующих испытаний и

в) лиц, хотя бы и не имеющих высшего юридического образования, но имеющих значительный опыт практической советской судебной, прокурорской и следственной работы.

Эта последняя категория должна, однако, приниматься в адвокатуру только в том случае, если товарищи, желающие в нее вступить, не были сняты с указанной выше работы за непригодность к ней.

Помимо этих формальных признаков люди, желающие вступить в адвокатуру, должны отличаться высоким идейно-политическим и моральным уровнем. Лица, опороченные по суду, исключенные из общественных организаций за порочащие их, как советских граждан, поступки не могут и не должны находить себе пристанища в советской адвокатуре.

Звание советского адвоката необходимо поднять на большую высоту. Недопустимо такое положение, когда наши молодые, окончившие вуз юристы в подавляющем большинстве пренебрежительно отворачиваются от адвокатской работы. В значительной степени это, конечно, объясняется неудовлетворительным состоянием работы защитников, имевшим место до сих пор. Положение это должно быть в корне изменено. Неправильно также и то, что каждый, получивший высшее или среднее юридическое образование, без всякой практической подготовки, без прохождения стажу, прямо со школьной скамьи принимается непосредственно в коллегии защитников и является сразу же полноправным адвокатом.

Совершенно необходимо установить институт помощников адвоката, которые должны пройти 2-летний практический стаж под руководством наиболее квалифицированных адвокатов, чтобы только после этого получить право самостоятельной работы по юридическому обслуживанию населения.

Это мероприятие несомненно подымет юридический уровень нашей адвокатуры и значительно улучшит качество юридической помощи обслуживаемому населению.

Итак, мы попытались ответить на вопрос — кто может быть советским адвокатом.

Следующий весьма серьезный вопрос, кстати сказать, весьма волнующий адвокатские круги, — это вопрос о методах работы по оказанию юридической помощи: коллективы адвокатов или консультации, коллективы или частно-практикующие адвокаты?

Почему-то в очень многих рассуждениях по этому поводу вопрос ставится альтернативно — или коллектив, или консультации, или частно-практикующие адвокаты.

Это, разумеется, совершенно неправильная постановка: и коллективы, и консультации, и индивидуально работающие адвокаты. Таков единственно правильный ответ на этот вопрос.

Почему вообще возник этот спор? Он возник потому что в ряде мест коллективы адвокатов организовались и работали совершенно неправильно. Для того чтобы уяснить себе, в чем суть дела, нужно поставить перед собой вопрос, что такое коллектив адвокатов?

Я отвечаю на него так: коллектив — это добровольное объединение адвокатов для совместной работы по оказанию юридической помощи населению и юридическому обслуживанию государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций. Коллектив не является государственным учреждением, организуется на строго добровольных началах и действует под непосредственным руководством совета адвокатуры (по нынешнему положению — президиума коллегии защитников).

Кто может возражать против такой формы адвокатской работы? Разумеется, никто, ибо для этого нет и не может быть никаких оснований.

Разумеется, если нарушить принцип добровольности организации коллектива, произвольности «регулировать» его состав, мешать коллективу распределять заработанные коллективом средства, — то коллектив может превратиться в бюрократическую организацию и против такого коллектива, разумеется, будут возражать, и возражать правильно. Поэтому вся суть вопроса заключается в том, чтобы коллектив был организован правильно, чтобы не повторялись те искажения, которые, к сожалению, бывали в ряде городов.

Указание на добровольность организации коллективов предвещает вопрос о том, должны или не должны существовать индивидуально практикующие адвокаты.

Совершенно очевидно, что те, которые не захотят войти в коллектив по тем или иным причинам и которые не находятся на государственной или профсоюзной юридической работе, будут заниматься частной адвокатской практикой. Напоминаем также, что закон никогда не запрещал частной адвокатской работы. Становясь на путь широкого развития коллективов по оказанию юридической помощи населению, отнюдь не следует из этого делать вывод, что нужно административными, налоговыми или тому подобными мерами «нажимать» на адвоката для того, чтобы заставить его пойти в коллектив. Практика показала, что там, где коллективы организованы по изложенным выше принципам, где они работают хорошо, население почти не обращается к частно-практикующим адвокатам, и последние жизнью ставят в необходимость войти в адвокатский коллектив.

Там же, где коллективы организованы чиновничьи, где они работают неправильно и нехорошо — частно-практикующие адвокаты процветают материально и не имеют никаких моральных побуждений для вступления в коллективы.

Таким образом гвоздь вопроса заключается в правильной организации и хорошей работе коллективов.

Параллельно с этим возникает вопрос о том, может ли какая-нибудь другая организация, кроме адвокатуры, оказывать юридическую помощь населению, может ли отдельный гражданин, не являющийся адвокатом, заниматься юридической практикой по оказанию помощи населению или по обслуживанию государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций?

На оба эти вопроса мы отвечаем отрицательно. Нам представляется совершенно необходимым, чтобы за всеми органами и лицами, занимающимися оказанием юридической помощи населению или юридическим обслуживанием государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций, Наркомюст осуществлял бы надзор.

Организационно самым правильным решением вопроса было бы осуществлять этот надзор через советскую адвокатуру.

Поэтому мы считаем, что:

1) частная адвокатская практика может быть разрешена только лицам, состоящим в адвокатуре;

2) что юрисконсульты всех государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций также могут быть адвокатами, ведущими юридическую судебную работу под надзором совета адвокатуры;

3) что юридические профсоюзные консултации должны обслуживаться адвокатами, либо в порядке индивидуального приглашения их на работу, либо по договору профсоюзной организации с советом адвокатуры или коллективом адвокатов. Все эти мероприятия концентрируют работу по юридической помощи и юридическому обслуживанию в адвокатуре, которая работает под непосредственным руководством народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик.

Совершенно естественно возникает вопрос о том, кто будет оказывать юридическую помощь населению в тех местах, где адвокатура не организована и за отсутствием там адвокатов не может быть организована?

На этот вопрос следует ответить так: в такие районы — народные комиссариаты юсти-

ции будут назначать государственных защитников, являющихся работниками Наркомюста и имеющих все права адвокатов.

Выше мы сказали, что адвокатура действует в системе органов Наркомюста.

Что же это значит?

Остается ли по нынешнему в силе то положение, которое имеется сейчас, когда коллегии защитников существуют при судах или нет?

На этот вопрос мы отвечаем отрицательно. Адвокатуры должны быть подведомственными непосредственно наркомюстам союзных и автономных республик, являясь самоуправляющимися организациями, суду не подчиненными. Это, разумеется, не значит, что адвокатуры отрываются от суда.

Основная работа адвокатуры проходит в суде и потому совершенно несомненен фактический контроль суда за работой адвокатуры.

Мы только считаем, что суды не должны иметь никакой административной или ревизионной власти по отношению к адвокатуре. Последняя функция должна, по нашему мнению, осуществляться Наркомюстом. Защитники, также, как и прокуроры, повторяю, выступают в суде под его контролем, но также, как и прокуроры, они должны быть независимы от суда.

Ряд извращений, бывших на местах, показывает, что пора прекратить, такое положение, при котором судья является «фактическим хозяином» коллегии защитников.

Нет никакого сомнения в том, что необходимость издания нового положения о советской адвокатуре назрела и что перед НКЮ СССР стоит задача разработки и внесения на рассмотрение правительства этих положений.

Работа советского адвоката — работа почетная, трудная и ответственная.

В дни, когда наша страна получила новую сталинскую Конституцию, когда в историческом докладе своему вождь народов СССР товарищ Сталин, с такой исчерпывающей ясностью объяснил роль и значение советской интеллигенции, советская адвокатура должна твердо и решительно взяться за перестройку своих рядов, за основательную реорганизацию своей работы.

А. ЦЫПКИН

## Советская адвокатура

Еще до опубликования проекта Конституции товарищ Сталин в беседе с американским журналистом Рой Говардом сказал, что «наша советская Конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих» (Большевик № 6, 1936 г. стр. 8). Когда проект сталинской Конституции был опубликован, то стало ясно, что новая Конституция действительно самая демократическая из всех существующих, что «самодержавие народа» как переводил Ленин слово «демократия», нашло в ней полное и последовательное разрешение.

В советской стране существует подлинная личная свобода, наше социалистическое общество мы построили для того, сказал товарищ Сталин, «чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной».

Максимально защищаются у нас права отдельного гражданина, все органы советской власти и, в первую очередь, советы трудящихся обеспечивают «охрану прав граждан» (ст. 97 проекта Конституции).

Одним из прав, предоставленных по Конституции, является право граждан на судебную защиту (ст. 111 проекта Конституции).

Обеспечить каждому гражданину возможность осуществить свое право на судебную защиту должны коллегии защитников.

В последнее время советской защите уделяется много внимания. Обсуждаются вопросы, связанные с расширением процессуальных прав защитников в уголовном процессе (участие защитника в стадии предания суду и даже в процессе предварительного следствия). Вновь организованный Наркомат юстиции СССР считает одной из крупнейших задач Наркомата «правильную и надлежащую организацию судебной защиты».

Прокурор Союза А. Я. Вышинский указывает, что «на советскую защиту возлагается не менее ответственная обязанность перед судом и обществом, чем на судью и прокурора».

Чтобы оказаться достойной того места, которое ей отводится, советская защита не мало должна поработать. Слишком много недостатков и недочетов в работе советской адвокатуры и за преодоление их защитники должны взяться сами, чтоб достойно пользоваться тем уважением, к которому в отношении к советской адвокатуре призывают не только «ex officio», но по делам, по заслугам, по работе.

В судебных речах защитников, в жалобах, которые защитники пишут, нередко отсутствуют четкие выводы.

Иногда защитник, заканчивая свою речь, говорит, примерно, так: «обвиняемого нужно оправдать, но если оправдать его вы не найдете возможным, то дайте ему, по крайней мере, снисхождение».

Такие выступления имеют особенно частые явления в районах, но они не редки и в кассационных заседаниях Верховного суда, причем этим грешили и опытные, квалифицированные адвокаты.

Такой «универсальный» вывод является совершенно недопустимым, ибо нельзя одновременно говорить и об оправдании и об осуждении (хотя бы и со смягченной мерой наказания). Если защитник убежден в невиновности своего подзащитного, то он не вправе говорить об обвинительном, хотя бы и «мягком» приговоре, точно также как нельзя говорить об оправдании при бесспорно доказанной виновности.

Подобного рода выступления никакой помощи суду не приносят. По тому или иному делу суд должен вынести определенный приговор и он вправе требовать от защитника, чтоб тот высказал определенное мнение.

Когда после такого «универсального» выступления суд выносит оправдательный приговор — защитник удовлетворен — суд, значит, согласился с ним; когда суд выносит приговор обвинительный с невысокой мерой наказания — защитник, опять-таки, доволен — ведь он и об этом не преминул сказать.

Таким образом шансы для защитника быть довольным собою увеличиваются вдвое, но зато шансы для судьи быть довольным защитой резко снижаются: судья имеет право требовать от защиты помощи, а что же это за помощь, когда защита, говоря одновременно о двух выводах, ярко подчеркивает, что у нее ни одного определенного, продуманного и твердого вывода нет.

Когда человек одновременно смотрит в разные стороны, мы это называем косоглазием, когда юрист одновременно пытается притти по одному делу к двум разным выводам, мы

считаем это «юридическим косоглазием» и считаем, что это является болезнью, от которой надо немедленно избавиться.

Некоторые из защитников пытаются чуть ли не «теоретически» доказать правильность подобного рода «юридического косоглазием», но и они согласятся с тем, что «лучше меньше да лучше» — лучше один вывод определенный и обоснованный, чем два вывода — друг друга взаимно исключаящих.

Положение защитника в процессе таково, что ему не столь редко случается расхотеться с прокурором, возражать прокурору как в процессе судебного следствия, по поводу отдельных вопросов возникающих на суде, — вопросов об отложении дела, направления его на исследование, вызова свидетелей, проведения экспертизы, так и в прениях сторон по поводу окончательных итогов и выводов по делу.

Если защитник считает свои возражения основательными, он может и должен возражать прокурору. Единственно, что требуется от защитника — это, чтоб его возражение было обосновано по существу и тактично по форме.

Но совершенно недопустимым является положение, когда защитник «не смеет своего мнения иметь», когда по тем вопросам, где он мог бы и должен был бы возразить прокурору — он, чтобы «не портить отношений», угодливо поддакивает ему, превращая ответственную работу по защите обвиняемого в фикцию, не выполняя своей обязанности помочь суду — в выяснении сущности вопроса, в отношении которого прокурор на сей раз стоит на неправильной точке зрения.

Такого рода подхалимство особо отвратительно, ибо оно происходит не в частной жизни, а имеет место при выполнении защитником своих процессуальных обязанностей и за счет добросовестного отношения к своим обязанностям.

Случай такого подхалимства мы здесь приводим:

В народном суде Дергачевского района (Саратовского края) слушалось с участием прокурора и защитника дело по обвинению гражданина Турковского и Шилина по закону от 7 августа 1932 г. Обвиняемым вменялась в вину растрата 29 000 руб. и дело представляло собою очень объемистый том.

В начале судебного заседания обвиняемые заявили просьбу о производстве бухгалтерской экспертизы для проверки сложных и запутанных бухгалтерских расчетов и о вызове свидетелей.

Прокурор высказался против удовлетворения этой просьбы. Защитник присоединился к прокурору оптимистически считая, что «все (как записано в протоколе) может выясниться и без экспертизы».

К концу судебного заседания прокурор уже сам просит дело отложить и вызвать еще 4 свидетелей. Защитник присоединяется к прокурору и дело откладывается.

Через 9 дней вновь открывается судебное заседание по этому делу и, хотя из вызванных по заявлению прокурора 4 свидетелей явился только один, — прокурор считает возможным дело слушать. Защитник соглашается с мнением прокурора.

Судебное следствие по этому делу, хотя имел место девятидневный перерыв, но время которого суд рассмотрел большое количество дру-

гих дел, не возобновляется. Ограничиваются допросом явившегося одного свидетеля и переходят к прениям сторон. Защитник не возражает против такого грубейшего нарушения правила непрерывности судебного заседания.

Происходят прения сторон и защитник просит «так как обвинение имеет не твердое доказание» (так записано в протоколе) применить не закон от 7 августа, а ст. 116 УК.

Краевой суд отменил приговор, вынесенный народным судом. Народный суд при новом рассмотрении дела опять, вопреки указанию краевого суда, экспертизу не произвел, и новый приговор был снова отменен.

Сейчас дело находится на доследовании.

Такое поведение защитника совершенно недопустимо. Но защитник, повидимому, доволен им, главное, спокоен — зато ведь он с прокурором «не спорил», он ему во всем поддакивал.

Такие случаи процессуального подхалимства, допускаемые защитниками, о которых т. Вышинский говорил, что «они лебезят мелким бесом пред судом и даже пред обвинителем», не могут ни поднять авторитет, ни усмирить уважение к защитнику.

В судебной практике встречаются дела, где обвиняемый, отрицая свою виновность, приписывает свою вину другому обвиняемому — оговаривает его. При наличии такого рода противоречий защитник не имеет права защищать обоих, ибо когда защита одного из подсудимых противоречит защите другого, то каждому из подсудимых должен быть назначен особый защитник (ст. 251 УПК).

В практике районов, в особенности тех районов, где работает один защитник, нарушение указанного правила представляет массовое явление.

Если в деле участвует обвинитель и всем обвиняемым должен быть назначен защитник, то, не затрудняясь приглашением второго защитника из ближайшего района, защитник защищает всех обвиняемых, не считаясь с противоречиями, имеющимися в защите каждого из них.

Не трудно себе представить, что собой представляет такого рода «защита». Защищать

обоих он, естественно, не может, и обвиняемые с помятой тревогой, взирая на затылок защитника, за спиной которого они сидят, ждут, какую же позицию займет защитник. Кого из них он будет защищать, а кого — неизбежно уличать и обвинять.

Защитник, чувствуя неприглядность своего положения, обращается после такой защиты к «преданному» им подсудимому и конфузливо мямлит: «здесь, мол, я иначе никак не мог — зато в кассации я уж напишу по-вашему».

Пример: В народном суде Куриловского района (Саратовского края) слушалось дело по обвинению членов сельсовета Коробкова и Брагина в получении взятки (ст. 117 ч. 2 УК). Коробков признал себя виновным и объяснил, что полученной взяткой он поделился с Брагиным. Брагин категорически отрицал свою причастность к преступлению.

Суд происходил с участием прокурора и одного защитника. В защитительной речи защитник просит применить ч. 1 ст. 117 к обоим, то есть встал на точку зрения Коробкова, что он взяткой действительно поделился с Брагиным и, следовательно, уличал своего второго «подзащитного» — Брагина.

Суд осудил обоих — и к делу, вошедшему в краевой суд, были приложены две кассационные жалобы. Обе эти жалобы были написаны одной и той же рукой — рукой защитника, выступавшего в суде.

В кассационной жалобе Коробова было написано, что он просит снисхождения, так как полученными деньгами поделился он с Брагиным, а в жалобе Брагина рукой, повторяем, того же защитника было написано, что Коробков его ложно оговаривает, что он, Брагин, взятку не брал и о ней ничего не знал.

Такие защитники дискредитируют советскую адвокатуру. Если защитник забыл ст. 251 УПК, то ему нужно было хотя бы напомнить слова Козьмы Прутова «Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно обьять необьятное».

Сейчас твердо ставится вопрос о всемерном внимании и уважении к защите. Советские защитники, улучшая свою работу, поднимая свою квалификацию, должны доказать, что они достойны этого внимания и уважения.

Д. ГОРВИЦ

## Роль взрослых в преступлениях несовершеннолетних

Дела несовершеннолетних, в которых привлекаются взрослые соучастники преступлений, представляют глубокий и особый интерес.

В совместной «работе» с подростками эти взрослые видят для себя большие выгоды.

Ребята — удобное и послушное орудие в руках взрослых преступников: физическая слабость и легко владеющее ими чувство страха держит их в зависимости от взрослых, в момент совершения преступления они меньше заметны, за их спинами легко укрыться от ответственности.

В одних случаях ребят в преступления вовлекают их близкие родственники: отец, мать, брат, дядя, сосед по дому, просто знакомый, а других — связь с профессионалом-вором,

деклассированным взрослым часто определяется случайной встречей.

Большое количество этих дел, значительность их удельного веса, трудность их расследования — все это обязывает к пристальному вниманию и изучению дел о соучастии в преступлениях взрослых с несовершеннолетними.

В нашей практике (камера народного суда по делам о несовершеннолетних) эти дела дают резко выраженные случаи, когда взрослые всегда и неизменно являются подстрекателями преступления, и при этом сами остаются в тени.

К примеру: 13-летний Сергей, ученик 5 класса, пионер, как-то днем отправился на Центральный рынок за покупкой батареи для сво-

его электрического фонарика. Не зная, в каком ряду рынка батареи продаются, Сергей обратился с этим вопросом к стоящему у самого входа на рынок инвалиду. Последний торговал какими-то вещами. Инвалид вылезал показать Сергею это место, и сам привел его в ряд, где шла торговля, правда, не батареями, а электрическими фонарями и настойчиво стал уговаривать купить себе фонарик. «Да у меня на фонарь денег нет, есть только на батарею».

«А хочешь иметь деньги?»

«Хочу».

«Принеси облигации, да бери только крупные, дам тебе денег много; если твой товарищ мне принесет облигации, и ему дам денег».

Сергей идет домой, из-под отцовского тюфяка берет облигации, что покрупнее, на сумму 800 руб., учит своего двоюродного братишку взять также у матери облигации, и через час оба мальчика имеют не только новые электрические фонарики, но и получают еще на руки какие-то деньги.

Инвалид снова требует облигации, мальчики второй раз совершают кражу.

Сознание совершенного проступка мучает Сергея, он не решается признаться в нем родителям, но ночью уговаривает своего брата бежать с ним совместно из дома. Подготовка детей к поездке в Крым открыла родителям глаза на переживания Сергея.

Страх перед инвалидом, перед осуществлением его угрозы, содержания которой Сергей и на суде не рассказал, был так велик, что суду пришлось приложить много усилий, чтобы освободить его от страха и допросить.

В этом деле, как и в ряде подобных ему, связь подростка с преступником является случайным, единичным эпизодом в жизни несовершеннолетнего. Такая связь устанавливается мгновенно: не успевают подросток опомниться, как он уже в тенетах взрослого преступника, и собственными усилиями ему не освободиться.

Но чаще взрослые преступники действуют иначе.

Медленно и методично они «обрабатывают» подростков, влияют на них длительно, пока не добьются своей преступной цели.

14-летний Дмитрий живет в Зарядье, в густо населенном доме, где имеется чувячная мастерская. Работает учеником слесаря на заводе, и свой заработок отдает матери.

Но вот поведение Дмитрия резко меняется. Он начинает курить, домой является поздно, раза два видит его пьяным.

На вопросы матери «где был?» — отвечает: «в красном уголке».

Но, увы, красный уголок этого дома занят не по назначению: к культуре в нем не приобщиться.

Сторож чувячной мастерской Л., 51 года, зимой, по вечерам, зазывал в красный уголок ребят всего дома и рассказывал им всякие случаи из жизни и веселые анекдоты. Ребята охотно слушали и сами в свою очередь делились с ним всякими историями.

К лету контакт между сторожем и детьми был уже настолько близок, что, когда жильцы дома поразъехались на дачи, в деревню, сторож Л. от своих слушателей уже знал, где что у соседей плохо лежит. Он убеждает 14-летнего Дмитрия, что у соседки-буржуйки красть не грех, и в то же время его обучает: «не сознавайся ни в каком случае, иначе со

свету изживу не только тебя, но и твоего брата».

Дмитрий совершает кражу из закрытого сундука соседки, сторож вещи продает и щедро угощает Дмитрия вином у себя на дому.

Не мало проходит через камеру дед, где родители несовершеннолетних принимают у себя на квартире товарищей и подруг своих детей; зная, что последние занимаются кражами, угощают их вином, оставляют у себя ночевать, при этом велят приносить к себе на хранение и сбыт краденое.

Как выясняется, в большинстве случаев эти родители сами своих детей на кражи не посылают, но вследствие их покровительства подросткам, ставшим на преступный путь, их дети вовлекаются в кражи, и родители беззаботно пользуются «плодами» их «работы».

Таковыми притоносодержателями, обычно, бывают деклассированные элементы.

Пути и способы участия взрослых в преступлениях несовершеннолетних различны.

Так, например, существуют «профессиональные мамашки».

Эти женщины, связанные с ворующими подростками, являются в отделения милиции, в комнаты привода и, выдавая себя за мать задержанного, берут его под свое покровительство.

Одна такая «мамашка», если район ее деятельности велик, может в один только день добиться освобождения 5—6 подростков в различных отделениях милиции.

Это — своего рода специализация взрослых на преступном поприще, взрослых, которые пользуются несовершеннолетними, как орудием.

В одних случаях они прибегают к сложной системе мер, направленных на то, чтобы вызвать к себе расположение, доверие, создать атмосферу нерушимой дружбы с ребятами, дружбы, для которой ничего не дорого, все можно принести в жертву. В других случаях они разжигают в подростках страсть к приключениям, храбрости, молодечеству.

И в одних и в других случаях широко идут в ход приманки, угощения, общения, развлечения и т. п.

Это «воспитательное» воздействие часто бывает довольно длительным.

Независимо от фона, на котором создаются эти отношения, поведения подростков всегда строго конспиративны, так как они находятся под тяжелой угрозой отомщения со стороны взрослых соучастников на случай их выдачи, если «засыпятся».

Эта угроза довлест над несовершеннолетними обвиняемыми, когда они совершают преступления, и когда они за них должны держать ответ.

Страх физической расправы вплоть до боязни быть убитым служит важнейшей причиной упорства несовершеннолетних обвиняемых на суде и следствии.

Они подставляют самих себя под удар, всячески запутывают дело, но не выдают своих взрослых соучастников.

Судебно-следственные работники всегда должны это иметь в виду при расследовании дел, в которых подозревается участие взрослых.

Много умения, усилия и труда им приходится употребить, чтобы по делам несовершеннолетних посадить на скамью подсудимых основных виновников преступления, чтобы удар пришелся по тем, кто, прятаясь за спинами детей, делает их орудием своих преступных действий.

## Больше внимания рассмотрению жалоб трудящихся

Вопрос об удовлетворительном обслуживании жалобщиков в органах прокуратуры все еще нельзя до настоящего времени считать разрешенным.

В цели вопросов о заботливом, внимательном отношении к живому человеку, чему нас учит наш вождь товарищ Сталин, оперативная работа прокуратуры по рассмотрению жалоб имеет большое значение.

Внимательнейшее ознакомление с каждой жалобой, быстрые темпы рассмотрения жалоб, недопущение ни одним из работников прокуратуры безмотивных отказов в жалобах подаваемых в надзорном и кассационном порядке — таковы требования неоднократных директив центральной прокуратуры по этому вопросу.

Наша социалистическая родина гигантскими шагами идет вперед, быстро поднимается материальный и культурный уровень трудящихся, растет их политическая сознательность. В новых условиях особо чувствуется, особо воспринимается, возмущает каждое злоупотребление своими правами должностных лиц, превышение власти, каждое нарушение личных и имущественных прав трудящихся, каждый необоснованный приговор и решение судебных инстанций.

В постановлении КСК при СНК СССР по вопросу «о рассмотрении жалоб трудящихся», говорится: «Успехи социалистического строительства ставят с особой остротой вопрос об усилении борьбы с недостатками и бюрократическими извращениями в советском аппарате, а также с фактами нарушения революционной законности»<sup>1</sup>.

Иначе и быть не может.

Наша страна самая демократическая во всем мире. Любовью и заботой о человеке-строителе социализма — пронизана замечательная сталинская Конституция.

Однако, к сожалению, далеко не все работники органов прокуратуры осознали всю важность правильного и своевременного рассмотрения жалоб.

Для иллюстрации этого приведем ряд фактов выявленных Прокуратурой РСФСР.

Бухгалтер Анопреев, неправильно привлеченный к уголовной ответственности, впоследствии, после долгих мытарств и трех судебных разбирательств оправданный судом, пять раз обращался с жалобами к курскому облпрокурору на творимые в отношении его беззакония. В одном из своих заявлений в облпрокуратуру Анопреев жаловался на пристрастное к нему отношение суджанского райпрокурора, кроме того, он жаловался на то, что его незаконно содержали под стражей 8 дней в исключительно грязной камере, не отапливающейся, несмотря на большие морозы. Казалось бы эта жалоба должна была заинтересовать облпрокуратуру. Облпрокуратура, вместо тщательной проверки указываемых в жалобе фактов, направила жалобу Анопреева в суд для приобщения к делу. Волокита по многочисленным жалобам Анопреева тянулась около года.

Еще один возмутительный факт.

В письме в редакцию газеты «Труда» сын скончившего самоубийством председателя правления колхоза Минакова, вскрывал преступления и происки классовых врагов — матерых кулаков, пробравшихся в колхоз. Организованная травля со стороны этих кулаков довела до самоубийства предколхоза Минакова. Вследствие их ложных клеветнических доносов Минаков исключен был из партии. В предсмертной записке Минаков писал: «Кончаю жизнь от злосилья кулацкой банды Михеевых, Антонова и Ариничева. Прощайте, жаль, раньше времени ухажу от дорогой, светлой жизни». Прокурор Новосильского района Курской области, по совместительству исполнявший обязанности прокурора Корсаковского района, ограничился тем, что написал в облпрокуратуру спустя 6 месяцев после самоубийства, что не согласен с постановлением о прекращении дела. И лишь по прямому предложению Прокуратуры РСФСР, когда об этих фактах было сообщено КСК при СНК СССР, выехала в первый раз за все это время для расследования причин, толкнувших на самоубийство председателя правления колхоза Минакова.

С жалобщиками в Курской облпрокуратуре, судя по этим примерам не особенно считаются. Можно было ожидать, что, когда печать поднимает вопрос о нарушениях революционной законности, облпрокуратура хотя бы в этих случаях проявит оперативность в борьбе с нарушителями социалистической законности. Однако на примере расследования фактов, приводимых в статье «Двухлетняя волокита» (Курская правда 8/V 1936 г.) видно, что и здесь облпрокуратура не блещет оперативностью.

В указанной статье приводится ряд фактов грубейших нарушений ревзаконности в некоторых сельсоветах Скороднянского района.

Чего стоит, например, такой факт. Председатель сельсовета Гладких забрал у единоличника Миженнига (с. Кривые Балки) корову с поля. «Записывайся в колхоз — говорил Гладких — тогда отдам корову». Автор статьи «Двухлетняя волокита» заканчивает ее тем, что обращает внимание облсполкома и облпрокурора на дела, творящиеся в Скороднянском районе.

23 мая облпрокуратура запрошена была Прокуратурой Республики о предпринятых мерах в связи с этой статьей. Ряд последующих запросов Прокуратуры Республики также были оставлены без ответа. О результатах расследования этой статьи не мог ничего сообщить и специально вызванный в Прокуратуру Республики 1 сентября 1936 г. заместитель облпрокурора т. Секачев. А статья была напечатана в областной газете еще 8 мая.

Большое количество жалоб поступает в Прокуратуру Республики на органы прокуратуры Западной области.

Ряд жалоб колхозника Котова (Комаричский район, Западной области) на неправильность осуждения его к 5 годам лишения свободы за противодействие стахановскому движению оставлен был прокурором Комаричского района и облпрокурором без удовлетворения. Между

<sup>1</sup> Известия ЦИК СССР и ВЦИК 30/V 1936 г.

ем установлено, что Котов — в колхозе ни в какой мере не противодействовал стахановскому движению, являясь общественником-ударником, имел 395 трудодней в 1935 г., селькор «Крестьянской газеты».

По протесту Прокуратуры Республики приговор был отменен и дело производством прекращено.

При внимательной проверке дела и жалоб Котова в Западной облпрокуратуре ошибка была бы исправлена своевременно.

В связи с этим делом Прокуратура РСФСР поручила прокуратуре Западной области проверить темпы и качество рассмотрения жалоб в прокуратуре Комаричского района.

Установлена вопиющая волокита по многим жалобам. На протяжении пяти месяцев лежала без движения жалоба Козлова С. С.

Дело Замаркина истребовало по жалобе для проверки в порядке надзора 20/II 1936 г.; к моменту обследования 15/VI дело еще не было получено, хотя суд и прокуратура помещаются в одном здании. Таких фактов в Комаричском районе много.

Поручение Прокуратуры Республики о приостановлении продажи хаты Тарасикова лежало без движения два месяца и т. д.

Райпрокурор отказывает в жалобах, не приводя мотивов отказа и т. д.

Дело по обвинению лесовоза Чуватина (Хакасская область Красноярского края) тянулось около 1½ года.

Большое количество совершенно основательных его жалоб о неправильных методах ведения следствия, о допущенных в отношении его семи незаконных действий, о присвоении вещей, взятых у него при обыске и т. д. облпрокуратурой оставлены были без реагирования. Следственное дело его не было рассмотрено, не было принято мер к надлежащему руководству расследованием.

Заместитель начполитотдела совхоза отобрал у Чуватина паспорт и другие документы и не возвращал в течение 1 г. 3 м., из-за этого Чуватин фактически лишен был возможности устроиться на работу.

Несмотря на явное беззаконие и многократные жалобы, райпрокурор и облпрокурор своевременно не приняли мер к возвращению Чуватину документов.

По предложению прокуратуры Республики Красноярской крайпрокуратурой была обследована вся работа по рассмотрению жалоб в Хакасской областной прокуратуре. Проверка

показала, что исключительный бюрократизм проявленный при рассмотрении жалоб Чуватина исключением не является.

Никакого контроля за движением жалоб в аппарате облпрокуратуры не было.

Эти факты не могут не внушить тревоги за работу прокуратуры на таком важнейшем участке, каким является рассмотрение жалоб трудящихся.

Много погрешностей допускается также касационными инстанциями судов. Только этим можно объяснить огромное количество дел, которые приходится рассматривать в порядке надзора президиумами областных, краевых и главных судов, а также и верховными судами союзных республик.

О неудовлетворительной работе кассинстанций говорят протесты прокуратуры, подаваемые в порядке надзора. В I квартале 1936 г. поступило 355 дел, в Прокуратуру РСФСР с жалобами осужденных и протестами прокуроров на неправильные приговоры нарсудов и определения кассинстанций. По этим делам в Верховный суд и в президиумы областных и краевых судов было внесено 208 протестов 75,5% случаев. Подавляющее большинство протестов Верховным судом, областными и краевыми судами удовлетворяются.

Нередки случаи, когда кассинстанции вопреки неоднократным указаниям, оставляя приговор в силе, не считают нужным мотивировать, по каким соображениям тот или иной вывод жалобщика не признан уважительным.

Работа по рассмотрению жалоб должна занять одно из центральных мест в работе прокуратуры.

В областных и краевых прокуратурах рассмотрение жалоб должно поручаться опытнейшим работникам. Внимательнейшее отношение к жалобщнику, строжайший учет и контроль за прохождением каждой жалобы — основное требование, которое должно быть предъявлено к каждому прокурору.

Это требование записано в постановлении КСК при СНК СССР.

Для борьбы с волокитой и бюрократизмом органам прокуратуры следует применить тот метод массовой работы, который рекомендует КСК — бюро жалоб и своим уполномоченным, а именно — привлекать к работе по разбору жалоб хорошо проверенный актив рабочих, колхозников, рабкоров и специалистов, тщательно инструктируя их и помогая им в работе.

## О Б М Е Н О П Ы Т О М

### Образцовое расследование

15 октября 1936 г. прокурор Союза т. Вышинский, отмечая в специальном приказе образцово проведенное расследование по делу убийства Володина, премировал старшего следователя прокуратуры Южных железных дорог т. Аноиченко Д. В. — деньгами в сумме 1000 руб. и прокурора Южных железных дорог т. Эсаулова В. К. за умелое оперативное руководство следствием по этому делу ценным подарком.

Большая работа, проделанная тт. Аноиченко и Эсауловым по конкретному делу, указанному в приказе, заслуживает того, чтобы на страницах нашего журнала рассказать об этом подробно.

2 мая 1936 г. в 15 ч. 30 м. дня в г. Харькове у себя на квартире был обнаружен мертвым председатель центрального комитета профсоюза работников железных дорог Юга т. Володин В. Г. со следами огнестрельного ранения в области головы.

Прибывшие на место пародный следователь Харьковской областной прокуратуры т. Ильченко и работники уголовного розыска, без всяких на то оснований решили, что в данном случае имеет место самоубийство.

В самом начале была допущена грубейшая ошибка. И т. Ильченко, и работники уголовного розыска не выполнили одного из обязательных условий, абсолютно необходимых для успешного осмотра всякого происшествия и места преступления, заключающегося в том, что ни при каких обстоятельствах нельзя допустить осмотра делать предположения относительно того, имело ли в данном случае место самоубийство или убийство.

И следователь и работники уголовного розыска, прибыв на место с уже готовым заключением, что Володин покончил жизнь самоубийством, естественно, не занялись тщательным осмотром трупа и обстановки комнаты.

Ограничившись только поверхностным осмотром Ильченко составил акт, в котором указал, что прибыл на место «где покончил жизнь самоубийством Володин».

За первой ошибкой последовали и другие. Не зафиксировав ни первоначального положения трупа, ни обстановки комнаты Ильченко, работники уголовного розыска все свое внимание уделили поискам предсмертных записок.

Поиски Ильченко ни к чему не привели. Перерыв все в комнате они никакой записки не обнаружили, и всем этим только затруднили дальнейшее расследование. В результате поисков Ильченко обстановка в комнате подверглась большому изменению.

Вся работа т. Ильченко и работников уголовного розыска свелась к составлению акта, в котором было указано, что при обыске «никаких предсмертных записок ни в карманах, ни на столе и ящике стола не оказалось».

Прибывший на место происшествия прокурор Южных железных дорог т. Эсаулов не согласился со столь поспешным заключением и вместе со старшим следователем прокуратуры Южных железных дорог т. Анойченко приступил к тщательному расследованию.

Путем опроса очевидцев и некоторых свидетелей, пришедших первыми на место происшествия, было установлено первоначальное положение трупа и всей окружающей обстановки. Все это было тщательно зафиксировано в акте осмотра.

Составляя акт осмотра т. Эсаулов и Анойченко обратили внимание на крайне спокойное состояние жены Володина — Романович. Резко бросалось в глаза ее хладнокровное отношение к факту «самоубийства».

Это обстоятельство толкнуло товарищей заняться выяснением семейных взаимоотношений Володина.

В тот же день было установлено, что у Романович с Володиным были крайне обостренные взаимоотношения. Дальнейшее расследование установило, что Романович, живя с Володиным с 1932 г., ревновала его к бывшей жене А.

Добыв эти данные, товарищи решили допросить Романович. Поведение на допросе усилило подозрения. Нервная на допросе, Романович высказала сильное беспокойство по поводу допроса ее домашней работницы. В дальнейшем эти подозрения еще более усилились. Романович подозрительно интересовалась тем что об-

наружено осмотром и какое заключение дано лица, производившие вскрытие трупа.

Следствие было направлено по линии детального выяснения взаимоотношений Володина и Романович.

Было установлено, что Володин, будучи в феврале месяце в командировке в Москве, договорился со своей бывшей женой А. (у которой от Володина имеется ребенок) о переезде в Харьков, так как он решил окончательно разойтись с Романович. Договорились, что в начале мая А. переедет в Харьков.

Романович, узнав об этом, решила всячески воспрепятствовать переезду А.

С этой целью она встала на путь прямого шантажа. Решив запугать Володина, она стала сообщать в разные организации клеветнические сведения о Володине. В частности она написала начальнику Политуправления НКПС ряд писем, содержащих в себе порочащие Володина факты. Письма подписывала фамилией «Анадзе». Добыв такие факты, следователь решил допросить домашнюю работницу Романович, проживающую у нее в течение 3 лет.

Следствие располагало фактами, что Романович была близко связана со своей работницей и что она с ней часто делилась о своих переживаниях.

Первоначально домработница категорически заявляла, что взаимоотношения Романович с Володиным были хорошие, но впоследствии рассказала, что отношения были обостренными, что однажды ей Романович сказала «что если бы я его застрелила, ты бы сказала кому-нибудь?»

Допрошенный в процессе следствия «сослуживец Володина С. показал, что Романович в разговоре с ним говорила, что она «готова пристрелить Володина».

Установив эти факты, тт. Анойченко и Эсаулов вернулись к тщательному изучению акта осмотра. Было установлено, что гильза после произведенного выстрела в Володина попала в левую половину стола, за которым был обнаружен труп Володина.

Для установления место куда должна была упасть гильза при выбрасывании ее из револьвера, была произведена экспертиза в Харьковском институте научно-судебной экспертизы.

Перед экспертизой были поставлены вопросы: определить возможное место попадания гильзы при условии, если в данном случае было самоубийство и куда должна была упасть гильза если было умышленное убийство.

Были произведены экспериментальные выстрелы из того револьвера, которым был убит Володин.

В результате экспертизы пришли к выводу, что гильза могла попасть на левую половину стола только при условии, если револьвер находился в вертикальном положении с небольшим наклоном верхней части револьвера по оси его ствола (правая щека слегка вниз). При таком положении револьвера Володин ни при каких условиях не мог сам в себя стрелять.

Эти данные экспертизы категорически опровергали версию, выдвинутую Романович о самоубийстве.

Дальнейшее расследование показало, что убийство было заранее подготовлено и наметано к осуществлению на 2/IV. В этом следствии убедило письмо, написанное Романович своей дочери за несколько дней до убийства.

Следователь получил сведения, что это письмо вместе с 3 сберегательными книжками было зашито Романович в пальто дочери. Прибыв на квартиру Романович для изъятия письма, следователь никого в квартире не застал. Оказалось, что 10-летняя дочь Романович, захватив пальто, отправилась в город со своим отцом Романович (б. мужем Романович). Дождавшись их прихода, следователь потребовал отдать письмо. И отец и дочь категорически отрицали наличие какого-либо письма, а затем Романович (отец) заявил, что, прочтя письмо, он разорвал его и бросил в урну. Принятыми следователем мерами письмо было обнаружено разорванным на мелкие кусочки в одной из урн, стоящих на ул. Карла Либкнехта в г. Харькове.

По найденным клочкам было восстановлено содержание письма.

В этом письме Романович писала: «Моя родная доченька, все мои сбережения, накопленные за все время, используй по-серьезному на дело. Не трать зря деньги. Мама собирала копейками.

Бери их из сберегательной кассы по острой необходимости... Целую тебя крепко. Твоя мама Аня».

Письмо было написано 28/IV, т. е. за 4 дня до убийства Володина и было расценено следователем как своего рода завещание. Отсюда следователь пришел к выводу, что Романович, написав завещание, заранее готовилась к убийству.

Просмотрев тщательно всю переписку Романович, следователь в одной из книг нашел записку, написанную Романович 28/III (примерно за месяц до убийства), следующего содержания:

«Как мне тяжело Василий, что я забеременела снова.

После всего пережитого я пожалуй не прочь стать на путь «Молль Флендерс».

Обнаружив эту записку, следователь изучил книгу «Молль Флендерс» Даниэль Деффо.

В этой книге автор рисует Молль Флендерс, как авантюристку, бывшую 5 раз замужем и ставшую впоследствии на преступный путь.

И это письмо, рисуя настроения Романович, убеждало следователя в том, что Романович уже в течение ряда месяцев носилась с мыслью об убийстве Володина.

При обыске была обнаружена расписка домашней работницы о получении ею окончательного расчета по 2/V. Это также убеждало следователя в том, что Романович занималась ликвидацией своих дел, готовясь к убийству.

Под тяжестью собранных улик Романович 25/IV созналась, что она «случайно» выстрелила в Володина и от этого случайного выстрела Володил был убит наповал.

Романович выдвинула при этом следующую версию.

2/V они вместе собрались ехать на дачу. Володин, сидя за письменным столом, писал записку дочери Кларе, чтобы она (когда придет) также приехала на дачу. И вот в тот момент, когда он, Володин, писал эту записку, он якобы попросил Романович достать ему револьвер.

Достав из ящика револьвер, она хотела передать его Володину, но в это время раздался выстрел, которым Володин и был убит.

Явная надуманность этой версии бросалась в глаза. Это поняла и Романович, которая, нако-

пец, 5/VI созналась в том, что она умышленно убила Володина.

Она рассказала что 2/IV, поссорившись с Володиным, она взяла спрятанный ею принадлежащий Володину револьвер и в момент, когда Володин сидел за письменным столом, выстрелила в него.

Установив, что Романович убила Володина, следователь проделал большую работу в части выяснения прошлого Романович.

Было установлено, что Романович является классово чуждым элементом, обманным путем пробравшимся в партию.

Следователь доказал, что Романович ложно указывала в анкетах, что она дочь бедняка и в прошлом работала ткачихой.

В действительности она происходит из кулацкой семьи, окончила Петроградскую маринскую гимназию и педагогические курсы. Брат ее расстрелян советской властью, как руководитель кулацкого восстания.

\*\*

Собранные следователем материалы полностью подтвердились на судебном заседании.

Романович осуждена к 10 годам лишения свободы.

Ю. Элькинд

## К вопросу о гарантии прав подсудимого<sup>1</sup>

В статье, помещенной в № 17 «Советская юстиция» за 1936 г. т. Абрамов ставит наряду с другими вопрос о гарантии прав подсудимого при рассмотрении дела во 2 инстанции.

Принципы гласности и публичности, право подсудимого на дачу личных объяснений в суде 2 инстанции, все эти основные принципы процесса в ряде случаев не соблюдались.

Кабинетное рассмотрение дел, самые разные и неопределенные сроки рассмотрения, без всякого публичного объявления определений СКК, фактическое лишение подсудимого права присутствовать при разборе его дела и давать объяснения,—вот что часто встречалось в кассационной практике.

До мая 1934 года по Куйбышевскому краю существовал весьма целесообразный порядок рассмотрения кассационных дел по кустам, с выездом СКК в Пензу, Ульяновск и др. крупные центры.

Этот порядок несомненно положительно решал: 1) принцип приближения суда к населению; 2) соблюдалась при этом и гласность и публичность, тем самым СКК свою работу делала достоянием большей массы трудящихся, всегда в огромном числе присутствовавших на процессах; 3) при таком порядке обеспечивалась гарантия прав подсудимых присутствовать и давать объяснения в СКК, т. к. радиус территории куста был обычно около 100 км, а заключенные по рассматриваемым делам нахо-

<sup>1</sup> Печатается в порядке обсуждения.

дидись обычно здесь же и всегда вызывались в СКК; 4) вместо отрыва от работы на целую неделю и выезда в краевой центр в течение месяца нескольких сот трудящихся, выезжали в каждый куст 2 члена крайсуда (третий обычно работал из нарсудей) на 10—12 дней в месяц. Вот что достигалось таким порядком.

Все эти лучшие стороны в работе СКК оказались отброшенными при новом порядке, когда все дела стали рассматриваться СКК только в Куйбышеве.

По арестантским, а следовательно и наиболее сложным, серьезным и ответственным делам заключенные, находящиеся в разных тюрьмах на периферии, совершенно не вызывались в СКК и тем самым фактически лишались самого существенного своего права присутствовать в СКК и давать свои объяснения, что несомненно могло влиять на существо выносимых кассационных определений. Находящиеся на свободе сотни кассаторов должны ехать ежемесячно за несколько сот километров в Куйбышев, чтобы воспользоваться своим правом. Для этого каждый трудящийся должен понести значительный расход средств и потерять неделю, а то и всю десятидневку на эту поездку и без всякой гарантии того, что он попадет к слушанию дела, т. к. были случаи, что он по независящим от него причинам задерживался в пути (опоздание поездов, отсутствие свободных мест и т. д.) и приезжал, когда дело уже заслушано или наоборот, приезжал, когда дело еще из нарсуда не поступило.

В таких случаях все затраты времени и средств трудящимся — все оказывается напрасным, и явка подсудимого не в состоянии уже повлиять на исправление приговоров, а его право превращается в фикцию.

Наконец в ущерб последовательному проведению принципа публичности процесса существовало часто большой разрыв во времени рассмотрения дела в СКК и вынесения определения. Были случаи, что дело заслушивается при явке подсудимых с участием защиты, а определение выносится через некоторое, иногда достаточно длительное время, что является совершенно незаконным и неизбежно влечет ошибки в кассационных определениях.

Все это безусловно вредное, а часто и прямо незаконное «упрощенство» в кассационной практике подрывало в глазах трудящихся доверие к работе СКК, как высшего судебного органа, контролирующего работу суда 1 инстанции.

Новая Конституция Советского союза поднимает права граждан на небывалую высоту.

Существенной гарантией этих прав в судебном процессе являются принципы — гласность, публичность процесса и непосредственное участие в процессе самого подсудимого как в 1, так и во 2 инстанциях.

Для действительного же осуществления этих прав подсудимый должен иметь реальную возможность их использовать, а для этого бесспорно необходимо улучшить и упорядочить работу кассационных инстанций.

Практика выезда в кустовые центры кассационной инстанции, по нашему мнению, давала положительное разрешение этих задач. Следовательно к ней необходимо возвратиться и закрепить ее, ибо она одновременно разрешает и ряд других задач, как-то: 1) изучение местных условий; 2) близкое изучение работы каждого судьи в отдельности и живое руководство

этой работой; 3) сохранение средств и времени трудящихся; 4) исключает ненужные никому разъезды множества людей в краевые центры, а главное приближает работу суда к населению и гарантирует права подсудимых и наиболее полное и правильное разрешение судебных дел.

Само собой разумеется, что проведение этих мероприятий может иметь место при непрерывном и строгом соблюдении двух условий: 1) обеспечение во всех случаях законного состава кассационного суда (членами кассационного состава при выездах могут быть только судьи, избранные в законном порядке членами краевого и областного суда, без всяких «кооптаций» и 2) обязательное и тщательное изучение дел членами кассационной инстанции.

М. Тимонин.

## Определение орудия преступления по характеру повреждения

(Случай из практики)

На имя участкового инспектора Полновского р-на Ленинградской области 3 апреля 1935 года поступило заявление от гр. Климака Рудольфа Петровича с просьбой расследовать обстоятельства, при которых брат его, Осип Петрович Климак, получил повреждения головы и скончался.

В выписке из истории болезни Климака О. П. 56 лет от роду, значится следующее: «31 марта 1935 г. в 12 часов дня, в Черневскую больницу поступил в бессознательном состоянии гр. Климак О. П. При осмотре его было отмечено: «в области лба обнаружена рана с ровными краями длиной в 2 см., глубиной доходит до мозгового вещества. Ниже раны часть области лба вдавлена в полость черепа. Из ушей и из носа выделялась кровь. В области правого и левого глаза кровоподтеки. Зрачки расширены, не реагируют на свет, глазные яблоки выделяются из орбит. В роговой оболочке кровоизлияние. Пульс редкий—напряжен. Живот вздут. Большой в бессознательном состоянии. Состояние тяжелое. В 3 часа появилась рвота и болевой, не приходя в сознание, при упадке сердечной деятельности в 2 часа ночи 1 апреля скончался».

На том же листе истории болезни имеется акт вскрытия и осмотра, где значится: «2-го апреля 1935 г. я, врач Черневской больницы Уткин А. С. произвел осмотр и вскрытие трупа умершего 1 апреля гр. Климака О. П. На туловище и конечностях никаких признаков насилия не обнаружено. В средней части лба, на два поперечника пальца выше переносицы имеется рана с ровными краями длиной в 1½ см и вся лобная поверхность ниже раны вдавлена в полость черепа. В наружных слуховых проходах на ушных раковинах и носовых проходах засохшая кровь. В области обоих глаз кровоподтеки. Зрачки расширены. Глазные яблоки вытеснены из орбит. В роговых оболочках кровоизлияние. После разреза и, когда была обнажена кость, то на лобной кости выше подбровных дуг на два поперечника пальца обнаружена горизонтально идущая сквозная трещина длиной 8 см, влево трещина закругляясь идет вниз, справа же трещина идет перпендикулярно горизонтальной, и нижний ос-

комок вдавлен в вещество мозга. Также повреждены носовые отростки лобной кости»...

При расследовании дела допросом брата покойного было установлено, что он слышал от колхозников, что Климака Осипа на лесозаготовках убила лошадь.

Однако, при допросе гр. Барсука Арнольда стало известно, что Климак с лесозаготовок возвращался вместе с ним и около хутора Зорсиной у Климака устала лошадь и потому Барсук его оставил, а сам ушел домой.

Следовавшие позади них колхозники, доехав до этого хутора, обнаружили Климака Осипа «в разбитом виде с кровавым лицом». Лошадь стояла на дороге, а сам Климак был без шапки (шапка найдена была шагах в ста от него) и что-то искал.

Колхозники усадили в сани Климака, и по дороге он ничего не говорил.

Дома осмотрели лошадь и нашли, что «правая нога выше щетки на четверть в крови». Кроме этого в крови были и сани.

Лошадь, принадлежавшая Климаку в течение 8 лет, ни одного раза не была задом, и потому брат Климака усомнился в том, действительно ли лошадь убила Климака. При этом он высказал свое подозрение в убийстве брата на Барсука Арнольда, так как слышал, что между ними произошла ссора, что брат его обозвал Барсука вором, за что, вспылив, Барсук и мог его убить.

Отрицая первоначально убийство Климака и утверждая, что Климака несомненно убила копытом лошадь, Барсук при последующих допросах сознался в убийстве, рассказав следующее: «Когда лошадь Климака стала останавливаться, Климак стал бить ее палкой. Палка была около трех пальцев толщиной и длиной в метр. Мне стало жалко лошади и я выхватил палку из рук Климака и этой палкой ударил его самого по лбу. После этого сидевший до этого Климак свалился, и изо рта пошла кровь, а я после этого испугался совершенного мной действия и пошел быстро домой».

То, что Климака не лошадь убила, удостоверилось еще показаниями жены Климака Рудольфа, заявившей, что, когда Климака Осипа привезли домой, она спросила его, не лошадь ли его ударила, он ответил отрицательно, но на вопрос кто его ударил, ничего не ответил, а только издал какой-то нечленораздельный звук. Барсук был предан суду и на судебном следствии Барсук от ранее данных им показаний отказался, заявил, что оставил Климака возле уставшей лошади.

На судебном следствии стало известно, что лошадь Климака была кована на острый шипы, что навело на мысль о возможности получения раны от шипа.

Местный судебно-медицинский эксперт высказался за то, что удар нанесен тупым предметом с значительной силой, но определить, именно он был нанесен не представляет возможным из-за краткости описания в протоколе осмотра.

Дело было передано в Ленинградскую областную судебно-медицинскую экспертизу, по указанию которой было произведено перевскрытие трупа, отделена голова от трупа и направлена на исследование.

При осмотре головы было отмечено следующее: «...лобные кости ненормально тонкие. Лицевая часть черепа имеет повреждение, а именно: на лобной кости черепа отмечается

перелом, имеющий почти правильную форму полукруга, причем концы этой дуги проходят через наружную треть бровных дуг, вершина дуги располагается между верхней и средней третями лобной кости. Длина линии, соединяющей переломы бровных дуг (по горизонтали), равна 9,0 см. Лобная кость по средней вертикальной линии имеет перелом, и, кроме того, на левой части лобной кости имеются переломы. Переломленная лобная кость вдавлена кнутри. Кости носа у места соединения их с лобной костью переломлены и между разошедшимися костями имеется расстояние около одного сантиметра, располагающегося косо сверху вниз, слева направо. Нос отклонен кзади и его сросшиеся кости у основания имеют по шву, по одной трещине справа и слева... Расстояние от спинки отклоненного кзади носа до линии перелома лобной кости около пяти сантиметров. Голова была сфотографирована для определения возможности нанесения имеющегося повреждения подковой и палкой.

Затем, для ответа на вопрос о возможности нанесения означенного перелома костей черепа копытом лошади с подковой на трех острых шипах, было произведено примеривание подковы к месту перелома костей, с тем, чтобы поставить подкову в такое положение, какое возможно для переднего шипа при имеющемся переломе костей. Средний шип подковы помещен в отверстие, образованное — между разошедшимися от перелома носовой и лобной костями, т. е. подкове придано должное и единственное возможное положение, из чего следует: а) при ударе лошади подкованным копытом в лицевую часть головы в «должном положении» не могли быть имеющиеся другие трещины на лобной кости и переломы левой глазницы, образующиеся от уплощения кости. Уплощение кости, дающее трещины, образуется тогда, когда ударяющая поверхность предмета имеет в диаметре не менее четырех см, какового размера поверхность подковы не имеет; б) повреждение левой глазницы и продолжное отклонение носа кзади, как в данном случае, исключает такой удар копытом лошади — удар снизу вверх и слева направо; в) при повреждении, причиненном подковой лошади, на кожных покровах лица должна была бы быть рана у переносицы. Однако, рана отмеченная при осмотре большого Климака и вскрытии трупа его «на два поперечных пальца выше переносицы и вся лобная поверхность ниже раны вдавлена в полость черепа».

Отмеченная дважды врачом Черневской больницы рана на лбу исключает удар по лицу острым шипом подковы как в лоб, так и в переносицу. Для изучения возможности причинения палкой имеющихся костных повреждений была взята «палка толщиной около трех пальцев». Такая толщина при измерении дает в среднем 5—5½ см. При приложении конца такой палки к месту повреждения черепа явствует, что имеющиеся костные переломы могли произойти при ударе «торчком» или, вероятнее, при ударе сверху вниз прямо — спереди концом палки.

Опровержением для удара в таком положении является лишь то, что на кожном покрове имела место одна рана. Конец палки, ударяясь в острый край перелома лобной кости по окружности, должен был бы порвать кож-

ный покров в нескольких местах. И, кроме того, для удара «торчком» требовалась бы значительная сила для перелома костей.

Далее было придано положение палке при ударе сбоку.

Наиболее вероятное положение палки, «толщиной около трех пальцев» при ударе сверху вниз и несколько спереди кзади, для причинения имеющихся костных переломов и повреждении кожных покровов.

Наибольшая вероятность удара концом палки именно при устанавливаемом положении объясняется следующим: а) отмеченная рана на кожном покрове лба об острый край сломанной кости при ударе полукруглой поверхностью палки по лбу. Других точек соприкосновения поверхности палки с острым краем сломанной лобной кости могло не быть и при положении, как на снимке не происходит, что и объясняет отсутствие других ран на кожном покрове лба; б) переломы костей лобной, носа и глазниц с последующим давлением в полость черепа произошло от действия на них полукруглой поверхности палки; в) действующие силы удара оказались равномерными на обе глазницы и перелом костей говорит за значительную силу удара.

Предположение о возможности причинения имеющегося повреждения головы обухом топора невероятно, так как характер имеющегося перелома костей даже при приложении обуха топора в различных положениях к месту повреждения головы не дает указаний для обоснования причинения этого повреждения обухом топора.

В деле нет точных указаний, как стоял по отношению к лошади Барсук — справа или слева, по какой части тела лошади бил Барсук — по спине, боку, задней части туловища, ногам и т. д.

Разбирая возможность нанесения удара по лицу гр. Климаку, вместо удара по лошади, как это на одном допросе заявил Барсук, следует учесть, что промахнуться тогда, когда лошадь стоит спокойно, представляется мало вероятным, что при попытке ударить лошадь палкой, лошадь от взмаха палки могла броситься вперед или в сторону и сидящий Климак на перевернувшихся дровнях мог попасть под опустившуюся палку.

В результате экспертизы, проверив ряд возможностей для нанесения удара палкой пришла к заключению, что наиболее правдоподобной версией является та, которую привел в своих показаниях сам Барсук, т. е. что он сам намеренно ударил палкой по лицу Климака.

Что же касается записей врача о размерах имеющейся раны на лбу у потерпевшего Климака и при осмотре его трупа, то это может быть объяснимо тем, что первый раз был осмотрен живой человек, когда точных изменений произвести иногда невозможно. При осмотре же трупа повреждения могут быть более точно измерены.

Приведенный нами случай показателен, как при помощи фотоснимков и тщательной проверки следов преступления, можно установить, каким орудием преступление было совершено.

С другой стороны данная экспертиза оказалась ценной для проверки показаний обвиняемого.

Бродский  
Владимиров

## К вопросу о фиксации показаний

Тов. Зонненберг<sup>1</sup> совершенно правильно ставит вопрос о нетерпимости дефектов в фиксации показаний, которые допускают лица, еще недостаточно знакомые с техникой расследования и процессуальными требованиями, или же недостаточно вдумчиво относятся к всестороннему расследованию всех «мелочей» и обстоятельств дела (неполнота показаний, засорение дела материалами и обстоятельствами, к нему не относящимися, и «отсебятина» в фиксации показаний).

Основным злом, видимо, является то, что недостаточно опытные и вдумчивые работники следствия, заранее не продумывая вопросов и обстоятельств, какие им необходимо выяснить для наиболее успешного исследования дела.

Пользуясь методом свободного изложения, неопытный следователь, зачастую незаметно для себя, идет на поводу у обвиняемого, который, стремясь запутать следствие, отвлекая его в другое русло, вносит в дело обстоятельства, к нему не относящиеся, и т. п., то есть то, от чего предостерегает т. Зонненберг.

Практика фиксации допросов в форме вопросов и ответов делает допрос более целенаправленным, так как ставит следователя перед необходимостью конкретно формулировать (а следовательно продумывать) свои вопросы.

«Причесывание» показаний — субъективное изложение следователем показаний допрашиваемого, — в большинстве является результатом: а) стремления следователя зафиксировать показания в желательном для него направлении, б) стремления обвиняемых зачастую выразить в смягченных, завуалированных, иногда трудно поддающихся фиксации фразах обстоятельства, которые ведут к изобличению их преступлений.

В этих случаях порядок фиксации показаний, предусмотренный ст.ст. 138, 165 УПК, способствует, в значительной мере, устранению «отсебятины» следователя и уклонения допрашиваемого от конкретного ответа.

Совершенно неверно утверждение т. Зонненберга о том, что практику фиксации показаний в форме вопросов и ответов, как правило, применять не следует, ибо это по его мнению ограничивает показания допрашиваемого.

Опыт показал, что конкретно сформулированный вопрос не ограничивает показания, а конкретизирует их. Давая ответ на коренной вопрос, допрашиваемый вполне свободен в изложении всего ему известного по делу. При этом надо иметь в виду, что следователь не может надеяться на «самотек», и на то, что допрашиваемый изложит ему вполне ясную картину. Следователь должен восполнить серийей дополнительных вопросов все обстоятельства/дела.

Наконец выполнение ст. 139 УПК обеспечивает допрашиваемому возможность дополнения допроса всем тем, что он пожелает показать.

Совершенно необоснованным является мнение т. Зонненберга о том, что фиксация вопросов почти удваивает затраты времени.

<sup>1</sup> См. «Сбзаконность» № 7.

Широкая практика применения этой формы показала, что незначительная затрата времени на фиксацию вопросов с лихвой компенсируется тем, что заставляет следователя не просто «выслушать» допрашиваемого, а получить у него обстоятельные ответы по существу, дисциплинирует его мысль и освобождает от загромождения расследования неотнуждающимися к делу обстоятельствами.

Закругейм

## Статья 162 или 165

Вопрос о том, по какой статье УК, 162 или 165 надлежит квалифицировать действия лица, похитившего что-либо у пьяного или попросту у спящего, судами разрешается в пользу ст. 165, и такое деяние расценивается как грабеж. Так например по приговору народного суда 5 уч. Бауманского р-на г. Москвы от 1934 г., по которому гр. Плешаков был осужден по ст. 165, так как «суд установил, что обвиняемый Плешаков проходил с двумя неизвестными по Дбброслободскому пер., где лежал в нетрезвом виде гр. Заворотный, у которого Плешаков из кармана похитил документы и деньги в сумме 50 руб.». Вот более поздний приговор 16 декабря 1935 г. народного суда 6 уч. Дзержинского района Москвы, которым гр. Семченко был осужден по ст. 165 за то, что он снял сапоги с гражданина, лежавшего на бульваре в состоянии полного опьянения.

Таким образом судебная практика игнорирует и текст и смысл ст. 165, говорящей об открытом похищении чужого имущества. Некоторые судебные работники, отчетливо сознавая, что ст. 162 устарела в отношении санкций по пп. «а» «б» и «в» этой статьи, которые являются недостаточно жесткими, ищут в подобных случаях выхода в переходе к ст. 165. Но это, конечно, ни в коем случае не решение вопроса и тем более не будет им после того, как редакция ст. 162 будет изменена.

Вопрос о том, какую статью применять в этих случаях не только вопрос о мере наказания. Для совершившего такое преступление, в особенности впервые, весьма важно, с чем он выходит из здания суда — с именем вора или грабителя. И хотя и то и другое позорно в наших условиях, но судимость по ст. 165 УК зачастую может трудящегося, совершившего какую-либо мелкую кражу, незаслуженно поставить в ряд с подлинными грабителями, со всеми вытекающими отсюда последствиями, даже после отбытия наказания.

Между тем вопрос о квалификации в данном случае вовсе не представляется таким спорным, как это кажется многим судебным работникам и нет основания для осуждения по ст. 165 УК лиц, совершивших хищение чего-либо у граждан, находившихся в нетрезвом состоянии или состоянии сна. Многие судебные работники представляют себе дело так, что раз потерпевший не находится где-то там, в большем или меньшем отдалении от места происшествия, и кража происходит в его присутствии, то уже нельзя говорить о краже. Эти товарищи понимают тайное похищение убого имущества, предусмотренное ст. 162 УК, только как действие, совершенное в отсутствие потерпевшего. Но если статья на такую

точку зрения, то тогда придется, например, всех воров-карманников, производящих кражи в трамваях, поездах, — признать грабителями, поскольку в момент производства самой кражи потерпевший «присутствует». Ясно, что такой взгляд по существу вопроса не верен и дело тут не только в одном присутствии потерпевшего. Литературные источники разрешают этот вопрос с достаточной категоричностью. Приведу цитаты, наиболее ярко подчеркивающие основные признаки грабежа. Проф. Гернет, в своей работе «Имущественное преступление» пишет: «не будет грабежом и тот случай, когда присутствующие видят и сознают, что совершается похищение, но похититель думает, что его не замечают». Другими словами: для понятия грабежа не только необходимо присутствие других лиц, но и сознание самого преступника, что он совершает свое преступление с дерзостью открытого похищения. Комментаторы УК тт. Карницкий и Рогинский указывают (УК РСФСР изд. 1935 г. стр. 224), «Часть I ст. 165 предусматривает грабеж без насилия одним лицом и в первый раз (напр., какое-либо лицо в магазине на глазах у продавцов схватило товар с прилавка и скрылось)». Таким образом из сопоставления этих двух формулировок видно, что для признания деяния грабежом необходимо, чтобы оно произошло на глазах у потерпевшего и чтобы правонарушитель сознавал, что его видят. Этого, как раз, при краже у пьяного или спящего нет и поэтому применение ст. 165 в таких случаях неправильно. В конце концов, ведь, центр тяжести вопроса лежит в том, что грабитель более социально опасная личность, чем вор. Но в таком случае нужно ставить вопрос так, что если каждый грабитель пойдет на кражу, то не каждый вор способен на грабеж. Поэтому, если хищение происходит у лица фактически бодрствующего, но притворяющегося спящим, то и такой случай нужно рассматривать как кражу.

Казалось бы вопрос ясен. А между тем судебная практика уклоняется, в данном случае, и от закона и от того бесспорного положения, что нельзя мешать в одну кучу родовые, но далеко не одинаковые преступления. Органы прокуратуры часто совершают ту же ошибку. Необходимы авторитетные разъяснения и указания свыше.

Д. Голубовский

## О подозреваемых и обвиняемых<sup>1</sup>

На страницах журнала «Советская юстиция» дискутируется вопрос «о подозреваемых» и «обвиняемых»; в № 6 помещена статья т. Байрон «Допрос подозреваемого» и в № 28 т. Раскольников «о подозреваемых» и «обвиняемых». Обе эти статьи в основном сводятся к тому, что в практике расследования до сих пор применяется понятие «подозреваемый», производятся допросы в качестве «подозреваемых», каковая практика по мнению авторов, является неправильной. Редакция журнала «Советская юстиция» эти материалы печатает «в порядке обсуждения».

Так как затронутый вопрос имеет большое значение «принципиального характера, полезно

<sup>1</sup> В порядке обсуждения.

вернуться к нему и на страницах журнала «Соцзаконность».

Тов. Байрон в своей статье ставит вопрос узко — только в плоскости возможности, или допустимости допроса отдельных лиц в качестве подозреваемых. Тов. Раскольников ставит вопрос шире — можно ли вообще допускать в процессе следствия «подозреваемого».

Действующему УПК термин «подозреваемый» известен; встречаем этот термин в ряде статей, как например, ст.ст. 100, 102, 103, 104, 105, 145.

Как, прежде всего, надо понимать сам термин «подозреваемый»? По моему мнению, его надо понимать таким образом: в распоряжении органа следствия имеются сведения, или данные, которые говорят о преступном действии, совершенном тем или иным лицом, но эти данные недостаточны и не могут еще служить основанием для привлечения этого лица в качестве обвиняемого.

Подозрение — это еще не обвинение. Можно ли к «подозреваемому» предъявлять требования, которые бы ставили его в положение обвиняемого? Конечно, нет. Если имеются подозрения и на основании таковых будет допрашиваться человек в качестве «подозреваемого», то что это даст? Ничего. Свидетеля мы допрашиваем с предупреждением об ответственности по ст. 95 УК за дачу ложных показаний; обвиняемый имеет право и дать показания и отказаться от дачи таковых. А подозреваемый? Как его допрашивать? Предупредить ли об ответственности за дачу ложных показаний? Если предупреждать — то получается своеобразное положение: человека предупреждают об ответственности за дачу ложных показаний, но спрашивают его о его преступлениях. Это в том случае, когда мы предположим, что допрашивается лицо, действительно совершившее преступление. Думаю, что гораздо полезнее допросить его или сразу в качестве обвиняемого, когда есть улики, или как свидетеля.

А если подозрения были вообще ошибочны? Если мы официально и не предъявили обвинения, но все же, «подозревали» человека и ему об этом недвусмысленно сказали. Для невинного и честного человека это несомненно очень тяжело.

Таким образом, надлежит признать, что мы не можем применять в практике допросы в качестве «подозреваемого». Вопрос должен решаться прямо: или свидетель, или обвиняемый. Раз нет достаточных данных для обвинения, нет оснований ставить человека в какое-то двусмысленное положение «подозреваемого». Права трудящегося охраняются, законом, а мы, работники советской юстиции, призваны бороться за правильное применение законов. Здесь же мы как раз и нарушим закон, если начнем отдельных граждан третировать как подозреваемых.

Обращаясь к действующему УПК, отметим, что ряд положений его устарел; в пределах затронутого вопроса эта «устарелость» УПК ярко бросается в глаза. Термин «подозреваемый» довольно часто встречается в 8 главе, а глава 8 говорит о дознании. Теперь процессуальные нормы при производстве следствия одинаково выполняются и следователями, и органами УГБ, и милицией. Раньше милиция как

орган дознания, не выполняла ряда требований процесса в части следствия, не предъявляла обвинения, не выполняла ст. 206 УПК и т. д. Теперь положение иное. С допросами же в качестве «подозреваемого» мы чаще всего встречаемся в органах милиции, то — «дань прошлому», вкоренившейся практики, против которой надо бороться.

«Подозреваемый» представляет собою нечто среднее между свидетелем и обвиняемым, а что именно — неизвестно.

Правда, в ст. 145 УПК мы также имеем упоминание термина «подозреваемый», но здесь смысл уже совершенно иной. Ст. 145 говорит: «меры пресечения принимаются лишь после привлечения подозреваемого лица к делу в качестве обвиняемого...». В чем здесь смысл термина «подозреваемый»? Вы имели по делу «подозреваемого». Затем, собрали в отношении его достаточно улик, которые дали основания привлечь его в качестве обвиняемого. Иными словами, орган расследования имел подозрения, но эти подозрения, до тех пор, пока они только были подозрениями, никакого отражения на «подозреваемом» не имели; он ни в чем не ограничивался и достоинство его, как личности, не ущемлялось. Но как только был собран достаточный материал, изобличающий этого «подозреваемого» в преступлении, то ему и не говорят, что «Вы подозреваетесь», а говорят: «Вы обвиняетесь». По моему так именно и надо понимать термин «подозреваемый». Мне могут возразить: как же, мол, так, читайте ст. 145 дальше, а там поворится: «В исключительных случаях меры пресечения могут быть применяемы в отношении подозреваемых лиц и до предъявления обвинения...».

Это не меняет положения. Ст. 145 говорит только об исключительных случаях, но принципиально вопрос должен решаться только таким образом — или свидетель, или обвиняемый.

Путаница в понятиях о «подозреваемом» питается устарелыми положениями действующего УПК. В новом УПК мы, очевидно, не будем иметь «почвы» для толкований по-разному.

Возьмите Конституцию — на какую высоту поднимает она права и интересы личности, права и интересы трудящегося гражданина социалистического государства. В свете этих положений мы обязаны и в своей работе максимально охранять права и интересы гражданина. Неосновательное привлечение к уголовной ответственности, неосновательное предание суду сильно бьют по человеку, причиняют ему большие страдания. Не в меньшей мере мы бьем по достоинству человека и в тех случаях, когда не имея достаточных данных для предъявления обвинения, предъявляем «подозрение» в совершении того или иного преступления, ставим человека в положение «подозреваемого», но не даем ему процессуальных прав бороться против этого «подозрения».

В практике работы органов расследования нельзя применять допрос в качестве «подозреваемого»; в процессе есть — обвиняемый, свидетель с соответствующими правами и обязанностями, но нет «подозреваемого», о правах и обязанностях которого нигде не сказано.

## О культуре в работе следователя

В последнее время в нашей юридической литературе все чаще стали раздвигаться голоса практических низовых работников следствия о необходимости культурной работы, о культуре в быту и т. д.

Это явление я считаю отрадным явлением и думаю, что все низовые работники разделяют это мнение.

Сознание необходимости учиться и быть восторженным культурным и образованным следователем уже давно проникло в гущу низовых работников следствия, и это желание выражено на многочисленных совещаниях и конференциях районных следователей.

Народный следователь в районе, особенно в отдаленных районах, оторванный от технических кабинетов, научных работников-криминалистов, часто предоставлен самому себе и должен самостоятельно учиться работать хорошо.

Говоря о культуре, нельзя не остановиться на тех условиях, в которых должен работать следователь.

Прежде всего хорошая рабочая комната следователя: если она хорошо обставлена, есть условие культурной обстановки работы следователя. На практике дело обстоит неблагоприятно. Райисполкомы часто считают, что раз районный прокурор им не подчиняется и не находится на их бюджете, то он сам должен добиваться, где хочет, комнаты и обстановки для себя и следователя.

Одежда следователя тоже играет немаловажную роль в культуре, и поэтому мы должны добиваться опрятности во время исполнения служебных обязанностей и вечноски изжить распушенность и неряшливость.

Для работы следователю нужно иметь транспорт для передвижения по району и для выезда на места происшествия, и вот тут-то и начинаются мытарства следователя.

По получении сообщения о происшествии, вместо немедленного выезда следователь часто выезжает через сутки и больше, то есть лишь по получении средств передвижения. Приведу пример: в начале июля я получил сообщение милиции, что на острове (на Волге) обнаружен труп. Чтобы проехать 28—30 километров на автомашине, нужно только один час. Обратился к председателю райкома, он вместо того чтобы дать машину, обиделся, что его занимают такими пустяками; машина оказалась занята. До 12 часов ночи я бегал и не добился результата, утром, встал в 5 часов и наконец договорился с шофером уполномоченного СНК; шофер согласился ехать, но и здесь райисполком чуть не отбил машину для работников райзо. Все-таки удалось отвоевать место для врача-эксперта, а для двух практикантов правовой школы, которые у меня проходили практику, я так и не мог достать средства передвижения, и они не могли выехать на столь ценный для них практический урок.

Когда я приехал на место, оказалось, что за сутки здесь перебывали на месте происшествия десятки колхозников, убирающих поблизости сено и рабочих с плотов. Вещественное доказательство — топор (орудие убийства) оказался вырытым из песка и побывал в нескольких руках.

Следов на берегу оказалось столько, что о применении гипса и думать нечего было. Хотя

и часа 3—4 возился и искал характерные следы, но каждый раз разочаровывался, так как колхозники и охрана тут ходили.

В другом случае на пожар я попал через 36 часов и после дождя, который деформировал или уничтожил следы пожара.

Следователю должно быть обеспечено свободное пользование механизированным транспортом, на котором можно было бы ехать в любое время, в любом направлении, ибо у нас часто бывает срочная и оперативная работа.

Нельзя пройти мимо вопроса о технической вооруженности следователя. Некоторые следователи уже имеют теперь фотоаппараты, иногда дактилоприборы, лупу. Но сделать надо еще много. Нет у нас компасов, нет различных материалов фиксажа, нет стеарина и воска, не все имеют такую простую вещь, как гипс и цемент. Довооружить следователя полным комплектом технического снаряжения жизненно необходимо и как можно скорее.

Я считаю целесообразным создать при Всесоюзном институте юридических наук нечто вроде центра, снабжающего периферию техническими принадлежностями, и консультационный пункт по этим же вопросам.

Наконец самый серьезный и самый основной вопрос — это заочная учеба низовых практических работников. Всякий мало-мальски опытный следователь знает, что при расследовании ему приходится сталкиваться с специальными вопросами, незнание которых делает следователя беспомощным человеком, и следствием тогда руководит уже не он, а кто-то из сведущих людей. Не будучи «хозяйном дела», следователь может извратить и запутать следствие. А ведь на практике приходится часто сталкиваться с такими вопросами, как научно-уголовная техника, судебная медицина и др. Следователь должен быть высоко, всесторонне образованным человеком и на всякой стадии процесса должен быть хозяином дела.

Из этого вытекает необходимость немедленно включиться в учебу. Заочное юридическое образование много может помочь. И как бы трудно ни было, нам придется все это преодолеть. Все «объективные» препятствия на пути учебы нужно преодолеть и опрокинуть, ибо Страна советов невиданными темпами в историю двигает культуру вперед, а нам, работникам следствия, отставать нельзя.

Н. Бундиряков

## Внимание к детям

Вопрос, поднятый т. Сольцем в статье «О детях преступников», помещенной в № 8 журнала «Социалистическая законность», есть то большое место, с которым нам, судебным работникам, приходится чуть ли не ежедневно сталкиваться. При существовании карточной системы нам пришлось выдерживать большую борьбу со снабжающими организациями для получения хлебных карточек для детей осужденных. К сожалению, не все прокуроры на местах нас поддерживали в этой борьбе. В конце концов мы добились того, что представляя приговора об осуждении отцов-грудящихся, и дети получали карточки. Таким образом мы хоть относительно помогали детям заключенных, понимая, что этим еще мало для них сделано.

Необходимость им помочь особенно подчеркивали женщины, когда приходилось беседовать с ними в связи с новым законом о запрещении аборт. Они заявляли, что государство должно будет гарантировать обеспечение их детей в случае осуждения их мужей. По заботиться об этом действительно надо. Констатировать факт, конечно, мало, — надо найти исход. Таковой нужно найти в пособии со стороны государства в размере, необходимом для существования ребенка. Средства для этого государство должно черпать из части заработка заключенных в местах заключения.

Так как алиментные долги в смысле оплаты имеют преимущество перед всеми остальными долгами, то в первую очередь из заработка осужденных должны быть сделаны отчисления в пользу алиментного фонда.

Ф. Кругман.

## О роли „немого свидетеля“

Работа следственных органов и освещающая ее юридическая литература многократно доказывала огромную роль и значение вещественных доказательств в раскрытии преступления. Свообразные «немые свидетели» — они имеют свой особенный язык, острый язык несокрушимой, режущей и разящей правды. Факт существования такого свидетеля в деле часто помогает следствию осветить такие темные тайники следственного пути, где живая человеческая речь не только недостаточна, но иногда запутывает обстоятельства, несмотря на всю ее добросовестность и искренность. Такого «немого свидетеля» одухотворить, развязать ему язык, раскрыть всю конкретную обстановку его пребывания, установить его прямое и косвенное отношение к делу, его связь с фактом — одна из важнейших задач следствия.

Во всех без исключения случаях, где налицо имеется неполнота свидетельских показаний, где опознание, установление непреложности, утверждение факта не исчерпывают с достаточной категоричностью доказательств, роль «немого свидетеля» вырастает в могучий фактор следственного действия.

Научная обработка такого «немого свидетеля» — необходимая предпосылка к его оживлению, к его превращению из пассивного состояния в орудие раскрытия истины. Методы научной обработки вещественных доказательств — многочисленны и многообразны. Один из них, указанный в нижеописанном случае еще и еще раз подтверждает, насколько такие пути следствия ценны, и в какой мере они содействуют раскрытию правдивой картины преступления.

На хуторе «Красном», Коминтерновского района, Одесской области, в колодце был обнаружен распухший и разложившийся до неузнаваемости труп. Судебно-медицинское вскрытие установило, что налицо имеется убийство и что оружием послужило охотничье ружье, о чем свидетельствовали обнаруженные в черепе крупинки самодельной дроби, сделанной из свинца, а также порох.

Труп был сфотографирован, и фотокарточки были направлены в ряд близлежащих районов милиции для опознания.

Через некоторое время в том же Коминтерновском районе, в степи, после уборки урожая был обнаружен человеческий скелет и одежда: брюки, плащ и рубашка.

Одесский Институт научно-судебной экспертизы, куда был направлен скелет и обнаруженные вещи, дал заключение, что это скелет мужчины, среднего роста 30—32 лет и что смерть наступила от 32 ножевых ран, нанесенных в область сердца и лопаток, о чем свидетельствовали разрезы на плаще и одежде, а также, соответственно расположению этих разрезов на одежде — царапины на костях скелета. Характерно, что приметы этого скелета почти полностью совпадали с приметам обнаруженного трупа в колодце.

В предъявленной фотокарточке трупа, обнаруженного в колодце, гр-ка Листюк опознала своего мужа — Листюка Артема, гонщика скота, который за месяц до этого гнал скот в Одессу и таинственно исчез.

Кроме того, гр-ка Листюк категорически опознала и все вещи, обнаруженные на скелете, как вещи, принадлежащие ее мужу — Листюку Артему.

Таким образом из показаний Листюк не представилось возможным установить, какой же из двух трупов действительно являлся трупом ее мужа, ибо в первом случае она опознала труп, но не признала обнаруженных на нем вещей, в другом же случае категорически опознала вещи, но не могла сказать, что это скелет ее мужа. Следствие занялось выяснением этого важного обстоятельства: при этом делалось предположение, что убийца переделал трупу для создания большей сложности в раскрытии преступления по приметам.

Имея в виду, что в черепе трупа, обнаруженного в колодце, были найдены крупинки самодельной дроби, подозрение пало на гр. Котова, известного по селу, как специалист по выработке самодельных патронов к охотничьим ружьям. Во время обыска на квартире Котова действительно было обнаружено охотничье ружье, свинец, порох, и капсулы, то есть все то, что необходимо для изготовления патронов. На первичном допросе Котов категорически отрицал свое участие в этих убийствах и заявил, что уже продолжительное время вообще не стрелял из своего ружья и что в последний раз после стрельбы чистил ствол ружья. Для проверки этих показаний обнаруженные у Котова ружье, свинец и порох были направлены в Институт научно-судебной экспертизы для установления давности произведенных выстрелов и выяснения, является ли ствол ружья прочищенным, а также для сличения свинца и пороха, обнаруженного у Котова, со свинцом и порохом, найденным в черепе трупа.

Институт дал заключение, что ствол ружья не прочищен, что выстрел был произведен несколько дней тому назад и что свинец и порох идентичны.

После предъявления Котову заключения экспертизы, последний сознался в своем участии в этом деле и заявил, что свое охотничье ружье дал для пользования гражданам Попсуйко и Котенко, которых знал раньше, как односельчан, и что они, будучи осужденными и высланными, как кулаки, с ссылки бежали.

Вскоре удалось задержать и указанных Попсуйко и Котенко. Как выяснилось дальнейшим следствием, лица эти при помощи Котова совершили в разное время два самостоятельных убийства указанных двух лиц, с целью похищения у них скота и что скелет, обнаруженный в степи, является скелетом Листюка Артема, а тело, обнаруженное в колодце, принадлежит другому лицу. Жена Листюка дала такие ошибочные показания в силу того, что приметы трупа, обнаруженного в колодце, до тонкости совпадали с приметам ее мужа. Этому заблуждению значительно содействовало разложение трупа, находившегося в колодце; что же касается опознания вещей Листюка его женой, то оно вполне совпало с обстоятельствами дела.

Случай этот лишний раз должен подсказать следствию, что затруднительное положение при установлении факта, когда налицо имеются сбивчивые, неполноценные показания живого свидетеля, легко устранимо там, где на помощь призывается научная обработка вещественных доказательств.

Следовательно необходимо во всех таких случаях задуматься над всем многообразием следственных возможностей, особенно научных, дающих нам новые и неоспоримые источники построения доказательств. В таких случаях, также, как и в описанном, решающая роль «немой свидетеля» огромна, ибо «немой свидетель» — разительный факт, а факты — вещь упрямая.

С. Кривицкий

## За культурное оформление следственных дел

Вопросы внешнего оформления наших следственных дел почти не привлекают к себе внимания с нашей стороны. Об этом, конечно, приходится лишь сожалеть, ибо каждый из нас, через руки которого проходит большое количество следственных дел, хорошо знает, как порой противно брать их в руки и до чего порой грязно, скверно и не культурно они оформлены.

Начну с обложки. Какое разнообразие всех видов и сортов бумаги. Старые, использованные обертки, «перелицованные» на левую сторону, цветная бумага, прочитанные газеты, обои, скоросшиватели и папки «для доклада» и «на подпись» — все идет в ход, все служит материалом, всевозможные печатные папки на всевозможного вида и оттенках бумаги с самым разнообразным текстом и надписями. Казалось бы, что на обложку дела, ту самую обложку, которая должна сохранить и предотвратить от порчи и гибели, при прохождении через различные инстанции и руки, порой весьма ценные документы, следовало бы обратить побольше внимания. Однако, факты свидетельствуют об ином.

Некоторые работники пытаются эту неряшливость и прямо-таки преступную небрежность объяснить то отсутствием бумаги, то отсутствием обложек. По существу же это не так. Побольше любви и внимания к своему делу, к чистоте, аккуратности и культуре, и тогда найдутся и средства, и обложки, и все прочее.

Полагаю, что следует для всех органов следствия завести плотную, одноцветную единую по тексту и разную лишь по языкам обложку.

Инициативу в этом вопросе, как и в ряде других, которых я буду касаться ниже, должна взять на себя Прокуратура Союза.

Следующий вопрос, на котором я бы хотел остановиться это вопрос о подшивке дела. На эту сугубо техническую сторону дела уж совсем не обращают внимания. В подавляющем числе дела подшиваются скверно и небрежно. Листы дела скрепляются слабо и неровно. Документы в деле распределяются неравномерно и беспорядочно. Если к этому добавить подшитые «вверх ногами» листы (и такой грех бывает), мятые, часто ветхие надорванные бумаги, то картина получится хоть и не приглядная, но верная. Иного объяснения этому как небрежность, найти нельзя. Документы и бумаги первым делом следует расправлять. Изорванные места, без вреда для текста, склеивать.

Все листы дела, а равно документы следует аккуратно складывать и подшивать, однако, не так, чтобы затем приходилось дело в судебном заседании расширять, чтобы прочесть и установить ту или иную спорную дату, номер или цифру. А это часто приходится проделывать в судебном заседании при рассмотрении дела.

Кстати укажем, что вообще следует отказаться от методов подшивки дела путем сгиба наружу или внутрь краев листов дела. Не говоря уже о том, что такой способ удваивает толщину дела, этот метод подшивки также отражается на текстах бумаг дела. Существует весьма простой и несложный, так называемый, переплетный способ подшивки дел и им следует пользоваться. Вообще было бы весьма целесообразно, если бы прокуратуры имели в своем распоряжении малую толику средств на переплетные работы.

Касаясь вопроса внешней формы и безобразного вида дел, следует указать, что во многом мы, следственные работники, сами виноваты. Готовясь к выступлениям и изучая дела, порой приходится буквально тонуть в море лишних бумаг и документов. Дело к моменту передачи его в суд должно содержать в себе все то, что собрано как за, так и против предъявленного обвинения. Фактически же дело собой представляет документально-историческое изложение всего того, что проделано по данному делу. Поэтому к делу должно приобщаться только то, что имеет отношение к исследуемым фактам. Особенно это относится к делам о хозяйственных преступлениях. Действительно, нужно порой прочесть тысячу, а то и две тысячи страниц, дабы обнаружить те 50—100 страниц, которые действительно нужны для дела.

Я хочу также коснуться вопроса оформления разных следственных действий. Грехов тут за следователями можно насчитать не мало. Нередко отсутствует дата, а равно название места совершения следственных действий, подпись допрашиваемого, пометки и подправки текста вносятся без оговорок и т. д. Нужно обратить внимание не только на эти дефекты. Казалось бы, до чего просто послать повестку свидетелю или обвиняемому, отобрать подписку о невыезде или же составить протокол предъявления материалов следствия, ведь и действия то несложные и текст-то этих документов совсем простой. Все же

## Совещание прокурорско-следственных работников Бел. ж. д.

эти простые и всем известные тексты варьируются до бесконечности, в результате чего они сплошь и рядом страдают неполнотой и дефектами. В целом ряде прокуратур существуют печатные бланки для ряда следственных действий, но попробуйте их собрать и вы убедитесь, сколь разнообразны даже эти печатные трафареты. НКЮ Украины в свое время проделал весьма полезную работу. Собрав во всех прокуратурах образцы их бланков, Наркомат на основе собранных материалов в соответствии со всеми требованиями УПК выработал тексты всех необходимых бланков, которые разослал на места, как обязательную и единую форму. Весьма удобно для ориентировки и работы, когда эти бланки напечатаны в зависимости от содержания и рода их на разных цветах бумаги.

Наличие таких бланков не только облегчает работу следователей и придает более опрятный вид делу, но причает также следователей к определенному, полному и правильному тексту своих постановлений. Этот безусловно полезный и целиком оправдавший себя опыт надо провести во всесоюзном масштабе.

В связи с предстоящим изданием общесоюзного УПК необходимо разработать единый текст бланков для ряда следственных действий.

Вплне естественно, что не все действия полностью укладываются в текст печатных бланков и очень многое приходится писать от руки, и тут-то на сцену часто выступает скверный небрежный и неразборчивый почерк. К этому следует прибавить, что некоторые акты, как напр. первичный осмотр места происшествия или первоначальный допрос заподозренного, которые большей частью составляют не в камере, а при выездах на места, пишутся карандашом, нередко к тому же скверно счтенным.

Нужно решительно и резко положить предел такому безобразию. Ни один акт не может и не должен писаться карандашом. При всех условиях чернила и ручка должны раздобываться, а предусмотрительный работник так-же возит с собой в портфеле.

Очень большую пользу может принести пользование пишущей машинкой. Ряд следователей, знающих машинопись, уже и теперь все свои допросы в камере производят на пишущей машинке. Пользуясь машинкой, следует иметь копии всего печатаемого. Эти копии приносят большую пользу. Оригинал, скажем, допроса подшивается к делу и больше не треплется. На копии же можно производить очеркивания и подчеркивания, а равно делать заметки на полях. По окончании же дела и утверждения обвинительного заключения прокурором, когда дело передается в суд, использованные копии передаются выступающему в суде обвинителю. Наличие у прокурора на суде копии всего дела значительно облегчает его труд по изучению дела, освобождая его от необходимости производить обширные выписки из дела.

Если ко всему вышеизложенному добавить, что пора обязать всех следователей составлять опись всех находящихся в деле листов, а в списке лиц, подлежащих вызову в суд, указывать листы дела, на которых имеются их допросы, то основные мероприятия к культурному оформлению наших следственных дел будут намечены.

### 3. Ниренштейн

3 октября 1936 г. прокурор Бел. ж. д. т. Петров провел совещание со своими помощниками по участкам и следователями дороги.

На этом совещании были заслушаны:

1. Информация следователя Бел. жел. дор. т. Давлет-Кильдеева об итогах Всесоюзного совещания лучших военных и транспортных следователей.

2. Доклад прокурора Бел. ж. д. т. Петрова о работе прокуратуры дороги за время организации таковой и о дальнейших задачах ее работы.

3. Доклад заместителя прокурора Бел. ж. д. т. Пониматко о плане работы прокуратуры на IV квартал.

Аппарат прокуратуры дороги укомплектован в основном достаточно, он состоит из работников, как с высшим юридическим образованием, так и солидным стажем практической юридической деятельности.

От такого аппарата следовало ожидать высокие показатели работы в области борьбы за проведение революционной законности, с нарушением советского правопорядка и за оздоровление ж.-д. транспорта, за безаварийную работу последнего, что является основной задачей транспортных органов юстиции, но в действительности, как выяснилось на совещании, этого в достаточной степени не было и нет.

Прокуроры и следователи подпали под формально-бюрократические методы работы; оторвавшись от производственной деятельности отдельных звеньев дороги, и не имея активной юстиции на местах, они до сих пор при наличии директивы Подора местным партийно-профессиональным организациям о подборе соответствующих прокуроров и следователей не имеют таковых; если имеют, то с ними не ведут никакой работы.

Кроме этого прокуроры недостаточно занимаются изучением дисциплинарной практики на ж. д., а следователи сплошь и рядом заняты мелочными делами вместо того, чтобы вести производственные дела.

У прокуроров хромает и общий административный надзор.

Нет достаточной связи как у прокуроров, так и у следователей, с печатью, а последние (следователи) не проявляют инициативы.

Все эти существенные недостатки на совещании были взяты под обстрел участников совещания и осуждены прокурором дороги т. Петровым, который призвал всех работников прокуратуры к их ликвидации и выдвинул перед ними новые требования, вытекающие из состояния работы нашей дороги.

Работники прокуратуры Бел. ж. д. обязались в IV квартале по-большевистски выполнить возложенные на них партией и правительством задачи и выдвинуться на почетное место в системе транспортной прокуратуры СССР.

## Достойный пример

Военный прокурор внутренней охраны Московской области т. Символ обратился к прокурору Союза т. Вышинскому со следующим рапортом в связи с окончанием им учебы в Институте красной профессуры.

Уважаемый Андрей Януарьевич!

В феврале 1932 г. я, обладая недостаточными познаниями марксистско-ленинской теории, не отрываясь от непосредственной работы, поступил учиться в ИКП мировой политики и мирового хозяйства.

На протяжении 4 лет и 8 месяцев я упорно, по-сталински работая, учился и учась работал.

За весь период учебы я чувствовал, что стоявшие передо мной трудности преодолимы. Но временами приходилось прямо-таки карабкаться в буквальном смысле этого слова, так как я был ограниченно грамотным вообще, не говоря уже о тяжести учебы, без отрыва от работы.

Сегодня для меня радостный день, так как я Вам рапортую о том, что 25 октября 1936 г. сдал последние государственные экзамены, в связи с окончанием учебы в ИКП.

Всликой коммунистической партии большевиков, великому вождю и учителю мирового пролетариата товарищу Сталину я обязан этими успехами.

Вам, Андрей Януарьевич, как своему начальнику, я выражаю сердечное спасибо за то, что Вы мне практически помогли в этом трудном для меня деле.

Чувство радости меня переполняет через край именно потому, что мысли великого и мудрого Сталина о том, что теория «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела», осуществлены мною практически.

Именно теперь, когда «жить стало лучше, жить стало веселее», я, вооружившись теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, еще с большей энергией буду бороться за чистоту генеральной линии партии, еще с большей энергией буду бороться против классовых врагов и выкорчевывать капиталистические пережитки из сознания людей.

Теперь мне значительно легче будет выполнять Ваши установки в повседневной практической работе.

От редакции

Редакция поздравляет т. Символа с окончанием ИКП и выражает уверенность, что примеру т. Символа последуют другие прокурорские работники в борьбе за повышение своей научной квалификации как в области общих проблем теории Маркса — Ленина — Сталина, так и в области специальных юридических дисциплин.

Редакция

## Первое заседание Методсовета Прокуратуры Союза

22 ноября под председательством прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского состоялось первое заседание Методического совета Прокуратуры Союза ССР. Открывая заседание, т. А. Я. Вышинский указал, что задача этого совещания заключается, главным образом, в выработке плана работ Методсовета и, кроме того, в разрешении ряда важнейших вопросов, в частности, о классификационной карте народных следователей, об организации учебных конференций следователей, об открытом следствии и соцсовместителях следователей.

Тов. Вышинский далее подчеркнул, что теперь Методический совет значительно укреплен и что в его работе будут принимать участие представители местных прокуратур.

Состав Совета сейчас достаточно полнокровный.

Это гарантирует наибольшую продуктивность работы Методического совета, призванного стать центром всей методической работы в области расследования преступлений.

После вступительного слова т. А. Я. Вышинского, Методический совет заслушал доклад т. Левентона Э. Э. о плане издания методических документов.

Тов. Левентон Э. Э. сообщил, что при разработке плана работ Центрального методического бюро по заданию методических писем и руководств, Прокуратура Союза ССР исходила из основной установки, заключающейся в задаче не вообще издавать руководства, а издавать такие руководства, которые были бы полезны нашему народному следователю в тех условиях его работы, при наличии того

портфеля следственных дел, которым он располагает в настоящий момент. Если мы примем во внимание, сказал т. Левентон, что по нашей статистике 65% следователей не имеют никакой юридической подготовки, а 41% следователей имеют стаж до 1 года, то станет ясно, что эти соображения, эти предпосылки должны были в весьма сильной степени отразиться на плане и содержании наших работ по изданию методических руководств.

Второй нашей установкой является следующее: хотя в последние два года мы уже преодолели в значительной части встречавшиеся раньше случаи процессуального «нигилизма», хотя мы и заставили следователей соблюдать процессуальные нормы, но ни для кого из практических работников не является секретом, что на выполнение процессуальных норм следователи часто все еще смотрят, как на выполнение формальных обрядов, что они совершенно забывают о том, что правильное соблюдение норм процесса, предписанных законом, является гарантией не только защиты прав обвиняемого, но и гарантией значительно более полного и всестороннего, а следовательно, и наиболее правильного расследования дела.

Третьей нашей предпосылкой, с которой мы подходили к разработке нашего плана работ, было то, что ведущая ныне работа по поднятию квалификации следователей в ряде республик, краев и областей достигавшая значительных размеров все еще проводится зачастую недостаточно полно, недостаточно углубленно. Это зависит и от недостаточной опытности самих преподавателей и от отсутствия

систематически и методически разработанных руководств.

И, наконец, последняя наша установка вытекала из состояния следственного портфеля в настоящий момент. Большой процент дел, проходящих через народных следователей, это дела о преступлениях, совершаемых против социалистической собственности: хищения, растраты и такие должностные преступления, которые в той или иной степени являются посягательством на общественную (социалистическую) собственность.

Эти четыре установки и предопределили построение предлагаемого на обсуждение плана издания методических пособий.

Далее т. Левентон сказал: «Этот план состоит из 3 разделов:

1-й раздел — разработка примерных пособий для проведения практических занятий по уголовному процессу, криминалистике и оформлению следственных дел.

Прежде чем говорить о том, как мы собираемся подойти к разрешению этих задач, я хотел бы припомнить одно образное сравнение, которое применил т. Вышинский, когда сравнивал следственную работу в некоторых отношениях с войной.

«Следователь, — говорил он, — воюет, борется с врагом, применяет иногда определенную сумму тактических приемов, которые называются в известной степени приемы, применяющиеся на войне».

Напомню слова знаменитого Клаузевица, который, говоря о том, как нужно учиться воевать, сказал: «научиться воевать можно двумя способами, либо самому участвовать в сражениях, их выигрывать и проигрывать, и получать положительный или отрицательный опыт, либо изучая множество других проигранных или выигранных сражений».

К сожалению, у нас не каждый следователь может извлечь для себя известные уроки из следственных «сражений». В законченных делах гораздо больше образцов такого рода, на которых учиться нельзя. Поэтому мы должны ему «разыграть» такое следственное сражение, на котором он мог бы чему-нибудь научиться.

Мы можем это сделать двумя способами. Первый способ — наиболее простой: отобрать дела, находящиеся в производстве, разбить их по отдельным категориям, отметить положительные и отрицательные стороны этих дел и предложить следователям изучать эти дела и делать на основе этого изучения те выводы, которые нужны для обучения правильному ведению следствия. Но тут перед нами встает целый ряд трудностей. Первая трудность заключается в том, что в каждом конкретном деле, которое мы предлагаем вниманию следователя, слишком мало ценных элементов в своей совокупности, которые могли бы из одного дела сделать в какой-либо степени более или менее яркое пособие.

Если в деле есть характерные черты активных действий следователя (допроса, осмотра места), то в этом деле нет криминалистических приемов; если есть и то и другое, то нет характерных процессуальных вопросов, которые должны разрешаться в процессе следствия, нет иного рода затруднений, которые должны показать следователю, как правильно оценивать доказательства, в которых сово-

купность их толкает его на следственную догадку.

Вот почему, если мы примем этот метод и будем руководствоваться следственными делами, уже рассмотренными на практике, мы должны будем расплыть внимание обучающегося следователя на десятки следственных производств. Это дело будет идти медленно, слишком кропотливо, будет расплывать внимание следователя. Поэтому мы полагаем создать «учебник дел», в котором было бы аккумуляровано максимально все то, что нужно для обучения следственному делу и в области оценки доказательств и в области процессуальных затруднений и способов их разрешения, в области криминалистических приемов, в области тактических следственных действий (оперативных действий), начиная с постановления о принятии дела к своему производству, кончая обвинительным заключением». «Мы, — сказал т. Левентон, — предполагаем при этом дать ряд приложений. Первое приложение — схема и план проведения занятий по этому делу: в каком порядке надо его рассматривать, какие вопросы задавать, в какой последовательности их задавать, какие надлежит получать ответы. Последний раздел — справочный материал для преподавателя: изложение, в сжатом хотя бы виде, тех основных источников, на которых базируются все те приемы и методы, которые применены в этом так сказать «выдуманном», скомпанованном следственном деле.

Таким образом это «выдуманное» следственное дело, представляющее собой в известном смысле искусственную аккумуляцию, комплекс всякого рода трудностей, эпизодов процессуального, криминалистического, технического, тактического характера должно явиться одновременно и руководством по проведению занятий, должно явиться одновременно и справочником для научного обоснования всего того, что должно быть научно обосновано при изучении этого дела. Мы собираемся дать 3 таких дела: первое дело — об убийстве, второе дело — о краже, третье дело — о растрате.

Что касается второго раздела нашей работы — методических писем о важнейших следственных действиях, о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого, о предъявлении материалов следственного производства, о составлении обвинительного заключения, — то здесь мы хотим дать не только чисто процессуальную схему, но хотим дать такое руководство, которое заключало бы в себе систематизацию ряда конкретных примерных случаев, начиная от простых и кончая осложненными, систематизацию применения процессуальных норм в разных установках. Например, возьмем ст. 206 УПК РСФСР. Смысл этой статьи для всех нас ясен. То, что ты расследовал, надо предъявить обвиняемому, без этого дела направлять по ст. 208 УПК никак нельзя. Однако есть целый ряд затруднений: нужно ли обозначать время, в течение которого может ознакомиться обвиняемый с делом, нужно ли обозначать место, где он ознакомился, время, — день или вечер, нужно ли обозначать в протоколе, как ознакомился, сам или кто читал, как ознакомливать больного, слепого. Нужно ли предъявлять дело, когда есть двое обвиняемых и один заявил ходатайство о дополнении, а другой — нет? Как по-

ступать, когда проводишь следствие и один обвиняемый в Москве, а другой в Калининне и в Москву вызван быть не может, как тогда должен поступить следователь. Сочетание процессуальной теории, исследование ее значения, вместе с показом основных трудностей и казуистики следственного производства, — все это должно быть показано в наших методических пособиях. Мы хотим как можно ближе придвинуть каждую тему к практической работе наших следователей, приложить как можно большее число образцов процессуальных трудностей и показать методы, наиболее целесообразные в наших условиях, для их преодоления».

«Следующий, 3 раздел, касается техники расследования дел по хищениям и растратам. Я уже говорил, что не менее 40% дел, расследованных народными судами, являются дела о хищениях, растратах и должностных преступлениях, которые являют собой покушение на социалистическую собственность. Как составлять эти руководства?»

Тов. Вышинский в 1934 г. на совещании в Наркомсвязи сказал: «следователь потому не всегда может успешно расследовать дела о хищениях и растратах в органах связи, что, во-первых, он не знает кто, какое должностное лицо на каком участке сидит и за что именно отвечает; он не знает особенностей тех звеньев работы, в которых совершается то или другое преступление. Во-вторых, следователь не умеет разбираться в значении хотя и примитивных, но специфических для каждого данного места и учреждения документов и чьих признаков преступлений».

Вот почему, когда мы решили приступить к разработке руководства по технике и методике расследования дел о хищениях и растратах, мы решили разработать специфику основных мест, где действуют жулики. Мы полагаем необходимым создать руководство о технике и методике расследования хищений и растрат в таких местах, которые более часто становятся ареной различных хищений и жульнических махинаций: хищений переводов, хищений посылок, хищений в пути, хищений в точках отправления, в точках получения; мы хотим осветить такие вопросы, как вопрос о том, какими документами подтверждается хищение при потере документа, какими обстоятельствами или корреспондирующими документами этот потерянный документ восстанавливается, круг лиц, которые в месте отправления, в месте получения могут учинить эти жульнические махинации и т. д. и т. п. Все это должно быть показано следователю, ему должен быть показан документооборот, сопровождающий каждую пересылку ценности, — все это должно быть показано, и затем должны быть даны выводы, на каких участках, за что какой человек отвечает и какими способами он может на этом участке совершать преступления и как с этими преступлениями можно бороться. По такой схеме мы решили дать технику и методику расследования дел не только в органах связи, но и на строительстве, технику и методику расследования дел о растратах в колхозах, в предприятиях общественного питания, на складах, в магазинах, дел о нарушениях финансово-бюджетной дисциплины и, наконец, технику и методику расследования преступлений об обсчете рабочих и т. п.

У нас в плане 16 тем. План рассчитан на 4 с лишним месяца т. е. примерно каждые 10 дней мы должны давать по выполненной теме. Эту большую задачу мы можем выполнить только в том случае, если мы будем пользоваться поддержкой мест. Нам необходимо будет получить различный справочный конкретный материал, — примеры, характеризующие те или иные виды преступлений, отзывы на те или иные наши мнения и предложения. Вот это основное, что мы просим от Центрального методического совета, просим в смысле оказания товарищами нам в этой части поддержки как непосредственно своим опытом, так и опытом тех прокуратор, которые они представляют...

По докладу т. Левентона развернулись оживленные прения, которые мы и приводим ниже в кратком изложении.

Тов. Иванов (Калининская область). «Работу Методического совета по выпуску писем нужно приветствовать, ибо она действительно необходима. Мы на местах, планируя составление методических писем, останавливались примерно на тех же вопросах, потому что они являются наиболее актуальными в данный момент».

Работу по составлению писем в центре нужно увязать с местами. Я считаю, что нельзя заранее планировать тематику методических писем. Местам необходимо работу по выпуску методических писем увязать с методическим планом и посылать их для согласования в Прокуратуру Союза.

Для меня остался не совсем ясным вопрос о первых трех темах и сможет ли их следователь самостоятельно проработать, или они предназначаются только для преподавания на курсах. Мне кажется, что необходимо поставить вопрос о том, чтобы следователь мог их проработать самостоятельно.

Ставя вопрос о необходимости издания методических писем на местах и помощи, оказываемой местами Центральному методическому совету, мы этим самым ставим вопрос и о том, что на местах должны быть такие работники, которые были бы в состоянии заниматься этим, для чего они должны быть освобождены от оперативной работы. Товарищей, которые бы могли отдавать все свое время методической работе, должны быть сохранены. У нас этот вопрос разрешен таким образом, что лично на меня возложена работа по обобщению материала без обременения меня оперативной работой по следственному отделу. Это — единственная гарантия того, что работа, которую мы начали, будет продолжаться и не будет сорвана, что небольшие сравнительно достижения, которые мы имеем, будут в дальнейшем закреплены».

Тарасов-Родионов (Москва). «Бесспорно, план, предложенный рассмотрению Методического совета, чрезвычайно ценен. Мне кажется, что основное значение этих руководств, этих пособий должно относиться к конференциям-курсам, которые должны проводиться на местах. Мы это проводили у себя в Московской области на практике. В течение этого года мы провели 5 конференций-курсов народных следователей, на которых пропустили около 100 следователей. Московской области и 40 — Ярославской. На каждой конференции проводились практические занятия по расследованию определенного дела от начала и до конца. Одновременно следователи выполняли прак-

тические работы, т. е. писали необходимые постановления и т. п. Этот метод занятий принес очень большую пользу. Надо сказать, что на конференциях были следователи, которые уже не первый раз участвуют на конференциях-курсах; но этот новый метод занятий мы применили впервые в этом году, и следователи отзывались о нем самым положительным образом. Раньше мы ограничивались только чтением лекций, но этот метод не достигал цели, потому что он мало был связан с практической работой следователей, и многое из сказанного в лекциях они забывали. Лекции мы закрепляли практической работой. Одновременно мы применяли метод инсценировки осмотра. Мы инсценировали факт преступления и затем вместе со следователями произвели осмотр места происшествия, здесь проверялось умение следователей провести допрос, умение зафиксировать его. Некоторые следователи очень хорошо это сделали, все заметили, на все обратили внимание, но так плохо оформили протокол осмотра, что всю почти работу свели на-нет. Это говорит о необходимости сочетать чтение лекций с практической работой. Когда мы произвели анализ их практических работ, то они поняли все значение правильного оформления. Разработку пособий нужно только приветствовать, так как они окажут большую помощь местам.

Теперь о методических письмах, о важнейших следственных действиях. У нас имеется очень острая нужда именно в таких методических письмах с приложением практических примеров. У нас очень много молодых следователей и многим даже и немолодым нашим следователям нужно еще изучать, как оформлять те или иные следовательские акты. У нас, правда, в настоящее время имеется книга Яхнич, где эти вопросы освещены, но мне кажется, что эта книга очень элементарна и в некоторых местах страдает погрешностями.

Когда-то Прокуратура Республики издавала методические письма по отдельным видам преступлений. Всего было издано около 5—6 писем и они пользовались очень большим успехом. Потом издание этих писем почему-то заглохло и за последние два года у нас письма составлялись только на местах и не везде удачно. Несколько писем было забраковано. Исходя из этого, мне кажется целесообразным издание методических писем сосредоточить в Прокуратуре Союза.

Методические письма по отдельным видам преступлений крайне необходимы и здесь работа предстоит колоссальная. Намечено к изданию около десяти методических писем по отдельным видам преступлений. Совершенно правильно сделано, что взяты узкие категории дел, — это даст возможность их лучше разработать. Единственно, что меня смущает, это то, что план несколько велик и выполнять его придется с большим напряжением, потому что дать 9—10 писем это фактически — дать 9—10 хорошо проработанных научных работ. Центральному методическому бюро придется прибегнуть к помощи целого ряда товарищей, потому что своими силами Центральное методическое бюро выполнить эту работу не сможет.

Вопрос о методических ячейках при следственных отделах, — серьезнейший вопрос. Методическая работа в течение 1935 г. была развернута во всех областных и краевых про-

куратурах РСФСР. Если сейчас во вновь организуемых следственных отделах не будет выделена специальная методическая ячейка, то работа может пострадать. Внутри следственных отделов должны быть сохранены, а там, где их нет, должны быть созданы специальные методические ячейки. Есть целая масса маленьких вопросов, которыми здесь не будут заниматься в порядке методики и которые придется разрабатывать на местах. }

**Тов. Нюрина** (И. о. прокурора РСФСР). «Меня интересует вопрос организационно-технического порядка. Я очень внимательно читала письмо, которое прорабатывала Московская прокуратура и Московское методическое бюро. Если письма эти будут построены на искусственном материале, это может создать большую опасность. Надо брать конкретные дела и дополнять их; тогда этот материал будет реальным. Нам надо было принять как обязательное правило, что эти письма должны составляться на основе имеющихся у нас дел, самых разнообразных и самых запутанных. План работы Методического совета очень насыщен. Мы хотим иметь высококачественную продукцию, а в плане выполнение работ связано чрезвычайно маленькими сроками. Наши работники все очень заняты, работу же эту мы не должны делать на-спех. Мое предложение сводится к тому, что план и сроки следует пересмотреть, чтобы наши работники могли действительно дать высококачественную продукцию.

Третий вопрос. Я думаю, что издание писем должно быть облечено в хорошую форму, которая не затрудняла бы, а облегчала пользование материалом. Говорить о журнале очень трудно, так как это потребовало бы бесконечных согласований и разрешений, но при таком насыщенном плане вопрос о журнале можно было бы поставить. Гораздо лучше и проще издавать их в виде книжек, а не в виде бюллетеня, или может быть сделать это в виде приложения к журналу «Соцзаконность». Но все же лучше издавать письма книжками. Надо, чтобы следователь привык, чтобы он знал, что это то методическое пособие, которое он систематически получает. Надо иметь постоянно действующую редакцию. Выходить эти пособия будут от имени Прокуратуры Союза. Писать их будут очень квалифицированные люди. Но это такой насыщенный план и для его хорошего осуществления надо все предусмотреть, чтобы Методсовет не явился аппаратом торможения, вместо аппарата продвижения».

**Шаргей** (Харьковская область). «Я не собираюсь возражать ни против одного из пунктов, включенных в это план, но должен заметить, что один из видов преступлений — нарушение правил техники безопасности — обойден в этом плане, по-моему, напрасно. Это как раз те дела, в которых следователь наиболее беспомощен. С вопросами техники следователь чрезвычайно слабо знаком, и если имеет место нарушение правил техники безопасности сложного порядка, следователь становится втупик и не знает, как дать правильное направление делу. Было бы неплохо, если бы тема о краже была заменена темой о нарушении правил техники безопасности, — тема эта сейчас очень актуальна для наших следователей.

В своем докладе т. Левентон ничего не сказал о работе с экспертизой. Между тем работа эта чрезвычайно сложна: самая постановка вопросов экспертизы, порядок постановки этих вопросов, постановление о назначении экспертизы и т. д. Чрезвычайно важно поставить вопрос об экспертизе. До сих пор часто смешивают понятия ревизии и экспертизы. Надо поставить вопрос о разграничении этих понятий.

Если идет речь об убийстве, надо дать несколько примерных планов осмотра места происшествия, не только касающихся данного случая, но вообще — протоколов осмотра мест происшествия, точно так же надо сделать и в отношении составления основных документов по делу, — привлечение в качестве обвиняемого, обвинительное заключение и др.».

Ласкин (Московская область). «Я считаю, что предложенный нам на рассмотрение проект плана Методического совета не исчерпывает работы совета и бюро; он намечен только до апреля 1937 г. Тов. Шаргей прав, что тема по технике безопасности является более актуальной, чем тема о кражах, потому что нашим следователям, особенно в промышленных районах, приходится часто сталкиваться с этими делами, и они очень хромают в делах о нарушениях правил техники безопасности. Что касается тем о кражах, то нашим следователям вообще редко приходится вести дела о кражах, и я думаю, что следует заменить эту тему другой.

Если мы возьмем бюллетени, издававшиеся в краях и областях в 1934—1935 гг., то мы найдем там очень много различных методических писем. Мне кажется, что не мешало бы вытащить из архива старые бюллетени и посмотреть их, может быть там найдутся хорошие методические письма.

План в целом хорош, насыщен и мне кажется, что в него только следует включить вопрос о технике безопасности.

Рахлин (Главная военная прокуратура). «План работы Центрального бюро, предложенный нашему вниманию, очень серьезный документ. Меня очень заинтересовала разработка типизированных дел. Это новая идея, заслуживающая внимания.

У нас были случаи, когда некоторые следователи просили о переводе их на другую следственную работу, потому, что непривычные условия работы в РККА в первое время создавали для них большие трудности в этой работе.

Надо заметить, что по методике расследования преступлений в РККА нет литературы. О методике расследования преступлений в иностранных армиях имеется крайне ограниченная литература. И вот, когда перед нами стоит задача дать методическое руководство, отвечающее нашим специфическим особенностям, то откуда мы можем дать такое руководство? Естественно, что у нас имеется один только путь — путь изучения нашего положительного опыта. Другого пути у нас, у военных следователей, у военных прокуроров, нет. Мы приходим в часть, в корпус, приходим к военному следователю, спрашиваем его, как он работает. Я говорю следователю: «тебе приходилось расследовать ряд дел, расскажи одно какое-нибудь дело, которое по твоему мнению ты разработал и расследовал очень хорошо». Я должен сказать, что

не только старые, но и молодые следователи иногда дают очень ценный в методическом отношении материал, т. е. дают такой материал, который мог бы быть использован в наших следственных документах.

Я позволю себе изложить методический опыт Главной военной прокуратуры. Этот опыт у нас очень небольшой. Мы издали 3 напечатанных в типографии методических письма. Как мы строили наши методические письма? Мы, прежде всего, исходили из специфики работы Военной прокуратуры и военных следователей. Специфичными в наших условиях являются, например, особые взаимоотношения в армии, которые требуют от следователя знания воинской тактики расследования: надо знать, какого командира допросить, надо знать, когда можно устраивать очную ставку между командиром и не командиром и т. п. Эти особенности создают особую сложность расследования.

Если вы посмотрите наши методические письма, то вы увидите, что там затрагиваются разные вопросы, нет определенной целеустремленности. Дело объясняется тем, что когда мы бываем на местах, то мы обращаем внимание на те вопросы, в разрешении коих нужна наша помощь. Мы записываем эти вопросы и пытаемся в наших следственных письмах на эти вопросы ответить. Нас интересует и другой способ связи с нашей периферией, это письма наших следователей и прокуроров в ответ на наши следственные письма. Товарищи реагируют на них, высказывают свое мнение, обмениваются опытом, ставят вопросы, которые предстоит разрешить. Тем самым мы наши методические следственные письма приближаем к насущным практическим требованиям следователей и прокуроров. В этом смысле следует, мне кажется, кое-что позаимствовать при составлении плана Центрального методического совета.

Кузьмин (Следственный отдел Прокуратуры СССР). «По докладу т. Левентона у меня имеется несколько замечаний. Мне кажется, что план издания методических писем является частью плана работы Центрального методического совета. От того, какую программу мы наметим по изданию методических писем, будет зависеть эффективность результатов работы всего Центрального методического совета в деле поднятия квалификации следственных работников и поднятия следственного дела на ту высоту, о которой говорил т. Вышинский, неоднократно дававший справедливую суровую оценку состоянию нашего следственного дела.

Я должен сделать несколько критических замечаний по плану, потому что, если в самом начале мы допустим ошибки в плане, то в дальнейшем реализация этого плана приведет к серьезным дефектам в нашей работе.

В настоящее время требования в отношении улучшения следственного аппарата чрезвычайно возросли. Если мы допустим хотя бы одну серьезную ошибку в методическом письме по делу об убийстве или грабеже, какой это даст резонанс! Такое следственное дело будет направлено в суд с серьезной ошибкой, и соответствующая судебная инстанция должна будет исправить ошибку или простемпелевать следствие, не заметив ее. Если мы возьмем дело о растрате, составим, как говорил т. Левентон, весьма абстрактное дело, умножим на те дефекты, которые имелись в практике и да-

дим это как образец, то мы можем допустить здесь неверный подход и, если хотите, упрощенчество и это упрощенчество сразу скажется на большом количестве дел, которые будут у следователей. Самый подход здесь должен быть чрезвычайно серьезный. Мне кажется, что может быть не сразу следует пойти по тому пути, который предлагает т. Левентон — составление искусственных, абстрактных «педагогических» дел, рекомендуемых следственному аппарату в качестве образцов для его работы. Может быть, лучше сначала взять наши практические дела, — дела, которые были у нас в практике, в производстве. У нас есть прекрасные проведенные дела. Следовало бы их воспроизвести в печатном виде и дать в виде руководящих указаний нашим следственным работникам, как проводилось в данных конкретных условиях расследование данного конкретного преступления, с указанием тех ошибок, которые были допущены и которые не следует допускать.

Мне кажется, далее, что план методических писем о возбуждении уголовных дел, о привлечении в качестве обвиняемых и составлении обвинительного заключения надо дополнить таким образом, чтобы если не в ближайший квартал, то в ближайшее полугодие мы охватили методическими указаниями основные стадии процесса расследования от возбуждения уголовного дела до момента вручения обвинительного заключения, включив в план методику допроса свидетеля, обвиняемого и указания по осмотру места преступления. Мне скажут, что напр., по осмотру места преступления написано много диссертаций, трудов, брошюр, имеется труд Якимова, посвященный осмотру, работа Громова, я знаю об этом. Но они меня не удовлетворяют с точки зрения методической, педагогической и практической постановки вопроса.

То обстоятельство, что эти письма будут утверждаться и издаваться Прокуратурой Союза, накладывает на них особую печать. Методическое письмо, посвященное тому или другому вопросу, утвержденное Центральным советом и санкционированное прокурором Союза, является официальным руководящим указанием, которым должен руководствоваться районный прокурор, народный следователь и т. д. Тут я полностью поддерживаю т. Нюрину в том, что оформление этих писем должно быть несколько иным, чем это было раньше.

Тов. Левентон не сообщил, какими кадрами обеспечен данный план. Мы хотим знать, кто какую часть плана будет выполнять тот или иной научный или практический работник. План, необеспеченный соответствующими кадрами, — не план. Самый план говорит, что тематику намечали, не исходя из того, чем загружен портфель следователя, а из того, что интересует в данный момент работника Методического бюро или Методического совета, с этой точки зрения можно ряд тем вычеркнуть, объединить, тогда у нас будет разрешен и разработан более исчерпывающий цикл вопросов нашей практики и нашей работы.

Нашими методическими письмами будут пользоваться и органы милиции, а это значит, что мы должны посмотреть, что там у них делается и что для них является более насущным, чтобы эти темы включить в наш план.

Я не согласен с товарищами, которые говорили, что дела о краже — неактуальны. Коли-

чество дел, проходящих через органы милиции и через другие органы, велико, и это заставляет нас обратить особое внимание на эту категорию дел. В этой области также требуется квалифицированное расследование, как оно равным образом требуется и в области должностных преступлений. Мы должны научить наших следственных работников, как вести расследование в этой области, какие требования предъявлять в отношении привлечения к ответственности должностных лиц. Мы должны добиться серьезного улучшения в деле постановки расследования.

Серьезным является и вопрос о делах о спекуляции, — кого привлекать и как привлекать. Серьезность санкций, предусмотренных статей о спекуляции, требует серьезных методических указаний в этой области.

Дела о поджогах. Нужно взять 2—3 случая с поджогами, описать их так, как сделал т. Вышинский, когда давал некоторые категории дел в своем методическом письме, в котором описывались одно — два дела, ориентировавшие весь следственный аппарат мест в этой области работы.

Я думаю, что и вопросы, связанные с расследованием дел о разбоях и грабежах, равным образом обязывают нас откликнуться по вопросу о методике этой категории дел. Это также следует учесть Центральному методическому совету. Надо учесть, что силами одного бюро мы не в состоянии будем разрешить стоящие перед нами громадные задачи. Работники Института юридических наук т. Митричев, занимавшийся вопросами спекуляции, т. Булатов, интересующийся вопросами техники и методики расследования, и целый ряд других товарищей — должны быть привлечены к выполнению громадной работы, которая на нас ложится в деле разработки методических писем. Я думаю, что и институты и ряд научных и практических работников следствия и прокуратуры, работающие на местах, также должны быть привлечены к работе.

**Речь прокурора Союза ССР т. Вышинского.** Подводя итоги приемам по докладу т. Левентона, т. Вышинский указал, что хотя все темы в плане названы, но существует серьезная опасность, если пойти по тому пути, который предлагает этот план в части издания методических писем. Если пойти по этому пути, то мы превратимся в академическую группу, которая будет писать трактаты, подсахаренные собственной фантазией.

Это ли вам нужно? Хотя некоторые товарищи одобряют этот план, но я спрашиваю, нужно ли нам «выдумывать» дело об убийстве, когда у нас в руках имеется превосходный материал, взятый из подлинной действительности. Мне кажется это неправильным. Я расхожусь с товарищами по вопросу о полезности таких «выдуманных» дел.

Недавно т. Долицкий дал следственное упреждение на тему: убийство или самоубийство. Там у него было много выдуманного, но фактуру он взял из случая, имевшего место в действительности. Это убийство Володина, представителя ЦК железнодорожников. Это событие жена Володина пыталась изобразить как самоубийство. Оказалось, что это не самоубийство, а убийство, совершенное его женой на романической почве. Упражнение, разработанное т. Долицким, очень напоминает эту историю, но в измененном виде. Когда я ре-

дактировал это упражнение, я чувствовал, что в нем много нарочитого, искусственного. Это портит работу. Между тем, если бы т. Долицкий взял этот сложнейший случай, это живое дело со всеми недостатками следствия, которые здесь имели место, и дал свою грамотную оценку этих недостатков, показал, как можно было бы избежать этих ошибок, то это было бы следственное упражнение гораздо более полезное, чем выдуманное.

Я не сомневаюсь, что каждый из присутствующих здесь опытных следователей и методистов может выдумать и не одно прекрасное и интересное дело и разработать его как угодно, но это не будет результатом изучения опыта и это плохо. Первое условие хорошего методического письма, которое надлежит поставить при разработке методических писем, это изучение опыта, изучение дел таких, какие мы имеем на практике.

Недавно я работал над одним интересным делом. Это дело циркового артиста-престижиста, выступающего с говорящими куклами, по обвинению в растлении 13-летней девочки. Это живое дело. В нем есть и показания свидетелей и показания потерпевшей. Я пришел к выводу, что он не виноват. Но меня интересовало не только этот вопрос, а то, как велось следствие, какие были допущены в нем дефекты, можно ли было устранить эти дефекты, на что надо было обратить внимание и на что не было обращено внимания. Дело это дважды слушалось. После того, как первый раз обвиняемый был оправдан, приговор был отменен в кассационном порядке, и дело направили на доследование. Возникает задача показать, как нужно доследовать подобное дело. Это тоже очень важный вопрос, ибо, как известно, доследовать дело часто труднее, чем расследовать. Вот из этого живого дела встанет целая куча проблем и на них надо давать ответы. Когда речь идет о методике расследования дел о растлении, когда мы берем какое-либо конкретное дело, изучаем, как следователь идет шаг за шагом в распутывании этого «дела», мы видим, что он правильно сделал, что он неправильно сделал, анализируем приемы, почему он допустил ошибку, что надо было бы сделать, чтобы не допустить этой ошибки, каким образом предупредить эту ошибку, — вот это будет наука, это будет обучением тысяч следователей тому, чему не научит следователя никакое «выдуманное» дело. У нас немало реальных настоящих дел с кучей ошибок, недостатков, пороков. Зачем же «выдумывать» дела? Ясно, незачем. Надо брать конкретные дела и вскрывать ошибки, которые не следует допускать при правильном расследовании.

Тем более не следует выдумывать «идеальные» дела. Таких в жизни не бывает, — не следует такие дела и выдумывать.

Вот почему для меня сомнительна польза так называемых идеальных дел, так же как и дел типизированных. Такие дела не помогут нам изучить наш следственный опыт, а мы должны все содержание методических писем построить на обобщении, анализе опыта, на рекомендации приемов следствия, методов предупреждения ошибок, возникающих на опыте. Опыт должен лежать в основе. Без опыта эта работа ничего не стоит.

Нам нужно иметь такой методический совет и такие методические письма, которые, во-

первых, отражали бы знание реальной работы, знание реальных недостатков, а не агитацию и не анекдоты. Это пройденный путь. Нам нужно посвятить себя серьезному изучению конкретных дел. Я думаю, что тогда мы дадим действительно нужные методические письма.

Второе, что нам нужно — это следственная культура. Надо начать с того, чтобы научить людей, как составлять процессуальные документы. Если уже давать типизированные, то дайте типизированный документ. Вот в плане работы говорится: примерное пособие по криминалистике — технике оформления следственных дел. Это хорошо. Но что это такое? Я ищу и не вижу ничего, что говорило бы об оформлении. Тут есть методическое письмо о возбуждении уголовных дел, о привлечении в качестве обвиняемого, о составлении обвинительного заключения.

С этого надо начинать. Нашему методическому совету и следственному отделу надо начать с того, чтобы научить следователя, как грамотно (технически и процессуально) составлять протокол допроса. Надо подумать о самом допросе — вопросами ли, изложением ли, какие вопросы, как ставить вопросы, как формулировать вопросы. И сейчас еще имеют место кое-где допросы в форме наводящих вопросов и это не случайно. Это выражает, если хотите, целую школу, старую школу советских прокуроров — когда старались получить один и обязательный ответ: «Да» и боялись получить ответ: «Нет», когда вопрос формулируется так, что он уже сам в себе содержит нужный или желательный ответ. Задача гласного процесса заключается не в том, чтобы декларировать правильность утверждений или тезисов обвинительного заключения, а в том, чтобы бороться, доказывать, убеждать, ломать волю преступника на глазах у людей и в этом процессе борьбы организовать общественное мнение, создавать это общественное мнение. Задача в том, чтобы преступник морально и политически падал под ударами обвинителя, чтобы для всех было очевидно его поражение.

К сожалению, многие наши прокуроры не понимают психологию допроса, логику борьбы в допросе и значения этой борьбы. Вот тут и надо показать, как вести эту борьбу, как спрашивать, как формулировать вопросы, чтобы не было «подсказываний», чтобы не выходило так, что прокурор говорит за обвиняемого.

На эту сторону дела надо и обратить внимание. Нужно начинать с азов, как вести допрос, как формулировать допрос, как вести вопросы выдвигать, на чем заострять внимание. Сюда же относится и вопрос о судебном юморе и сарказме, о пределах этого сарказма. Иногда сарказм или ирония прокурора переходят в издевательство над подсудимым. Это — недопустимо. Это не малые вопросы, на этих вопросах людей можно воспитать или развратить. Добросовестность записи допроса, то есть запись так, как оно было в действительности, а не искусственная формулировка, тенденциозная, притянутая за волосы. С такими явлениями нужно бороться, но нужно и обучать этому делу. Нужно разработать письмо по этим вопросам умно, тактично, но нельзя уходить от этих больших вопросов нашего следствия.

Нам важно не засудить человека, а засудить врага, установить истину. Следователь, вооруженный ошибочными методами, непониманием

своей роли, наличием обвинительного уклона — плохой следователь. Нужно дать методическое письмо, показав, как нужно вести следствие в области допроса: постановки вопросов, формулировки вопросов, записи вопросов записи ответов.

Вы знаете, например, такой вопрос: подписывать ли вопросы один раз в конце странички, или после каждого вопроса. Этот большой вопрос и он решается по-разному, но всегда непринципиально. Сплошь и рядом обвиняемые заявляют: «Я не так сказал», «меня не так поняли». Следователь должен так записывать допрос, чтобы таких заявлений не было.

Очень важное оружие в наших руках при заирательстве и отказе от признания вины, — очные ставки. Иногда очные ставки проводят так, что, действительно, все — в куче. Один пишет вопросы слева, ответы справа; другой пишет вопросы и ответы одного допрашиваемого слева, другого — справа; третий пишет — сверху и снизу... не знаешь, что к чему. Вопрос о том, как записывать протокол очной ставки, это — большой вопрос, решающий задачу культуры следственной работы, дающий гарантию того, что следственная работа проведена добросовестно, правильно, культурно. Я проверяю десятки дел ежедневно, путаюсь постоянно в протоколах очных ставок. Что это за очная ставка: «Вы подтверждаете». «Подтверждаю». «Вы не подтверждаете». «Не подтверждаю». — «Распишитесь». Мы по-настоящему до сих пор еще очных ставок не умеем ни проводить, ни оформлять. Надо на это обратить внимание. Что такое очная ставка, в чем заключается ее смысл, каковы ее цели, как разрешить на очной ставке важнейшие, приведшие к очной ставке, к ее необходимости противоречия, каким образом устранить эти противоречия, которые кажутся как будто бы неустрашимыми. Некоторые говорят: очная ставка ничего не даст — каждый останется при своем. А как же сделать так, чтобы этого не было? Такая задача следователя должна быть поставлена. «Ты подтверждаешь свое, — так подтверди — где, когда, каким образом, с кем, какие есть признаки, какие есть доказательства» и т. д. Это не делается, и это приводит к формальным, ничего не дающим «очным ставкам».

Нам нужно помочь этому делу. Нужно. Как помочь? Письмами. Что в письме написать?

Во-первых, нужно разбить весь план на задачи разных очередей: допрос свидетеля, допрос обвиняемого, очная ставка, требования допроса, порядок допроса, что нужно для того, чтобы правильно провести допрос соотношение между изученным материалом и на колпачном и задача данного допроса, связь данного допроса с другими обстоятельствами дела. Это нужно избрать исходным пунктом и от этого пункта двигаться вперед. На этом пути встречаются препятствия и нужно показать как преодолеть их. Тут можно кое-что придумать, здесь можно говорить о типизации, но в основу нужно класть живые, подлинные дела.

Затем то же самое нужно сделать по основным следственным действиям, начиная с возбуждения уголовного преследования, предъявления обвинения и т. д.

Рядом с этим поставьте изучение разных категорий дел: о краже, о поджоге, о нарушении правил техники безопасности. Нельзя говорить: это более актуально, это менее актуально. Наше несчастье, что все в нашем деле актуально. Что такое актуально? Это то, что более или менее распространено и требует от нас ответа. Тов. Шаргей говорил, что актуальна техника безопасности. Тов. Ласкин говорил, что кража не актуальна. По-моему это неправильно. Все актуально — все то, с чем приходится иметь дело более или менее часто. У нас и убийство, и кража, и техника безопасности, выходит, являются сейчас актуальными.

Надо больше обратить внимания на отдельные следственные действия и посвятить этим отдельным следственным действиям специальные методические письма, которые должны содержать в себе итог изучения ряда дел, должны дать картину состояния этой области следствия и на основе этого изучения — анализ и критику недостатков, мер к исправлению их.

В этом задача. И еще одно замечание: меньше академичности и ламентаций о высоких следственных материях, больше изучения опыта и обучения новой, совершеннейшей технике борьбы с преступлениями...

Нужно помнить слова великого Сталина, что план — это живые люди. Люда у нас есть. Значит, план будет выполнен.

## На оперативном совещании при прокуроре Союза

На состоявшемся 27 декабря 1936 г. оперативном совещании при прокуроре Союза ССР среди других вопросов повестки дня были обсуждены следующие вопросы:

### Недонесение о хищении общественной собственности

Является ли недонесение о преступлениях, предусмотренных законом 7 августа 1932 г., уголовно наказуемым деянием? Этот вопрос, поставленный одним из военных прокуроров, вынесен был т. Вышинским, как вопрос принципиального значения, на обсуждение оперативного совещания при прокуроре Союза ССР.

Точка зрения товарищей, которые склонны были ответить на этот вопрос отрицательно, основывалась прежде всего на том, что ни в Уголовном кодексе, ни в самом законе от 7 августа 1932 г. нет прямых указаний о наказуемости недонесения о хищении общественной собственности. Но и кроме того, говорил, например, один из товарищей, стоявший на этой точке зрения, наказуемым мы могли бы в крайнем случае признать недонесение только о таком хищении, которое подпадает под действие закона 7 августа. Недонесение о краже, караемой, например, по пункту «д» ст. 162 УК РСФСР, во всяком случае не должно преследоваться в уголовном порядке. Но ведь известно, как трудно бывает на практике про

вести грань между преступлением, которое должно квалифицироваться по закону 7 августа, и преступлением, квалифицируемым по ст. 162. Это трудно бывает сделать подчас нам, юристам, работникам суда и прокуратуры. Тем более мы не можем этого требовать от граждан, для которых может представиться еще более затруднительным вопрос, подпадает ли данное, известное им, хищение под действие закона 7 августа или же его квалификация ограничивается рамками ст. 162.

Большинство, однако, выступавших по этому вопросу высказалось за положительный ответ на этот вопрос. Ст. 58<sup>12</sup> УК РСФСР (так же как и соответствующие статьи УК других союзных республик) устанавливает уголовную наказуемость «недонесения о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении». Определение контрреволюционного преступления известно: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» (ст. 58).

Могут ли быть какие-либо сомнения в том, что преступления, предусмотренные законом 7 августа 1932 г., содержат в себе полный состав контрреволюционного преступления? Достаточно вспомнить слова сталинской Конституции СССР, характеризующие общественную собственность как «священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся». Достаточно вспомнить формулу, заключающуюся в самом законе, законе 7 августа, где говорится об общественной собственности (государственной, колхозной, кооперативной), как об «основе советского строя», и о людях, покушающихся на общественную собственность как о «врагах народа». Достаточно вспомнить все эти определения и поставить их в связь с ленинским определением контрреволюционного преступления, чтобы отпали всякие сомнения: преступление, предусмотренное законом 7 августа, есть преступление контрреволюционное.

Но тем самым целиком разрешается вопрос о наказуемости, в силу ст. 58<sup>12</sup>, и недонесения о преступлениях, предусмотренных законом 7 августа.

Товарищам, стоящим на иной точке зрения и аргументирующим тем, что гражданам трудно разобраться, подпадает ли данное, известное им хищение, под действие закона 7 августа или не подпадает, т. Вышинский указал на методологическую неправильность их позиции. Эти товарищи исходят, видимо, из того, что граждане не обязаны сообщать органам власти о готовящемся или совершенном хищении общественной собственности, если это хищение нельзя квалифицировать по закону 7 августа. Но это сугубо неверно. Сталинская Конституция СССР (ст. 131) возлагает на каждого гражданина СССР обязанность «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность». Эта обязанность «бе-

речь» включает в себя, бесспорно, обязанность каждого гражданина немедленно довести до сведения органов власти о покушении на общественную собственность во всех случаях, а не только тогда, когда данное хищение может быть квалифицировано по закону 7 августа. Наличие или отсутствие признаков для квалификации данного хищения по закону 7 августа будет иметь решающее значение для уголовной ответственности лица, не донесшего о хищении. Но самая эта уголовная ответственность за недонесение в наиболее серьезных, в наиболее острых случаях базируется именно на том обстоятельстве, что гражданин СССР обязан беречь общественную собственность во всех случаях.

Считая, таким образом, возможным и правильным в соответствующих случаях давать указания о применении ст. 58<sup>12</sup> по делам, квалифицируемым по закону 7 августа, т. Вышинский вместе с тем подчеркнул недопустимость сколько-нибудь распространительного толкования уголовной ответственности за недонесение и необходимость в каждом конкретном деле чрезвычайно осторожно и самым тщательным образом подходить к вопросу о предании суду за недонесение.

## Оттиск пальцев вместо подписи

На Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов писатель В. П. Ставский привел выразительную справку. Он напомнил нам, что в дореволюционной России было: 542 000 церквей, 23 600 часовен, 950 монастырей, 51 000 попов разных рангов, 15 000 дьяконов, 40 500 дьячков, 29 100 монахов.

Но зато в той же царской России было всего 20% грамотных.

Неграмотными были не только широкие слои населения. По переписи, например, 1897 г. в старой России «из 1 460 000 дворян, чиновников и их семей (старше 10 лет) неграмотных было 223 000. Почти четверть миллиона Митрофанушек» («Известия» № 303/6160).

Виднейший царский сатрап, знаменитый генерал Трепов, был по свидетельству А. Ф. Кони до такой степени «во враждебных отношениях с орфографией», что снискал себе славу человека, который в слове, состоящем из трех букв, умел делать четыре ошибки (вместо «еще» он писал «исчо»)...

Мерою пройденного нами с тех пор, разительной мерой, отделяющей нас от бескультурья и темноты, насаждавшихся в народе властью мракобесов в старой России, может служить тот изумительный факт, что наша страна уже сейчас становится страной всеобщей грамотности. У нас уже сейчас 90% населения (в возрасте от 8 до 50 лет) грамотны.

Работники юстиции, — прокуроры, судьи, следователи, — повседневно общающиеся с самыми широкими слоями населения, могут своим собственным практическим жизненным опытом подтвердить, как разительно изменился, в особенности в последние годы, культурный облик народа. Все реже и реже встречаются в жалобах, в заявлениях, подаваемых гражданами в судебно-прокурорские органы, вековая, старо-русская формула: «за неграмотного расписался». Все реже и реже под бумагой красуется вместо подписи крест —

этот символ культурной беспомощности человека. Уже не кто-то говорит за человека — человек говорит сам за себя. Не дикарскими знаками, не оттиском пальцев свидетельствует человек подлинность своей мысли, а полным именем своим, записываемым своей собственной рукой с чувством осознанного личного достоинства.

Но неграмотность еще существует, и судебные прокурорские органы приходится еще иметь дело и с этой формулой «за неграмотного расписался» и с различной символикой вместо подписи под бумагами, носящими официальный, правовой характер.

Прокурор одной из окраинных республик поставил перед Прокуратурой Союза вопрос, как быть с показаниями, даваемыми в процессе следствия неграмотными свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми. Можно ли допустить, чтобы под этими показаниями ставился оттиск пальцев лица, дающего показания. Какое правовое значение имеет оттиск пальцев вместо подписи под показанием? Товарищ, приславший этот запрос, высказал между прочим мысль, что следовало бы, вообще говоря, из обихода следствия такой способ засвидетельствования своих показаний устранить и отпечатывание оттиска пальцев, вместо подписи, запретить.

При обмене мнений по этому вопросу на оперативном совещании при прокуроре Союза ССР высказывалась мысль, что для достоверности записи показаний неграмотных необходимо было бы ввести в практику вызов грамотных понятых, в их присутствии производить допрос, их подписью подкреплять достоверность записи показаний.

Говорилось также о том, что в тех случаях, когда у суда возникают сомнения в правильности передачи показаний неграмотных, данных ими в процессе следствия, следует практиковать вызов на судебное заседание лиц, снимавших показания.

Мысль А. Я. Вышинского в этом вопросе заключалась в основном в следующем.

К записи показаний неграмотных работники следствия должны относиться с особой тща-

тельностью и добросовестностью, имея в виду, что в случае, когда дающий показания, вследствие своей неграмотности, не может поправить сделанную запись, на следователе лежит сугубая служебная и моральная ответственность за точность записи. Совершенно обязательным должно быть в этих случаях указание следователя о том, что опрашиваемый неграмотен, что записанное ему прочитано и что прочитанное возражений не встретило. Если у неграмотного имеются какие-либо возражения против записи, эти возражения обязательно должны быть следователем записаны и неграмотному прочитаны.

Нужно, однако, иметь в виду, что точность записи показаний неграмотных гарантируется положением следователя, как доверенного лица государства, которому поручается ведение следствия, качеством и добросовестностью его работы и поэтому никаких понятий, специально вызываемых для подкреплений достоверности записи показаний, в этих случаях не нужно. Если же в дальнейшем возникнут какие-либо сомнения в связи с показаниями неграмотных, суд проверит эти показания по существу, прибегнув для этого ко всем тем способам, которые он сочтет необходимыми.

Требовать, чтобы неграмотный под своим показанием сделал оттиск пальцев, следователь, конечно, не может, — никакого правового значения отпечатывание оттиска пальцев в этих случаях не имеет, никакая дактилоскопия в целях установления тождества папиллярных узоров в этих случаях ничего дать не может и это не нужно. Но и изымать из практики нашей работы такой способ подписывания своих показаний методом административных запретов было бы неправильно. К этому должно быть отношение как к обычаю, который сам собою сойдет со сцены вместе с полной ликвидацией неграмотности в нашей стране.

В таком духе оперативное совещание и приняло решение отетить товарищу, поставившему этот вопрос.

С.

## Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

### Осуждение в результате оговора

Линейный суд Московско-Казанской железной дороги 28—29 марта 1934 г. приговорил гр. Саблина Георгия Кузьмича по закону от 7 августа 1932 г. к расстрелу.

Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, определением от 7 апреля 1934 г. заменила Саблину расстрел десятью годами лишения свободы.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Саблин был осужден за то, что, работая помощником начальника станции Хрущево Мо-

сковско-Казанской железной дороги, вошел в преступную связь с вором-рецидивистом Соколовым Александром (осужденным по данному делу), с которым систематически пьянствовал и, зная по документам, в каких вагонах находятся ценные грузы, сообщал об этом Соколову, который и похищал из этих вагонов грузы.

Кроме того Саблин обвинялся в том, что сам лично, совместно с Соколовым участвовал в трех хищениях (мануфактура, сахар и детская обувь), а также и в том, что при появлении на станции сотрудников НКВД сообщал об этом Соколову, который скрывался.

Осужденный Саблин подал жалобу, в которой указал, что он осужден по ложному ого-

вору Соколова. В подтверждение этого Саблин привел следующие факты:

По дороге в лагерь Соколов, севший в одном вагоне с Саблиным, в присутствии других заключенных стал хвастаться, говоря, что несмотря на полную непричастность Саблина к делу, он осужден по его, Соколова, ложным показаниям, которые он дал, потому что хотел отомстить и проучить Саблина.

В лагере по жалобе Саблина было проведено следствие, на котором все допрошенные заключенные (Черных, Гринченко, Стипулев, Савельев) подтвердили показания Саблина, указав, что действительно Соколов говорил, что Саблин осужден по его ложному оговору, что будучи помощником начальника станции, выгнал его со станции и заявлял в НКВД, чтобы его задержали.

По получении приведенных материалов из лагеря было затребовано дело, из проверки которого установлено следующее:

В основу приговора действительно был положен оговор Соколова, который утверждал, что хищения он совершал совместно с Саблиным и что последний указывал ему номера вагонов с ценным грузом и помогал скрываться от сотрудников НКВД.

Косвенное подтверждение показания Соколова получили в показаниях другого осужденного по этому делу — Герасимова, утверждавшего, что «Соколов посещал квартиру Саблина». Однако о посещении Соколовым квартиры Саблина Герасимов показывал со слов того же Соколова.

Другой осужденный по этому делу, Грознов, показывал, что похищенная мануфактура была спрятана около риги, куда была доставлена Саблиным и Соколовым. Однако этот факт известен Грознову опять же со слов Соколова.

Кроме этих показаний Герасимова и Грознова в деле имеются еще показания 2 свидетелей, направленные против Саблина.

Так, свидетель Щербаков (сторож по охране грузов) показал на суде, что Саблин поставил вагон с грузом за семафором для того, чтобы дать возможность Соколову совершить хищение. Однако это показание Щербаков делал на основании того, что вагон был поставлен за семафором, недалеко от которого в будке сидели Герасимов и Соколов. Тот же свидетель Щербаков, указывая на то, что Соколов из будки скрылся от сотрудников НКВД, высказал предположение, что «возможно Саблин мог соблазнить Соколова, так как в будке был телефон».

Наконец, свидетель Игнатов (сигналист блока) показал, что 19 марта 1934 года Соколов его предупредил, что «если придет в будку «партнер», то, чтобы он ему условно позвонил: «просьба исполнена». Когда же Игнатов спросил, кто такой партнер, то Саблин ответил: «Шурка Соколов».

Таким образом, из приведенных данных видно, что осуждение Саблина основано на оговоре Соколова, не подтвержденном объективными обстоятельствами.

Саблину 32 года, на железнодорожном транспорте он работал 13 лет, ранее не судим.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Московско-Казанской железной дороги от 28—

марта 1934 г. и определение транспортной коллегии Верховного суда от 7 апреля 1934 г.

в отношении Саблина Георгия Кузьмича отметить и дело о нем прекратить, освободив Саблина из-под стражи.

## Осуждение в результате плохо проведенного следствия

Приговором линейного суда Октябрьской железной дороги 5 апреля 1936 г. были осуждены по ст. 109 УК: Немойтин Абрам Евсенович и Евсенов Иван Федорович по ст. 109 УК к 4 годам лишения свободы каждый и Романов Георгий Георгиевич к 3 годам лишения свободы.

Помимо указанных лиц по этому делу были осуждены Громов, Потапов, Петынес и Кособров.

Определением транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР от 27 апреля 1935 г. приговор линейного суда Октябрьской железной дороги был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

Большинство предъявленных обвинений Немойтину, Евсенову и Романову материалами дела не подтверждены.

Обвинение Евсенова в незаконном израсходовании фонда премирования в сумме 19 245 руб. бухгалтерской экспертизой не подтверждено. По заключению эксперта видно, что всего выплачено, без согласования с треугольником, 3 830 руб., но даже и эта сумма была выдана Евсеновым по предложению директора фабрики Немойтина.

Оплата кладовщиков ленинградских фабрик за произведенные сверхурочные работы в сумме 9 192 руб. была произведена Евсеновым с ведома и согласия руководителей фабрики. Что же касается неправильного оформления произведенной оплаты счетов (не указаны адреса лиц, получивших деньги и т. д.), то это хотя и является нарушением существующих правил оформления денежных документов, однако, следствием не установлено, что эти счета являются фиктивными и что указанные в них работы не производились.

Обвинение Евсенова в составлении подложной ведомости на 450 руб. материалами дела не подтверждено. Свидетельница Балашева подтвердила, что работу, указанную в ведомости, Евсенов производил и что она, Балашева, действительно расписалась в получении денег. Таким образом считать эту ведомость подложной не было никаких оснований.

Выплата Евсеновым 640 руб. работницам фабрики Кузнецовой и Петрейкиной была произведена за сортировку асбестовых отходов. Показания Балашевой о том, что эта работа не производилась, ничем не подтверждены. Кузнецова и Петрейкина допрошены не были.

В приговоре линейного суда включен ряд обвинений Евсенову и Романову, которые не были предъявлены на предварительном следствии и из материалов дела не вытекали, а именно:

В приговоре суда указано, что в октябре 1934 года при передаче кассы Романовым вновь назначенному кассиру Макееву, Евсенов незаконно оставил в подотчет Романову 7 734 руб., которые тот впоследствии покрыл фиктивными счетами. Это обвинение ни Евсенову, ни Рома-

нову предъявлено не было на предварительном следствии и этот факт не проверялся.

Указание в приговоре линейного суда, что благодаря преступной халатности Евсенова, дебиторская задолженность к марту 1935 года выросла до 1038 тыс. руб., является неосновательным. В деле нет никаких данных, подтверждающих эту сумму дебиторской задолженности. Свидетель Штоф в судебном заседании действительно указал об увеличении дебиторской задолженности. Назвал он сумму в 500 тыс. руб., а не 1038 тыс. руб. Каких-либо иных материалов в деле нет.

Обвинение Романова и Евсенова в подделке подписи директора фабрики Немойтина на денежных документах, представляемых в Госбанк, материалами дела не подтверждено. На предварительном следствии такое обвинение не предъявлялось, и показания Балашевой, на которых основано это обвинение, объективными данными подтверждены не были (не были истребованы подлинные документы).

Следствие по данному делу проведено было поверхностно, не был исследован ряд основных обвинений, предъявленных работникам Ленинградской конццесальной фабрики Немойтину и др.

Так, например, свидетели Рапопорт и Афанасьев (начальник и зам. нач. хвз. мат. отд. дороги) указывали, что в завышении отпускных цен на продукцию фабрики виноват хозяйственно-материальный отдел дороги, что цены утверждались начальником дороги и ЦОХ НКПС (см. прил. приказ НЗ Октябрьской ж. д. от 27/II 1935 г.). Однако это обстоятельство в полной мере не было проверено, и вся вина в установлении нереальных, завышенных цен отнесена на Немойтина и Евсенова.

Ни предварительным, ни судебным следствием, а также и бухгалтерской экспертизой по делу не проверено (несмотря на заявления Евсенова, Романова и др.), поступали ли на фабрику материалы, указанные в оплаченных ими счетах. Хотя проверки не было, но счета признаны фиктивными.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда Октябрьской железной дороги от 5 апреля 1936 г. и определение транспортной коллегии Верхсуда СССР от 27 апреля 1936 г. отменить и дело вернуть в тот же линейный суд на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

## Неправильная квалификация обвинения

14 ноября 1935 г. на барже № 32 с пристани Романовской прибыли в Ростов 7 тракторов (а не 8, как говорится в обвинительном заключении и в приговоре), которые были выгружены на территорию пристани Ростов и подлежали дальнейшей отправке по железной дороге в г. Сталино.

Так как при погрузке этих тракторов на пристани Романовской из 8 тракторов, бывших в расторможенном состоянии, один трактор вместо баржи попал в Дон, остальные 7 тракторов были грузоотправителем уже на барже сильно заторможены.

23 ноября 1935 г. были поданы к пристани 2 железнодорожные платформы для погрузки

тракторов. Дежурный диспетчер Латошников для погрузки этих тракторов направил бригаду грузчиков в 66 чел., которая справиться с этой задачей не смогла, так как тракторы были заторможенными. Об этом Латошников доложил Тенькову; последний, как он объясняет, во избежание простоя платформ, распорядился направить на погрузку этих тракторов стахановскую бригаду Рафальянца в 11 человек, которая по его словам «эти тракторы на руках погрузить». Диспетчер Латошников выполнил распоряжение Тенькова.

Стахановская бригада Рафальянца вследствие того, что тракторы были заторможенными и стояли в котловане, в грунте, не могла погрузить их. Когда об этом сообщили Тенькову, он заявил: «Вы стахановцы только на легкой работе». В результате стахановская бригада бесцельно провозилась над погрузкой тракторов 6 часов, и 2 платформы непроизводительно простояли это время.

После этого по распоряжению вызванного грузоотправителя тракторы были расторможены и погружены на платформы.

Суд расценил такую нераспорядительность Тенькова (не распорядился сам растормозить тракторы), приведшую к непроизводительной работе стахановской бригады, как дискредитацию стахановского движения и 21 января 1936 г. приговорил Тенькова по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы, а кассационная коллегия Верховного суда РСФСР определением своим от 15 февраля 1936 г. приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза, считая оценку действия Тенькова и их квалификацию судом неправильной, опротестовала приговор по следующим основаниям.

Суд ставил Тенькову в вину то, что он дал распоряжение грузить тракторы, не дав предварительно распоряжения растормозить их; между тем из материалов дела (показание механика Иванова) видно, что самое расторможение довольно сложно, что Тенькову, как не специалисту, разрешать такой вопрос нельзя было, что грузоотправитель этих тракторов не доверял посторонним расторможение их, а вызвал для этого своего специалиста — тракториста.

Если даже стать на точку зрения суда и признать действия Тенькова неправильными, их можно было отнести за счет незнания их дела погрузки тракторов, за счет спешки, имевшей место в те дни на пристани ввиду начавшегося замерзания Дона, но никак нельзя было их связать с умышленной дискредитацией стахановской бригады.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила преступление Тенькова Ивана Семеновича переqualифицировать со ст. 109 на ст. 111 УК и наказание ему определить 1 г. лишения свободы и из-под стражи Тенькова освободить, считая неотбытый срок заключения условным с испытательным сроком в 1 год.

## Неправильное применение условного осуждения

28 апреля 1936 г. во время стоянки в порту Баку буксирного парохода «Мгла» механик этого судна Кудряшев отправился к себе на

квартиру, где совместно с пришедшим к нему первым помощником механика парохода «Мгла» Матюниным распил 2 литра вина и 1 литр водки, отчего они оба охмелели.

Из квартиры Кудряшева Матюнин отправился на судно, где сменил на вахте второго помощника механика Савушкина. Последний, сменившись, пошел на квартиру к Кудряшеву, который и с ним пил спиртные напитки. Вслед за этим Кудряшев пришел на пароход «Мгла», где снова пил водку совместно с Матюниным.

Пьянствовали в этот день и другие работники парохода «Мгла». Судебным приговором установлено, что из всего экипажа судна в 18 человек были трезвы лишь капитан, его старший помощник и боцман, все остальные были в различной степени пьяны.

В машинном отделении нес вахту в состоянии сильного опьянения кочегар Названов, которого по этой причине вахтенный механик Савушкин сменил с вахты. Названов, нецензурно обругав Савушкина, бросился в море и поплыл к берегу. Капитан парохода «Мгла» лишен был возможности, ввиду указанного состояния команды, объявить обязательную в данном случае шлюпочную тревогу для спасения утопающего и обратился за помощью к стоявшему рядом у пристани другому пароходу. Названов отклонил предложенную ему помощь и утонул.

В указанный день, 28 апреля 1936 года, вследствие поголовного опьянения судовой команды, пароход «Мгла» имел простой в 10 час. 30 мин.

Приговором бассейнового суда 20 июня 1936 г. были осуждены: Кудряшев — к 1 г. 6 мес. лишения свободы, Матюнин — к 2 годам лишения свободы, оба без поражения в правах. Водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР 10 июля 1936 г. определила считать назначенное судом наказание условным в отношении обоих осужденных.

Прокуратура Союза опротестовала определение водно-транспортной коллегии по следующим основаниям:

1. Осужденные Кудряшев и Матюнин, являясь лицами старшего командного состава на судне, своим поведением 28 апреля 1936 г. и неоднократно до этого подавали команде парохода пример грубого нарушения дисциплины, что в указанный день, 28 апреля 1936 г., привело к тяжелым последствиям — гибели кочегара Названова и длительному простоя судна.

Осужденный Кудряшев неоднократно в 1934—1935 гг. и в предыдущие годы подвергался дисциплинарным взысканиям за пьянство, а осужденный Матюнин за аналогичное преступление был уже однажды судим и приговорен 13 октября 1935 г. водно-транспортным судом к 1 году и-т. работ условно. До истечения испытательного срока по этому приговору водно-транспортная коллегия Верховного суда вторично назначила Матюнину условное наказание.

При таких обстоятельствах осужденные Кудряшев и Матюнин заслуживают безусловного лишения свободы.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение водно-транспортной коллегии от 10 июля 1936 г. отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение в ином составе.

## Неправильное осуждение

Приговором линейного суда Самаро-Златоустовской железной дороги гр. Чернышев Михаил Федорович, бывший бухгалтер здравобъединения, а впоследствии поликлиники в г. Уфе за злоупотребления и растрату по ст. 109 и ч. 2 ст. 116 УК был осужден к тюремному заключению сроком на 5 лет.

Коллегия по транспортным делам Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Сущность преступления Чернышева, признанного линейным судом Самаро-Златоустовской железной дороги доказанным, заключается в том, что он, состоя в должности бухгалтера поликлиники в г. Уфе, присвоил и обратил в свою личную пользу 101 р. 53 к. денег, подлежащих выдаче уходящей в трудовой отпуск гр-ке Ивановой; обманным путем извлек документы на сумму 963 р. 33 к., провел их по кассовой книге поликлиники, вторично выписал на эту сумму чек и деньги в сумме 963 р. 33 к. присвоил; выписал чек на 3 626 р. 27 к., из этих денег уплатил врачу Копылову 626 р. 27 к., а 3 000 р. обратил в свою пользу.

Чернышев на предварительном и судебном следствии категорически отрицал свою виновность и указывал, что эти преступления совершены его подчиненной Петровой. Чернышеву не поверили и осудили его.

Вместо Чернышева была назначена Петрова. За короткий период времени своей работы Петрова путем подлогов похитила 20 000 руб. и скрылась.

Расследованием было установлено, что методы преступлений Петровой совершенно аналогичны с теми случаями хищений, за которые был осужден Чернышев.

Принимая во внимание, что приписанные Чернышеву преступные операции проходили через руки Петровой, утверждение Чернышева, что он невиновен и преступление совершено Петровой, становится очень правдоподобным.

Считая, что в данном деле при осуждении Чернышева была возможна судебная ошибка, Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза и приняв во внимание, что в процессе следствия и суда в отношении Чернышева, вопрос о Петровой не рассматривался, что с раскрытием преступлений Петровой, обвинительный материал в отношении Чернышева становится сомнительным и что поэтому необходимо его проверить, постановила определение транспортной коллегии от 25 марта 1935 г. отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

## Неправильное прекращение в подготовительном заседании дела о злостном хулиганстве

25 июня 1936 г. мастер литейного цеха в Новосибирском затоне Западносибирского речного пароходства Гоняев Григорий Иванович во время совместной выпивки с группой

рабочих, затеяв спор с одним из присутствующих Южаниным, ударил его кулаками по глазу. Южанин сейчас же после этого ушел. За ним побежал Гоняев и, догнав его, стал наносить ему удары и свалил его с ног, а затем и сам был свален на землю Южаниным. Присутствующий при этом свидетель Греков разнял их и увел Гоняева.

Гоняев побежал к дому, в котором проживает Южанин, и стал стучаться к последнему, угрожая, что его убьет, и размахивал при этом имеющимся при нем столовым ножом. Находившаяся в коридоре жена Южанина сказала ему, что Южанина дома нет и, выбежав на улицу, стала просить собравшихся на шум отобрать у Гоняева нож. Узнав, что это жена Южанина, Гоняев бросился за нею по коридору и нанес ей несколько ударов кулаком в бок и по спине. Южанина побежала в пожарное депо, следом за ней гнался Гоняев с криком: «запорою», по дороге нож у него выпал, а он сам упал в яму, затем, увидя, что ножа нет, бросился за своей женой, унесшей нож.

Гоняев за эти хулиганские действия был привлечен в качестве обвиняемого по ст. 74 ч. 2 УК, и дело следователем было передано в ВМТС Западносибирского бассейна.

Суд в подготовительном заседании 14 июля 1936 г. постановил дело в уголовном порядке прекратить, направив материал для рассматривания в производственно-товарищеский суд Новосибирского затона.

Суд мотивировал прекращение дела тем, что в действиях Гоняева нет признаков преступления по ст. 74 ч. 2 УК, а есть лишь поступок — нанесение побоев Южаниной.

Прокуратура Союза опротестовала постановление суда о прекращении дела в уголовном порядке по следующим основаниям:

Суд оставил без обсуждения хулиганские действия Гоняева, учиненные им в отношении Южанина, между тем, по материалам дела не было оснований расценивать происшедшее между Гоняевым и Южаниным, как обоюдное нанесение побоев; никаких личных счетов у них не было. Гоняев ударил Южанина без повода, и хотя последний ушел, продолжал за ним гнаться и, догнав, опять стал избивать.

Это буйство упорно не прекращалось, хотя от Гоняева вторично уведи Южанина. Все поведение Гоняева в дальнейшем: его стуки в двери квартиры Южанина и угрозы ножом, его поведение в отношении жены Южанина, несмотря на все попытки окружающих граждан прекратить это хулиганство, свидетельствуют именно о том, что со стороны Гоняева имело место не простое нанесение побоев Южаниной, а злостные хулиганские действия.

Суд оставил без внимания два обстоятельства: 1) что Гоняев был вооружен ножом, открыто угрожал им и, только благодаря вмешательству граждан, нож был забран у него, 2) что жена Южанина имела шестимесячную беременность и ей была после побоев Гоняева оказана помощь в больнице. Эти обстоятельства являютсяотягчающими и поэтому обвинение Гоняева было правильно квалифицировано ст. 74 ч. 2 УК.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила постановление подготовительного заседания отменить и дело возвратить в суд для рассмотрения в судебном заседании.

## Неправильное прекращение дела

12 июня 1936 г. пароход «Як. Свердлов», имея на борту пассажиров и груз, при переходе с пристани Тобольск к левому берегу Иртыша для погрузки топлива в 6 ч. 5 м. потерпел аварию с котлами, вследствие выпуска воды из одного из них. Убытков от аварии было понесено 37 000 рублей, человеческих жертв не было.

В процессе предварительного следствия было установлено, что выпуск воды из котлов на этом пароходе в навигацию 1936 г. имел место и до аварии — 29 мая и 11 июня — накануне аварии, причем пожар котлов не последовал, лишь благодаря своевременно принятым мерам (выгребки жара из топок).

Однако мер к недопущению этого впредь не было принято. На пароходе среди команды отсутствовала надлежащая трудовая дисциплина. Младшая команда была технически недостаточно грамотна и недостаточно знакома с судовыми механизмами и уходом за ними.

Вода была упущена из одного котла, однако, это повлекло пожар и второго котла в результате неисправности и дефекта в механизме, отчего нельзя развести котлы.

Виновниками аварии являлись: 1) механик парохода Ревягин, 2) первый помощник механика Залого, в обязанность которого входило непосредственное наблюдение за котлами, причем в момент аварии от сдавал вахту, 3) масленщик Самусевич, упустивший воду из котла, несмотря на данное ему задание наблюдать за уровнем воды в котлах.

Приказом начальника Нижнеиртышского пароходства от 17 июня 1936 г. были подвергнуты дисциплинарному взысканию капитан парохода Петров, указанные выше Ревягин и Залого и некоторые другие работники из команды парохода; что же касается масленщика Самусевича, то в отношении его было возбуждено уголовное преследование и он один прокурором Нижнеиртышского речного бассейна был предан суду по ст. 59<sup>а</sup> УК.

Водно-транспортный суд Нижнеиртышского бассейна, рассмотрев дело в подготовительном заседании от 28 августа 1936 г. и усматривая, что основными виновниками аварии являются Ревягин и Залого, которые уже понесли дисциплинарную ответственность, и что наблюдение за котлами было незаконно возложено на масленщика Самусевича, поскольку это в его обязанности не входило, постановил дело по обвинению Самусевича на основании ст.ст. 4 и 5 УПК производством прекратить.

Имея в виду, что это определение суда неправильно и противоречит установленному по делу факту, что авария произошла по причине выпуска воды из котла, а наблюдение за уровнем воды в котлах было поручено Самусевичу и он обязан был выполнять все служебные распоряжения вахтенного механика, Прокуратура Союза опротестовала решение подготовительного заседания водно-транспортного суда.

Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила отменить постановление подготовительного заседания водно-транспортного суда Нижнеиртышского бассейна и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия с привлечением Ревягина и Залого к уголовной ответственности.

## Неправильный приговор, как несоответствующий по суровости содеянному преступлению

Приговором народного суда 8 участка г. Сталинграда от 21 января 1936 г. в числе других был осужден по ст. 109 УК к 7 годам лишения свободы Бабкин Илья Артемович.

28 марта 1936 г. приговор был утвержден кассационной коллегией Сталинградского краевого суда.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Бабкина по следующим основаниям:

По приговору суда вина Бабкина заключается в том, что, являясь директором лесотаски Наркомсвязи за время с 14 ноября 1934 г. по 29 октября 1935 г., он уделял внимание больше своим личным делам, держал себя с рабочими и служащими, подчиненными ему, свысока, «по-диктаторски», кричал на рабочих и без повода увольнял их с работы; под видом заботы о производстве устроил комбинацию с покупкой сена. Комбинация эта выразилась в том, что Бабкин незаконно, без фондов отпустил колхозу им. Ворошилова 100 кубометров леса в обмен на сено для производства и рабочих, рабочим 30 тонн и производству 40 тонн, с таким расчетом, что он давал возможность получения наличных денег, в результате чего деньги, собранные за сено, — 1 476 руб., попав в руки Телегина, были им (Телегиным) присвоены.

Бабкин перед своим увольнением, «пытаясь покончить расчеты с колхозом», написал колхозу два счета на 2 057 руб. «имея намерение через Телегина эти деньги получить, но время не позволило». Расчет с колхозом за сено и лес остался произведенным.

Бабкин, «занимаясь устройством личных дел амурного характера», использовал в личных целях автомашину — поехал в г. Ленинск, вместе с гр-кой Цитович, с которой Бабкин сожительствовал. Кроме того Бабкин провез на этой машине пассажиров и получил у них за провоз 220 руб. Присвоив 70 руб., полученных через шофера Филипченко от горпо за пользование машиной, Бабкин заставил шофера Филипченко отдать ему, Бабкину, 50 руб., полученных на ремонт аккумулятора. Бабкин «под видом в долг» несколько раз брал деньги у Филипченко и этих денег не возвращал; в сентябре 1935 г. Бабкин «неизвестно с какой целью» забрал у кассира 20 000 руб., привезенных им для расплаты с рабочими, и увез к себе домой. Бабкин утром деньги привез и раздал рабочим.

Как видно из имеющейся в деле справки, начальник конторы сообщения Управления связи разрешил выдать колхозу 300 кубометров леса. По делу решительно ничем не установлено, что Бабкин на операциях с сеном извлек какую бы то ни было личную выгоду. За то, что собранные от продажи сена деньги украл Телегин, Бабкин не может нести уголовной ответственности.

Обвинение Бабкина в попытке присвоить 20 000 руб. решительно ничем не доказано. По делу установлено, что деньги (20 тыс. руб.) для расплаты с рабочими были привезены вечером. Так как списки рабочих готовы еще не были, сдавать эти деньги было уже поздно, то Баб-

кин, ни от кого не скрывая и боясь деньги оставить в конторе, увез их к себе домой, а утром роздал их рабочим. Нет ни прямых, ни косвенных доказательств для вывода, что Бабкин эти деньги хотел присвоить.

Нужно считать установленным, что Бабкин разрешил провоз пассажиров на автомашине, принадлежащей лесотаске, а деньги, взятые у пассажиров за проезд (200 рублей), присвоил, и то, что он, Бабкин, как это видно из приказа по Сталинградскому управлению связи, «развалил трудовую дисциплину», создал склоку и нарушил финансовую дисциплину, незаконно увеличивая ставки работников лесотаски.

За эти преступления Бабкин должен нести ответственность, однако избранное судом наказание явно чрезмерно и не соответствует ни содеянному, ни личности обвиняемого Бабкина, в прошлом никогда не судившегося и выдвинутого на ответственную хозяйственную работу комсомолом, и Бабкину должно было быть назначено наказание, не связанное с лишением свободы.

Коллегия по уголовным делам Верховного РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила назначить Бабкину наказание в один год и-т. работ на общих основаниях с зачетом времени, проведенного им в заключении, и в соответствии со ст. 29 УК за отбытием наказания из-под стражи освободить.

## Неправильное применение ст. 145 УК РСФСР

17 сентября 1935 г. линейный суд Сталинской железной дороги приговорил гр. Землянского по ст. 145 ч. 2 УК УССР к 3 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР 5 октября 1935 г. приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор и определение транспортной коллегии в отношении Землянского по следующим основаниям:

Ст. 145 УК УССР предусматривает доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, до самоубийства или покушения на него.

В данном случае покончивший самоубийством бригадир Гамаец ни в какой зависимости от Землянского не находился. Наоборот, Землянский, работая в бригаде Гаманца рядовым медником, был его подчиненным.

Следовательно, ст. 145 ч. 2 была применена неправильно.

Землянский, как установлено предварительным и судебным следствием, распространял слухи о вредительских действиях Гаманца и написал об этом письменное, заведомо ложное заявление в местком.

Действия Землянского должны быть квалифицированы не по ст. 145 ч. 2 УК УССР, а по ст. 88 УК УССР, т. е. как заведомо ложный донос.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила преступление Землянского Петра Михайловича переквалифицировать на ст. 90 УК УССР, наказание ему определить в 1 год и-т. работ и освободить его из-под стражи.

В счет этого наказания зачесть срок, отбывтый Землянским в заключении, и считать приговор исполненным.

# По союзным республикам

## Поход им. VIII съезда советов

С огромным подъемом обсуждала наша великая родина проект сталинской Конституции, ставшей в настоящее время основным законом нашего Союза.

Каждый коллектив работников нашего неоглятного Союза сделает все возможное, чтобы встретить VIII съезд советов новыми победами, повышением качества своей работы.

Коллектив работников прокуратуры г. Саратова также включился в производственный поход к VIII съезду советов и взял на себя следующие обязательства:

1. Организовать образцовую постановку работы по приему и обслуживанию посетителей, обращающихся в прокуратуру; чутко и внимательно относиться к рассмотрению жалоб и заявлений трудящихся, не допуская ни одного случая волокиты и поверхностного рассмотрения жалоб.

2. Силами оперативных работников организовать на заводах и предприятиях консультации, приемы и рассмотрение жалоб.

3. В целях улучшения работы с общественностью организовать ряд групп содействия прокуратуре с максимальным привлечением членов групп содействия к работе прокуратуры.

4. Образцово организовать работу по связи с печатью, не оставляя без расследования ни одной газетной заметки и не допуская затяжки расследования по сигналам печати.

5. Еще более повысить производительность в работе, бороться с разгильдяйством и строжайше соблюдать государственную дисциплину.

Наряду с этим имея в виду, что «следствие— это краеугольный камень судебной работы» (Вышинский), коллектив г. Саратова принял на себя обязательство притти к VIII съезду советов с лучшими показателями следственной работы. При этом группа народных следователей Саратовского края: т. Борисов—г. Вольск, т. Мазаев—Аткарский район, т. Калинин—Черкасский район и т. Бескровный—Тамалинский район обратились ко всем следователям Саратовского края с предложением объявить себя ударниками и включиться в соцсоревнование, приняв на себя следующие обязательства:

1. Заканчивать в месяц не менее 8 дел. В это количество включать как дела, законченные с обвинительным заключением, так и ту часть прекращенных дел, основанием для возбуждения которых являлись действительно серьезные поводы.

Заключение по вопросу о том, основательно ли возбуждалось расследование, дается следственным отделом прокуратуры края.

2. Проводить следствие так, чтобы ни одно дело не было прекращено или направлено на доследование подготовительным заседанием суда.

3. Охватить расследованием всю категорию дел по преступлениям, перечисленным в ст. 108 УПК.

Дела о должностных преступлениях расследовать своими силами все без исключения.

4. Добиться окончания расследования в сроки: до 10 дней не менее 60%, в срок до 1 мес. не более 40%.

5. Все отдельные требования выполнять в срок не свыше 10 дней.

6. Учитывать прохождение каждого дела, находившегося в расследовании, вплоть до приведения приговора в исполнение.

7. По каждому следственному делу составлять план расследования.

8. Иметь каждому следователю соцсовместителя и привлекать его к участию в расследовании не менее чем по 20% дел.

9. Не допускать ни одного процессуального нарушения при расследовании и культурно оформлять дело.

10. Сдать все требуемые зачеты по заочному Правовому институту в сроки, установленные Институтом.

11. Регулярно прорабатывать все материалы, публикуемые в журнале «За социалистическую законность» и «Советская юстиция».

12. Начать с 2 ноября занятия по русскому языку с расчетом сдать к 1 июня 1937 г. зачет по русскому языку за полную среднюю школу.

13. Написать не менее двух, освещающих вопросы борьбы с преступлением заметок в месяц в районную газету.

14. Прочитывать в месяц не менее двух произведений художественной литературы.

Мы выражаем надежду, что эти обязательства не останутся на бумаге, что принявшие их на себя товарищи будут по-большевистски драться за их выполнение.

Мы ждем сообщений о ходе реализации этих обязательств.

## Дальневосточный край

На имя прокурора Союза т. Вышинского поступила следующая телеграмма из Хабаровска, где в декабре 1936 г. проходило совещание работников военных прокуратур Дальневосточного края:

«Объединенное совещание военных прокуратур Дальневосточного края шлет вам, своему руководителю, большевистский привет. Великая сталинская Конституция возлагает на нас громадную ответственность за охрану прав и свободу трудящихся, за укрепление трудовой и воинской дисциплины, соблюдение социалистического закона в борьбе со всеми врагами народа. Мы заверяем, что сделаем все, чтобы оправдать ваше обещание VIII съезду советов, что органы прокуратуры свой долг перед родиной выполнят. Да здравствует сталинская Конституция! Да здравствует наш великий вождь и учитель товарищ Сталин!».

Малкис, Кузнецов.

## Верхневолжский бассейн

Речь прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского на Чрезвычайном VIII съезде советов побуждает меня как одного из работников

ков прокуратуры откликнуться на требования, которые ставит перед нами наша новая великая сталинская Конституция в борьбе с врагами партии и советской страны.

Недавно состоявшийся процесс над главарями троцкистско-зиновьевской банды в Москве и процесс в Новосибирске вскрыли всю подноготную фашистского лица троцкистов как диверсантов, вредителей и подлых убийц, убивших верного сына народа т. Кирова, губивших удушливыми газами шахтеров в Кемерове, готовивших злодейское убийство вождя народов СССР и трудящихся всего мира товарища Сталина и ближайших его соратников.

Смычка троцкистско-зиновьевской банды с фашизмом была неизбежной, ибо «империалистический мир не заинтересован в том, чтобы СССР стал на ноги и получил возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны. Отсюда его помощь силам старого мира СССР» (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 527).

Именно эту позорную роль выполняли троцкисты в борьбе с нашей партией, в борьбе с советской властью. Ход событий показал, что враги партии и народов СССР просчитались, им не удалось повернуть вспять колесо истории. Социализм победил.

Товарищ Сталин еще на XVII съезде партии указал, что: «Существование большевистского наступления состоит, прежде всего, в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов нашей страны» (там же, стр. 533).

Это указание вождя вдохновляло трудящихся Советского союза на разоблачение врагов социализма и беспощадную борьбу с ними.

Немалая заслуга по выкорчевыванию враждебных элементов принадлежит и работникам прокуратуры, высоко державшей знамя социалистической законности.

Поэтому не случайно, сталинская Конституция отводит особое место прокуратуре в системе диктатуры пролетариата на современном этапе социалистических побед.

Мы еще с большей энергией и готовностью должны выполнить ту почетную роль, которая отведена нам основным законом нашей родины, и оправдать заявление нашего прокурора Союза т. Вышинского VIII съезду советов — и впредь высоко держать знамя социалистической законности, беспощадно разить врагов народа, троцкистско-зиновьевское отребье, пытающееся поднять свою подлую руку на завоевания народа.

М. Метелев

(Пом. прокурора Верхневолжского бассейна).

## Прокуратура Караганды в борьбе за уголь

Караганда — молодой город. Шахты Караганды еще далеко не развернули всю свою мощь. И прокуратура Карагандинская также молодая.

Все это дает право требовать от прокуратуры Караганды особо живой и особо боевой деятельности.

Но это же возлагает и особую ответственность на областные органы, которые должны руководить этой молодой прокуратурой.

К сожалению, не со всеми задачами, которые стоят перед прокуратурой Карагандинского бассейна, она одинаково справилась, и не на всех участках она была настойчивым борцом за социалистическую законность.

Шахты Караганды уже несколько лет как стали нормально работающими социалистическими предприятиями с социалистической организацией труда.

Такое положение шахт не дает больше права объяснять те или другие недостатки на производстве состоянием строительства.

Прокуратура осталась в стороне. Прокуратура не сумела использовать свой актив, не сумела взять от него материал и ударить по срывщикам стахановских методов работы.

Вопросы техники безопасности неразрывно связаны с стахановским движением, когда каждый рабочий должен чувствовать, что его труд охранен и является особо значимым в условиях шахт.

Положение с техникой безопасности в Караганде крайне ненормально.

Несмотря на это, прокуратура г. Караганды не только не использует всех возможностей, имеющихся в ее распоряжении, по борьбе с безобразным отношением к технике безопасности рабочих, но часто даже не знает о происходящих несчастных случаях.

Насколько недостаточно Карагандинская прокуратура проводила борьбу с нарушениями техники безопасности, видно также из того, что даже отдельные несчастные случаи из тех, которые стали известны прокуратуре до начала каких-либо следственных действий, крайне залеживались, а иные совсем не получают никакого движения.

К технической экспертизе следователи не прибегают, несмотря на то, что целый ряд несчастных случаев произошел в очень сложной обстановке, когда обвиняемые, отрицали свою виновность, и требуется серьезная техническая экспертиза, правильно объясняющая положение, при котором произошел несчастный случай.

Ни одного дела, проведенного открытым следствием, нет.

Ни по одному делу не видно, чтобы во время следствия чувствовалась попытка выяснить более глубокие причины и общие условия работы данного агрегата, приведшие к конкретному несчастному случаю.

Привлекаются и осуждаются, в основном, — второстепенные виновники.

Во время судебных процессов неправильное привлечение к ответственности лиц, не являющихся основными виновниками в происшедших несчастных случаях, не только не исправилось, а в отдельных случаях даже усугубилось.

Помимо непосредственной следственно-судебной работы по делам о технике безопасности, прокуратура предпринимала также ряд мер предупредительного порядка.

В результате обследования шахты им. Кирова горно-технической инспекцией был обнаружен ряд нарушений правил техники безопасности. Предписаний горно-технической инспекции шахтоуправление не выполняло. Прокуратура написала письмо управляющему трестом, в котором потребовала устранения нарушений

и паложения на виновных взысканий за игнорирование предписаний горно-технической инспекции. В итоге на заведующего шахтой и его заместителя было наложено взыскание, а помощник главного инженера был снят с работы. В этом факте важно то, что прокуратура, направив письмо, настойчиво следила за выполнением своих требований.

Обвалившимся коржем угля был легко ранен бригадир стахановской бригады Ракишев. Проверкой было установлено, что несчастный случай произошел из-за того, что бригада работала в недостаточно закрепленном пространстве, потому что не было необходимого количества крепильщиков. Прокуратура потребовала от управления треста обеспечения работ достаточным количеством крепильщиков.

Все эти положительные моменты в работе прокуратуры Караганды за технику безопасности имеют особое значение потому, что преобладающее количество работников прокуратуры является молодыми прокурорскими работниками и никакого руководства по вопросам техники безопасности прокуратура г. Караганды со стороны областной прокуратуры не имела.

Ни одного раза городская прокуратура не вызывалась в область с докладом о проделанной работе по промышленности, хотя Карагандинская прокуратура является ведущей в области.

В какой мере поверхностно было отношение областной прокуратуры к руководству Карагандинской прокуратурой, видно из следующего документа: пом. областного прокурора Аришкина, обследовавшая работу Карагандинской прокуратуры, в своем докладе пишет: «Прокуратура наладила повседневную живую связь с горно-технической инспекцией. По каждому несчастному случаю последняя своевременно сообщает в прокуратуру». Так, обследовавший областной прокурорский работник во что бы то ни стало старается показать, что все обстоит благополучно, хотя дело обстоит далеко не благополучно.

Областная прокуратура не только не руководила и не помогала городской прокуратуре в борьбе за технику безопасности, но в отдельных случаях даже мешала правильному проведению работы.

19 марта в шахте произошел тяжелый несчастный случай. При расследовании выяснилось, что зав. Кучин и главный инженер Налетов неоднократно допускали нарушение правил техники безопасности. 1 мая, в момент проведения расследования, дело было областной прокуратурой изъято и 19 июня, т. е. через полтора месяца, возвращено, но так как Налетов за это время уехал в отпуск, дело следствием не могло быть закончено.

25 апреля в вентиляционном здании шахты был обнаружен труп мотористки. Расследование выяснило, что смертельный случай произошел из-за отсутствия резиновых перчаток. Были привлечены к ответственности зав. шахтой и главный механик. Ввиду возражения управления треста о предании суду, дело было направлено в областную прокуратуру, где оно пролежало 20 дней и, когда вернулось из областной прокуратуры, следствие не могло быть продолжено за отсутствием обвиняемого.

Главный инженер обогатительной фабрики Русецкий виновен в смертельном случае с ра-

бочим. Русецкий был осужден к двум годам лишения свободы. Кассационная коллегия областного суда приговор утвердила. Дело было затребовано областной прокуратурой, с признанием исполнением приговора, и в течение четырех месяцев приговор в исполнение не приводился.

Несмотря на то что в Карагандинском бассейне сосредоточена особо высокая техника, есть большое количество квалифицированных инженерно-технических сил, и вопросы рабочего изобретательства имеют особое значение, борьбы за рабочее изобретательство нет. За 1935 и 1936 гг. ни одного дела по изобретательству в прокуратуре г. Караганды не проходило и работники прокуратуры даже не знали о существовании организации ВОИЗ.

Борьба за качество угля абсолютно выпала из поля зрения Карагандинской прокуратуры. Ни одного дела за 1935 и 1936 гг. по качеству продукции прокуратурой не расследовано и в суде не заслушано. Городской прокурор даже не знает о существовании инспекции по качеству. При проверке материалов в инспекции по качеству выявилось, что в городскую прокуратуру было переслано несколько материалов по качеству продукции, и никаких следов в прокуратуре о каких-либо действиях по этим материалам нет.

В борьбе за своевременную выдачу зарплаты Карагандинская прокуратура ввела хороший порядок. В конце каждого месяца, за пару дней до истечения законного срока выплаты зарплаты, прокуратура запрашивает местные предприятия о том, есть ли у них задолженность по зарплате и о причинах образования этой задолженности. Такой порядок дает возможность прокуратуре своевременно быть информированной о положении с зарплатой и своевременно принять меры к ликвидации задолженности.

Карагандинский угольный бассейн как промышленный центр по сравнению с другими районами, более насыщен промышленными товарами. Благодаря этому в Караганде устремляются для скупки товаров спекулянты из ряда других городов Казахстана и Сибири. В связи со слабостью работы милиции в г. Караганде и специфическим населением спекуляция достигла здесь довольно больших размеров.

В судебной политике в отношении спекулянтов вначале были допущены явные извращения. Так, осудив по отдельным делам спекулянтов Алыбегарова, Сексымбаева, Лолахтываева, Альжанова, признав их виновными по ст. 107, суд применил к ним ст. 53, а в одном случае даже предложил вернуть изъятые у обвиняемых деньги. По этим делам были принесены протесты, которые были все удовлетворены.

Сроки расследования по этим делам очень длительны, по отдельным делам — свыше месяца (Артюнов, Житников); слушание в суде дел также крайне волокитно. Из 7 дел 5 были заслушаны в срок свыше одного месяца.

Карательная политика в отношении спекулянтов в настоящее время соответствует указаниям Прокуратуры Союза. Но все же дела о спекуляции, прошедшие в течение 1936 г., в своем большинстве не охватывают крупных спекулянтов. Преобладающее количество привлеченных — это мелкие спекулянты.

В условиях Караганды, где аппарат промышленно-торговой организации имеет особую закоренность, борьба с растратчиками приобретает особую значимость. В течение 1934 г. только по системе рабочего снабжения было расхищено ценностей на сумму около 1 млн. руб. За 1935 г. по бассейну было растрчено 393 714 руб. и за первый квартал 1936 г. — 54 368 руб. В связи с таким положением прокуратура Караганды развила большую энергию в борьбе с растратчиками: за 1936 г. было заслушано 40 дел по растратам, из них преобладающее большинство было возбуждено прокуратурой и проведено следствие следователями. По всем делам о растратах, при передаче дел в суд, прокурорами составлялись заключения по этим делам. Почти все дела прошли подготовительные заседания с участием прокуроров, но до конца эту работу прокуратура не провела.

Сроки расследования крайне длительны. Большое количество дел в следствии больше месяца. Сроки слушания в суде также крайне длительны. Все дела слушались в камерном порядке. Только в восьми процессах участвовали прокуроры. Принесено прокуратурой по делам о растратах всего четыре протеста.

А в результате, несмотря на то, что почти все дела квалифицируются по ст. 116 УК, ни материалами предварительного следствия, ни судебного в большинстве дел растраты осужденными не доказаны. По отдельным делам следствие сводится к акту ревкомиссии и допросу обвиняемого.

Не совсем хорошо в Карагандинской прокуратуре обстоит и с массовой работой. Прокуратура проделала очень большую работу по организации своего актива. Но весь центр тяжести был перенесен на сельскую местность, в результате из 22 групп содействия прокуратуре на шахтах только 6 — это при том, когда почти вся работа прокуратуры сосредоточена и должна быть сосредоточена в промышленности. В результате в прокуратуру поступают довольно многочисленные сигналы от активистов, но все они из сельской местности и абсолютно нет сигналов с шахт.

Все недостатки в работе Карагандинской прокуратуры являются исключительно результатом недостаточной квалификации молодых работников прокуратуры. Но проделанная работа дает право делать вывод, что хотя эти работники недавно пришли в прокуратуру и являются молодыми кадрами казахских органов юстиции, но они хотя по-настоящему работать и сумеют по-настоящему работать. Надо только, чтобы областная прокуратура и прокуратура Казахстана помогали Карагандинской прокуратуре, систематически руководили ею, а не только посылали прокуроров «гастролеров», которые свою роль и помощь ограничивают собиранием материалов и писанием успокоительных докладов.

А. Красносельский

## Больше внимания к районным работникам юстиции

Новая сталинская Конституция есть символ победы как в области укрепления диктатуры пролетариата, так и в области развернутого социалистического строительства.

Нам, работникам органов юстиции, работающим на местах, особенно понятен этот основной закон, так четко и ясно написанный, со всей сталинской мудростью.

Статьи 112 и 117 Конституции указывают, что суд и прокуратура в своей деятельности независимы от местных органов. Эти права одновременно возлагают на нас исключительную большую ответственность. С принятием новой Конституции совершенно исключается всякая ссылка прокурора или народного судьи на то, что он провел то или иное дело под влиянием местных организаций, а этим аргументом в настоящее время кое-кто еще пользуется, для того чтобы переложить с себя ответственность за те или другие недостатки в работе.

Не следует доказывать, что суд и прокуратура, кроме своей карательной политики, проводят и огромную воспитательную работу. Совершенно понятно, что для этого требуются в первую очередь кадры, люди, способные организовать и проводить воспитательную работу, об этом мы скажем ниже, но кроме этого требуется помещение и не кое-какое, а чистое, светлое, побеленное, требуется, чтобы на окнах были шторы или занавески, чтобы было достаточно мебели, были портреты, лозунги, бак для кипяченой воды. Все это как будто бы мелочь, но эта мелочь на данном этапе совершенно необходима, потому что культурные навыки возросли, а нам плестись в хвосте совсем некстати.

Читатели могут удивиться и спросить, неужели до сего времени Аткарский суд и прокуратура этих совершенно необходимых и элементарных предметов для нормальной работы не имеет? На это мы можем сказать, что район, имеющий свыше 50 тысяч населения, — район городского типа, а здание суда и прокуратуры до сего времени еще не приведено в порядок, хотя и стоит оно на главной улице, и это потому, что крайисполком показывает на райисполком, райисполком на горсовет, а горсовет на крайисполком и получается «семь няnek, а дитя без глазу». А ведь больше посетителей рабочих, колхозников, служащих ни в одном из учреждений в районе не бывает, как в районном суде и прокуратуре, а создать условия культурного отдыха во время ожидания приема или разбора дела для посетителей некому и это потому, что мы не имеем твердого бюджета, не с кого спрашивать. С этим бескультурьем нужно покончить. Суд и прокуратуру нужно поставить на совершенно твердое легальное содержание, не заставлять прокурора и судью ходить и выпрашивать, то на стул, то на починку стола, то на электропроводку, а ведь не доведи «бог» поссориться с финансовыми органами, тогда, конечно, ни на какую помощь не рассчитывать.

Второй вопрос, ставящий нас в прямое подчиненное положение от местных органов, это транспорт. Кое-где в судах и прокуратуре имеются лошади, но на содержание их нет средств.

Вопрос о средствах передвижения для органов юстиции на местах вопрос чрезвычайно важный и требует немедленного разрешения.

Следующий вопрос, который нуждается в серьезной проработке и срочном упорядочении его, — это вопрос о рабочей нагрузке,

о расстановке кадров, о правах этих кадров и об оплате их труда.

Вопрос учебы, вопрос роста работников юстиции, в особенности районных, — вопрос очень важный, и он в нашей системе в заgone. Правда, была попытка начать, но она до конца не доведена, сборники по юрминимуму, которыми снабжены районы; по нашему мнению, только начали организовывать учебу местных работников и далеко ее еще не разрешили.

Прокурору, народному судье или следователю в практике работы приходится иметь дело с различными отраслями хозяйства и науки, тут могут быть техника, агрономия, педагогика, медицина, и пр. Поэтому мы выдвигаем требование — судебно-следственным работникам среднее образование. Правда, это не просто и не дешево, но это возможно и необходимо.

Вот ряд вопросов, требующих самого внимательного к себе отношения. Разрешив эти вопросы, мы обеспечим высокое качество нашей работы, такой важной и необходимой в борьбе за социализм, за окончательную победу нового социалистического общества.

Работники юстиции Аткарского района:

Прокурор Шарыпенко  
Народные следователи: Карякин  
Мазаев  
Старший судья Перфилов  
Судья Сафонов

## Как мы живем и работаем

Мне хочется поделиться с читателями «Соцзаконности», в каких условиях мы живем и работаем в Заветинской районной прокуратуре, в одном из глухих районов Азово-Черноморья, в 100 км от железной дороги.

Прошлую зиму пришлось работать в очень трудных условиях. С одной стороны, местные власти дали зимой помещение с разбитыми окнами, а с другой — прокурор сэкономил на топливе, так что не только работать, но и сидеть в канцелярии было невозможно от холода (замерзала вода и чернила). Как вспомнишь этот кошмар, волосы дыбом поднимаются, ведь возможно, что этот кошмар снова повторится.

Несмотря на это, все же приходилось работать, не жалея здоровья, и содержать канцелярию более или менее в порядке.

Как только потеплело, я решил взяться за работу как следует и обратился через «Советскую юстицию» и краевую прокуратуру с призывом к своим коллегам-секретарям районных прокуратур наладить работу и работать ударно и культурно, но ни «Советская юстиция», ни прокуратура на это не обратили внимания. Профработы у нас никакой. За два года было только 2 собрания. Профуполномоченный суда и прокуратуры Леонов бездействует и не обращает внимания на требования работников о создании стенгазеты, приобретении литературы. Деньги на это есть, но они лежат без движения, имеется постановление общего собрания от 2 июля с. г. об оживлении работы союза. Леонов на это — ноль внимания. Несмотря на это, вероятно, за «ударную профработу» Леонов ездил в дом отдыха на Черное море отдохнуть «от праведных трудов». Когда я написал об этом уполномоченному ЦК на-

шего союза т. Магода с просьбой помочь и расшевелить нашего уполномоченного, то т. Магода не нашел ничего лучшего, как при выезде Леонова сообщить ему имя автора заметки, чем совершил довольно некрасивый поступок и тем дело кончилось.

Активна при прокуратуре нет. Заняться общественной работой нет возможности, нет никакой работы.

В данный момент нет печи в учреждении, грязно, запущено, вид такой, что никакого авторитета наше учреждение заслужить не может. И нас вероятно снова ждет холодная и тяжелая зима.

Я работаю восьмой год в органах НКЮ, люблю это дело, хочу учиться и работать над собой, но такая безотрадная и бесперспективная картина хоть у кого отобьет желание и энергию, так как не знаешь, придется работать или нет.

Вот как у нас в районе на практике «осуществляется» лозунг товарища Сталина о кадрах.

Если и не хочешь — так заставят уйти с работы.

Ни внимания, ни участия, ни хотя бы малой человеческой заботы о работнике и создании обстановки для работы.

Б.

От редакции. Редакция ждет от прокурора Азово-Черноморского края сообщения о результатах проверки указанных в статье фактов и принятых мерах.

## Примерный общественник

Привлечение общественности к работе прокуратуры продолжает оставаться серьезной задачей прокурорских органов. В настоящей заметке я приведу пример образцовой работы общественника — т. Куликова.

Тов. Куликов Иван Игнатьевич с 1933 г. руководит группой содействия прокуратуре. Вначале он был руководителем ГСП при колхозе «Красный пахарь» Сернурского района Марийской области, а сейчас, являясь членом секции ревзаконности Ивансолинского сельсовета Куженерского района, Марийской области, руководит одной из ГСП в колхозе. Тов. Куликов является преданным и активным помощником районной прокуратуры в деле борьбы за укрепление революционной законности. За 1936 г. группа т. Куликова приняла и рассмотрела на месте 24 крестьянские жалобы, из которых 4 жалобы направила в сельский суд и 3 жалобы передала в народный суд. Тов. Куликов активно помогал и в работе следствия.

Руководимая т. Куликовым группа содействия прокуратуре активно ведет работу по популяризации революционной законности среди колхозников. За 1936 г. членами группы проведено 19 докладов и бесед в колхозах по вопросу о революционной законности и из них 8 докладов и бесед по вопросу Конституции. Сам т. Куликов выступил 4 раза общественным обвинителем в народном суде. По сигналам т. Куликова возбуждено 7 уголовных и 5 дисциплинарных преследований.

Тов. Куликов является одним из активнейших руководителей ГСП в нашем районе, он в каждом колхозе в период летних сельскохо-

зйственных работ создавал сигнальные посты по охране соц. имущества и урожая от расхищения. Работа т. Куликова является образцовой не только для нашего района, но и для всей Марийской области. О работе т. Куликова несколько раз информировалась Марийская областная прокуратура. Представители областной прокуратуры при выездах отмечали хорошую работу т. Куликова и, уезжая из района, все обещали премировать его, но несмотря на неоднократные обещания, к сожалению, это не было до сих пор выполнено.

Руководство Марийской областной прокуратуры должно поощрять хорошую работу активистов, опыт хорошей работы должен быть использован и другими активистами нашей области, с честью борющимися за осуществление социалистической законности на селе.

П. Казанцев

## Татария

2 октября 1936 г. президиум ЦИК Татарской АССР заслушал доклад прокурора Татарской АССР т. Лейбовича о состоянии социалистической законности в Татарии.

Президиум ЦИК Татарской АССР отметил, что в ряде районов (Буденновский, Дрожжановский, Лапшевский и Аткинский) имелись факты нарушения социалистической законности, вместо воздействия на нарушителей дисциплины в пределах устава, колхозники штрафовались в размерах, превышающих установленные уставом. В колхозе «Правда» Балтасинского района были оштрафованы 4 конюха по 15 трудодней за допущение падежа жеребенка. Допускались массовые штрафы: в колхозе им. Разумова Мензелинского района 84% всех колхозников были подвергнуты штрафу, в колхозе «13 лет октября» — 60%. Исключались из колхозов целые семейства за незначительные проступки отдельных членов семьи: в колхозе им. Чапаева был исключен из колхоза Кузьмин со всем семейством без обсуждения этого вопроса на общем собрании.

Районные исполнительные комитеты в ряде случаев сами допускали грубые нарушения, устава сельскохозяйственной артели. Так, Кызыл-Юлдузский рик давал наряды колхозам на вывозку стройматериалов. По нарядам Аннинского рика колхозы «Удар» и «Маро» и

«Чулпан» вывозили из лесоучастка дрова для нужд учреждений и сотрудников.

Некоторые районные исполнительные комитеты снимали председателей колхозов с работы за мелкие проступки, переводили их на другую работу без постановлений общих собраний колхозов.

Районные исполнительные комитеты снимали с работы председателей сельсоветов и перемещали на другую без обсуждения на общих собраниях избирателей и без санкции Тат. ЦИК (В. Артынский, Юл-Субилский, Н. Сунский сельсоветы Кызыл-Юлдузского района).

По Татарской АССР имели место нарушения закона о национализации земли: в колхозе им «8 марта» Мамадышского района 11 га лугов были проданы частным лицам; совхоз «Пятилетка» того же района продал луговой участок в количестве 15 га колхозу им. Сталина; колхоз «Боевик» Пестречинского района сдал 23,3 га лугов колхозу им. Вахитова. В Теньковском районе обнаружены случаи продажи приусадебных земель под видом продажи жилых строений, при этом явно незаконные сделки регистрировались риками.

В связи с этим Президиум Центрального исполнительного комитета Татарской АССР постановил считать совершенно нетерпимым случаи нарушения Устава с.-х. артели со стороны некоторых риков, сельсоветов, командование колхозами, вмешательство в их хозяйственную деятельность, запретить рикам допускать снятие, переброски и назначения председателей колхозов, минуя общие собрания колхозников, предупредить председателей районных исполнительных комитетов о недопустимости необоснованных и без ведома избирателей и Тат. ЦИК снятий председателей сельсоветов, установить систематический контроль и постоянную практическую помощь со стороны риков сельсоветам в деле внедрения законности во всей их деятельности и обязательно каждый факт нарушения Устава с.-х. артели, помимо наложения дисциплинарного взыскания на виновных, подвергнуть широкому обсуждению масс колхозников.

Наконец, ЦИК Татарской АССР отметил положительную работу Прокуратуры Татарской АССР по борьбе с нарушениями социалистической законности и поручил прокурору республики обеспечить и впредь решительную борьбу с нарушением законов, не взирая на лица.

# Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

## Уголовное право и процесс Швейцарии

Уголовное право и уголовный процесс Швейцарии с исключительной яркостью отражают своеобразие государственного устройства Швейцарии, многоязычность ее населения, зависимость от культур соседних государств,

определенное стремление ко все большему отходу от демократических форм и к усилению, вопреки желанию большинства населения, реакционной и фашистской политики со стороны правящей финансовой и промышленной буржуазии и аграрного капитала.

Маленькая Швейцария с ее 4 миллионным населением разделена на 25 кантонов, каждый из которых имеет свое самостоятельное уголовное право и уголовный процесс.

По своему содержанию кантональные законы отразили влияния уголовно-правовых идей тех государств, с которыми их роднит общий язык и культурные влияния. Уголовные кодексы кантонов, говорящих по преимуществу на французском или на итальянском языках, созданы под явным влиянием французского *Code penale*, а говорящих по-немецки — под влиянием германских уголовных кодексов, — частью старых, изданных еще до ныне действующего германского общеперского уголовного кодекса. Даже швейцарские юристы признают отсутствие в уголовном праве и процессе их страны национального характера и подчиненность иностранным влияниям.

Наряду с кантональным законодательством имеются уголовные и уголовно-процессуальные законы общесоюзного (федеративного) характера. Но если в отношении материального уголовного права швейцарская конституция предоставляет союзнному правительству определенную самостоятельность, то процессуальное уголовное право конституция относит исключительно к ведению кантонов. Поэтому процессуальные законы, изданные федеративным правительством, предназначены только для федеративных судебных учреждений; для кантонов они никакой силы не имеют.

## I. Кантональное уголовное право

Уголовные кодексы отдельных кантонов издавались в различное время. Наряду со старыми кодексами (Граубюнден 1851 г., Обвальден 1864 г., Берн 1866 г.) имеются изданные сравнительно недавно (Фрейбург 1924 г.). Два кантона (Ури и Нидвальд) вовсе не имеют уголовных кодексов и в значительной мере руководствуются обычным правом.

Множественность кодексов на небольшой территории вызывает междукантональные коллизии, давшие повод говорить о «междукантональном» (наподобие международного) уголовном праве, регулируемом частью при помощи договоров между отдельными кантонами. Поэтому для уголовных кодексов кантонов приобретает большое значение то или иное разрешение вопроса о действии уголовного закона в пространстве. Союзный уголовный кодекс 1853 г. придерживается так называемого территориального принципа, по которому судебная власть страны распространяется на все преступления, совершенные на ее территории. Исключение делается для группы преступлений против государства. Территориального принципа придерживаются в общем и кантональные кодексы. Однако кантоны претендуют на подсудность своим судам некоторых преступлений, совершенных и за пределами кантона (так называемый реальный принцип).

Не существует единства между кантонами и в вопросе о делении преступлений. Некоторые кантоны придерживаются французской системы тройного деления на преступления, проступки и нарушения. Часть кантональных кодексов не содержит вообще никакого деления. Большинство же кантонов признают двойное деление на преступления и проступки.

По вопросу о формах вины кодексы разбиваются на две группы: часть кодексов (Цюрих, Гларус, Базель, Золотурн и др.) не дают определения умысла, представляя это теории и практике; остальные дают определение в казуистической форме или носящей сугубо

теоретический характер. Что касается неосторожности, то только шесть кодексов (Берн, Неуэнбург, Обвальден и др.) дают определение. Остальные кодексы обходят вопрос молчанием. Некоторые кодексы ограничиваются указанием на то, что неосторожность наказывается мягче чем умысел (Люцерн, Граубюнден, Швиц и др.).

Все кантональные кодексы останавливаются на вопросе о необходимой обороне, но далеко не все содержат специальные указания о безнаказанности крайней необходимости.

Вменяемость как обстоятельство, исключающее вину, упоминается всеми кодексами. Все кодексы, за исключением четырех (Базель, Женева и др.) признают состояние опьянения или потери сознания в результате приема наркотиков обстоятельством, безусловно исключающим ответственность, но требуют, чтобы это состояние наступило не по вине деятеля. Кодекс кантона Золотурн ни в каких случаях не считает опьянение обстоятельством, исключающим вину.

С вопросом вменяемости большинство кантональных кодексов связывают вопрос об уголовной ответственности в зависимости от возраста. Для кантональных кодексов характерно деление несовершеннолетних и молодых преступников на три группы: а) детей, б) несовершеннолетних младшей группы и в) несовершеннолетних старшей группы и молодых людей.

Дети уголовной ответственности не подлежат, но к ним может применяться школьный арест или отдача в исправительные учреждения, обычно мало чем отличающиеся от детских тюрем.

Детский возраст устанавливается в разных кантонах различно: до 10 лет (Граубюнден, Тессин и др.), до 12 лет (Цюрих, Кларус и др.), до 13 лет (Аппенцель), до 14 лет (С. Галлен, Обвальден и др.), до 15 лет (Ааргау).

В отношении несовершеннолетних младшей группы (возраст их устанавливается различно: до 16, 17 и 18 лет) суд в каждом отдельном случае решает вопрос о их вменяемости. В случае отрицательного решения применяются те же, в общем, меры, что и в отношении детей. При положительном решении, — несовершеннолетие является обстоятельством, обязательно понижающим ответственность.

Входящие в третью группу (несовершеннолетние старшего возраста и молодые преступники в возрасте до 18, 19, 20 и даже 23 лет) рассматриваются как вменяемые и пользуются только правом на смягчение наказания.

Покушение все кодексы наказывают мягче, чем законченное преступление. Некоторые кодексы (например Ааргау) устанавливают при этом пропорции наказания при покушении (например, две трети наказания, следуемого за законченное преступление). Покушение на совершение нарушения не наказывается.

Формы соучастия регулируются кантональными кодексами общепринятым образом (подстрекатели, исполнители, пособники). Однако Люцерн считает исполнителем и того, кто при совершении преступления другим лицом «оказывал ему такую помощь, без которой действие при данных условиях не могло бы быть совершено» (§ 61). С другой стороны, кодекс кантона Шафгаузен считает пособником того, кто, «принимая участие в главном действии, содействовал или оказывал помощь» (§ 60).

Большинство кодексов упоминает в общей части так называемое «покровительство», считая «покровителями» тех, кто оказывает деятельно после совершения им преступления помощь, на которую тот до преступления или во время совершения преступления не рассчитывал. Таким образом понятие «покровительство» с одной стороны не совпадает с укрывательством (если деятель на него рассчитывал), а с другой стороны, шире чем укрывательство (если деятель на него рассчитывал) или недоносительство. Так, например, отдельные кодексы включают в «покровительство» при определенных условиях и невоспрепятствование преступлению. Пособники наказываются по кантональным законам мягче чем исполнители, подстрекатели — так же как пособники.

Полного единообразия нет в кантональном законодательстве и по вопросу о наказаниях. По-разному разрешается вопрос о смертной казни. Конституция Швейцарии 1848 г. отменила смертную казнь только за политические преступления. Конституция 1874 года постановила: «Смертная казнь отменяется», но в 1879 г. народным голосованием была восстановлена формула 1848 г., запрещающая смертную казнь только за политические преступления. После этого 10 кантонов (Анненцелль, Обвальден, Ури, Швиц, Цуг, Ст. Галлен, Люцерн, Валлис, Шафсгаузен и Фрейбург) восстановили казнь. В некоторых кантонах попытки ввести казнь разбились о народное голосование. Казнь выполняется неpublicно, при помощи топора.

Крайне разнообразна система наказания в отдельных кантонах.

Два вида лишения свободы (каторжную тюрьму и простую тюрьму) знают кантоны Граубюнден, Ааргау, Ваадт. Три вида (каторжную тюрьму, простую тюрьму и рабочий или исправительный дом) применяют Цюрих, Люцерн, Швиц, Обвальден, Гларус, Цуг, Золотурн, Шафсгаузен Анненцелль, Ст. Галлен и Тургау). Другие кантоны — Базель, Валлис, Женева и Фрейбург, — знают каторжную тюрьму, простую тюрьму и полицейский арест. Кодекс Анненцелля предусматривает, кроме каторжной и простой тюрьмы, арест и учреждения для «наказания работой». Кодекс кантона Тессин предусматривает учреждение для отбывания наказания за политические преступления. В кантоне Нейэнбург такое же учреждение предназначается одновременно для отбывающих наказание за нарушения. Аналогично поступает при незначительных преступлениях и Берн.

Срок каторжной тюрьмы различен. Минимальный срок в большинстве кантонов 1 год, но имеются и отклонения (Тессин — 4 года, Женева 3 года, Фрейбург, Шафсгаузен, Ааргау и Валлис — 6 месяцев, Люцерн — 4 месяца, Обвальден 2 месяца, Ваадт — 1 день). Высший срок в большинстве кантонов — 20 лет с отклонениями от этого срока в отдельных кантонах (Фрейбург, Ваадт и Нейэнбург — 30 лет, Граубюнден и Валлис — 25 лет, Швиц, Шафсгаузен, Ааргау и Тессин — 24 года, Цюрих — 15 лет). Люцерн не знает высшего срока.

Все без исключения кантоны наряду со срочной предусматривают и пожизненную каторжную тюрьму.

Кодексы отдельных кантонов предоставляют суду право оговаривать усиление тяжести ка-

торжной тюрьмы добавочными тюремными атрибутами: Шафсгаузен — одиночным заключением, темным карцером и ограничением пищи; Граубюнден — заковыванием в цепи, Золотурн — одиночным заключением; Тургау — одиночным заключением, затемнением камеры и ограничением пищи; Валлис — заковыванием в цепи и позорным столбом.

По большинству кодексов присуждение к каторжной тюрьме механически влечет за собой потерю «гражданских прав чести».

Тюремным заключением наказываются, как правило, совершившие проступки. В большинстве кантонов минимальным сроком тюремного заключения является 1 день. В некоторых кантонах такой срок составляет 3—15 дней. Максимальный срок в различных кантонах от 60 дней (Берн) до 20 лет (Ваадт) и даже 40 лет (в том же кантоне Ваадт при третьем рецидиве). В отдельных кантонах допускается усиление тяжести тюремного заключения при помощи ограничения пищи, одиночного заключения, темного карцера и твердого ложа.

Заключение в рабочий или исправительный дом представляет собою по тяжести нечто среднее между каторжной и простой тюрьмой. Обычно оно отбывается в тех же учреждениях, что и каторжная тюрьма. Различие этой меры от каторжной тюрьмы, с одной стороны, и простой тюрьмы — с другой, — недостаточно отчетливо как в законе, так и на практике. Срок, на который эта мера назначается, также разнообразен. Минимальный и максимальный пределы колеблются в отдельных кантонах между 1 днем (Цуг) и 1 годом — (Нейэнбург), и 3 годами (Нейэнбург) и 10 годами (Золотурн, Гле).

В тех кантонах, где уголовные кодексы предусматривают арест, эта мера назначается за нарушения. Срок ее от 1 дня до 3 месяцев.

Денежный штраф назначается в качестве как основной, так и дополнительной меры. Минимальный размер штрафа предусматривается не во всех кодексах. Это относится во многих кантонах и к максимальному пределу. Отдельные кодексы устанавливают срок, в течение которого штраф должен быть уплачен (например, Швиц — 1 мес.). Кодекс Нейэнбурга допускает присуждение к платежу штрафа частями. В очень немногих кодексах допускается отработка штрафа на государственных работах. За исключением женевского, все кодексы предусматривают замену штрафа при несостоятельности лишением свободы.

В качестве основных мер наказания отдельные кантональные кодексы предусматривают также запрещение покидать определенную местность, домашний арест и выговор. В качестве дополнительных наказаний встречаются изгнание, отдача под наблюдение полиции и конфискация орудий преступления или предметов, произведенных в результате преступных действий, лишение гражданских прав, смещение с должности, запрещение занимать государственные должности, запрещение на определенный срок заниматься своей профессией или ремеслом, лишение родительских и опекунских прав и опубликование приговора в печати. Специфической для Швейцарии мерой наказания является в большинстве кодексов запрещение посещать питейные учреждения (рестораны, трактиры и т. п.) с тем, что во всех таких учреждениях публично вывешива-

ются списки лиц, осужденных к этой мере наказания.

Начиная с 1892 г., большинство кантональных кодексов один за другим ввели условное осуждение с тем, что после истечения испытательного срока судимость отпадает. Остальные кодексы приняли так называемое условное выполнение приговора, при котором от поведения осужденного зависит, будет ли приговор приведен в исполнение, но при котором во всяком случае остается судимость.

Так называемые меры безопасности, которые по утверждениям буржуазных юристов применяются наряду с наказаниями или взамен наказаний, а на самом деле в большинстве случаев представляют собою те же наказания, стали вводиться в отдельные кантональные кодексы, главным образом в сравнительно недавнее время, под влиянием проекта швейцарского союзного уголовного кодекса.

К числу таких мер относится помещение в специальные учреждения лиц, совершивших преступления и признанных судом невменяемыми или обладающими уменьшенной вменяемостью; привычных преступников; признанных профессиональными нищими, бродягами, развращенными, не желающими работать или привычными пьяницами. Как и в других буржуазных странах, под этим очень часто скрывается расправа с безработными.

К мерам безопасности швейцарские юристы относят присуждение к даче обещания не приводить в исполнение сделанные угрозы или подготавливаемое преступление, а также обязательство возмещения причиненного ущерба.

## II. Союзное уголовное законодательство

Союзный уголовный кодекс Швейцарии 1853 г. охватывает (кроме общей части) только ограниченное количество преступлений. Это объясняется тем, что конституция в редакции 1848 г., всячески подчеркивавшая принцип суверенности кантонов, допускала союзное уголовное законодательство только в отношении преступлений, входивших в ведение союзного суда. А к его ведению конституция относил:

- а) преступления против внешней безопасности и спокойствия конфедерации;
- б) преступления и проступки против иностранных государств;
- в) преступления и проступки против конституционного порядка и внутренней безопасности;
- г) преступления и проступки, совершенные служащими конфедерации при исполнении ими служебных обязанностей;
- д) преступления и проступки против государственных служащих;
- е) подделку федеративных документов, лжесвидетельство перед федеральными органами и действия, причиняющие вред или угрожающие вредом почте или железным дорогам,
- ж) преступления, совершенные при помощи печати или аналогичным образом.

Как видно из этого перечня, федерация обеспечила единообразие и возможность сурового преследования преступлений политического характера как путем передачи всех дел о политических преступлениях союзному суду, так и путем создания специального союзного законодательства.

Союзное значение имеют и уголовно-правовые нормы, содержащиеся в различных издаваемых союзом специальных законах, как,

например, закон 1921 г. о Швейцарском национальном банке, содержащий многочисленные статьи о фальшивомонетничестве, закон 1924 г. о взрывчатых веществах, закон 1906 г. об анархистских преступлениях и др.

Союзный характер носит и военно-уголовное законодательство. Действующий военно-уголовный кодекс издан 13/VI 1927 г. Он содержит правила, относящиеся к мирному времени, к случаям так называемой активной службы, то есть к случаям, когда войска призываются для защиты национальной территории или для поддержания внутреннего порядка и, наконец, к «военному времени».

Военно-уголовный кодекс, не ограничиваясь регулированием воинских преступлений, содержит многочисленные статьи, относящиеся к общеуголовным преступлениям, совершаемым военными или приравняемыми к ним лицами.

Не трудно убедиться даже из беглого перечня союзных законодательных актов, что утверждения швейцарских юристов о преобладающей роли кантонального уголовного законодательства и об исключительном характере союзных уголовных законов не совсем соответствуют действительности. Важнейшие разделы уголовного законодательства, и притом наиболее важные, на самом деле регулируются союзом и подведомственны союзному суду. Что касается политических преступлений, полностью отошедших к компетенции союза, то здесь наблюдается стремление господствующего класса к все большему расширению числа составов и максимальному усилению уголовной репрессии, — стремление, наталкивающееся, однако, на решительное сопротивление трудящихся масс Швейцарии. Так, проект закона об охране общественного порядка от 13/X 1933 г. предусматривал ряд составов, направленных, в первую очередь, против революционного пролетариата и его выступлений. Он предлагал ввести усиленные наказания за «публичный призыв к преступлениям или проступкам против государства или общественного порядка», «подкапывание под воинскую дисциплину», «воспрепятствование государственной власти, сбор и раздачу оружия и т. д.».

Плебисцитом 11/III 1934 г. проект этого закона, получившего в рабочей печати кличку «каторжного», был отвергнут.

Под несомненным влиянием возмущения общественного мнения и в особенности давления пролетариата Швейцарии, вызванного похищениями со швейцарской территории агентами германского гестапо немцев-антифашистов, и бесцеремонной деятельности германских фашистских организаций в Швейцарии, союзное правительство вынуждено было издать 21/IV 1935 г. закон об охране безопасности союза. Закон этот угрожает тюрьмой, а в тяжелых случаях — каторжной тюрьмой тому, кто без разрешения совершит на территории Швейцарии действия, которые относятся к компетенции какого-либо органа власти или государственного служащего, кто оказывает помощь таким действиям, кто при помощи насилия, хитрости или угроз похитит кого-либо за границу с целью выдать похищенного какой-либо власти, партии или аналогичным организациям, или создать для него опасность для жизни или здоровья или подготавливает такое похищение. Закон этот охватывает и передачу сведений политического, военного и экономиче

ского характера в интересах другого государства.

Отношение между федеративным и кантональным уголовным правом определяется принципом «федеративное право ломает кантональное право». В силу этого принципа вопросы, которые регулируются федеративным законодательством, не подлежат регулированию со стороны кантональных законов, но кантональные уголовные законы могут дополнять федеративное законодательство, в тех случаях, когда последнее оставляет кантональному законодательству определенную область для регулирования. Что касается общей части союзного уголовного кодекса 1853 г., то комментаторы не считают ее обязательной для кантонов, но обязательны для них специально установленные в конституции общие принципы уголовной политики (например, запрещение телесных наказаний).

Действительное неудобство, причиняемое распыленностью уголовного законодательства и отсутствием единообразия в уголовной политике, с одной стороны, и стремлением противопоставить демократическим влияниям в кантонах определенные реакционные тенденции, — с другой, побудило правительство приступить еще в конце прошлого столетия к составлению проекта союзного уголовного кодекса, призванного унифицировать и одновременно реформировать действующее уголовное законодательство.

Проект кодекса, впервые составленный проф. Штоосом, до сих пор не стал еще законом, хотя он и близок к этому.

Проект, наряду с его значением с точки зрения объединения уголовного законодательства Швейцарии, является документом, отражающим усиление реакционных тенденций в господствующем классе и стремление сделать уголовный закон эффективнейшим орудием борьбы с нарастающим революционным движением. Усиление репрессии и развязывание рук судье при установлении наказаний — таковы некоторые из основных тенденций проекта. Введение помимо наказаний так называемых мер безопасности, представляющих собою в сущности те же наказания, пожалуй даже более суровые, чем самые наказания проекта, наряду с растяжимыми формулировками, позволяющими применять меры безопасности в крайне широких размерах, — представляет собою характерное проявление указанных тен-

### III. Уголовный процесс в кантонах

Конституция Швейцарии относит организацию уголовного процесса, за исключением процесса по делам, подсудным союзному суду, к компетенции кантонов. Обилие процессуальных кодексов повело, при отсутствии общесоюзного процессуального кодекса, к крайней пестроте их содержания и полнейшему разнобою при разрешении основных вопросов судостроительства и процесса.

Достаточно в качестве наиболее яркого примера указать на отношении кантонов к суду присяжных. Этот суд был введен только в 10 кантонах. Остальные кантоны знают только коронный суд.

Кодексы многих кантонов, изданные в первой половине прошлого века, сильно устарели. Наряду с ними имеются только недавно пере-

смотренные и обновленные кодексы (напр. г. Базель).

Разнообразие содержания процессуальных кодексов в кантонах настолько велико, что даже многие швейцарские юристы считают «совершенно невозможным дать хотя бы общие идеи кодексов, действующих в Женеве, Арагау, Тессине и других кантонах» (Логос).

Один из наиболее новых процессуальных кодексов, — Базельский, пересмотрен и издан в новой редакции 15/X 1931 г. Этот кодекс строится на основе так называемого официального принципа, т. е. на основе возбуждения уголовного преследования прокуратурой; установления материальной истины судом *ex officio*, а также состязательного начала на предварительном следствии, судебном следствии и при апелляционном рассмотрении дел.

Отступления от принципа официальности допускаются при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных вне пределов кантона, при предъявлении гражданского иска, если его предъявлению предшествовала просьба потерпевшего о возбуждении уголовного преследования и др.

Наблюдение за предварительным следствием базельский кодекс передает прокурору. Наряду с этим обвиняемому и его защитнику предоставляется возможность путем жалоб опротестовывать действия следователя и прокурора. Закон предусматривает 19 видов подобных жалоб. Некоторые швейцарские процессуалисты отмечают, что это чрезмерное обилие жалоб, создавая волокиту, не обеспечивает обвиняемого от злоупотребления прокурором своей властью. Прокурору же принадлежит право на арест обвиняемого, на наложение его в определенную тюрьму, на производство обыска и в том числе личного, на изъятие вещей и т. д. Но он не принимает более участия в выполнении приговоров. У него отнято и передано суду принадлежавшее ему раньше право решения вопроса о пересмотре дела (ст.ст. 275, 289).

Своеобразно по базельскому кодексу положение следователя. С одной стороны он для прокурора производит расследование, но не он, а прокурор решает вопрос о предъявлении обвинения, с другой стороны, он является «следователем-судьей» (*Untersuehungsrichter*) и участвует по делам, которые он расследовал в составе камеры предания суду, в которой прокурор выступает уже как сторона, а он (следователь) занимает «независимое судейское положение» (В. Мейер).

Защита по базельскому кодексу, как и по кодексам других кантонов, допускается со стадии предварительного следствия. По просьбе обвиняемого следователь может разрешать ему присутствовать при допросах и собирании других доказательств.

Хотя базельский кодекс неоднократно называет прокурора одной из сторон и хотя швейцарские процессуалисты выставляют положение, что прокурор по базельскому кодексу принципиально является не более чем стороной в процессе, однако, ряд положений кодекса доказывает, что это проявляется только в том, что прокурор, как и обвиняемый, возбуждает перед судом ходатайства. Но в противоположность обвиняемому он вместе с судьей устанавливает объективную истину, он уполномочен прекращать расследование. В суде 2 инстанции он вправе подавать апелляции

во всех случаях, даже в пользу обвиняемого. Его роль в деле установления материальной истины определяется «обязанностью» принятия всех мер, которые могут содействовать выяснению действительного состава фактов и обстоятельств, которые могут лишить силы «предъявленное обвинение» (ст. 16).

Для ознакомления с порядком рассмотрения дел по существу, больше интереса представляют процессуальные кодексы кантонов, которые ввели суд присяжных, как, например, бернский кодекс. В Берне уголовные дела рассматриваются или судом присяжных или коронным судом (уголовной камерой). Суд присяжных рассматривает дела о политических преступлениях, о нарушениях законов в печати и дела об общеуголовных преступлениях, по которым подсудимому угрожает каторжная тюрьма.

Суд присяжных образуется из трех членов суда, восьми присяжных заседателей и двух запасных заседателей. Уголовная камера состоит из трех судей. Присяжные заседатели выбираются на 4 года всеми жителями кантона, имеющими избирательные права.

Председатель суда наделен так называемой «дискреционной властью». Он имеет право принимать любую законную меру, которая, по его мнению, является целесообразной для отыскания истины, призывать во время судебного следствия путем приказа о явке любое лицо для дачи показаний и допустить любое новое доказательство (ст. 283).

Присяжные заседатели имеют право задавать свидетелям и подсудимому вопросы. Характерно, что по словам одного из швейцарских юристов (Оберли) присяжные «на практике, по большей части из-за робости, этим правом не пользуются».

По закону 1/X 1928 г. присяжные заседатели больше не разрешают самостоятельно вопроса о факте преступления и вине с тем, чтобы вопрос о применении закона и определении меры наказания разрешался судом, а соединяются с судом для общего рассмотрения и решения всех этих вопросов.

На приговоры суда могут приноситься кассационные жалобы, рассматриваемые кассационной камерой высшего суда.

#### IV. Союзный уголовный процесс

Наличие нескольких законов, регулировавших организацию процесса в союзных судебных органах, устарелость этих законов и несоответствие их новым задачам усиления уголовной репрессии в отношении так называемых политических преступлений повлекли за собой издание «Союзного закона об отправлении правосудия» от 15/VI 1934 г. «Союзный закон» представляет собой в основном уголовный процессуальный кодекс, но он включает в себя также и судоустройственные положения, необходимые ввиду отсутствия социального закона о судоустройстве в союзе.

Система союзных судебных органов складывается по новому закону из следующих частей:

- 1) союзный суд присяжных (ассизы), состоящий из уголовной камеры и двенадцати присяжных;
- 2) уголовная камера в составе трех членов, представляющих три национальных языка;
- 3) союзный уголовный суд в составе трех

членов уголовной камеры и двух других членов союзного суда;

- 4) камера обвинения в составе трех членов;
- 5) кассационная камера в составе пяти членов (ст. 1).

Союзный суд присяжных разбирает дела:

- а) о государственной измене в отношении союза;
- б) о восстании и насильственных действиях в отношении союзных властей;
- в) о преступлениях и проступках против международного права;
- г) о преступлениях, совершенных служащими союзных органов власти;
- д) о политических преступлениях и проступках, явившихся причиной или следствием беспорядков, побудивших к вооруженному вмешательству союзных органов (ст. 9).

Законодатель мог, конечно, спокойно передать разрешение политических дел присяжным, так как избирательная система Швейцарии (а присяжным может быть избран каждый гражданин, пользующийся правом быть избранным в союзные представительные органы) обеспечивает «благонадежный» состав присяжных.

Уголовная камера выступает самостоятельно как орган, выполняющий различные подготовительные к суду присяжных действия, и как коронный состав суда в суде присяжных. В этом последнем случае, при положительном ответе присяжных на вопрос о совершении преступления подсудимым и об его виновности, уголовная камера разрешает вопрос о применении закона, о мере наказания, о гражданском иске, об издержках и др. дополнительные вопросы (ст. 207). Если до судебного заседания по делам, подсудным суду присяжных, подсудимый сознается в предъявленном ему обвинении, дело о нем в случае его желания может рассматривать и уголовная камера (ст. 145).

Союзному уголовному суду (без присяжных заседателей) подсудны дела:

- а) о преступлениях и проступках, относящихся согласно союзному законодательству к компетенции союзных судебных органов, поскольку эти преступления и проступки не подсудны союзному суду присяжных;
- б) о нарушениях финансовых и других законов союза, переданных союзным советом союзному суду;
- в) о восстановлении в правах по делам, разрешенным союзными судебными органами;
- г) о преступлениях, рассмотрение которых передано в установленном порядке законодательством кантонов союзным судебным органам (ст. 10).

Если принять во внимание, с одной стороны, обилие специальных союзных законов (свыше 70-ти), содержащих уголовно-правовые санкции, и политический характер многих из этих законов (закон об анархистах, закон о взрывчатых веществах и т. д.) и возможность дальнейшего издания таких законов, а с другой, — твердый перечень дел, подсудных союзному суду присяжных, то ясным становится усиление коронного суда за счет суда присяжных.

Так называемая камера обвинения, являясь камерой предания суду, осуществляет еще и другие функции. Она наблюдает за ведением предварительного следствия, дает разрешение на содержание лиц, находящихся под след-

ствием, более 14 дней; разрешает жалобы на отказ следователя в освобождении, дает разрешение на освобождение под залог или поручительство; разрешает, — в случае протеста заинтересованных лиц, — обыск бумаг; разрешает, в случае сомнения следователя, вопрос о целесообразности возбуждения предварительного следствия и т. д. Она разрешает жалобы на действия следователей и на медленность следствий. Она разрешает вопрос о подсудности в случае совершения обвиняемым преступлений, подсудных как союзному, так и кантональному суду, и другие случаи коллизий законов о подсудности и т. д.

Кассационная камера рассматривает кассационные жалобы на приговоры союзного суда присяжных и уголовной камеры, приговоры союзного уголовного суда, приговоры кантональных судов по делам союзной подсудности, постановления уголовно-правового характера административных органов и постановления о приостановлении дела кантональных судов по делам союзной подсудности. Кассационная же камера рассматривает просьбы о пересмотре дела по приговорам союзного суда присяжных и союзного уголовного суда и разрешает споры о подсудности дела между союзным судом присяжных и союзным уголовным судом (§ 12).

Союзный прокурор действует под наблюдением союзного совета. Он руководит работой судебной полиции (уголовный розыск), представляет обвинение перед союзными судами, а по финансовым делам имеет право выступать и в кантональных судах (ст. 15).

Предварительное следствие начинается по предложению союзного прокурора, обращенного к соответствующему следователю (ст. 108). Если следователь начинает предварительное следствие, он сообщает об этом обвинительной камере (ст. 109). Если он сомневается в допустимости следствия, он спрашивает решение у обвинительной камеры, которая разрешает вопрос по выслушании прокурора (ст. 110).

Обвиняемый и его защитник могут с разрешения следователя знакомиться с делом, поскольку это не мешает следствию (ст. 116). Если следователь находит, что задачи следствия выполнены, то он назначает срок для ходатайств сторон и дополнения следствия. С этого момента стороны имеют безусловное право знакомиться со всеми материалами дела. После удовлетворения требований сторон или отказа в них следователь объявляет следствие законченным, доводит об этом до сведения обвинительной камеры и направляет союзному прокурору материалы следствия со своим докладом (ст. 119).

Союзный прокурор имеет право во время следствия или после окончания отказаться от обвинения. В этом случае следователь прекращает дело, доводя об этом до сведения обвинительной камеры, союзного прокурора, обвиняемого и потерпевшего (ст. 120).

Обвиняемый может пригласить защитника в любой стадии предварительного следствия (защитниками допускаются только адвокаты, а также преподаватели права высших учебных заведений Швейцарии (ст. 35).

Обвиняемый, дело которого прекращено, имеет право требовать возмещения убытков, причиненных ему предварительным заключением, и других убытков. Ему может быть

отказано в этом, если он вызвал следствие легкомысленным или порочным поведением. Заявитель и потерпевший, которые злонамеренно или по грубой неосторожности побудили начать предварительное следствие, могут быть присуждены к уплате полностью или частью суммы возмещения убытков (ст. 122).

Союзный закон сохранил принципы устности и публичности судебного следствия. Из нововведений надо отметить: возможность проверки отдельных доказательств до судебного следствия в случаях, когда это невозможно на судебном следствии (например, по болезни свидетеля) (ст. 239); возможность отдельного рассмотрения дел нескольких обвиняемых (ст. 141); право суда разрешать подсудимому не присутствовать на судебном заседании (ст. 147); заочное рассмотрение дела, если подсудимый не может явиться в суд (ст. 148). Право суда отказаться от согласия прокурора и подсудимого от проверки доказательств в случае признания подсудимого (ст. 156), удаление подсудимого из зала заседания на время оглашения заключения экспертизы о его душевном или физическом здоровье (ст. 161) и т. д.

Допрос свидетелей и экспертов ведется председателем суда (ст. 158). Стороны могут задавать свидетелям и экспертам вопросы через председателя суда. Задавать самостоятельные вопросы они могут только с разрешения председателя. Вопросы должны содействовать «выяснению фактического положения» (ст. 159). Таким образом так называемый перекрестный допрос не допускается.

В организации союзного суда присяжных обращает на себя внимание, что присяжные заседатели могут во время совещания приглашать председателя суда для разъяснений законов. После разъяснения председатель удаляется (ст. 200). В случае обвинительного вердикта присяжных суд решает вопросы о применении закона, о мере наказания, о гражданском иске и судебных издержках.

Просьба об отмене приговора союзного суда присяжных, уголовной камеры и союзного уголовного суда (кассационная жалоба) допускается, если:

- 1) суд неправильно разрешил вопрос о подсудности ему дела;
- 2) состав суда был незаконным;
- 3) во время судебного следствия были нарушены существенные правила процесса, поскольку эти нарушения были ко вреду жалобщика;
- 4) были нарушены права сторон (ст. 220).

Принесение кассационной жалобы по этим основаниям допускается только в том случае, если жалобщик во время судебного следствия опротестовал нарушения или заявил соответствующее ходатайство.

Только в отношении приговоров уголовной камеры допускается кассационная жалоба на основании нарушений материального права (ст. 220). Это возможно также при подаче кассационной жалобы на приговор кантонального суда по делам союзной подсудности, но только в случае нарушения союзного материального закона (ст. 269).

Подача кассационной жалобы приостанавливает исполнение приговора только в случае распоряжения кассационной камеры или ее председателя (ст. 223).

Если кассационная камера отменяет приговор по мотивам нарушения закона, то она сама выносит новый приговор. В остальных случаях дело возвращается для рассмотрения в суд, вынесший приговор (ст. 236).

Вопрос о пересмотре приговора по вновь открывшимся обстоятельствам по несовместимости приговора с каким-либо новым приговором или вследствие установления преступного влияния на суд при вынесении приговора, — разрешается кассационной камерой. После рассмотрения доказательств в присутствии сторон (в случае их желаний) суд представляет сторонам срок для представления письменных объяснений. По требованию одной из сторон назначается устное разбирательство (ст.ст. 235—236). Просьбы о пересмотре дела допускаются как в пользу осужденного, так и против оправданного. Просить о пересмотре дела могут поэтому: союзный прокурор, осужденный (а после его смерти его родственники, свойственники и супруг), его законный представитель и гражданский истец — в отношении гражданского иска (ст. 231).

Союзный закон содержит также и правила о рассмотрении кантональными судами дел союзной подсудности, переданных этим судам специальными законами союза или специальными распоряжениями союзного совета. В этих случаях кантональные суды применяют союзное уголовное право, но процессуальные нормы применяются кантональные, если только союзные законы не устанавливают иного (ст. 247).

Регулируется в союзном законе также порядок рассмотрения административными и судебными органами дел о нарушениях законов, имеющих финансовый характер (закон о монополии на порох, о почте, телеграфе, телефоне, о таможенных и т. п.), порядок наложения административными органами взысканий уголовного характера при нарушении других союзных законов, порядок рассмотрения просьб о восстановлении прав (если лишение последовало по приговору суда) и др.

Буржуазные комментаторы союзного процессуального закона 1934 г. любят подчеркивать его демократический характер. Не приходится прибегать к особенно глубокому анализу, чтобы за отдельными незначительными по значению «демократическими» уступками разглядеть действительную политическую целесообразность нового закона, направленную к усилению роли союзного суда, в особенности в отношении преступлений политического характера. Несомненно, что швейцарское правительство пошло бы еще значительно дальше в этом направлении, если бы его не сдерживали демократические убеждения трудящихся масс Швейцарии, показавших при плебисците по поводу каторжного проекта закона о защите безопасности страны, что они не позволят беспрепятственно ликвидировать остатки демократических свобод в стране. Учетом этой же воли трудящихся масс объясняются демократические уступки, которые имеются в новом союзном процессуальном законе.

У.

## ПО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМ ЖУРНАЛАМ

### Об американских методах розыска

Несмотря на значительные дефекты в организации розыскных учреждений в Америке, в постановке этих учреждений есть некоторые элементы, заслуживающие серьезного внимания. Это относится, в первую очередь, к работе связи.

В Беркелее, в Калифорнии и других городах в широких размерах организована уголовно-техническая радиосвязь. Трансмиссия производится из главного розыскного управления передатчиком в 500 ватт. Во всех автомобилях, которыми пользуется розыскной персонал при своих деловых разъездах, имеются приемные аппараты. Двусторонняя связь установлена в 3 пунктах. Приемочные аппараты имеются в 49 экипажах, работающих в Беркелее и в 208 экипажах, работающих в прилегающих к этому городу местностях. Радиосвязь охватывает площадь радиусом в 40—50 миль. В главном управлении розыска, у дежурного сержанта, имеется карта, указывающая места стоянки снабженных аппаратами экипажей, коммутационная телефонная доска и микрофон для радиовещания. Когда сержант получает письменно или по телефону сообщение о совершившемся преступлении, он устанавливает радио-

связь с экипажем, имеющим соответствующий приемочный аппарат, а затем регулярно получает по ближайшему телефону информацию о том, что предпринимается местной агентурой. Если в нужном районе нет экипажа с приемочным аппаратом, сержант, получивший сообщение о преступлении, дает световой сигнал на пост, ближайший к месту преступления; дальнейшая связь осуществляется по телефону. В Беркелее имеется 66 полицейских уличных телефонов и 43 аппарата для подачи световых сигналов агентам розыска. Банки и крупные торговые предприятия соединяются с уголовным розыском особыми сигнальными аппаратами.

В Нью-Йорке снабжены приемниками 366 полицейских автомобилей. Трансмиссия организована здесь лишь в одну сторону — производится с 3 станций и охватывает весь город. Снабженные радиоаппаратами полицейские автомобили представляют собою легкие двухместные форды; радиооборудование их весит 10 кг. Радиосистема — коротковолновая; для розыскных учреждений установлена особая длина волн.

Автор описывает как он, желая ближе ознакомиться с работой «радиоавтомобилей», пробыв на одной из них с половины одиннадцатого вечера до часу следующего дня. В 11 ч.

24 м. вечера было получено по радио сообщение о налете на лавку, находящуюся на расстоянии около мили от места стоянки машины. В 11 ч. 26 мин. автомобиль прибыл на место преступления, где застал уже два других «радиоавтомобилей».

Еще раньше, чем в Беркелее и Нью-Йорке радиосвязь между агентами розыска была организована в Детройте, где она впервые появилась еще в 1928 г. Здесь есть 74 маленьких и 20 больших автомобилей, снабженных радиоаппаратами. На кузовах машин имеется крупная надпись: «полиция», чтобы публика могла быстро найти их и в нужный момент обратиться за помощью. Одна моторная лодка и 4 автомобиля снабжены двусторонней передачей. Организацию широкой двусторонней радиосвязи здесь считают очень желательной, но пока еще она установлена лишь в небольшом объеме; в Детройте трансмиссия производится двумя аппаратами: в западной части — аппаратом в 500 ватт, а в восточной в 400 ватт.

Автор пробыл некоторое время в моторной лодке и в автомобиле с двусторонней радиопередачей. Как сообщили ему впоследствии в полицейском управлении, передачи, сделанные с лодки и автомобиля, были вполне явственными, особенно передачи с лодки.

Для облегчения вызовов персонала управления по телефону каждому работнику управления дан свой порядковый номер. Если это лицо вызывают по телефону, и его не оказывается на месте, звонок вызывает его номер во всех коридорах здания.

Автору пришлось видеть в Эванстоне, в 10 милях от Чикаго, работу особого «летучего» отряда, состоящего из 6 агентов уголовного розыска, работающих в 3 смены, по 2 человека в каждой. Они ездят в небольшом автомобиле, снабженном радиоприемником, по которому они получают сообщение о каком-либо происшествии, требующем расследования.

Автомобиль снабжен надписью: «следующая полиция безопасности». Кроме расследования преступлений эти же работники должны наблюдать за уличным движением, для чего они систематически объезжают свой район.

В Вашингтоне организовано для всей страны Центральное дактилоскопическое бюро. При Бюро функционируют трехмесячные курсы для повышения квалификации агентов розыска.

В Бюро имеется 5 миллионов дактилоскопических карточек; в день поступает до 300 карточек. Работники бюро производят каждый в среднем сорок дактилоскопических исследований в день. Общий штат бюро, включая подсобный персонал, из 400 человек.

Из мелких лабораторий автор блее подробно останавливается на лаборатории при Чикагском университете. В ней работает 7 лаборантов — агентов уголовного розыска. Один из них изучает взрывчатые и ядовитые вещества, один занимается исследованием огнестрельного оружия и снарядов, один — экспертизой документов, двое — биологическими исследованиями и двое — психологической экспертизой. Лаборатория обслуживает 22 розыскных управления и работает также по заказам банков и торговых предприятий. При лаборатории состоят 2 внештатных специалиста, приглашаемые по мере надобности.

Герберт Даубиггин.  
Полис Джернел, 1936 г., октябрь—декабрь, т. IX, № 4).

## Расследование одного бандитского налета

Утром 20 мая 1929 г. большой американский отель пересылал в Сан-Диего в автомобиле, под охраной двух лиц, сумму в 85 000 долларов. По дороге машину, на которой везли деньги, нагнал маленький автомобиль «форд», в котором сидели двое лиц в синих дорожных халатах; когда автомобили поровнялись, с «форда» был сделан по первой машине ряд выстрелов. Преследуемый автомобиль был поврежден и остановился, из «форда» выскочили с револьверами в руках оба сидевшие в нем человека и подбежали к первой машине, произошла перестрелка, пассажиры первой машины были убиты; один из бандитов схватил сумку с деньгами и бросил ее в «форд», затем преступники вскочили в свой автомобиль и удалились. Нападение было произведено с необыкновенной быстротой в дневное время, когда по этой дороге происходило оживленное движение. Пассажиры одного из случайно проезжавших автомобилей оказались свидетелями последнего момента преступления и погнались было за налетчиками, но, увидев прицелившегося в них через заднее окно «форда» бандита, приостановили преследование. Они успели, однако, заметить номер «форда» — Калифорния 5E4132 и сообщили его ближайшему полицейскому. Номер автомобиля был сейчас же сообщен по радио всем окрестным розыскным управлениям и постам; по шоссе, по которому скрылись бандиты, была послана погоня; несколько агентов розыска были направлены на автомобилях по прилегающим дорогам. «Форд», на котором скрылись преступники, был вскоре найден; бандиты бросили его на дороге, пересели в ожидающий их там другой автомобиль и уехали дальше. Случайный свидетель этого происшествия показал следующее: он видел, как подъехал «форд», и из него вышли двое и пересели в другой автомобиль, но не обратил на это особенного внимания; удивило его только, что неизвестные сняли с себя дорожные халаты и бросили их в оставленный автомобиль. Описать внешность этих лиц допрошенный не мог, не заметил он ни номера, ни марки того автомобиля, в который бандиты пересели. Оставленный бандитами «форд» был внимательно осмотрен снаружи и внутри. Для поисков следов пальцев был снят с машины передний стеклянный щит и вынута стекло из заднего окна. Автомобиль был, видимо, недавно перекрашен из серого в черный цвет. В кабине были обнаружены на заднем сиденье 4 синих халата и две пары дорожных очков, а в передке — старая серая кепка, мешок с несколькими поршинками красного перца и коробка от патронов для автоматического пистолета. В 50 футах от автомобиля был найден зарывшийся в дорожной пыли ключ от «форда» с номером: А—935. Из дальнейших справок в бюро регистрации машин и в органах розыска выяснилось, что данный «форд» был за 12 дней до налета украден у некоего гражданина, в городе, в 900 милях от места бандитского налета. На одной из найденных в автомобиле пар очков были заметны пальцевые отпечатки. По пулям, которыми был поврежден преследуемый автомобиль и убиты охранявшие деньги лица, было установлено, что бандиты стреляли

из пулемета Томпсона и из револьверов. Из всей картины налета было ясно, что нападение было обдуманно задолго до его выполнения, что в нем участвовали по крайней мере четверо, считая шоферов двух автомобилей. Преступление по всей вероятности являлось делом хорошо организованной шайки.

На третий день после налета одна девочка, 9 лет, нашла в Сан-Диего, на земле, у дома, где она жила, автомобильный ключ, она показала его человеку, привезшему в их дом молоко. Он взял ключ у девочки и представил его в отделение полиции, где служил его брат. В отделении обратили внимание на номер ключа: А—935. Там помнили данные о налете, которые были сообщены по радио. Ключ передали в уголовный розыск. Оказалось, что это — второй ключ от брошенного бандитами «форда». Было установлено наблюдение за несколькими домами, находящимися вблизи того места, где девочкой был найден ключ. Управляющие этими зданиями были опрошены о составе их жильцов. Разносчик газет, посещавший эти дома, показал, что он слышал, как двое неизвестных упоминали в разговоре, что у «капитана Джерри» есть пулемет. Под проз-

вищем «капитан Джерри» полиции был известен контрабандист, живший в одном из взятых под наблюдение домов. Когда к нему явились для производства обыска, в квартире нашли его жену и некоего Мартына Кольсона, который был ранен и лежал в постели. Женщина сообщила, что Кольсон был доставлен 20 мая после обеда приятелем ее мужа — Кохраном и девицей Жанной-Ли. С Кольсона были взяты дактилоскопические отпечатки и сравнены с найденными на очках; они оказались тождественными. Продавец красок опознал в Кольсоне покупателя, который купил у него несколько дней назад черную краску, послужившую для изменения внешнего вида украденного преступника «форда». Вскоре были арестованы и другие участники этого преступления.

Настоящий случай показывает как важен тщательный осмотр места преступления и прилагающих к нему мест и какое значение имеет для розыска хорошая организация связи.

Эдуард Дикман

(Полис Джернел 1936 г. том IX, № 4).

# Библшография

## Документы революционного героизма

13 декабря прошлого года исполнилось три года с того дня, когда фашистские черберы гитлеровской юстиции вынуждены были вынести оправдательный приговор трем болгарским коммунистам: т. Димитрову и тт. Попову и Ташеву, обвинявшимся в преднамеренном поджоге здания рейхстага «имея намерение с помощью такого возбудить восстание». (Из обвинительного акта).

«Провокационный процесс в Лейпциге — писал т. Димитров, — самый большой процесс новейшей политической истории — был задуман фашистской верхушкой, чтоб доказать всему миру, что в конце февраля 1933 г. фашистские вешатели «спасли Европу от большевизма»<sup>1</sup>.

Геринг, Геббельс и вся шайка германских правителей разнузданно кричала о «руке Москвы», а в обвинительном акте было даже официально указано, что обвиняемые болгары «являются уполномоченными русской коммунистической партии в Москве по организации вооруженного восстания в Германии с целью советизации всей Европы».

Однако процесс-монстр, задуманный фашизмом против коммунизма, превратился в процесс над фашизмом, и «удар, предназначенный коммунизму, обрушился с сокрушительной силой по германскому фашизму»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Из статьи т. Димитрова в «Правде» от 4/III 1934 г. «Победа пролетарской солидарности».

<sup>2</sup> Там же.

И в этом, в первую очередь, огромнейшая заслуга т. Димитрова, который, находясь в каменном мешке фашистских застенков, показал героический пример борца — большевика ленинско-сталинской закалки, готского всю свою жизнь отдать за дело пролетариата, за дело коммунизма.

Вот почему вновь и вновь с неослабевающим и волнующим интересом перечитываешь изданный Партиздатом в 1936 г. Сборник т. Димитрова «Перед фашистским судом», где собраны его письма, наброски и документы периода ареста и Лейпцигского процесса.

Со страниц книги встает во всей своей обаятельности образ человека, владеющего в совершенстве марксистско-ленинской диалектикой несокрушимого в своей уверенности в окончательной победе коммунизма, не боящегося открыто жестоко бичевать своих врагов, которые заковали его в кандалы и намерены были отрубить ему голову.

И вместе с этим суровым борцом-революционером, не сгибающимся перед самой грозной опасностью, в организмом единстве встает образ любящего мужа, сына, брата и товарища, умеющего находить такие теплые и ободряющие слова в письмах из тюремных застенков своим родным и друзьям.

Сборнику предпослано небольшое предисловие издательства, сжато, но ярко характеризующее всю громадную значимость публикуемых документов и объясняющее как т. Димитрову удалось их сохранить (стр. 5—6).

Далее помещена статья т. Димитрова: «Победа пролетарской солидарности», опубликованная в «Правде» от 4 марта 1933 г., через несколько дней после его прибытия в Москву,

содержащая основные обобщения и выводы из процесса. В этой статье Димитров разоблачает задачи, которые ставил себе германский фашизм, организуя процесс, показывает причины его полного краха и призывает все антифашистское движение к дальнейшей борьбе за освобождение вождя германских революционных рабочих Тельмана и много тысяч других узников фашизма (стр. 9—14).

В главе первой: «В тюрьме предварительного заключения» (стр. 18—73) собраны документы периодов полицейского дознания и предварительного следствия. Первый документ — письменное заявление т. Димитрова полицейским и следственным властям, датированное двадцатым мартом и сделанное по окончании полицейского дознания на двенадцатый день после ареста, произведенного 9 марта в Берлине, в ресторане «Байернгоф», наглядно показывает, что т. Димитров, будучи изолирован от внешнего мира, находясь в одиночном заключении, тотчас же понял всю сложную обстановку и разработал себе точную линию поведения, от которой, в дальнейшем, не отступал ни на шаг: политическая защита коммунизма от возводимых фашистскими клеветниками обвинений: разоблачение действительных поджигателей рейхстага и их действительных замыслов, срывание маски с германской юстиции, как послушного и подлого орудия фашистской политики, и использование суда, как трибуны для призыва масс к борьбе с национал-социализмом, к борьбе с фашизмом.

Дав в начале краткие, основные биографические сведения о себе, как об активном и руководящем деятеле болгарского коммунистического движения, указав, что политические противники угрожали ему убийством и за границей, вследствие чего т. Димитров вынужден был жить под чужим именем, что целью его пребывания в Берлине было разрывание кампании за политическую амнистию в Болгарии, подчеркнув, что он не принимал — никакого — ни прямого, ни косвенного участия в политической борьбе в Германии, что к поджогу рейхстага он не имеет абсолютно никакого отношения и что имя и фамилию «поджигателей» (Ван дер-Люббе. А. Б.) он увидел впервые в германских газетах, что лично никогда он его не видел и с ним не встречался, т. Димитров после этого со всей силой негодования отвергает наглое намерение фашистских властей сделать ответственным за поджог рейхстага коммунистов: «Как коммунист, как член коммунистической партии Болгарии, как член Коммунистического интернационала я принципиально против индивидуального террора, против всяких бессмысленных поджогов такого рода потому, что эти акты несовместимы с основными коммунистическими принципами и методами массовой работы, с экономической и политической массовой борьбой и потому, что они только вредят освободительному движению пролетариата, делу коммунизма. Программы и уставы всех коммунистических партий и Коммунистического интернационала запрещают индивидуальный террор под угрозой исключения из партии каждого ее члена, который прибег бы к методам индивидуального террора» (стр. 19). И далее т. Димитров недвусмысленно намекает, что истинных виновников поджога надо искать в рядах самих фашистов. «По моему глубоко-

чайшему убеждению, поджог рейхстага может быть делом рук безумевших людей или самых злейших врагов коммунизма, которые хотели этим актом создать благоприятную атмосферу для разгрома рабочего движения и коммунистической партии Германии (стр. 19—20).

В дальнейшем, во всех своих заявлениях как на предварительном, так и на судебном следствии, касаясь выдвинутого обвинения, т. Димитров, не страшась угроз, повторяет этот тезис, перейдя от обороны к нападению, и блестяще развертывая его в своем последнем слове.

Фашисты с самого начала ареста т. Димитрова пытались, но тщетно, сломить его физические и духовные силы; для этого в тюрьме ему был создан исключительно тяжелый, каторжный режим. Он был посажен в одиночную камеру; у него конфисковали все средства; ему запретили читать что-либо, кроме национал-социалистических газет; он был совершенно лишен свиданий; большая часть писем и посылок, адресованных на его имя, т. Димитрову не передавалась; письма же, написанные т. Димитровым, задерживались тюремной цензурой и, обычно, в большинстве не доходили до адресатов; в завершение этих бесчисленных притеснений и издевательств т. Димитров был закован в течение пяти месяцев в кандалы, которые не снимались даже ночью, во время сна.

Тов. Димитров настойчиво, не стесняясь называть вещи своими именами, протестовал против создания ему обстановки физических и моральных пыток. В одном из таких заявлений на имя судебного следователя, разоблачая его гнусную роль, т. Димитров пишет: «Я лишен права пользоваться моими деньгами. Я не имею права на посещения и должен днем и ночью находиться в кандалах. Насколько мне известно, даже обвиняемые в убийстве не находятся в таком положении. И этим я обязан вам. Да, это правильно и последовательно. Я нахожусь в руках классового врага, который также юстицией пыгается использовать в качестве орудия для искоренения коммунизма, то есть фактически для уничтожения его убежденных, последовательных и непреклонных носителей» (стр. 30).

Чтобы затруднить положение т. Димитрова, германские судебные власти систематически отклоняли его заявления допустить выбранного им самим защитника из числа известных иностранных адвокатов (Дечева, Джаифери, Кампинки, Тореза и др.), на чем т. Димитров неоднократно настаивал.

Вместо этого, т. Димитрову и тт. Попову и Таневу был назначен официальный казенный защитник, адвокат Гейхерт.

Тов. Димитров в своем поведении на процессе вообще и, в частности, в отношении к адвокату полностью реализовал те ценнейшие директивы, которые в 1905 г. давал Владимир Ильич в «письме к Е. Д. Стасовой и товарищам в Московскую тюрьму». Ленин учил: «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает. Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе хоть самое малое неприличие или политический оппортунизм... то я, подсудимый,

тебя оборву, тут же публично назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение»<sup>1</sup>.

В переписке с официальным защитником Тейхертом т. Димитров подчеркивает, что он согласен на защиту только в том случае, если адвокат будет «в ежовых рукавицах», то-есть будет действовать строго на основе и в согласии с указаниями подсудимого. «Я думаю, пишет т. Димитров Тейхерту, это само собой разумеющееся дело (но чтоб предупредить какие-либо нежелательные недоразумения, я хотел бы это ясно подчеркнуть), что я могу нести ответственность только за те ваши шаги и предложения в связи с моим делом, которые вы, как мой защитник, будете проводить на основе моих точных указаний или с моего предварительного согласия и в духе моего понимания и предложений» (стр. 56).

Неоднократные указания т. Димитрова о линии защиты, о мерах, которые необходимо провести, Тейхертом явно саботировались, а 2 сентября Тейхерт прислал письмо, где он писал т. Димитрову: «Вообщу я не могу разрешить вам давать мне предписания о том, как я обязан вести защиту... В нашей защите вы должны исходить из того, что речь идет не о защите коммунистической партии, а о защите вас лично».

Тов. Димитров категорически отклонил такое толкование защиты, ответив Тейхерту, что «официальный защитник не может являться начальником над подсудимым и не может в данном случае действовать по принципу «фюрера» в сегодняшней Германии. Здесь безусловно обязательно взаимное соглашение между защитником и защищаемым. В противном случае подсудимый спокойно может отказаться от блага такой защиты и предпочесть самозащиту, хотя бы и очень недостаточную» (стр. 69). И т. Димитров, как рекомендовал Ленин, привел свою угрозу в исполнение; он отказался от «услуг» Тейхерта и в дальнейшем вел свою защиту сам, без адвоката.

С первых же дней после ареста т. Димитров пытается установить связь со своими политическими друзьями — виднейшими антифашистскими деятелями, чтоб через них сообщить о своем положении, о предъявленном к нему обвинении и мобилизовать общественное мнение на борьбу с фашистской провокацией.

Из этих писем, многие из которых были т. Димитрову возвращены обратно, в сборнике напечатаны письма Анри Барбюсу (стр. 23), Марселю Кашену (стр. 25) и Ромэну Роллану (стр. 64).

Тов. Димитров на первом же допросе следователя Фогта потребовал и через некоторое время добился разрешения послать письма матери, в Болгарию, и в дальнейшем переписка с родными была единственной связью с внешним миром, которую т. Димитров мог более или менее регулярно поддерживать и которая также служила целям косвенной информации о ходе дела и о необходимых мероприятиях.

Все эти письма проникнуты боевым настроем, твердой уверенностью в освобождении, в крахе выдвинутого обвинения — фашистов.

Вместе с этим в них т. Димитров с чувством горячей благодарности и оптимистических надежд обращается к своей матери Параскеве

Димитровой и сестрам, которые ободряли его своими письмами и приняли самое деятельное участие в организации массовой антифашистской кампании, сообщения о которой доходили и до т. Димитрова.

Он пишет: «Особенно порадовало меня письмо нашей любимой мамы. То, что она так храбра, мужественна и полна надежды, является для меня большим облегчением и огромным утешением. Я всегда гордился нашей матерью, ее благородным характером, стойкостью и самоотверженной любовью, и сейчас еще больше горжусь ею. Желая ей на долгие годы отличного здоровья и жизнерадостности и веры в будущее. Я уверен, что мы еще встретимся и будем счастливы» (стр. 32—33).

Во второй главе «На суде» (стр. 77—148) собраны документы, относящиеся к важнейшему этапу процесса, — судебному следствию которое началось 21 сентября в имперском суде в Лейпциге; здесь наброски ответов на вопросы суда, письма к председателю суда Бюнгеру; заявления о вызове свидетелей, перечень вопросов, которые должны быть поставлены тем или иным свидетелям; конспект знаменитой заключительной речи и др.

Все эти материалы служат ценнейшим дополнением к блестящим устным выступлениям т. Димитрова, поскольку суд часто в самой грубой и незаконной форме под предлогом «запрещения коммунистической пропаганды» лишал его слова и даже исключал из зала заседаний, явно преследуя цель запугать и лишить возможности разоблачить действительных поджигателей рейхстага из среды правящей фашистской клики и покрывающих их судей, прокуроров и защитников; многие же из заявлений т. Димитрова на имя суда, вообще, не оглашались и тем самым не могли быть в свое время освещены в печати.

Ряд писем председателю суда Бюнгену ярко отражают ту упорную борьбу, которую мужественно провел т. Димитров за право использовать допущенную, хотя и в сильно урезанном виде, легальность фашистского судилища для осуществления намеченной им линии защиты.

В одном из них т. Димитров заявляет Бюнгену... «Я вынужден выступить перед имперским судом в двойной роли: во-первых, как подсудимый Димитров, во-вторых, как защитник подсудимого Димитрова... Я считаю, что перед имперским судом я должен держать себя как политический подсудимый, а не как солдат в казарме или как военнопленный в концентрационном лагере... Защищаться и активно участвовать на суде и как подсудимый и как самозащитник — мое естественное право. Ясно, что никакие исключения из заседаний суда и судебных выездных сессий не в состоянии в этом отношении меня запугать. Эти исключения как раз из самых важных заседаний и сессий являются фактически открытым грабежом моих прав защиты и только докажут всему миру, что сами мои обвинители чувствуют себя не особенно важно в этом деле. Они откроют глаза многим доверчивым и тем самым могут доставить новую пищу коммунистической пропаганде» (стр. 92—93).

Исключительный интерес представляет «Набросок ответов на предполагаемые вопросы

<sup>1</sup> Ленин, т. VII, стр. 60.

суда», где т. Димитров излагает свое политическое credo и свой взгляд на поджог рейхстага. «Верно, что я большевик, пролетарский революционер», пишет в «Наброске» т. Димитров. «Я должен подчеркнуть: пролетарский<sup>1</sup> революционер, так как ведь сейчас все происходит, навыворот, когда даже германский кронпринц прокламирует себя революционером, а попадают даже такие сумасшедшие «революционеры», как например Ван дер-Люббе».

«Борьба за диктатуру пролетариата и за победу коммунизма бесспорно составляет содержание моей жизни. Я желал бы еще по крайней мере 20 лет прожить для коммунизма и затем спокойно умереть. Но именно поэтому я решительный противник метода индивидуального террора и путчизма».

«Я действительно являюсь восторженным приверженцем и поклонником коммунистической партии Советского союза потому, что эта партия управляет величайшей страной в мире — шестой частью земного шара — и во главе с нашим великим вождем товарищем Сталиным так героически и победоносно строит социализм. Но я никогда не был представителем коммунистической партии Советского союза в Германии, как это мне хочет навязать обвинительный акт».

«К поджогу рейхстага я не имею абсолютно никакого — ни прямого, ни косвенного отношения. Поджигателя рейхстага Ван дер-Люббе я вижу здесь, в этом зале, впервые». «Теперь я более склонен предположить, что поджог рейхстага — это антикоммунистическое деяние — возник на основе двойственного союза политической провокации и политического сумасшествия» (стр. 80—81—82).

«Набросок» этот, некоторые тезисы из которого мы выше привели, был положен в основу первой речи т. Димитрова на суде, в которой он бесстрашно перед лицом врага выступил в защиту коммунизма, заявив о своей преданности его идеям и о восхищении Советским союзом, дав незабываемый образ непримиримого борца, воспитанного героическими традициями большевизма.

Тов. Димитров не смог закончить свою речь, так как председатель лишил его слова, но и то, что т. Димитров успел изложить, произвело, даже по свидетельству буржуазных газет, огромное впечатление; т. Димитров из подсудимого превратился в грозного обвинителя; его выступления, вопросы и реплики страшались и фашистские судьи, и опереточные «фюреры» вроде Геринга, Гебельса и др., и тайные агенты гестапо, и прочие подонки общества, выдвинутые прокуратурой в качестве «свидетелей».

Своими заявлениями т. Димитров преследует цель заставить суд заняться выяснением действительной политической линии коммунистической партии Германии в период, предшествовавший захвату власти национал-социалистами и непосредственно после него, чтобы подтвердить его утверждение и показать всему миру, что компартия Германии в это время не ста-

вила себе задачу вооруженного восстания, а, находясь в состоянии самообороны против все возрастающего террора национал-социалистов, превратившегося, по характеристике т. Димитрова, «в истребительный поход с всемерным использованием государственной силы против коммунистической партии Германии и рабочих организаций», что она была занята политической мобилизацией масс и установлением единого фронта борьбы пролетариата против фашизма.

В этой связи т. Димитров требует вызвать в суд томящегося в тюрьме вождя коммунистической партии Германии т. Тельмана (стр. 111).

Естественно, что это ходатайство судом не было удовлетворено. Суд также отклонил ходатайство т. Димитрова о вызове членов президиума Коминтерна — гг. Куусинса, Марселя Кашена и Сен Катайма, которые должны были опровергнуть измышления обвинительного акта. что в основе разработанных германской компартией планов вооруженного восстания лежали резолюции XII пленума Коминтерна (стр. 118).

Вообще, суд по указке режиссуры процесса всячески старался скрыть действительную политическую ситуацию в Германии, сложившуюся к концу 1932 г., при которой поджог рейхстага был выгоден национал-социалистам и ими использован, что постоянно стремился подчеркнуть т. Димитров, разоблачая маневры прокуратуры и суда и наглухо ложь «свидетелей обвинения» об организации поджога коммунистами, как сигнала к восстанию. Тов. Димитров требует вызвать в суд и допросить б. райхсканцлера Шлейхера, вице канцлера Паппена, б. имперского министра Гуренберга, б. канцлера Брюнинга и ставит им вопросы, сама последовательность формулировки которых ясно показывает что т. Димитров предлагает искать подлинных поджигателей в лагере руководства самой национал-социалистической партии (стр. 113—115).

Это ходатайство судом опять-таки по вполне понятным основаниям не удовлетворяется.

Громадное значение т. Димитров придавал разоблачению связей Ван дер-Люббе в Германии вообще и особенно во время пребывания его в Геннигсдорфе, где Ван дер-Люббе накануне пожара провел ночь в полицейском ночлежном доме, — важнейшее обстоятельство для выявления сообщников и инспираторов Ван дер-Люббе, которое суд всячески старался обойти, замолчать.

Тов. Димитров, помимо настойчивых устных вопросов по поводу этого факта, подал несколько письменных заявлений (стр. 97—98), где он требовал расследовать со всей тщательностью комплекс «Геннигсдорф», в чем суд, конечно, ни в какой мере заинтересован не был, так как «Геннигсдорф» являлся тем «узлом», разрубив который, распускался весь так хитро сплетенный клубок провокационного обвинения; свидетелей же обвинения, их характеристики и распределение ролей т. Димитров очень наглядно и остроумно показал в составленной им схеме, озаглавленной «Чортов круг» (стр. 125—126), где в одной цепи национал-социалистические депутаты стоят рядом с ворами, морфинистами, фальшивомонетчиками, психопатами и преступниками против нравственности.

<sup>1</sup> Разрядка здесь и в дальнейшем принадлежит т. Димитрову.

Центральное место во второй главе принадлежит «Конспекту заключительной речи на суде» (стр. 134—146).

В «Конспекте» т. Димитров логически последовательно, в сжатых, но принципиально четких и ясных положениях дал ответы на все важнейшие моменты процесса и подвел его основные политические итоги, и поскольку в устном выступлении он не смог развернуть ряд существенных тезисов, так как председатель постоянно его прерывал и, не дав закончить, лишил т. Димитрова слова, то «Конспект» является ценным дополнением к самой речи, к тем ее местам, которые т. Димитров вынужден был изложить сжато, лапидарно.

Особо это относится ко второй части речи, когда т. Димитров ведет борьбу за каждое слово, отбивая непрерывные вмешательства председателя. Тезисы IX—XVI конспекта (стр. 142—146).

«Конспект», как и речь, нельзя передать несколькими цитатами, а тем более своими словами, не рискуя притупить его политическую заостренность и революционный пафос и снизить глубину содержания; «Конспект», как и речь, надо изучать в целом, мысль за мыслью, слово за словом.

Мы приводим лишь некоторые места, чтобы показать, какой воинствующей большевистской партийностью, бесстрашием перед лицом врага и ненавистью к фашизму насыщен этот замечательнейший документ. «Я защищаю себя как обвиняемый коммунист; я защищаю свою собственную, коммунистическую революционную честь; я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения; я защищаю смысл и содержание своей жизни» (стр. 135).

«Верно, что для меня, как коммуниста, высшим законом является программа Коммунистического интернационала и высшим судом — Контрольная комиссия коммунистического интернационала».

«Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса, так храбро борющегося против фашизма и за коммунизм» (стр. 136). «Процесс — звено в цепи мероприятий по истреблению коммунизма» (стр. 141).

«Ван дер-Люббе не был один».

«Из тайного союза между политическим «сумасшествием» и политической провокацией возник пожар рейхстага. Союзник из лагеря политического безумия сидит на скамье подсудимых. Союзники из лагеря политической провокации исчезли. И вот здесь присутствует жалкий «Фауст», хитрого «Мефистофеля нет» (стр. 142—143).

«В XVII столетии Галилео Галилей предстал перед строгим судом инквизиции, который должен был приговорить его как еретика к смерти. С глубоким убеждением и решительностью он воскликнул:

«А все-таки она — земля — вертится». И это научное положение позднее стало достоянием всего человечества».

Мы, коммунисты, можем сегодня с не меньшей решительностью, чем старик Галилей, сказать:

«А все-таки она вертится. Колесо истории вертится вперед к советской Европе, ко всемирному союзу советских республик. И это колесо, подстегиваемое пролетариатом

под руководством Коммунистического интернационала, не удастся остановить истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма» (стр. 145—146).

«Правда» в статье «Бичующая речь» (19 декабря 1933 г. № 548) писала: «Речь т. Димитрова, несомненно, займет крупное место в истории борьбы международного пролетариата против гнусностей и преступлений господствующих классов. Это не только обвинительная речь против прославившихся на весь мир провокаторов, но и страстный призыв к борьбе. Все свои выступления на суде — реплики, заявления, на каждом шагу избличавшие организаторов процесса, Димитров охватил в своей заключительной речи и бросил в лицо классовому врагу».

Димитров говорил, и каждое его слово падало, как бич. Шрамы, нанесенные этой речью, никогда не заживут на теле германского фашизма. Эта характеристика целиком и полностью относится и к «Конспекту».

Заканчивается вторая глава «Заметки к приговору» (стр. 147—148).

«Заметки» эти сделаны т. Димитровым во время чтения судом приговора и должны были служить канвой для заявления по поводу приговора, в котором, хотя подсудимые коммунисты и были оправданы, но, во-первых, оправданы они «за недостатком улик» и, во-вторых, в приговоре содержалось утверждение, что поджог рейхстага все-таки дело коммунистической партии.

Тов. Димитров считал необходимым раскрыть новую жульническую махинацию суда, преследовавшую определенную цель: подвести «законную» базу под террористическую расправу с коммунистами и дать повод к очередному «истребительному походу» против компартии.

«Трудная задача суда: чтоб волк был сыт и овца цела. Приговор является неудачной попыткой решения этой неразрешимой задачи», — записывает в «Заметках» т. Димитров. «Установление и осуждение виновников и закулисных лиц «Мефистофеля» остается на долю будущей пролетарской диктатуры Германии».

«Формальное признание коммунизма виновником, фактически после всех разоблачений на суде, равносильно косвенному признанию, что виновниками были национал-социалисты».

«Государственная измена». Нет.

«Народная измена, т. е. измена немецкому народу». «Фашистская диктатура — диктатура капитала Тиссена—Круппа». Эти гневные и убийственные своей классовой правдой для фашизма слова хотел бросить т. Димитров в лицо суду; но председатель, не дав т. Димитрову говорить, поспешно закрыл заседание и в полном смысле слова убежал из зала суда.

Как известно, после оглашения приговора 13 декабря 1933 г., которым т. Димитров был оправдан, его не освободили, а оставили в тюремном заключении сначала в Лейпциге, а позднее перевели в Берлин, в катакомбы тайной политической полиции, где он оставался до 27 февраля 1934 г.

Этот период отражают документы главы III Сборника: «После оправдательного приговора» (стр. 151—163).

Мы узнаем, что т. Димитров вновь был брошен в одиночную камеру и поставлен в прежние каторжные условия; болея, он был даже лишен минимальной врачебной помощи.

Новые зверские издевательства фашистов не сломили волю т. Димитрова к продолжению борьбы; он не перестает энергично протестовать против незаконного заключения.

Тов. Димитров требует освобождения и высылки из Германии, в частности, во Францию или Чехословакию, где он намерен выснить возможность своего возвращения в Болгарию, чтобы здесь, на родине, бороться за отмену вынесенного ему смертного приговора, якобы за участие в революционном восстании 23 сентября 1933 г., против военно-фашистского режима.

Если же возвращение в Болгарию невозможно, то т. Димитров настаивает на высылке его в СССР (стр. 154, 155, 156, 157).

В продолжение почти двух месяцев т. Димитров не получает ответа на протесты и не может узнать о своей дальнейшей судьбе.

7 февраля 1934 г. т. Димитров вновь обращается с решительным заявлением на имя министра внутренних дел Фрика о «ликвидации нашего (т. е. Димитрова, Попова и Танева — А. Б.) дела путем немедленной высылки в Советский союз или в одну из соседних стран», и, в заключении, т. Димитров ставит вопрос о голодовке как о средстве воздействия на фашистское правительство. Он пишет: «Если к несчастью этого скоро не произойдет (т. е. высылки — А. Б.), мне не остается ничего другого, — и это я прямо заявляю не как угрозу, а как навязанную мне дилемму, — как обратиться к единственному средству личной защиты невинных заключенных и объявить голодовку» (стр. 160).

В ответ на выраженное т. Димитровым желание вернуться на родину, болгарское правительство не только не дало согласие, но сообщило, что т. Димитров утратил болгарское подданство. Вскоре после этого 15 февраля 1934 г. правительство СССР вынесло постановление о принятии т. Димитрова и тт. Попова и Танева в советское гражданство, что сыграло важнейшее значение в их освобождении.

27 февраля рано утром в условиях полнейшей тайны и чрезвычайной поспешности болгарские коммунисты были посажены на аэроплан и направлены в Москву, куда они прилетели в этот же день.

Глава IV и последняя Сборника—«В Москве» содержит ряд документов, характеризующих дальнейшую кипучую, боевую деятельность т. Димитрова по разоблачению поджигателей рейхстага из среды правящих кругов германского фашизма, по мобилизации масс на борьбу с фашизмом, по созданию единого международного фронта борьбы за освобождение узников фашизма и, в первую очередь, вожда германского революционного рабочего класса товарища Эрнста Тельмана.

В главе IV помещены: интервью, данное т. Димитровым представителям иностранной и советской прессы в день его прибытия в Москву, 27 февраля 1934 г. (стр. 168—171); письмо 18 марта Ромэн Роллану и Анри Барбюсу (стр. 172—173); ответы на вопросы из беседы

с представителями иностранной коммунистической прессы — «Первые уроки» (стр. 174—180); отрывок из беседы с сотрудником «Юманитэ», Флоримоном Бонтом—«Пламенный привет антифашистским бойцам Франции» (стр. 183—186) и, наконец, выдержки из брошюры т. Димитрова «Спасите Эрнста Тельмана» (стр. 189—191).

Страстные призывы т. Димитрова «Надо бороться с фашизмом шаг за шагом, наносить ему удар за ударом» (стр. 147), «Спасение Тельмана — дело чести международного пролетариата, долг каждого честно мыслящего человека во всем мире» (стр. 191), которыми пронизаны его беседы и статьи по возвращении в СССР в 1934 г., с такой же исключительной силой звучат сегодня, когда в Германии и Италии прокатилась новая волна белого террора, а испанские мятежные генералы превосходят своими зверствами отцов «святишей» инквизиции.

Сборник т. Димитрова «Перед фашистским судом» должен быть изучен каждым партийным и непартийным большевиком, а тем более он должен быть особо рекомендован как настольная книга каждому работнику советской юстиции, так как документированная в нем историческая схватка между фашизмом и коммунизмом, укрепляя нашу ненависть к гнусностям и мерзостям фашизма, показывая, как нужно с фашизмом бороться и побеждать, — в то же время помогает нам глубже и конкретнее изучить и понять механизм буржуазного «правосудия» на том этапе и в тех странах, где господствует открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала.

Нужно лишь пожелать, чтобы в следующем издании Сборника т. Димитрова был помещен его «Ответ господину Риббентропу» («Правда» от 8 января 1936 г. № 8), где мы находим классическую ленинско-сталинскую критику теории и практики «особой правовой системы фашистской Германии, критику, являющуюся обобщением тех мыслей о гитлеровской «юстиции», которые т. Димитров развивал на процессе.

А. Бажанов.

## Болшевы<sup>1</sup>

Очерки по истории Болшевской трудкоммуны НКВД. Издательство «История заводов» 1936 г., стр. 550, цена 10 руб.

Книга «Болшевы» дает в форме художественного очерка подлинную историю создания и развития лучшей трудовой коммуны НКВД, лучшей колонии, перевоспитывающей несовершеннолетних преступников.

В 1924 г. Советской стране приходилось еще залечивать тяжелые раны, нанесенные империалистической и гражданской войной и интервенцией зарубежных империалистов. Одним из самых тяжелых последствий этих войн, разрухи и голода была массовая детская беспри-

<sup>1</sup> Развернутая рецензия на эту же книгу печатается т. С. Я. Булатовым в IV книге «Проблемы уголовной политики».

зорность. Тысячи детей, лишившись родителей, выбитые из колеи, без крова, без куска хлеба шли по старой проторенной дорожке воровства и преступлений.

У асфальтовых котлов, у костров на улицах, в брошенных подвалах полуразрушенных домов собирались эти подростки и все глубже вращались в преступный «блатной» мир.

В 1924 г. Феликс Эдмундович Дзержинский на заседании ЦК партии предложил бросить часть сил ВЧК на борьбу с беспризорностью. Это было сделано не только потому, что аппарат ЧК, благодаря своей организованности, силе и четкости исполнения, мог быстрее и лучше провести ту работу, которую делали уже органы Наркомпроса. Борьба с детской беспризорностью и с детской преступностью, по мысли Дзержинского, входила в прямую задачу ЧК. Для того чтобы уничтожить преступность, нужно прежде всего лишить уголовные элементы возможности набирать себе смену из бесприютных ребятешек. Такая задача была поставлена перед чекистом Матвеем Погребинским, которому была поручена организация этого дела.

Погребинский прочитал книги буржуазных ученых об их системе исправления. Эта система дает общий итог, сформулированный буржуазным ученым Листом в следующем ироническом афоризме: «Каждое последующее наказание увеличивает склонность к осуждению». Погребинский побывал в детских домах для дефективных, беспризорников, и в исправительных домах. Погребинский посмотрел, что пригвоздит к себе на свободе беспризорников. Он встречался у ночных костров с беспризорниками и несовершеннолетними преступниками.

Погребинский находит себе помощника, знакомого по старой работе, врача Сергея Петровича Богословского, непосредственного организатора коммуны. Вместе с ним из маленькой группы беспризорников, взятых из детского дома, и несовершеннолетних воров, отобранных из тюрем «по добровольному соглашению», Погребинский начинает создавать трудкоммуну около Болшево, почти на пустом месте, в полуразрушенной усадьбе, принадлежащей до революции Крафту. В коммуну везли без конвоя, в коммуне жили без охраны. Как удалось удерживать от побегов? Как удалось из разнузданной банды разложившихся до конца подростков создать честных работников? Историю этой долгой борьбы показывает книга.

В основу организации жизни в коммуне были положены указания Дзержинского о доверии, свободной обстановке, внимании к живому человеку. С самого начала было решено отказаться от «просветительно-культурнических» иллюзий. В основу переделки бывших воров в честных людей должен быть положен труд, который, как указывал еще Маркс, является единственным средством исправления преступника. С самого начала в трудкоммуне был выдвинут принцип самостоятельности, коллективности и самодисциплины.

В противоположность той опеке, которая развивала зачастую иждивенческие настроения у беспризорников, собираемых в детских домах МОНО (а это было особенно опасно практиковать с ворами, и без того имеющими много паразитических наклонностей), было решено, чтобы все, нужное для себя, делали сами будущие коммунары. Наконец, в основу организации жизни коммуны было положено стремле-

ние переключить в полезное социальное русло даже не писанные законы профессиональной преступной этики, склонность воров к романтике, чтобы эти привычки, эту спайку переработать в новую дисциплину коллектива (см. стр. 31).

Эти простые и ясные принципы очень не просто, однако, было провести в жизнь. Это потребовало исключительной гибкости, исключительного умения сочетать твердость и терпение, это потребовало исключительно умелого не только педагогического, но и подлинно большевистского подхода.

Когда Погребинский отбирал воров, из которых должна была сложиться коммуна, он сразу же подчеркнул начало добровольности и коллективности в дисциплине коммуны. Он сразу же стремился убедить воров, что они калечат свою собственную жизнь, что они сами себя обкрадывают.

Не сразу, конечно, дошли эти слова до сознания воров. Едва ли не все, кто жил в коммуне, шли туда с первой мыслью, что вступление в коммуну — только путь к бегству, только очередной этап между воровством и новым заключением в тюрьму.

Коммуна проходила через тяжелые трудности; не раз казалось, что все дело развалится, что все безнадежно. С осторожностью приходилось втягивать подростков, презиравших труд, не знавших слова «трудиться», а заменивших его словом «ишачить», в первую работу. Первые сапоги, которые были сделаны в коммуне, весили 12 фунтов; первая табуретка 20 фунтов и обошлась эта табуретка дороже, чем большой шкаф. Но через эти трудности, один за другим — сперва, чтобы получить новые сапоги или заработать на махорку, а затем по привычке — втянулись воспитанники в труд.

Как только были преодолены первые трудности, как только было положено начало вовлечению воспитанников в производственную работу, эта работа сама начала помогать преодолевать новые трудности.

Первая весна в Болшевской трудкоммуне была критической весной. Как только потеплело и засветило солнце — бродяжий бог «Болдоха», — воспитанников коммуны потянуло к старым бродяжьим привычкам. Опасность массовых побегов угрожала разрушить коммуну до тла. Желая предупредить эти побегии один из воспитателей коммуны, Мелихов, явился к Погребинскому с просьбой разрешить свозить ребят на юг. Погребинский высмеял это предложение, он показал, что в тех детдомах малолетних правонарушителей, которые пробовали вывозить ребят на курорт, побегии не прекращались, потому что не умели занять ребят, давали не ту романтику, которая нужна.

Лечить от побегов, побеждать побегии Погребинский предложил по-иному. Трудкоммуне дан был первый серьезный заказ — пошивка сапогов на Красную армию. Несмотря на новые трудности, доходившие до кражи заготовок, основной коллектив коммунаров удалось увлечь этой работой.

На помощь производственной работе мобилизовали и спорт — была создана первая футбольная команда. Ее первое поражение и борьба за новые победы удержали в коммуне многих коммунаров.

И вот от непомерно дорогих и неуклюжих сапогов и табуреток коммуна шагнула далеко.

коммуна превратилась в «большое хозяйство». Старые принципы можно было поднять на новую высоту. Уже не о пошивке сапог для самих воспитанников, не о заработке на махорку, а о балансе и планах строительства коммуны ставился вопрос на собрании в хозяйственном отделе ОГПУ. При участии воспитанников коммуны создавались даже технические проекты.

Трудкоммуна стала приносить пользу всему государству, она оправдала себя и с экономической стороны. Это потребовало, конечно, не только громадной затраты людских сил, таланта и терпения, но и затраты больших материальных средств. Эту сторону развития коммуны рисуют данные об итогах ее десятилетней производственной работы, об итогах капиталовложений в хозяйство Болшевской трудкоммуны.

Если эти цифры известны не многим, то все знают сейчас материальный результат этой производственной работы: спортивный инвентарь, сделанный на фабриках коммуны, распространен по всему СССР, марка «ТК» известно в любом уголке Советского союза.

Коммуна прошла через борьбу с «вожачеством», старыми «паханами» преступного мира. В этой борьбе коммуна выковала актив, который смог повести за собой весь коллетив, который мог противопоставить преступной спайке волю большинства к переделке к здоровой жизни. В этой борьбе особенно развились методы сочетания индивидуального подхода с коллективностью. И Погребинский, и Богословский и активисты коммуны не жалели времени и забот, не щадили терпения, чтобы добиться перелома в человеке, чтобы сделать из него своего опору.

Когда один из активистов Накатников «свихнулся» и задумал бежать, когда он, самовольно явившись в Москву к Погребинскому, грубо заявляет ему об этом намерении, Погребинский под разными предлогами удерживает его двое суток у себя и добивается нужного перелома (см. стр. 225, 226).

Когда нужно показать коммунарам, что для них открывается подлинная, настоящая жизнь «как у всех людей», Погребинский тратит несколько дней на то, чтобы добиться согласия крестьянской семьи на выход крестьянской дочери за бывшего вора Гуляева. Это время было затрачено не даром: для бывшего беспризорника и вора получить семью — это значит получить настоящую «натуральную» жизнь, это значит в большинстве случаев закрепить свое перевоспитание окончательно. Первая свадьба в Болшевской коммуне послужила толчком для перехода к этой «натуральной» жизни многих и многих десятков.

Вот цифры, которые показывают как изменился в этом отношении состав Болшевской трудкоммуны: в 1925 г. среди членов коммуны был только один семейный — Гуляев, о котором мы говорили, в 1926 г. — 2, в 1927 г. — 10, в 1928 г. — 24, в 1929 г. — 64, в 1930 г. — 190, в 1931 г. — 290, в 1932 г. — 440, в 1933 г. — 650, в 1934 г. — 1 034, в 1935 г. — 1 036.

Особенное значение это завязывание новой жизни (на воровском жаргоне, кстати сказать, «завязаться» значит бросить воровство, начать легальную жизнь) имело для девушек — бывших воровок и преступниц. Они позже были приняты в коммуны, и им, пожалуй, еще трудней, чем мужчинам, давался переход к новой жизни.

Опираясь на созданный в коммуне актив, опираясь на внутреннюю спайку, привычную для бывших преступников, но направляя ее в другое русло, воспитатели коммуны организуют новую коллективную дисциплину. Бывшие воры, для которых самое страшное и позорное — быть «лягавым», т. е. выдать своего, приходят к сознанию, что тот из коммунаров, кто крадет, обкрадывает и позорит всех, помогает тем кулакам из окрестной деревни, которые яростно протестовали против образования Болшевской коммуны. Эти бывшие воры сами беспощадно искореняют воровство в своей среде. Они едут в Москву, чтобы изловить в «шалмане» — воровском притоне — своего бывшего товарища, совершившего подлую кражу у приютившего его чекиста. Они ликвидируют при помощи своих недавних «врагов» — агентов уголовного розыжка — «шалман», созданный бывшими «друзьями» — притондержателями, в непосредственном соседстве с трудкоммуной, «шалман», созданный с целью отвоевать у коммуны ее воспитанников.

В коммуне создается свой товарищеский суд — «конфликтная комиссия». Бывшие воры, которым доверена ответственная задача судить своих же товарищей за нарушения дисциплины и законов коммуны, изменяются под влиянием общественного доверия. Воспитателями коммуны приходится даже останавливать строгость коммуны к нарушителям ее порядка (см. стр. 295).

Старой воровской идеологии, паразитизма и разложения нельзя было бы искоренить, если бы ей не было противопоставлена идеология иная, идеология более мощная. Перевоспитание было бы невозможно, если бы коммуна не развернула политическую работу. Этот путь был также полон трудностей.

Два комсомольца — Галанон и Калинин, которым доверена была эта тяжелая задача, которых коммунары подсмеиваясь называли «политиками», должны были начинать очень издавка, должны были действовать очень осторожно. С шуток и фокусов, с помощью коммунарам в отдельных случайных вопросах, подходили эти ребята к сложной задаче, стоящей перед ними. Доходило и до трагических конфликтов. Вся работа чуть не пошла на смарку, когда на ехидный вопрос, «сколько судимостей имеет право иметь комсомолец», один из комсомольцев ответил: «члены комсомола не имеют права на судимость».

Потребовалось немало усилий затем, чтобы показать бывшим преступникам, что путь в комсомол не закрыт для них.

Лучшие активисты, проверенные на работе, вошли в комсомол, лучшие из лучших были приняты потом и в партию. Итоги 16-летней напряженной и кропотливой работы рисуют следующие цифры: в 1925 г. в Болшевской трудкоммуне было 18 членов комсомола, в 1926 г. — 21, в 1927 г. — 27, 1928 г. — 32, в 1929 г. — 48, в 1930 г. — 67, в 1931 г. — 84, в 1932 г. — 132, в 1933 г. — 117, в 1934 г. — 130, в 1935 г. — 131.

Эти цифры не могут передать всю действительную значимость политической работы, проделанной в коммуне. Вся трудкоммуна создана, только благодаря деятельности партии и комсомола. Самим фактом своего существования коммуна агитирует за отказ от воровской жизни, она показывает возможность получить «путевку в жизнь». Характерно, что даже бежавшие из коммуны, не устоявшие, не раз ста-

новились среди находящихся на свободе воров агитаторами за добровольную явку назад в коммуну, за то, чтобы добиваться приема в коммуну как высшего блага. Замечательное описание одного из таких возвратов дает книга «Болшевы» (см. стр. 479—481).

Рост политической сознательности, смена старой идеологии паразитизма новой, трудовой, советской идеологией происходила незаметно даже у самых отсталых. Это делало возможным по-новому поставить и само втягивание в трудовой процесс. Накатников так объясняет Гуляеву (оба бывшие воры, ставшие активистами — руководителями работы) секрет втягивания новичков в труд: «Подходишь ты к новичкам только как хозяйственник и больше ничего. Вишь новость сказал ты ему: «через тебя коммуна убыток принимает», ему это и без тебя известно... ты ббьясни ему, что он не только станок ломает, а и жизнь свою калечит. Политический убыток ему от поломки подсчитай. Не много я ему сказал: «буржуазии помогаешь» — а гляди, как он взberoшилсЯ — говорит: «за такие слова ответить можешь»... Политики в твоей агитации нехватает» (стр. 528).

Именно эта политика в агитации помогла сделать из бывших воров воспитателей тех, кто не хочет еще бросить воровскую жизнь.

В росте коммуны в Болшеве, в развертывании других трудовых коммун по ее типу приходилось встретиться еще с одним врагом — с силой инерции, с боязнью самих коммунарoв, самого актива перед этим расширением задач и работ коммуны. Особо остро стала задача борьбы с этой инерцией даже лучших активистов, когда решался вопрос о втягивании в коммуну девушек. Многие активисты, искренне заботившиеся о коммуне, резко протестовали против этого нового опыта. Один из них, Беспалов, выражая общее настроение, так кричал на собрании: «Блатные бабы любят распутную жизнь, карман любят звонкий. Воровство, пьянство, шаманский разгул — вот что ждет коммуну»...

Немало труда пришлось потратить руководителям коммуны, напоминая этим активистам их собственное прошлое, чтобы сломить эти настроения, чтобы заставить тот же вопрос поставить по-новому. Появление в коммуне девушек вызвало не один случай разложения, вызвало много новых трудностей, но эти трудности были сломлены силами самих активистов. Коллективная ответственность лучших за худших помогла преодолеть эти трудности.

Опираясь на свои принципы, Болшевская трудкоммуна смогла втянуть и перевоспитать не только тысячи несовершеннолетних преступников. В Болшеве получили путевку в новую жизнь и некоторые старые закоренелые преступники, вроде знаменитости преступного мира, приговоренного к смертной казни, «медвежатника» (т. е. взломщика касс) Мологина. Он шел в коммуну, как и большинство, также думая обмануть, а коммуна этого закоренелого человека втянула в работу, переделала. Он был, в числе 14 бывших преступников, награжден к 10-летию коммуны почетной грамотой ВЦИК СССР за громадную работу, проделанную по перевоспитанию других, таких же опасных преступников, для которых много значил на первых порах не столько его авторитет в коммуне, сколько его бывший авторитет удачливого преступного главаря.

Воспитательная работа трудкоммуны не достигла бы своих результатов, если бы ее руководители, если бы поддерживающие их организации, если бы, партия прежде всего, мобилизовала на помощь внутренней работ трудкоммуны общую работу страны. Болшевы перевоспитали не только воспитатели активисты из их собственной среды. Болшевы перевоспитали также те связи, которые установились между ними и всей страной, те поддержки, которую видела трудкоммуна у лучших людей, включая Горького, Барбюса и многих других.

Немалую роль сыграла связь с населением окрестных деревень и заводами. Болшевские активисты научились вовлекать в свою работу родителей бывших правонарушителей, которые не смогли сами удерживать своих детей от преступлений, но смогли помочь немало работ трудкоммуны.

Сложная работа Болшевской трудкоммуны описана в книге «Болшевы» интересно и правдиво. Это не означает, конечно, что в книге нет отдельных недостатков.

М. Горький в своем предисловии отмечает, что в книге есть «недостатки», «оплошности», «недоговоренности», которые должна отметить товарищеская критика. Эти недостатки незначительны в сравнении с положительными сторонами этой большой книги. В рецензии нельзя, конечно, отделаться таким замечанием. Недостатки должны быть указаны и тогда, когда они не меняют общей оценки книги. Недостатки должны быть отмечены особенно тщательно, в частности, потому, что книга создана, как указывает Горький «писательской молодежью», для которой эта работа лишь один из этапов роста молодежи, которая должна научиться писать не только так же хорошо, но еще лучше.

Книга решает задачу, трудную уже с литературной стороны. Книга написана коллективом, книга пытается в художественной, интересной форме дать точное описание фактов. Это делает особо трудной задачу достижения единства стиля, замысла и внешних форм строения книги. Эта трудная задача решена в основном хорошо: книга читается легко, книга увлекательна, но есть и промахи, есть и отдельные неряшливости в этой большой работе.

В ряде мест книга излишне растянута. 550 страниц — это объем, не только делающий книгу слишком дорогой для массового читателя, но и затрудняющий цельность впечатления от чтения. Если бы книгу сжать, если бы материал сконцентрировать, — это пошло только на пользу книге и это могло бы быть сделано без всякого сокращения приведенных в ней фактов. В книге нередко встречаются слишком длинные, не всегда достаточно выразительные биографии, перегруженные массой ненужных деталей, подробностей и описаний прошлой воровской жизни воспитанников трудкоммуны. Иногда даже в лучших с художественной стороны описаниях, — например, в описании преступной карьеры «медвежатника» Мологина — в биографии Накатникова (стр. 32—43) проскальзывают нотки некоторого опоэтизирования «блатной романтики».

Это — недостаток не только литературной формы. Искоренение похвальбы, преступным прошлым, количеством судимостей, «уркаганской» славой — одна из трудных задач воспитательной работы в трудовых коммунах.

История большевцев будет читаться многими и многими бывшими преступниками и она должна помогать воспитательной работе коммун, развеивая до конца все традиции и пережитки «блатного» прошлого.

Некоторая растянутасть описаний книги связана с тем, что иной раз авторы не всегда удачно стремятся дополнить показ героев книги описанием их психологических настроений, а иногда и ненужными «литературными» украшениями. Например, в одной из лучших глав книги, описывающей психологическую перепалку старого взломщика Мологина, даются такие ненужные по существу, снижающие впечатление от очерка, разъяснения психологических переживаний Мологина:

«Мологин ушел с собрания, успокоенный сознанием, что сделано много и то, что сделано, не может не принести своих плодов».

Через одну страницу интересное описание «конференции родителей» большой группы правонарушителей, вновь поступивших в коммуну, резюмируется таким соображением, приписываемым организатору конференции, бывшему преступнику Кузнецову:

«Собирать чаще, держать постоянную связь с этими людьми, повысить их чувство ответственности за детей, за родных — может получиться немалый результат», — думал Кузнецов» (стр. 491).

Зачем нужно было так скучно описывать мысли человека, сделавшего такое интересное дело?

Иногда неудачное описание внутренних переживаний делает смешными и неправдоподобно восторженными и сентиментальными людьми тех твердых и мужественных воспитателей, которые создали коммуну.

Описывая встречу старейшего основного работника коммуны Богословского, разговор его с Погребинским, заявившим, что ему поручено организовать коммуну для исправления молодых воров, авторы так описывают переживания Богословского:

«Богословский слушал, задерживая дыхание. Иногда, не утерпев, он шептал:

— «Это да, вот это замахинулись».

Не говоря о странном жаргоне, которым авторы заставляют выражаться Богословского, вряд ли это описание его переживаний помогает понять действительный характер человека, вынесшего на своих плечах самый трудный период организации коммуны. Такое дело требовало прежде всего не восторженности и затанцованного дыхания, а негибкого упорства и целеустремленности.

Чтобы покончить характеристику недостатков литературной формы, приходится отметить что иногда, правда редко, встречаются небрежности стилистические. В целом, книга написана хорошим, простым языком, без каких-либо выкрутас. Тем досаднее, что встречаются иной раз выпадающие из общего стиля фразы канцелярские обороты речи, напоминающие язык трафаретных резолюций. Так, на стр. 443 новая обстановка работы в коммуне характеризуется такими словами: «воспитатель получил неограниченные возможности подхода к людям с полным учетом их индивидуальности».

Небрежность в обращении с литературной формой иногда переходит (правда, чрезвычайно редко) в неряшливое обращение с фактами. Описывая историю одного из интереснейших

людей, созданных коммуной, — Фиолетова, ставшего теперь директором спортивно-лыжной фабрики, и членом партии, автор на стр. 444 объявляет, что «Фиолетов знал столлярное дело, не задумываясь он сказал: — встану к верстаку на лыжной фабрике». На следующей странице (где, как на грех, соответствующие строчки приходится прямо против только что приведенных) оказывается, что Фиолетов завоевал звание лучшего слесаря в коммуне. Еще на следующей странице можно узнать, что Фиолетов из столяров стал секретарем комсомольской ячейки.

Читатель, во-первых, вправе заинтересоваться, кем же собственно был Фиолетов — столяром или слесарем, а, во-вторых, вправе предположить, что автора, писавшего историю Фиолетова, такие «мелочи» недостаточно интересовали. В такой книге, как «Большевы», малейшая небрежность или вольность в обращении с какими бы то ни было фактами абсолютно недопустима. Это может подорвать доверие к правдивости книги, к тщательности изучения фактов, в ней описанных.

Есть в книге некоторые погрешности и по содержанию. Так, с тем же Фиолетовым, — не то столяром, не то слесарем, — автор потерпел крушение и на серьезном политическом вопросе о политическом воспитании.

На первое предложение вступить в комсомол Фиолетов, уже зарекомендовавший себя большой активной работой в трудкоммуне, по словам автора «самолюбиво» ответил: «не хочу. Я все вижу. У вас в ячейке нет демократизма. Комсомольцы только приказывают, они приходят на собрание с готовыми резолюциями». На эти слова секретарь комсомольской ячейки Селин (если верить автору) промолчал, а затем отправил Фиолетова делать доклад в деревне о проведении субботника по насаждению деревьев. Фиолетов выучил наизусть статью о субботнике, сделал доклад по конспекту, «не отрывая от него глаз» и спросил: «Кто хочет выступить?». Все молчали. Тогда Фиолетов вспомнил, что он говорил о субботнике вообще, а не делал никаких конкретных предложений. На него смотрели все с ожиданием, и он заявил: «Имеется такая резолюция: «Заслушав доклад о субботнике, мы постановляем посадить у школы яблони... Считаю руку», поднятые над партами, Фиолетов изъял, почему Селин, вместо того, чтобы спорить с ним о демократизме в комсомольской ячейке, послал его сделать доклад» (стр. 434).

Может быть Фиолетов и понял, почему Селин не разъяснил его вопроса, но мы боимся, что большинство из читателей этого не поймут. Неужели автор думает, что фактом необходимости самому предлагать резолюцию по плохо подготовленному докладу можно ответить на вопрос о значении демократизма и дисциплины в комсомоле или в любой советской организации? Нехорошо это вышло...

Единичные ошибки и недостатки, которые встречаются в книге, никак не могут изменить заслуженной высокой оценки книги.

Книга хорошо решает поставленную перед ней трудную задачу. Рассказ о сложной работе «инженеров душ» М. С. Погребинского, С. П. Богословского и других, рассказ о трудном процессе рождения нового человека из бывшего профессионального вора убеждает своей правдивостью. Это главное. Именно поэтому эту большую книгу, несмотря на отдельные

литературные погрешности, читаешь «залпом», как увлекательный роман. Книга будит мысль, книга служит делу пролетарского гуманизма. «Эта книга» — справедливо пишет в предисловии к ней М. Горький — «показывает, как воспитанный мещанством маленький хищник собственности превращается в сознательного врага ее, готового на борьбу за освобождение всей массы трудового народа из ее цепей, готового на честную героическую работу строительства нового мира. Этого смысла книги вполне достаточно для того, чтобы признать ее ценность и дать ей широкую дорогу в массы не только наших читателей: пролетариат всех стран должен знать, как и в каких формах, какими приемами следует выявлять активный пролетарский боевой гуманизм». Именно это позволило М. Горькому дать книге «Болшевики» самую высокую, самую почетную в нашей стране оценку — назвать ее «значительной большевистской книгой».

С. Булатов

**А. Елоховский** — «Производственно-товарищеские суды на железнодорожном и водном транспорте» — Советское законодательство. 1936 г. стр. 108, цена 55 коп.

Брошюра А. Елоховского представляет собой достаточно тщательно составленное краткое практическое руководство.

Дать именно практическое пособие для работников, руководящих деятельностью товарищеских судов на транспорте (железнодорожном и водном) — такова цель брошюры.

Задачи производственно-товарищеских судов, организационные принципы их построения, порядок и сроки избрания и отзыва судей, подсудность и порядок возбуждения дел в судах, применяемые производственно-товарищескими судами меры воздействия — все это явилось предметом детального обзора автора.

Одна из положительных черт брошюры — ряд собранных в ней в качестве приложения постановлений ВЦИК и СНК РСФСР и инструкций ВЦСПС и НКЮ РСФСР и УССР о производственно-товарищеских судах.

Достаточная тщательность обработки указанного материала, однако, еще не говорит о достаточной полноценности брошюры.

Прежде всего заслуживает критики ряд приводимых автором положений, касающихся компетенции производственно-товарищеских судов.

Одним из таких положений является постановление ВЦСПС и НКЮ РСФСР, изданное 27 февраля 1933 г., которым производственно-товарищеским судам разрешено «по согласованию с администрацией рассматривать и дела «о нарушениях со стороны лиц административно-технического персонала до мастера включительно», а также дела о волоките в проведении рабочих предложений» (п. 9 пост. президиума ВЦСПС и коллегии НКЮ РСФСР от 27 февраля 1933 г.).

Такое расширение компетенции производственно-товарищеских судов, поддерживаемое автором брошюры, не выдерживает никакой критики.

Совершенно естественно, что эти «лица административно-технического персонала до мастера включительно», отданные на суд производственно-товарищеского суда этого же предприятия или учреждения, не будут пользо-

ваться никаким авторитетом в глазах рабочих. Именно поэтому с нашей точки зрения это «расширение компетенции» никак нельзя признать правильным. Необходимо указать кроме того, что от автора брошюры ускользнуло обстоятельство, что ни ВЦСПС, ни НКЮ РСФСР не вправе «расширять рамки закона». «Расширять рамки закона» могут органы, издающие законы, и никто другой.

Вызывает недоумение далее утверждение автора, что «каждый работник производственно-товарищеского суда и, в особенности, его председатель обязан проявить инициативу в возбуждении дел о поступках, получивших известность на предприятии и в учреждении» (стр. 37).

Ну, а что если такие поступки не получили известности на предприятии и в учреждении или если такие поступки стали известны только работнику производственно-товарищеского суда или его председателю?

Следует ли положение автора понимать так, что на такой поступок производственно-товарищеский суд не обязан реагировать?

Абсолютно неправильно утверждение автора, что «умело проведенное заседание производственно-товарищеского суда оказывает не только моральное воздействие на нарушителя трудовой дисциплины, но является причиной подъема социалистического энтузиазма» (стр. 46).

Автор прав, конечно, что «умело проведенное заседание производственно-товарищеского суда оказывает моральное воздействие на нарушителей трудовой дисциплины», но он абсолютно не прав, полагая очевидно, что производственный энтузиазм подогревается такими мерами, как воздействие производственно-товарищеского суда.

Такое представление об источнике и условиях развития энтузиазма лучших людей нашего социалистического хозяйства приводит к грубейшему извращению действительности.

Думать, что «умело проведенный производственно-товарищеский суд является причиной подъема социалистического энтузиазма», значит прямо клеветать на социалистическое современное, ударничество, стахановское движение, возникающее, развивающееся и растущее не под влиянием суда, хотя бы и товарищеского, а под влиянием высокой политической сознательности, овладения техникой своего дела, глубокого изучения и знания своего производства наиболее талантливых и передовых людей рабочего класса.

Конечно, культурно проведенный производственно-товарищеский суд не может не оказывать своего влияния на подъем производительности труда и повышение производственной культуры на отсталых участках нашей хозяйственной жизни, но это не дает никакого основания говорить о решениях производственно-товарищеских судов и самих производственно-товарищеских судах, как о причине «подъема социалистического энтузиазма».

Неудачно замечание автора о том, что на транспорте и его подсобных предприятиях — затонах, верфях, ремонтных заводах, мастерских — не переводятся несчастные случаи с рабочими (увечья, мелкие телесные повреждения, ушибы и т. д.) (стр. 86).

Такое утверждение способно породить неправильное представление о действительном состоянии у нас техники безопасности.

Несколько слов о стиле письма.

В брошюре имеются такие выражения «нежелательные недочеты» (стр. 25). Разве бывают желательные недочеты? «Возникновение дел о кражах в производственно-товарищеском суде» (вместо, очевидно, рассмотрения дел и

т. д.); «Разворот новых методов» (стр. 31); «Целодневные прогулы» (стр. 32), — которые сильно портят эту брошюру, и без того нуждающуюся, как мы видели выше, в исправлениях.

3. В.

## ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

### От Всесоюзного института юридических наук

В № 26 «Советской юстиции» за 1936 г. появилась заметка П. Момота «Об одном методическом письме». Заметка П. Момота не требовала бы ответа, если бы не то обстоятельство, что методическому письму Института об опознании личности обвиняемого при расследовании преступлений предназначено служить непосредственным практическим руководством для органов расследования. Необоснованная критика письма может дезориентировать практических работников в ряде вопросов расследования. Поэтому необходимо дать оценку заметке П. Момота.

1. Разработка проекта методического письма «Опознание личности обвиняемого при расследовании преступлений» была поручена Институту судебной политики В. И. Громову. Тов. Громов поручение выполнил, представленный им проект был в основном одобрен и подвергся тщательному редактированию, с внесением в него ряда изменений.

2. По своему содержанию письмо является ценным практическим руководством для следователей, и в заметке П. Момота нет ни одного указания на неправильность какого-либо методического положения этого письма по существу.

3. Соображения П. Момота относительно того, что в методическом письме должны были быть использованы данные экспериментальной психологии по вопросам «взаимоотношений зрительно-образной и вербальной памяти» и «эффективной памяти» в направлении разработки, данной профессором Блонским, являются ненаучными, уводящими практическую следственную деятельность в область такого рода психологических изысканий, которые лишены научного марксистского обоснования.

4. Необоснованным является также указание П. Момота на неиспользование в методическом письме таких «достижений» буржуазной следственной практики, как демонстрирование снимков преступников через кино и телепередача этих снимков. Применение этих методов в нашей следственной практике в тех формах, в каких она применяется в буржуазных странах было бы недопустимым. Научно же разработка этого вопроса в советской криминалистике не производилась и она не может быть дана в методическом письме. Указание методического письма на то, что опознание подозреваемого по фотографической карточке не может быть признано достаточно надежным доказательством, является правильным.

5. При разработке проекта письма В. И. Громовым была использована его старая работа на тему об опознании, опубликованная в 1914 г. Некоторые чисто технические моменты, изложенные в этой работе и являющиеся технически целесообразными, В. И. Громовым использованы при разработке проекта методического письма. Само же методическое разработано на основе самостоятельного изучения материалов советской следственной практики последних лет. В проекте письма В. И. Громовым был приведен ряд примеров из этой практики последних лет. Часть этих примеров была исключена при редактировании в целях сокращения объема методического письма. Пример с делом Ситова и с делом Улитина, относительно которых П. Момот утверждает, что они являются вариациями или «причесыванием на советский лад» примеров, приведенных в работе Громова в 1914 г., взяты из двух дел Московского областного суда, рассмотренных в 1934 г. Только один пример — с опознанием инсценировки — действительно заимствован Громовым из его статьи 1914 г., и ошибкой Т. Громова является то, что он этого не оговорил в представленном им проекте методического письма.

Поэтому мы считаем, что критика письма, данная в заметке П. Момота, необоснована и не отвечает действительному значению и содержанию методического письма Института об опознании личности обвиняемого.

Директор Всесоюзного института  
юридических наук Волков

Зам. зав. сектора судебного права  
Строгович

### По поводу одной рецензии

В № 26 журнала «Советская юстиция» за 1936 г. напечатана библиографическая заметка П. Момота под заголовком: «По поводу одного методического письма», являющаяся по содержанию рецензией на изданное Институтом уголовной политики методическое письмо об опознании личности обвиняемого.

Основным содержанием заметки П. Момота является развитие и доказывание утверждения, что методическое письмо Института уголовной политики воспроизводит статью В. И. Громова, опубликованную в 1914 г. в «Журнале министерства юстиции».

Прежде всего я должен перед П. Момотом огласить «тайну», которой он, повидимому, не

подозревал: автором-составителем методического письма являюсь я, и проект письма был мною написан по заданию Института. А потому я должен принять на себя и все упреки за дефекты, которые автор рецензии приписывает составителю методического письма.

Статья на тему об опознании, напечатанная 22 года тому назад в «Журнале министерства юстиции», которую П. Момот розыскал в архивах юридических журналов и при помощи которой разоблачает «секрет Полишинеля», также принадлежит мне. Эта статья в юридической литературе была первой работой, посвященной вопросу о методике проведения того процессуального акта, который в практике следствия принято называть актом опознания. Ни до этого, ни после этого в литературе не появлялось работ, посвященных этому вопросу, если не считать моих же статей и очерков, имеющих в руководствах и пособиях по методике расследования.

Поскольку речь шла о технике, о методических приемах, содействующих правильному проведению опознания на следствии, вполне естественно, что приступив по заданию Института к составлению методического письма, после тщательного изучения ряда дел из следственной практики последних 2—3 лет, я использовал и свою старую работу по этому же вопросу, и в этом я не вижу ничего плохого. Этим объясняется между прочим и удивляющее П. Момота «совпадение выражений», сходство стиля методического письма и моей старой статьи. Ведь писало эти обе работы одно и то же лицо, хотя и с промежутком в 22 года.

Перехожу к возражениям по существу критических замечаний П. Момота.

Осуждая позаимствование составителем методического письма материала из моей старой статьи, П. Момот приписывает мне «махизм» воззрений по вопросу об «экономии мышления», так как я в этой своей статье в одном месте привел цитату из книги Э. Маха «Познание и заблуждение», изданной в 1909 г. по вопросу о том, что возвращение человека в обстановку, в которой он был раньше, помогает ему восстановить в своей памяти «все события того времени». Из того, что в моей работе, написанной 22 года тому назад, имеется ссылка на Маха, ссылка случайная, по частному вопросу и не связанная с существом вопроса о следственном акте опознания, никак не следует, что методическое письмо, разработанное мною в 1935/36 г. находится под влиянием Маха. В этом легко убедиться из прочтения методического письма Института уголовной политики. П. Момот, однако, утверждает обратное и рекомендует авторам методического письма ознакомиться с марксистской психологией мышлений... по книге Блонского «Память и мышление», выпущенной в 1935 году.

Никак не могу профессора Блонского признать «авторитетом». Авторитетный для П. Момота профессор Блонский является представителем «псевдо-научных» теорий и «в послевоенные годы стоял в стороне от социалистического строительства», «был вождем педологов и в течение ряда лет уродовал советскую школу» (см. «Известия» ЦИК от 23 сентября 1936 г. № 222). То, что в 1914 г. я по частному вопросу сослался на Маха, вовсе не следуя махической методологии и гносеологии, — это одно, а то, что П. Момот в 1936 г. про-

пагандирует Блонского, как достойного представителя марксистской психологии — это другое, и гораздо худшее.

Еще хуже обстоит дело П. Момота, когда он начинает критиковать самое методическое письмо Института уголовной политики.

Указания П. Момота на дефекты методического письма могут вызвать только улыбку у читателей-следователей. Утверждения П. Момота, основанные на догадках, будто в методическом письме приведены примеры из до-революционной следственной практики и только «причесаны под советский лад» — это игра фантазии П. Момота. В методическом письме положения методики акта опознания иллюстрированы всего на всего тремя примерами. Из них случай, описанный на стр. 7—8, взят из дела Московского областного суда — № 76, в 1934 г. — о трех грабжах, совершенных группой бандитов. Совпадение фамилии грабителя Ситова с такой же фамилией по другому делу, изложенному мной в статье, напечатанной в 1914 г., объясняется только тем, что я в своих работах имею обыкновение менять действительные фамилии участвующих в делах лиц. Настоящая фамилия обвиняемого по делу, приведенному в методическом письме была Решетников, а я ее изменил на «Ситов» (решето — сито). Вот и все. Второй пример опознания обвиняемого — по «огню папиросы» — взят также из дела Московского областного суда — № 54, 1934 г. — по обвинению Улитина по ч. 2 ст. 165 УК. (Кроме того у меня были даны еще пять примеров из следственной практики последних лет тоже из дел Московского областного суда (дела: № 480, 1933 год, №№ 59, 75, 83 и 833, 1934 г.), которые при окончательном редактировании методического письма были вычеркнуты одним из редакторов в целях сокращения брошюры).

И только один пример (стр. 24—25) опознания в «условиях воспроизведения (инсценировки) обстановки преступления» и притом «лицом, обладавшим исключительной памятью», взят из дела Краснова, описанного в моей статье 1914 г. Этот случай настолько интересен и поучителен, что я считал необходимым использовать его, тем более, что из нескольких сот дел, изученных мной в последние годы, я не мог вспомнить и найти ни одного случая опознания, на котором можно было бы хорошо иллюстрировать методические положения, изложенные мной в главе 7 письма. Этот случай, как образцовый пример, я всегда приводил и в своих лекциях, когда приходилось вести занятия на курсах по методике и технике расследования.

Другое замечание П. Момота, относящееся к вопросу об опознании по фотокарточкам я считаю совершенно абсурдным. Методическое письмо — не монография, и, давая в нем методические указания нашим следователям, совершенно было бы неуместным говорить о достижениях фотографии за границей, о том, что там получило применение фотографирование на киноэкране и т. д.

Вот и все, что смог привести П. Момот в своей рецензии. Но самое характерное и знаменательное — это то, что автор рецензии ни слова не сказал по существу содержания методического письма и не попытался опровергнуть ни одного из методических указаний, изложенных мной на 32 страницах этого письма. А ведь значение письма заключается

именно в том, что оно содержит практические методические указания для следователей, как они должны в своей практической работе производить опознание заподозренных лиц, чтобы избежать ошибок. Ни одной неправильности в этом отношении П. Момот в методическом письме не смог найти. Чего же стоит тогда его рецензия, чем же оправдывается его резко отрицательная оценка этого практического методического пособия и что другое может П. Момот предложить взамен нашим следователям?

И, наконец, надо принять во внимание следующее. Проект письма был разработан по поручению Института мной. Но мой проект тщательно редактировался авторитетными научными сотрудниками Института — процессуалистами-криминалистами; в него вносились дополнения, изменения и исправления. В своем окончательном виде письмо является результатом большой работы с использованием богатейшего материала нашей следственной практики (этот материал не исчерпывается помещенными в письмо примерами), и легковесная, написанная с расчетом на сенсацию заметка П. Момота не сможет эту работу обесценить.

**В. Громов**

## Забывшие работники

На страницах «Социалистической законности» много пишут о прокурорах, судьях, сле-

дователях, защитниках, секретарях. Но не было случая, чтобы вспомнили о курьере народного суда. Его просто не замечают. А между тем этот маленький работник выполняет большую ответственную работу. Этот работник, в большинстве случаев женщина, именуясь «курьером», по существу исполняет обязанности курьера, разносящего весь день пакеты, уборщицы и ночного сторожа. Занята она круглые сутки. Она не имеет выходных дней, не имеет спецовки. Заработная плата ее составляет по всем трем обязанностям 66 руб. а ведь от этого работника зависит правильная работа суда. Своевременная разноска пакетов не дает перебоев в работе суда. Судья спокойно спит по ночам, зная, что дела охраняются ночью надежной сторожкой. Сотрудники суда работают в чистой обстановке. Но эта чистота часто стоит уборщице ревматизма, ибо ей приходится мыть большие помещения холодной водой, не имея надлежащего приспособления для нагревания воды.

И вся эта работа проходит незамеченной, не премируют их. С завистью смотрят они на однородные должности в других учреждениях, где курьеры дают подчас худшее качество работы, но труд их лучше оценивается и лучше оплачивается.

**Розанова**

## По следам писем

Несмотря на неоднократные указания Прокуратуры Союза о необходимости расследование по каждому делу проводить быстро и тщательно, на местах это положение отдельными прокурорами и следователями все еще не усвоено.

Так 22 июля 1936 г. следователем Отрядненского района было направлено отношение прокурору Советского района Азово-Черноморского края с просьбой допросить срочно свидетельницу. Вместо выполнения этого требования, прокурор Советского р-на Елизаров поручает своей жене, которая работает у него в качестве секретаря районной прокуратуры, возвратить отдельное требование обратно следователю Отрядненского района без исполнения, с частной запиской: «Если вам так нужно скоро, приезжайте сами и допрашивайте».

Или другой факт. Народный следователь Отрядненского района Азово-Черноморского края 22 июля 1936 г. возбудил уголовное дело против гр. Губанова по ст. 158 УК за злостное уклонение от уплаты алиментов на воспитание двух детей. По этому делу требовалось выполнение отдельных следственных действий в Советском районе Азово-Черноморского края, как-то: допросить в качестве свидетеля гр-ку Губанову, приобщить справку о рождении и состоянии здоровья детей, а также приобщить копию решения суда Советского района.

Народный следователь Отрядненского района 22 июля 1936 г. послал отдельное требование прокурору Советского района Елизарову, но последний этого требования не выполнил.

15 августа 1936 г. народный следователь Отрядненского района послал прокурору Советского района первое напоминание и затем послал об этом сообщение прокурору Азово-Черноморского края, в котором указал, что следствие по делу Губанова задержалось больше месяца и закончить его не может в силу созданной волокиты со стороны прокурора Советского района.

31 августа 1936 г. жена прокурора Советского района — она же секретарь районной прокуратуры — Елизарова, разозлившись на следователя за то, что он жалуется на ее мужа, пишет от себя частную записку этому следователю, называя его самыми оскорбительными словами.

Естественно, возник вопрос, кто же является прокурором Советского района Азово-Черноморского края, Елизаров или его неуравновешенная супруга?

Вышеприведенные факты, изложенные в присланной в редакцию статье, полностью подтвердились, и по распоряжению прокурора Союза секретарь районного прокурора Елизарова с работы снята, а районному прокурору сделано предупреждение.

# Официальный отдел

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 80/2106

ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

О порядке взыскания штрафов, наложенных органами государственной санитарной инспекции

Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР постановляют:

Штрафы, наложенные органами Государственной санитарной инспекции согласно положению об этой инспекции, в случае неуплаты в установленный срок, взыскиваются:

а) с учреждений, предприятий и организаций путем списания соответствующих сумм с их текущих или расчетных счетов в кредитных учреждениях по предложению органов Государственной санитарной инспекции, наложивших штраф;

б) с работников учреждений, предприятий и организаций путем обращения взыскания на заработную плату этих работников по предложениям органов Государственной санитарной инспекции, наложивших штраф, с применением при этом правил ст. 22 «Положения о взыскании налоговых и неналоговых платежей» (СЗ Союза ССР 1932 г. № 69 ст. 410);

в) с прочих граждан, в случае необходимости применить меры принудительного взыскания — органами Рабоче-крестьянской милиции по предложению органов Государственной санитарной инспекции, наложивших штраф.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР М. Калинин.

Председатель Совета народных комиссаров Союза ССР В. Молотов.

Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР

8 декабря 1936 г.

г. Москва, Кремль.

## ИНСТРУКЦИЯ

о разграничении работы отделов общего надзора, следственного и уголовно-судебного Прокуратуры Союза ССР, прокуратур союзных и автономных республик и прокуратур краев и областей

В связи с реорганизацией структуры органов прокуратуры устанавливается следующее разграничение работы вновь организованных отделов общего надзора, следственного и уголовно-судебного:

1. Основной задачей отделов общего надзора является своевременное опротестование противоречащих закону ведомственных постановлений, инструкций, циркуляров и распоря-

жений, а равно постановлений местных органов власти (краевых исполкомов, областных исполкомов, районных исполкомов, городских советов, и сельских советов).

2. Для выполнения этой задачи отделы общего надзора организуют и осуществляют систематическое наблюдение за законностью:

Отдел общего надзора Прокуратуры СССР — в отношении постановлений, инструкций, циркуляров и распоряжений общесоюзных и союзно-республиканских наркоматов, приравненных к ним центральных учреждений Союза ССР, а также подведомственных им главков и союзных объединений.

Отделы общего надзора республиканских прокуратур — в отношении постановлений, инструкций, циркуляров и распоряжений ведомств союзных и автономных республик и отделов общего надзора краевых (областных) прокуратур — в отношении постановлений и распоряжений местных органов власти.

Соответственно те же отделы осуществляют надзор за законностью действий должностных лиц всех государственных и общественных учреждений и организаций.

3. Отделы общего надзора органов прокуратуры должны добиться такого положения, чтобы ни одно незаконно изданное ведомственное постановление или постановление местных органов власти не оставалось неопротестованным прокуратурой.

4. Отделы общего надзора в порядке осуществления своих функций рассматривают и непосредственно разрешают жалобы, заявления и сообщения учреждений, организаций и отдельных граждан, если эти функции не отнесены к компетенции специализированных отделов прокуратуры (спецотдел, ИТУ, водно-транспортная прокуратура и военная).

Рассмотрев поступившие материалы и дополнив их при необходимости путем проверки через подлежащие органы, отделы общего надзора немедленно принимают меры к быстрейшему восстановлению нарушенной законности и предупреждению в дальнейшем аналогичных нарушений.

5. В тех случаях, когда в процессе проверки материалов о незаконных действиях должностных лиц отделы общего надзора выявят конкретные данные о преступлениях должностных лиц, они передают эти материалы в следственные отделы для расследования, причем отделы общего надзора Прокуратуры Союза и прокуратур союзных республик (с областным и краевым делением) все материалы о преступлениях должностных лиц на местах, как правило, направляют для расследования прокурорам соответствующих краев и областей.

6. Кроме указанного в предыдущих §§, отделы общего надзора принимают к своему рассмотрению материалы и жалобы на нарушения гражданами советских законов, влекущие за собой по закону административные или дисциплинарные взыскания.

7. Отделы общего надзора составляют периодические сообщения в печать о наиболее

важных случаях нарушении революционной законности.

8. Следственные отделы прокуратуры: а) осуществляют наблюдение за качеством и сроками расследования преступлений и за законностью действий следственных органов; б) разрабатывают и, после утверждения в установленном порядке, проводят в жизнь меры к улучшению следственной работы (методика и техника расследования); в) рассматривают поступающие материалы (заявления, жалобы, газетные заметки, и т. п.), содержащие в себе прямые указания на преступления тех или иных должностных и частных лиц, давая этим материалам законное движение, с возбуждением в подлежащих случаях против виновных лиц уголовного преследования (за исключением работников органов прокуратуры, жалобы и сообщения о которых относятся к компетенции Отдела кадров).

9. Уголовно-судебные отделы прокуратуры осуществляют надзор за законностью и правильностью рассмотрения уголовных дел в судебных органах и за обращением к исполнению судебных приговоров, в соответствии с чем рассматривают поступающие в прокуратуру материалы (заявления, жалобы, газетные заметки и т. п.) о нарушениях судами и отдельными судебно-прокурорскими работниками законного порядка рассмотрения и разрешения уголовно-судебных дел, о незаконности и неправомерности вынесенных судебных приговоров, о незаконном обращении приговоров к исполнению и т. п.

Уголовно-судебные отделы принимают участие в судебных заседаниях (как в судах первой инстанции, так и при кассационном рассмотрении дел), приносят протесты на неправильные приговора судебных установлений, обобщают практику по судебной работе, готовят для прокурора Союза, прокуроров республик, краев и областей (соответственно) проекты указаний местным органам прокуратуры по вопросам судебной практики.

**Примечание:** Наблюдение за законностью содержания под стражей и пресечение всякого рода нарушений порядка содержания под стражей относится к компетенции отделов ИТУ, кроме КПЗ при милиции и внутренних тюрем УГБ, управление которыми регулируется в особом порядке.

10. В соответствии с указанным в предыдущих §§ настоящей инструкции разграничением функций отделов, отдел жалоб и центральная регистратура органов прокуратуры направляют:

а) В отдел общего надзора все ведомственные постановления, распоряжения, циркуляры и инструкции, а также все материалы (заявления, сообщения, жалобы, газетные заметки и т. п.) о незаконности ведомственных постановлений, инструкций, циркуляров и распоряжений, а равно постановлений местных органов власти и действий должностных лиц, а также материалы об административных нарушениях или дисциплинарных проступках граждан.

б) В следственные отделы материалы (заявления, сообщения, жалобы, газетные заметки и т. п.) о незаконных действиях следственных органов, о неправомерности или неполноте расследования дел по вопросам о повышении качества следствия и т. п., а также материалы о незаконных действиях должностных и част-

ных лиц, содержащих в себе прямые указания на совершение этими лицами преступлений;

в) В уголовно-судебные отделы все материалы (заявления, сообщения, жалобы, газетные заметки и т. п.) по вопросам рассмотрения и разрешения уголовных дел в судебных органах и по вопросам обращения к исполнению судебных приговоров.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**  
17 ноября 1936 г.

№ 75/1.

## НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ

Бековский районный исполком (Саратовский край) неоднократно предъявлял к районному прокурору т. Зернакову незаконные требования о возбуждении уголовного преследования против ряда лиц, так:

1) происшедший в с. Нарышкине пожар районный исполком квалифицировал как вылазку классового врага против активиста-ударника Зорькова, предложив прокуратуре немедленно заключить виновных под стражу и организовать показательный процесс. Тов. Зернаков, однако, это незаконное требование отклонил и произведенным расследованием установил, что Зорьков — б. псаломщик, активистом или ударником не был, и что поджог совершен самим Зорьковым с целью получения страховки;

2) в машину, в которой проезжал председатель районного исполкома Евтушенко, был брошен камень 9-летним мальчиком. Евтушенко расценил это как теракт и требовал от прокурора немедленной организации над мальчиком показательного судебного процесса. И это незаконное требование т. Зернаковым выполнено не было.

Неисполнение этих и ряда других незаконных требований районного руководства последним было расценено как противодействие районному руководству, в связи с чем в течение 9 месяцев Зернаков дважды был исключен из партии. В партийном порядке дело это дошло до Бюро ЦКК при ЦК ВКП(б), решение которого опубликовано в газете «Правда» от 13 декабря 1936 г.

Отмечая особую стойкость, последовательность и энергию т. Зернакова и правильное понимание им своих прокурорских обязанностей в борьбе за социалистическую законность, премирую его двухмесячным окладом и выражаю т. Зернакову от имени Прокуратуры Союза ССР благодарность.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**  
15 декабря 1936 г.

№ 777.

## О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Сообщается к Вашему сведению о переименовании, согласно разъяснению СНК СССР от 30 декабря 1936 г. № 804 Научно-исследовательского института уголовной политики во «Всесоюзный институт юридических наук».

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**  
3 января 1937 г.

№ 3/1.

# Сводка

## важнейших постановлений правительства Союза ССР

### за ноябрь месяц 1936 г.

#### I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

##### 1. Госустройство и управление

1. Об организации Главного управления гидрометеорологической службы Союза ССР при Совете народных комиссаров Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 14/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 59, ст. 449).

#### II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

##### 1. Промышленность

2. О передаче меховой промышленности из ведения Народного комиссариата внешней торговли в ведение Народного комиссариата легкой промышленности Союза ССР — пост. СНК СССР от 28/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 57, ст. 443).

3. О перечне продукции тяжелой и лесной промышленности, освобожденной от клеймения производственной маркой — пост. СТО от 3/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 57, ст. 445).

##### 2. Земля и сельское хозяйство

4. О порядке оплаты колхозами при отрезке земель от совхозов, орсов и подсобных хозяйств стоимости произведенных ими работ, а также стоимости плодовых насаждений и мелиоративных сооружений — пост. СНК СССР от 31/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 57, ст. 442).

5. Об утверждении Ветеринарного устава Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 58, ст. 446-а).

6. Ветеринарный устав Союза ССР — утв. пост. ЦИК и СНК СССР от 27/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 58, ст. 446-б).

##### 3. Транспорт

7. Об установлении норм естественной убыли веса грузов при перевозке их по железным

дорогам — пост. СТО от 22/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 56, ст. 441).

#### III. ФИНАНСЫ

8. Об отмене некоторых льгот по налогу оборота к налогу с нетоварных операций — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/IX 1936 г. (СЗ 1936 г. № 56, ст. 437).

9. О фонде начальника строительной и монтажной конторы и строительства, ведущего хозяйственным способом — пост. СНК СССР от 26/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 56, ст. 438).

10. О ставках налога с оборота на некоторые товары — пост. СНК Союза ССР от 17/IX 1936 г. (СЗ 1936 г. № 57, ст. 444).

11. О порядке выдачи пособий многодетным матерям — пост. ЦИК и СНК СССР от 14/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 59, ст. 448).

#### IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

12. Об отмене постановления СНК Союза ССР от 31 декабря 1934 г. «О патентах на розничную торговлю мукой и зерном» — пост. СНК СССР от 27/X 1936 г. (СЗ 1936 г. № 56, ст. 439).

13. О порядке выплаты премий-надбавок за перевыполнение плана сдачи хлопка-сырца урожая 1936 г. — пост. СНК СССР от 4/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 58, ст. 447).

#### V. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

14. О структуре Прокуратуры Союза ССР — пост. СНК СССР от 5/XI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 59, ст. 450).

16

Ответственный редактор **А. Я. ВЫШИНСКИЙ**

Редакционная коллегия: **Г. И. Волков** (зам. отв. редактора), **Г. И. Едвабный**, **Г. М. Сегал**, **М. С. Строгачев**

ИЗДАТЕЛЬ: Юридическое издательство НКЮ СССР

Технический редактор **Н. Журавлев**

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 6/I 1937 г.

Сдано в производство 9/I 1937 г.

Подписано к печати 9 II 1937 г. 7,5 л. л.; 19,73 авт. листа. В одном бум листе 23 000 печ. знаков

Формат бум. 72×110/16

С—04 п.; № 89

Уполном. Главлита Б--5014

Заказ № 56.

Тираж 18 500 экз.